

Оксана Юрьевна Захарова Как в СССР принимали высоких гостей

Текст предоставлен правообладателем

«Как в СССР принимали высоких гостей. Официальные и неофициальные встречи, переговоры, подарки, меню, развлечения, поездки по стране. Главы государств и правительств, партийные и общественные деятели, зарубежные дипломаты в гостях у Сталина, Хрущева»: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08301-2

Аннотация

Дипломатия в целом и дипломатические визиты в частности – важнейший инструмент формирования внешней политики, построения международных отношений. От качества приема и соблюдения или несоблюдения протокола зависит многое: удастся ли завоевать расположение желаемых союзников, настроить их на выгодные для страны условия и даже покрасоваться перед противниками. Россия издревле славится своей щедростью и имеет богатую традицию дипломатических встреч и приемов зарубежных гостей на самом высоком уровне. Это наследие, пройдя сквозь века, не могло не отразиться и на обычаях советских времен. Тем не менее недостаточная изученность советского дипломатического протокола до сих пор могла исказить знания о не так давно минувшей эпохе. И здесь работа О.Ю. Захаровой приоткрывает занавес: обнаруживает архивные документы и фотографии, долгое время бывшие недоступными широкой публике. Последовательно и увлекательно автор прослеживает эволюцию советского дипломатического протокола с начала 20-х до середины 80-х гг. В книге перелистываются страницы дневников, писем и воспоминаний глав государств и правительств, партийных и общественных деятелей, советских и зарубежных дипломатов. Снова раздаются известные имена людей, посетивших Советскую Россию и СССР с официальным визитом: Амануллы-хана, И. фон Риббентропа, У. Черчилля, Ш. де Голля, И.Б. Тито, Мао Цзэдуна, И. Ганди, Г.А. Насера, Р. Никсона, Ф. Кастро Рус и многих других. Перечни подарков членам делегаций и ответных даров сменяются меню официальных приемов в Кремле и в особняке МИД СССР. Программы пребывания в Москве, столицах и городах союзных республик, схемы встреч и проводов... Оживает история, возвращается, пусть и на короткие мгновения, атмосфера эпохи. Дипломатический протокол меняется, но всегда остается частью государственной церемониальной культуры, поддерживая имидж и престиж власти.

Оксана Захарова
Как в СССР принимали высоких гостей. Официальные и неофициальные встречи, переговоры, подарки, меню, развлечения, поездки по стране. Главы государств и правительств, партийные и общественные деятели, зарубежные дипломаты в гостях у Сталина, Хрущева, Брежнева

Посвящается светлой памяти моей мамы Захаровой Марии Васильевны

Введение

Дипломатия как одна из сфер прикладной политики является весьма сложным и ответственным видом человеческой деятельности. Если говорить о дипломатии как искусстве, дипломат – это не только «образованная и умственно развитая» личность, обладающая непререкаемым авторитетом, сильной волей, выдержкой и чувством ответственности, дипломат – это творец системы международных отношений, построенных на сотрудничестве и доверии.

В дипломатических отношениях суверенных государств важное место занимают зарубежные контакты государственных деятелей.

В «Основных положениях государственной протокольной практики Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 16 сентября 2004 года, в частности, говорится, что «визиты в Российскую Федерацию иностранных представителей на высшем и высоком уровне отражают характер дипломатических отношений Российской Федерации с соответствующим государством и представляют собой одну из важных форм внешнеполитической деятельности России» [1].

Визит – это совокупность прежде всего протокольных мероприятий, характер которых зависит от вида визита, который, в свою очередь, определяется политической целесообразностью.

В настоящее время в РФ приняты следующие виды визитов:

- государственный визит;
- официальный визит;
- рабочий визит;
- неофициальный (частный) визит;
- визит проездом.

Визиты на высшем (если в страну прибывает глава государства или правительства) и высоком (делегацию возглавляет министр иностранных дел, специальный представитель глав государств и правительств, руководитель международной организации) уровне позволяют эффективно решать международные проблемы, способствуют установлению более тесных контактов между руководителями государств, с помощью СМИ придают

дипломатической деятельности открытый характер.

Актуальность темы определяется как недостаточной изученностью советского дипломатического протокола, так и тем, что знание закономерностей функционирования последнего расширяет наши представления о внешней политике и международных отношениях Советской России и СССР в указанный период.

Актуальность обусловлена также научной значимостью проблемы, необходимостью исследования такого важного и малоизученного элемента в истории отечественной дипломатии, как визиты на высшем и высоком уровне.

С учетом отсутствия в отечественной историографии специального исследования, посвященного проблеме, автор поставил цель – на основе анализа и обобщения новых фактов с привлечением впервые вводимых в научный оборот архивных документов и других источников провести всестороннее комплексное исследование политических и протокольных аспектов визитов в Советскую Россию и СССР глав зарубежных государств, правительств, иностранных ведомств, политических, военных и общественных деятелей, проследить эволюцию советского дипломатического протокола как инструмента построения международных отношений с начала 20-х до середины 80-х годов XX столетия.

В соответствии с целевой установкой возникает необходимость решения следующих задач:

- проанализировать содержание понятия «визиты на высшем и высоком уровне»;
- показать влияние советских государственных и партийных лидеров на содержание и порядок проведения зарубежных визитов;
- выяснить место и роль сотрудников Протокольного отдела НКВД (МИД) СССР в подготовке и проведении визитов;
- исследовать функциональную роль визитов на высшем и высоком уровне в системе международных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 20-х до середины 80-х годов XX столетия. Нижняя хронологическая грань обусловлена тем, что в начале 20-х годов происходит процесс расширения международных контактов Советской России и СССР, а также тем, что именно этим периодом датируются первые документы Протокольной части НКВД, содержащие информацию о визитах зарубежных делегаций в Советскую Россию, обнаруженные в Архиве внешней политики Российской Федерации (фонд 057).

Конечная хронологическая грань – середина 80-х годов – завершение определенного периода в истории советской дипломатии, в котором произошла рационализация протокольных норм, разработанных и апробированных на практике в предыдущие десятилетия.

Историография. В России и за рубежом нам не известно ни одно опубликованное исследование, целиком посвященное изучению протокольных и политических аспектов визитов в Советскую Россию и СССР глав зарубежных государств, правительств, политических, военных и общественных деятелей, каждый из которых – важное событие в истории международных отношений.

История протокольной практики визитов на высшем уровне рассмотрена в отдельных главах монографий П.Ф. Лядова, А.Ф. Борункова¹.

В представленной работе на основании документов фонда Протокольного отдела (057 и 57) Архива внешней политики РФ МИД России (многие из которых впервые вводятся в научный оборот), а также фонда 06 (секретариат В.М. Молотова), часть материалов которого размещена в Интернете (<http://agk.mid.ru>), проведено исследование политических и протокольных аспектов визитов в Советскую Россию и СССР (начала 20-х – середины 80-х годов XX столетия): Амануиллы-хана, И. фон Риббентропа, У. Черчилля, Ш. де Голля, И.Б.

¹ Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 64–89; Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России. М., 2005. С. 150–163.

Тито, Мао Цзэдуна, И. Ганди, Г.А. Насера, Р. Никсона, Ф. Кастро Рус и других государственных деятелей в указанный период. Каждый из представленных визитов, будучи важным событием мировой политики, оказал заметное влияние на развитие советского дипломатического протокола.

В работе содержатся: схемы встреч и проводов; программы пребывания в Москве, столицах и городах союзных республик; перечни подарков членам делегаций и ответных даров советским руководителям; меню официальных приемов в Кремле и в особняке МИД СССР, а также выдержки из дневников, писем и воспоминаний глав государств и правительств, партийных и общественных деятелей, советских и зарубежных дипломатов.

Наряду с письменными источниками большую ценность представляют фотодокументы Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), которые не только дополнили письменные источники, но и помогли детально изучить и лучше понять саму атмосферу церемониальной составляющей визита.

На протяжении столетий дипломатический протокол претерпел значительные изменения, неизменным оставалось одно – посольские церемониалы обязаны поддерживать иллюзию могущества государства. Так называемые встречи «без галстуков» 90-х годов XX века (то есть встречи глав государств без соблюдения правил дипломатического протокола) не прибавили уважения к политике Российского государства.

В отношении роли протокола в международном общении в целом и во время визитов глав зарубежных государств в частности трудно не согласиться с В.М. Суходревым в том, что: «Соблюдение протокола имеет огромное значение в дипломатии, в том числе и для установления правильных политических взаимоотношений на государственном уровне, когда речь идет о визитах высоких государственных деятелей и личных отношениях между ними <...>. Конечно, главу государства, который сделает что-то не так, не предадут осмеянию, но свою репутацию в глазах хозяев он может испортить навсегда» [2].

Дипломатический протокол, будучи частью государственной церемониальной культуры, является иллюстрацией духовного, нравственного и политического состояния общества – это политика, престиж, имидж власти.

Дореволюционная история зарубежных визитов

Принято считать, что в истории России практика визитов высших государственных деятелей началась с Великого посольства Петра I в страны Западной Европы (1697–1698), но еще в середине 50-х годов IX столетия в Константинополь отправилась княгиня Ольга, при которой, как пишет Н.М. Карамзин, «Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы» [в- С распадом Киевского государства на княжество, что начался после смерти Ярослава Мудрого и завершился в XII столетии, не прекращаются отношения Руси с Византией и Западной Европой. «Слава великая» русских князей по летописи доходила «ко странам Дальним: к грекам, и к венграм, и к ляхам [полякам], и к чехам и даже до Рима» [2]. В то время Киевская Русь была государством, не знавшим жестких границ, которые появились (со всеми атрибутами: заставами, столбами, рогатинами и т. д.) лишь в Московском государстве; русские князья постоянно выезжали за пределы Отечества, воспитывали детей у родственников в других странах и сами принимали на воспитание иностранных принцев и принцесс.

Владимирские и московские князья жили и воспитывались уже в других условиях, чем киевские, с ними соседствовали русские государства, а ближайшие за границей была Орда.

После свержения монгольского ига первый визит главы российского монарха в Европу состоялся в 1697 году. Главная цель поездки – знакомство с Голландией и Англией, в которых было особенно развита военно-морская промышленная техника.

Но если в 1697 году Петр I отправился в Европу в составе торжественного посольства под именем Петра Михайлова, то в 1717 году в Париж прибыл «<...> Великий Государь, царь и Великий князь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержец

<...>», чтобы ускорить окончание Северной войны и подготовить брак 8-летней Елизаветы Петровны с 7-летним Людовиком XV.

Таким образом, 1717 год по праву можно считать началом официальных поездок лидеров Российского государства за рубеж.

Спустя 64 года после вояжа Петра I, 19 сентября 1781 года, великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна под именем графов Северных отправилась в заграничное путешествие. 14 месяцев будущий император Российской империи вместе с супругой путешествовали по Европе. В поездке их сопровождала блистательная свита: граф Н.И. Салтыков, С.И. Плещеев, Х.И. Бенкендорф, князь А.Б. Куракин, князь Н.Б. Юсупов, Ф.М. Клиндер, Ф.Г. Лафермьер, Л.Г. Николаи, протоиерей А.А. Самборский, К.Ф. фон Крузе, фрейлины Марии Федоровны – Наталья Борщева и Екатерина Нелидова.

Наследник короны Российской империи посетил Польшу, Священную Римскую империю, Венецианскую республику, Папскую область, Неаполитанское королевство, Пармское, Тосканское и Миланское герцогства, Королевство Сардинию, Францию, Австрийские Нидерланды, Монбельяр, Швейцарию. Во время поездки Павел Петрович лично познакомился не только с правителями всех вышеперечисленных государств, но и с выдающимися представителями эпохи Просвещения. Единственный из русских монархов удостоился аудиенции у папы римского. Ни один из русских императоров не повторил этого путешествия.

Через военные кампании начала XIX века завершилась подписанием 30 мая 1814 года Парижского трактата, возвратившего страну к границам 1792 года.

Союзники решили в ближайшее время собраться в Вене и постараться там решить все проблемы, а до этого монархии Европы отправились в Лондон, где праздники доходили до последней степени великолепия и пышности. В столицу Англии приехали император Александр, король Пруссии, канцлер Гарденберг, фельдмаршал Блюхер.

Встреча в Лондоне была своеобразной пробой сил, главное дипломатическое сражение Европы начнется в сентябре 1814 года в Вене, куда русский император торжественно выехал 13 сентября с прусским королем.

15 сентября в Вену прибыла императрица Елизавета Алексеевна, там же находились сестры императора – великие княгини Мария и Екатерина Павловны.

Австрийский министр иностранных дел Меттерних пропагандировал на конгрессе пышность, которая, по его мнению, свидетельствовала о финансовой стабильности в Австрии. Кроме того, развлечение иностранных гостей – один из способов держать их под контролем. На фоне пленительных танцевальных мелодий, когда, казалось бы, вся Европа закружилась в вихре вальса и опьянела от наслаждений мирной жизни, случилось то, что никто не ожидал, – Наполеон вернулся во Францию.

27 марта Вильгельмина Саган, одна из «королев» конгресса, давала бал в честь Веллингтона, который на следующий день отбывал в Нидерланды – к армии. Александр I подошел к герцогу и произнес знаменитую фразу: «Итак, вам вновь предстоит спасти мир».

В 1815 году начнется новый период европейской истории.

Как известно, отношение между Российской и Британской империями в XIX веке были сложными и весьма противоречивыми, при этом дипломатический Петербург искал пути к их улучшению.

В 1839 году в связи с 20-летием королевы Виктории Лондон посетил цесаревич Александр, который очень понравился королеве. На балу она отдала первый и последний танец великому князю. Жене премьер-министра Виктория призналась, что цесаревич ей «чрезвычайно понравился», что «они стали друзьями» и что «дела идут хорошо» [3].

Можно сказать, что сын проложил отцу – императору Николаю I дорогу в Лондон. Русский монарх прибыл в Англию в конце мая 1847 года.

В Лондоне Николай Павлович интересовался музеями, техническими достижениями страны, посетил строительство нового здания парламента, архитектор которого Чарльз Берри подарил ему чертежи. Берри избрали членом Академии художеств России, а Англию

включили в список стран, в которых стажировались лучшие ученики Академии, в том числе Николай Бенуа [4].

В 1894 году в Винздорском дворце внук Николая I цесаревич Николай Александрович встретил внучку королевы Виктории принцессу Великого герцогства Гессенского Алису-Викторию-Елену-Луизу-Беатрису. Принцесса Алиса до замужества была в России всего один раз, она гостила несколько недель у своей сестры, супруги великого князя Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны. Сознательная жизнь будущей императрицы Российской империи началась в Винздоре, там же началась ее любовь. Не случайно Англия играла такую большую роль в жизни императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

За четыре года до описываемых событий в 1890 году наследник-цесаревич Николай Александрович закончил свое образование «окончательно и навсегда», как он выразился в дневнике. В программу обучения будущего императора входили многочисленные путешествия по России, которые Николай Александрович совершал вместе с отцом. В качестве завершения своего образования Николай II совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Триест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее «сухим путем» через всю Сибирь. В Японии в Оцу на наследника было совершено покушение, которое на время прервало путешествие.

Встречи с иностранными монархами являлись важной составляющей внешнеполитической деятельности Николая Александровича.

Больше всего встреч у императора Николая II было с Вильгельмом II: в Ревеле в августе 1902 года; в Биорке в июле 1905 года; в Балтийском порту Ливаньи в июле 1911 года.

10 июля 1905 года свидание российского и германского императоров состоялось на яхте «Полярная звезда» у острова Ра-вица.

На следующий день Николай II пишет в своем дневнике: «Проспал подъем флага и встал в 9 <...>. В 10 ч. прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч. И втроем с Мишей отправились на германский крейсер «Берлин». Осмотрели его, показали артиллерийское учение. Завез Вильгельма к нему и вернулся на «Полярный» <...>. В 2 часа у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвардейского экипажа и разговаривали все время стоя до

4. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью <...>» [5].

В мае 1913 года император Николай Александрович был на свадьбе дочери Вильгельма принцессы Виктории-Луизы с герцогом Эрнестом-Августом Брауншвейгским. На свадьбу не был приглашен Франц-Иосиф, так как Николаю II неприятно было бы с ним встретиться. По отзывам современников, император Вильгельм II принял императора Николая II «с особой почтительной торжественностью <...>» [6].

Весной 1914 года императорская семья, как и в предыдущие годы, уехала в Крым. В конце мая при дворе стали говорить о предстоящем обручении великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Румынским. Окончательное решение должно было быть принято во время поездки императорской семьи в Румынию.

14 июня императорская яхта «Штандарт» подошла к Констанце, большому румынскому порту на Черном море. Все суда на рейде были расцвечены флагами, на набережной у пристани рота пехоты со знаменем и музыкой отдавала воинские почести под звуки артиллерийского салюта.

Их величества были встречены королем Карлом, королевой Елизаветой принцами и принцессами королевского дома. После представлений все отбыли в собор на молебен. В час дня, пока председатель Совета министров угощал лиц свиты, обе царственных семьи собрались за завтраком.

В середине дня состоялся ответный прием (чай) на «Штандарте», а затем большой военный парад.

Вечером, на парадном обеде, император сидел в центре длинного стола, за которым присутствовало 84 приглашенных. Справа от него находилась королева Елизавета, слева – принцесса Мария (будущая королева Румынии). Императрица сидела напротив, между

королем Карлом и принцем Фердинандом (будущим королем Румынии).

В конце обеда король встал, чтобы поприветствовать Николая II. После ответного слова российского императора обед продолжался недолго, и по его окончании гости перешли в другой зал, где их величества беседовали с некоторыми из присутствующих. В тот же вечер «Штандарт» снялся с якоря, держа направление на Одессу. На следующий день стало известно, что предложение о сватовстве отложено на неопределенное время.

Что касается визита представителей королевских домов Европы, то они прибывали в Российскую империю на государственные и военные церемониалы, а также по личному приглашению членов императорской фамилии. В последнем случае в их честь устраивались военные парады, давались балы и приемы.

Российская протокольная практика в этом отношении мало отличалась от европейской, так в 1889 году в период пребывания Александра III в Берлине русского императора встречали все войска Берлинского гарнизона, которые потом прошли церемониальным маршем мимо русского посольства. Русский и германский императоры наблюдали за шествием стоя на улице.

«В 3 принимаю кн. Бисмарка, который нарочно приехал сюда встретить меня и был даже на станции, чего он не делал ни для Императора Австрийского, ни для короля Испанского...» – писал императрице Марии Федоровне Александр III [7].

Летом 1891 года в Кронштадт прибыла французская эскадра под флагом адмирала Жерве. Гофмаршал князь В.С. Оболенский доложил императору об обеде в честь моряков в Большом Петергофском дворце и спросил, провозгласит ли государь только тост в честь эскадры или скажет речь, Александр III ответил, что будет тост за Францию, за адмирала и эскадру, на что Оболенский доложил, что в таких случаях по этикету следует играть гимн, а это «Марсельеза». «Но ведь это их гимн, значит его следует играть». – «Но, Ваше Величество, это Марсельеза...» – «Ах, князь, вы, кажется, хотите, чтобы я сочинил новый гимн для французов; нет уж, играйте тот, какой есть» [8]. Празднества в честь французской эскадры прошли с большим подъемом и оставили заметный след в памяти русских и французов.

Перед отправкой русской эскадры в Тулон, когда намечали кандидатов для ее командования, Александр III приказал отметить в списке напротив фамилии каждого, насколько он владеет французским языком. В список внесли три определения: адмиралы, вполне владеющие французским языком, владеющие в достаточной степени и не особенно владеющие. «В шкале последнего разряда был адмирал Авелан, но Государь выбрал его, как выдающегося флотоводца, а по поводу французского языка он заметил, что в таких случаях лучше поменьше говорить, чтобы не увлечься. Выбор Государя оказался очень удачным, и Авелан пользовался большой популярностью во Франции во время пребывания нашей эскадры там», – вспоминал генерал от инфантерии Н.А. Епанчин [8]. Соглашение России и Франции последовало после посещения французской эскадрой адмирала Жерве Кронштадта в 1891 году и ответного посещения нашей эскадрой адмирала Авелана Тулона в 1893 году. 20 сентября 1894 года Александр III скончался, поэтому президент Французской республики и русский император не смогли обменяться визитами. При вступлении на престол Николая II президентом Франции был Феликс Фор, который принял верховную власть раньше Николая Александровича, и поэтому русский император должен был первым отправиться в Париж.

Высший свет Петербурга был возмущен тем, что самодержец первый сделает визит республиканскому президенту, кроме этого, все «германофильствующие» при дворе были против союза с Францией [9]. После коронации Николай II наносит визиты Францу-Иосифу и Вильгельму II, которые в свою очередь нанесли ответные визиты в 1897 году. Вслед за Вильгельмом II в

Петербург прибыл президент Франции, чей приезд имел большое значение.

По окончании большого смотра в Красном Селе состоялся высочайший завтрак в палатке, во время которого был провозглашен франко-русский союз.

Император Российской империи сидел за столом напротив президента Французской

республики. У каждого прибора лежало художественно исполненное меню работы художника Солом-ко. В конце завтрака Николай II встал, взял меню и произнес речь об отношениях Франции и России и закончил провозглашением Союза.

Присутствовавшие заметили, что Николай II обращался к Форю, иногда смотрел на меню, на которое был положен текст речи, согласованный с французской стороной. Следует отметить, что согласно протоколу в подобных случаях было принято читать речь.

После выступления Николая II прозвучала «Марсельеза», а после ответной речи президента – гимн Российской империи. Франко-русский союз, провозглашенный на завтраке в Красном Селе, просуществовал до Брестского мира в 1918 году [10].

27 марта 1908 года в Царское Село приехал князь Николай Черногорский. Государь встречал его на вокзале царской ветки. Кроме великих князей Николая Николаевича и Гавриила Константиновича никого из членов императорской фамилии на вокзале не было. Встретив князя Черногорского, государь уехал с ним в карете.

В июле 1914 года в Петербург прибыл президент Французской республики Раймонд Пуанкаре. Император Николай II выехал к нему на встречу в Кронштадт.

Торжественная встреча президента Франции с членами императорской фамилии состоялась на пристани в Петергофе. Великие князья выстроились по старшинству. Великий князь Кирилл Владимирович, как старший по престолонаследию, стоял на правом фланге. Император и великие князья, награжденные орденом Почетного легиона, были при ордене, а президент – в Андреевской ленте. Вечером в Петровском зале большого Петергофского дворца состоялся обед в честь президента, на котором император и президент обменялись речами. Великий князь Гавриил Константинович вспоминал об этом приеме: «Государь говорил, как всегда, очень просто и с большим достоинством. Перед ним на столе лежала бумага с написанной на ней речью, но трудно было определить, читал ли ее государь или говорил наизусть. Пуанкаре говорил как опытный оратор: с пафосом и очень хорошо» [11].

После обеда приглашенные вышли на открытый балкон, выходящий в сад, где государь и президент беседовали с присутствовавшими.

Накануне большого ежегодного парада в Красном Селе, на котором в 1914 году присутствовал Пуанкаре, состоялся «высочайший объезд войск» в Красном Селе. Президент Франции находился в одном экипаже с императрицей Александрой Федоровной. По окончании церемонии великий князь Николай Николаевич дал большой обед в честь Пуанкаре [12].

По отзывам присутствующих на этом обеде, подаваемые к столу блюда отличались утонченным вкусом, что было и неудивительно: Николай Николаевич лично следил за своей кухней и держал хороших поваров. После обеда все отправились на спектакль в Красносельский театр. Визит президента Франции проходил на фоне «беспорядков на заводах», для усмирения которых были посланы некоторые из гвардейских частей.

Следует отметить, что это был не первый приезд Пуанкаре в Петербург. Будучи председателем Совета министров, он приезжал в столицу вместе с генералом Жоффром в 1913 году. Генерала возили по маневрам и смотрам, а жена его гостила в это время в имени Николая Николаевича под Петербургом. Великий князь показывал генералу в присутствии государя учение всей кавалерии, находившейся в лагере под Красным Селом.

5 августа 1913 года император принимал в Петергофе парад 8-го Уланского Вознесенского и 3-го Гусарского Елизаветградского полков. Шефом Гусарского полка была великая княжна Ольга Николаевна, а Уланского – великая княжна Татьяна Николаевна (старшие дочери императора).

Во время церемониального марша великие княжны ехали перед своими полками на месте шефа, то есть перед командиром полка. «Обе Великие княжны галопом заехали к государю, но Ольга Николаевна срезала круг. Обе они были прелестны и очень старались. Я думаю, что государь сильно волновался, видя своих дочерей в первый – и увы! – последний раз в строю», – вспоминал великий князь Гавриил Константинович [13].

В октябре 1917 года, в результате государственного переворота, был прерван

естественный ход развития российской государственной церемониальной культуры. Церемониалы власти вступили в борьбу за власть.

Глава 1 1920-е годы

*Побольше пышности и сердечности, поменьше шума и огласки.
Из переписки Г.В. Чичерина с М.В. Фрунзе по вопросам
организации визита китайского генерала Сю. 1925 год*

1920-е годы

Визит арабской делегации, приезд в Москву Ф. Нансена, завтрак в итальянской торговой миссии Д.Т. Флоринского, визит французской делегации

Согласно документам фонда Протокольного отдела Архива внешней политики РФ, одним из первых зарубежных визитов в Советскую Россию, в организации которого активную роль играло протокольное подразделение Наркомата иностранных дел, являлся приезд в Москву из Берлина 11 июня 1921 года арабской делегации в составе Эмир Шекиб Арслан-бея, Валид-бея и Нури Февзи-бея [1].

Подготовка к приему гостей началась не с разработки проекта программы их пребывания в Москве, а с написания сотрудниками протокольной части НКВД своеобразных характеристик на членов делегации, и в первую очередь на Эмира Шекиба – бывшего депутата Сирии в Отоманском парламенте, видного общественного деятеля. Будучи профессиональным журналистом, он много писал в периодической арабской и европейской прессе и являлся сторонником турецкого протектората над Сирией, который, по его мнению, лучше западноевропейского владычества^[2]. Что касается Валибея и Нури Февзи-бея, то про них сказано лишь то, что они – потомки знатных арабских семей из Триполи и приехали в Москву под псевдонимами, принятыми ими для этой поездки [2].

25 июня к сирийскому депутату и представителям Триполи присоединились посланцы других арабских государств, прибывших в Москву с целью обсудить помощь, которая может быть оказана Сирии, Месопотамии, Египту, Триполи и Марокко «в их борьбе с западным империализмом» [3].

В ночь с 26 на 27 июня в Наркоминделе состоялось совещание под председательством народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина, в котором принимали участие члены

арабской делегации, а также французские и итальянские делегаты III конгресса Коминтерна (заседание закончилось в четвертом часу ночи) [4].

30 июня члены делегации во время встречи с секретарем Коминтерна М.В. Кобецким (которому были представлены Д.Т. Флоринским, возглавлявшим протокольное подразделение НКВД) передали ему меморандум для доклада на бюро Коминтерна.

Следует заметить, что из Москвы некоторые гости уезжали с «новыми паспортами». Так, Эмир Шекиб (Шакиб) отправился в Берлин, чтобы продолжить работу в арабской газете, с турецким паспортом, выданным посольством в Москве на имя Ахмед Махмуд-бея. По его словам, он вынес «самое отрадное впечатление от своего пребывания в России и надеется сохранить с ней теснейшую связь. Возможно, что он вскоре вернется в Москву» [5].

Таким образом, деятельность протокольной части во время визита арабской делегации ограничилась представлением и сопровождением гостей, а также составлением на них досье.

Описание протокольных аспектов зарубежного визита мы впервые встречаем в документах фонда Протокольного отдела, датированных ноябрем 1921 года во время приезда в Советскую Россию Ф. Нансена, который прибыл в Москву из Варшавы с экстренным поездом. 20 ноября в 22 часа 15 минут Нансен встретил на вокзале исполняющий должность секретаря замнаркома иностранных дел Стругоф, который приветствовал его от имени НКВД.

С вокзала господин Нансен был доставлен в особняк НКВД на Софийской набережной, где ему и сопровождавшему его доктору Фаррату были приготовлены три комнаты. На ужине, во время беседы, Нансен высказал пожелание посетить Самарскую и Саратовские губернии, а затем – на более продолжительное время – вернуться в Москву, куда должны прибыть его сотрудники для организации Бюро помощи голодающим. 21 ноября Нансен посетил своего уполномоченного Гильгера, который при встрече сказал ему, что размеры помощи Поволжью более серьезны, чем ими предполагалось [6].

Переход от военного коммунизма к НЭПу, развитие системы образования – все это заставляло западные страны пересмотреть свое отношение к Советской России, а с 30 декабря 1922 года – к СССР.

Прием иностранных граждан и организация визитов зарубежных миссий требовали развития протокольной службы НКВД, что в свою очередь было связано с определенными финансовыми расходами, которые некоторым сотрудникам Наркомата приходилось покрывать за счет собственного жалованья.

2 марта 1922 года заведующий протокольной частью НКВД Д.Т. Флоринский обращается с докладной запиской в Коллегию НКВД, в которой просит выделить кредит в размере 100 золотых рублей в месяц «на представительство», так как в связи с выполнением профессиональных обязанностей «приходится быть чисто одетым, нести значительные расходы на прачку, давать чаевые и т. д. Кроме того, невозможно бывать у иностранцев и никогда не звать их к себе, так как невольно попадаешь в положение «бедного родственника» и обязываешься, что, конечно, совершенно нежелательно» [7].

Насколько своевременным и актуальным было обращение Флоринского, свидетельствует тот факт, что на завтраке в итальянской торговой миссии, куда заведующий протокольной частью НКВД был приглашен 13 сентября 1922 года, было высказано предложение о скорейшем создании в Москве клуба для дипломатического корпуса.

Кроме Флоринского, председатель итальянской торговой миссии Амадори пригласил на завтрак польского поверенного в делах Моравского и литовского посланника Балтрушайтиса (из НКВД были приглашены также Коган и Флотский).

Перед завтраком имел место забавный инцидент. Вылетевший в этот день из Москвы в Берлин итальянский курьер высказал мнение, что Ковно, где ему придется приземлиться, находится в Польше. Моравский в шуточной форме выразил протест и попросил не делать подобных заявлений в его присутствии, дабы он не был обвинен в пропаганде шовинистских идей. Амадори жаловался «на обилие работы, не позволяющей ему пользоваться стоящей прекрасной погодой» [8]. Советская сторона восприняла это высказывание как намек на то, что «он несколько удручен тем, что его отношения с НКВД ограничиваются рамками повседневной текущей переписки и не касаются широких политических вопросов, в которых заинтересованы Италия и Россия».

За завтраком разговор велся по-французски, говорили о театрах и балете. Из представителей НКВД беседу поддерживал Флоринский, так как другие приглашенные сотрудники НКВД не знали французского языка. Один из гостей с советской стороны, делаясь впечатлениями о завтраке, отметил, что «кухня у итальянцев слабая, а «Старка» и «Венгерский ликер», которые особо и расхваливал г. Амадори, из рук вон плохи» [9].

За неимением в Москве специального дипломатического клуба местом, где могли встретиться представители западноевропейских и иностранных миссий и зарубежные политики, находившиеся в Москве, становится организация Нансена. В сентябре 1922 года там побывал известный французский политический деятель господин Эррио, визит которого в Россию стал важным событием в истории российско-французских отношений в целом и в истории российского протокола в частности, поэтому рассмотрим его подробнее.

В своем дневнике Флоринский не сообщает об отдельных протокольных аспектах визита, его главная задача – организация встреч французского гостя с советскими руководителями и посещений им промышленных, торговых и культурных объектов.

Мы полагаем, что в контексте сложившейся в это время международной обстановки представляет интерес сам стиль общения советских лидеров с французским гостем на официальных встречах, содержание которых фиксировал в своем дневнике глава протокольной части НКВД Д.Т. Флоринский.

20 сентября 1922 года, на первой встрече заместителя народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана с Эррио, французский представитель, выразив искреннюю благодарность за организацию путешествия в Москву и за предоставленные помещения для проживания, заявил, что он и его коллега «<...> приехали сюда, чтобы работать, наблюдать и сообщать наше впечатление во Францию. <...> По дороге в Москву мы имели уже возможность с восторгом наблюдать зеленеющие обработанные поля. Это состояние полей произвело на нас сильное впечатление, и мы не преминем рассказать об этом во Франции. Мы хотели бы немедленно приступить к дальнейшей работе в Москве и просим Вас указать, что нам следует смотреть и с какими сторонами жизни знакомиться» [10].

Карахан ответил, что затрудняется дать такие указания, поскольку Эррио не уточнил, что именно его интересует, но он предполагает, что наибольший интерес представляет для гостей экономико-промышленная деятельность, а для этого необходимо встретиться с Красиным, Богдановым, Рыковым, осмотреть советские фабрики и заводы, советские школы, воочию убедиться, что Россия не представляет «пустыни, как это принято думать в Западной Европе» [11]. Со своей стороны Карахан пообещал сделать все от него зависящее, чтобы облегчить работу Эррио по получению «правильной информации и впечатлений», но для этого тот должен конкретно указать, что его интересует.

Эррио поблагодарил Карахана за оказанное содействие и в свою очередь отметил, что он приехал в Москву не в качестве официального представителя Франции, а в качестве «представителя широких общественных кругов» [12]. Его интересует не политика, а экономическое положение России, о котором он хочет дать отчет. Это будет способствовать русско-французскому сближению, «пионерами которого являются он и его коллега Даладьё» [13] (Даладьё сопровождал Эррио в поездке). Помимо русской промышленности его интересуют условия быта крестьян, и он охотно воспользуется предложением Карахана посетить одну из подмосковных деревень. По мнению Эррио, Россия имеет все шансы стать такой же, как США, – могущественной земледельческой страной. Он считает, что одной из задач франко-русских отношений – улучшение системы земледелия с помощью французской земледельческой техники.

В конце беседы Карахан отметил, что многие русские испытывают симпатии к Франции и желали бы достигнуть с ней сближения, Франция является чуть ли не единственным государством, с которым у России не существует противоречия интересов по вопросам международной политики [14]. Беседа дипломатов – это искусство. Карахан и Эррио доказали, что владеют этим искусством в совершенстве.

Встреча завершилась обычными в таких случаях обменами любезностями; прощаясь, французские гости выразили надежду, что это не последняя беседа с Караханом [15].

Находясь в Москве, Эррио высказал пожелание посетить Нижегородскую ярмарку. Несмотря на то что перед отъездом

23 сентября он был предупрежден, что ярмарка закончила работу 15-го и что осталось лишь немного фирм, Эррио не изменил своего намерения и выехал вечером в Нижний Новгород.

В 11 часов утра на вокзале в Нижнем гостей встречали председатель и члены ярмарочного комитета. Оставив багаж на вокзале, экскурсанты отправились на ярмарку, во время осмотра которой на французов произвело сильное впечатление заявление о том, что 20 каменных корпусов было отстроено в течение 40 дней. При этом Эррио заметил, что такие работы не могли быть выполнены в течение столь короткого времени во Франции [16].

Ознакомившись с подробным отчетом на французском языке об организации и оборотах первой советской Нижегородской ярмарки, Эррио высказал желание получить для города Лиона один из ярмарочных корпусов. Узнав об образовании акционерного общества Нижегородской ярмарки, одним из пайщиков которого являлось советское правительство, Эррио заявил о готовности взять, если это возможно, на долю Лиона несколько паев, чтобы способствовать финансовому успеху ярмарки [17]. В Нижнем Новгороде во время посещения французскими гостями радиолaborатории, основанной в 1918 году, им было разъяснено, что благодаря этой лаборатории советское правительство могло поддерживать, несмотря на блокаду, связь с партнерами.

Эррио просит об отправке в Лион телеграммы приблизительно следующего содержания: «Шлем привет с Нижегородской ярмарки. Чувствуем себя здесь превосходно. Деятельно работаем для сближения обоих народов» [18].

Во время проводов на вокзале французский гость сердечно прощается не только с представителем ярмарочного комитета Малышевым, но также с одним из товарищей ГПУ, который был с русскими войсками в Алжире, и затем вновь повторяет приглашение Малышеву посетить Лион 1 марта.

Уже в поезде Флоринский спросил Эррио, удастся ли ему получить разрешение французского правительства на поездку русских промышленников на Лионскую ярмарку. Тот заверил Флоринского, что он берет это всецело на себя и что разрешение будет дано [19].

В Москве 27 сентября Эррио и Деладье смотрели «Лебединое озеро». Во время первого антракта Эррио выразил удовлетворение от встречи с Красиным и восхищался его прямолинейностью и искренностью: «Наши точки зрения весьма приближаются, и я убежден, что нам легко будет договориться» [20]. Французы были в восторге от балета, который они «ставят выше оперы». После спектакля гости отправились на ужин с артистами, где пробыли до 3 часов утра.

В Москве Эррио изучал состояние российской промышленности и условия труда рабочих, посетил несколько детских домов, Прохоровскую мануфактуру, электростанцию и русско-американский завод.

Из Москвы французская делегация отправилась в Петроград. Свои впечатления о поездке Эррио изложил в интервью, напечатанном 5 октября в «Торгово-промышленном бюллетене» и в «Петербургской правде». В течение трехдневного пребывания Эррио в городе советская сторона стремилась «создать у него отчетливое впечатление о напряжении и энергии, которые делает Красный Питер для возрождения своей промышленности и порта <...>» [21].

По приезде в Петроград Эррио был размещен в европейской гостинице, не уступающей лучшим европейским отелям. На следующий день он посетил Эрмитаж, Торговую палату, осмотрел порт. Вечером Флоринский и французские гости побывали в оперетте и ужинали в ресторане «Европейской».

За ужином разгорелась дискуссия, во время которой французский гость доказывал, что восстановление в широком масштабе промышленности невозможно без восстановления института «крупной частной собственности. Только инициатива владельца, риск предпринимателя, вознаграждаемого барышами, являются факторами, способными воссоздать крупные предприятия. Лица, как Красин, Богданов и др., с которыми ему приходилось встречаться, работающие не ради наживы, а ради идеи и блага коллектива, – редкое исключение. Впрочем, он тут же должен согласиться, что в России ему пришлось наблюдать значительное количество таких счастливых исключений, равно и как и с тем, что Советское правительство имеет возможность и воспитывает массы в данном направлении» [22]. По его мнению, этот эксперимент весьма интересен: «Посмотрим, что из этого выйдет» [23].

4 октября, во время посещения Путиловского завода, Эррио познакомился с директором завода, в прошлом рабочим. Во время встречи гостю рассказали, что раньше на заводе работало 35 тысяч рабочих, сейчас – 2,5 тысячи. Здание и оборудование сохранилось, но отсутствие сырья, топлива, капитала не дают запустить производство на полную мощность [24]. В тот же день гости побывали в Эрмитаже, в отделении французского Красного Креста, в Мариинском театре.

На следующий день Эррио встретился с жильцами французского дома – убежища и госпиталя на Васильевском острове. На завтраке в Торговой палате ему поднесли художественное воспроизведение из папье-маше египетских богов, находящихся в Эрмитаже. После завтрака состоялся осмотр в «дивном дворце» комнат Александра II и Николая II [25].

Весьма символично, что после императорских покоев советская сторона показала французским гостям в Музее революции фотографии со зверствами белогвардейцев, которые произвели на них сильное впечатление. Вечером того же дня французская делегация отправилась в Москву, сожалея, что не успели досмотреть земледельческую выставку.

В последние дни нахождения в Москве (с 7 по 10 октября) Эррио встречался с Дзержинским, Луначарским, Троцким.

На балете «Копелия» в ложу, где находился Эррио, передали телеграмму от Пуанкаре следующего содержания: «Письмо Ваше должным образом получил и благодарю Вас за него» [26]. Это послание обрадовало Эррио – Пуанкаре разделяет его взгляды.

Следует заметить, что советская пресса, узнав о телеграмме, внесла в ее текст некоторые дополнения, которые, по словам Флоринского, могли вызвать неоднозначную реакцию у Пуанкаре. Так, в интервью Эррио, помещенном в «Известиях» под заглавием «Накануне сближения», было сказано: «Вместе с тем Пуанкаре просил меня передать его благодарность Советскому Правительству за тот внимательный и радушный прием, который был оказан в моем лице представителям Франции» [27].

К счастью, эта журналистская вольность не вызвала отрицательной реакции в Париже и не испортила общего впечатления от поездки Эррио в Россию.

Во время посещения Спасских казарм Эррио, удивляясь царящим там чистоте и порядку, а также дисциплине военнослужащих, сравнивал дух и дисциплину советской армии с армией Великой французской революции. В Бутырской тюрьме ему было разрешено свидание с французским гражданином Сальвелем, обвиненным в шпионаже [28].

На вокзале Эррио провожали чехословаки и поляки. Перед отъездом он выразил сердечную благодарность Чичерину и Карахану за оказанное гостеприимство и сказал, что сделает все, чтобы дать французскому обществу и французскому правительству правильное представление о России, необходимое для возобновления отношений.

Прощаясь с Флоринским, Эррио пообещал, что за оказанные им услуги он постарается представить его к ордену Почетного легиона. Выразив благодарность, Флоринский сказал, что он вынужден отказаться от этой чести, так как «мы не принимаем иностранных орденов» [29].

В своем дневнике Флоринский обращает внимание на интерес немецких представителей в Москве к приезду Эррио в Россию. В начале октября, вечером, после окончания балетного спектакля, он встретил одного из них в кафе, тот находился в нетрезвом состоянии, когда Флоринский подошел поздороваться, господин заявил, что ему грустно, так как «мы начали кокетничать с Францией» [30].

Франция ставила нормализацию отношений с СССР в зависимость от его согласия признать долги царского и Временного правительств и выплатить компенсацию французским гражданам, имущество которых было национализировано. За признание СССР и установление с ним дипломатических отношений выступали видные политические деятели, посетившие в разное время нашу страну.

В мае 1924 года на парламентских выборах победил левый блок, в предвыборной платформе которого содержался призыв к признанию СССР. Спустя пять месяцев сформированный Эррио кабинет признал советское правительство. Признание СССР Францией, которая на протяжении семи лет занимала по отношению к нему непримиримую позицию, означало большую победу Советского государства.

Представители иностранных миссий, и в первую очередь западноевропейских государств, находясь в Москве, не скрывали своего отношения к новым революционным церемониалам древней столицы. Так, 7 ноября 1922 года англичане умышленно опоздали на парад. Их

шокировала препроводительная замена НКВД к билетам, в которой было сказано, что парад посвящен 5-летию Октябрьской революции. При этом французские дипломаты, в свою очередь, в силу традиционного соперничества Франции и Англии «подсмеивались над тупоумием англичан». Французы также сообщили в НКВД, что английские представители возобновили свои воскресные приемы (five o'clock tea), на которых «очень веселятся и танцуют». На одном из таких приемов у них был весь дипломатический корпус, за исключением посла Персии [31].

В протоколе нет мелочей и случайностей, нарушение протокольных норм – демонстрация отношения к государству. Сотрудники протокольной части НКВД находились буквально на «передовой» дипломатических отношений, а точнее, сражений, происходивших в Москве в 20-х годах.

Приложение

В сентябре 1922 года одной из главных тем, широко обсуждавшихся в среде иностранных представителей, было назначение Каменева зампредом Совнаркома. Эта новость особенно взволновала немецкую сторону, которая высказала предположение, что Ленин окончательно отошел от дел и что назначение Каменева может повлечь изменение советской политики в отношении Германии в неблагоприятную для нее сторону [32].

Визиты китайских представителей. Досье на дипломатов из Персии, Италии, Польши, Эстонии и Японии. Визит Л.Д. Троцкого и иностранных корреспондентов на открытие Шатурской электростанции

В феврале 1923 года в Кантоне было образовано революционное правительство, в которое наряду с гоминьдановцами входили коммунисты. СССР поддерживал борьбу китайского народа. В сентябре 1924 года кантонское правительство обратилось за помощью к советскому руководству, и оно незамедлительно послало в Кантон морским путем оружие и боеприпасы. В своем решении, принятом в апреле 1926 года, ЦК ВКП(б) подчеркивал, что советское правительство должно сделать все, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая. Центральный комитет указывал на необходимость проводить линию, основанную на величайшем внимании и правам Китая, на подчеркивании его суверенитета.

В СССР было организовано общество «Руки прочь от Китая». Во многих городах СССР рабочие и служащие отчисляли в фонд помощи китайскому народу однодневный заработок.

В 1926 году революционная армия Китая начала поход с юга на север, чтобы освободить и объединить всю страну. СССР поставлял в Китай оружие и боеприпасы. В разработке стратегического плана Северного похода участвовали военные специалисты во главе с Блюхером.

В июле 1925 года в НКВД началась подготовка к визиту в Москву генерала Сю, который «разъезжает по европейским странам и Америке со специальной миссией Президента Китайской Республики, в качестве, так сказать, чрезвычайного посла», – сообщил Г.В. Чичерин в своем послании народному комиссару по военным и морским делам М.В. Фрунзе (10 июля) [1].

Георгий Васильевич обращает внимание Фрунзе на то, что в других странах генералу устраивали пышный прием. Полпред Китайской Республики в Москве Ли-Тья-Ло неоднократно ставил перед НКВД вопрос о характере встречи и нежелательности упущений в виду китайской щепетильности к вопросам этикета. По мнению Чичерина, несмотря на то что «Сю является одиозной фигурой, как монархист и враг дружественной нам Монголии, в которой он долго был вице-королем и прославился своей жестокостью, но ввиду его миссии нам надо устроить ему более или менее торжественный прием с наименьшей оглаской» [2].

Организация визита китайского генерала проходила под лозунгом «Побольше пышности и сердечности, поменьше шума и огласки» [3].

Проект встречи включал в себя:

– встречу генерала Сю на вокзале заведующим протокольной частью и заведующим отделом Дальнего Востока в сопровождении сотрудников этих отделов и представителей Реввоенсовета. Почетный караул не выставляется. Фотографы и операторы будут предупреждены, что

фотографии и киносъёмки не должны быть достоянием публики без ведома и согласия НКВД. В посольство Сю отправится на машине НКВД в сопровождении заведующего протокольной частью;

- предусматриваются официальные визиты членам советского правительства;
- генералу Сю предоставляются ложи в Большом театре – одна на балет и одна на оперу.

Организуется осмотр достопримечательностей Москвы;

- в проходах принимают участие те лица, что и при встрече [4].

11 июля Чичерин высказывает в послании Фрунзе свое мнение о том, что генерала Сю важно познакомить с организацией Красной армии «с тем, чтобы он мог убедиться в ее мощи. Поэтому ему следовало бы показать лагеря и учения частей различного рода оружия, в частности кавалерии» [5].

Делегация китайского правительства по изучению экономического и политического положения Европы прибыла в Москву 15 июля, посетив перед этим Лондон и Берлин [6].

Генерал Сю находился в СССР до 24 июня, программа визита предусматривала в первую очередь посещение военных лагерей, а также встречи Сю с председателем Совета народных комиссаров СССР А.И. Рыковым, народным комиссаром по военным делам М.В. Фрунзе, народным комиссаром иностранных дел

Г.В. Чичериным, замначальника штаба РККА Пугачевым, народным комиссаром путей сообщения Я.Э. Рудзутаком, председателем комитета при Совете наркома СССР Л.Д. Троцким.

Члены делегации осмотрели Кремль, посетили Дом крестьянина, Дом отдыха для рабочих, Дома охраны, Государственный банк, фабрики «Красный Октябрь» и «Богатырь».

Уезжая из Москвы, Сю «горячо благодарил за оказанный ему прием и за предоставленную ему возможность ознакомиться с различными областями нашей действительности» [7].

В 20-х годах закладывались основы советских протокольных традиций. Насколько активно происходило развитие протокольной службы НКВД, свидетельствует подготовка к визиту в Москву кантонского министра Ху Хан Мина в октябре 1925 года, программа пребывания которого была составлена не по хронологическому, а по тематическому принципу:

1. **Беседы с членами правительства** (Калининым, Каменевым и др.).
2. **Коминтерн и РКП(б)**. Беседы с Зиновьевым, Сталиным, Молотовым, Радеком и др.
3. **Просвещение**. Беседа с Луначарским. Посещение детского дома, рабочего факультета, Центрального дома коммунистического воспитания, лесной школы, Библиотеки имени Ленина.
4. **Здравоохранение и физкультура**. Беседа с Семашко. Посещение Центрального института физической культуры, Центрального дома материнства и младенчества.
5. **Промышленность**. Беседы с Троцким, Дзержинским, Пятаковым. Посещение заводов «Динамо», «АМО», «Каучук», Краснопресненской хлопчатобумажной мануфактуры, кондитерской фабрики «Красный Октябрь».
6. **Торговля**. Беседы с Красиным, Фрумжиным и др.
7. **Музеи**. Посещение Музея революции, Третьяковской галереи, Музея фарфора, Музея изящных искусств, Кремля.
8. **Мавзолей В.И. Ленина**.
9. **Театры**.
10. **Клубы**. Центральный комсомольский клуб, Центральный пионерский клуб.
11. **Финансы**. Беседы с Сокольниковым. Осмотр золотого запаса Госбанка и Алмазного фонда СССР.
12. **Осмотр показательных учреждений**: Центрального дома крестьянина, Центрального института труда [8].

В 20-х годах протокольная часть НКВД под руководством Флоринского – это коллектив творческих личностей, которые не боялись экспериментировать и разрабатывали нормы протокольной практики, остававшиеся актуальными на протяжении десятилетий.

Флоринский и члены его коллектива весьма оперативно реагировали на замечания и делали все возможное для исправления отдельных недостатков в своей работе.

Так, 7 декабря 1925 года на имя заместителя управделами Совета народных комиссаров Мирошникова поступило сообщение от коменданта Московского Кремля Р. Петерсона, в котором тот просил разобраться с целым рядом «ненормальностей» в организации посещения Кремля иностранными представителями [9].

Претензии Петерсона были следующими:

– его не оповещают заблаговременно о характере приема, поэтому, «отвечая перед НКВД и высшими и начальниками о соблюдении должного этикета», он не может «проверить знание необходимых правил лиц, участвующих в приеме» [10];

– штат курьеров недостаточно подготовлен для проведения протокольных мероприятий: «не выбриты, плохо одеты, не сообразительны и т. д.». Петерсон просит одеть их в однообразную форму, выдав зимой тужурки и черные суконные брюки, а летом – брюки из легкой материи;

– по мнению Петерсона, «не все благополучно» и по хозяйственной части, разные ложечки подаются к чаю [11]. Он просит приобрести два хороших подноса, сервиз, необходимо также иметь запас «хороших сигарет и папирос» не в обыкновенной, а в специально выполненной отечественными народными мастерами упаковке. Для сигар нужен специальный ножик для нарезки;

– очень плохо, по мнению Петерсона, обстоит дело и с помещением для приема иностранцев в СНК. Необходимо оборудовать подъезд (выстелить лестницу дорожкой и т. д.), отсутствует помещение, где после беседы можно подать чай, кофе, угощения [12].

В ответном послании на имя Петерсона (от 10 декабря) Флоринский пишет, что Протокольный отдел согласен с его предложениями. Что касается приобретения необходимых сервизов, то он предлагает кроме посуды и серебра, хранящихся в кладовых Большого дворца в Кремле, использовать сервизы из ленинградских дворцов: «Многое <...> разбазаривается, не лучше ли было бы перевести их в Кремль, где они были в сохранности и могли бы быть использованы в случае необходимости» [13].

Подобная переписка вызывает целый ряд вопросов, и в первую очередь как за несколько лет советской власти удалось «разбазарить», используя терминологию Флоринского, сокровища кладовых Московского Кремля, таким образом, что встал вопрос о нехватке посуды для приема официальных лиц? И что означает фраза о «разбазаривании» ценностей в Ленинграде? Создается впечатление, что местные власти не только не могли, но и не хотели остановить процесс расхищения художественных ценностей.

Сотрудникам Протокольного отдела НКВД приходилось не только заниматься организацией протокольных мероприятий, но и составлять характеристики на их участников.

На наш взгляд, представляет интерес не только фактический материал, но и сам стиль изложения, поэтому приводим подробное содержание досье.

В качестве примера рассмотрим досье, составленные Флоринским на лиц, приглашенных на прием к К.Е. Ворошилову 2 декабря 1925 года.

– Али Голи Хан Ансори, чрезвычайный и полномочный посол Персии: «Очень яркая фигура. При царском правительстве был около десятка лет секретарем-советником Персидской миссии в Петербурге <...>. В Москву Ансори прибыл в ноябре 1920 в качестве Чрезвычайного посла. Вел с тов. Караханом переговоры и в феврале 1921 года подписал договор между РСФСР и Персией <...>. Ансори определенно придерживается ориентации на СССР, а не на Англию. <...> Ансори является дуэном Дипломатического корпуса и пользуется большим в нем уважением» [14].

– Итальянский морской аташе капитан Миралья: «Неправильно, но говорит по-русски. В Москве с весны 1924 года. Бравый моряк, весельчак, и в общем довольно простой и приятный парень <...>. Не плохо ориентируется в нашей обстановке» [15].

– Польский военный аташе Кобылянский: «Бывший русский офицер 2-го отд. Польского Генштаба, специалист по разведке. Окончил в Париже Академию Французского Генштаба. На хорошем счету у 2-го отдела Польского Генштаба, ловкий и способный человек. Имеет большие знакомства и пользуется уважением среди Дипкорпуса. В политическом отношении никакой определенной ориентации не придерживается, но ближе к группе Пилсудского. Стремится сделать карьеру» [16].

– Эстонский военный аташе Курск: «Бывший русский офицер. В Эстонии командовал дивизией, но расценивали его слабо. Усиленно занимается шпионажем в пользу Польши и Англии. Большой любитель выпить. Говорят, что за деньги он готов на всё» [17].

– Характеристика на японских представителей.

1. Кадзуо Мике – военный аташе.

«Полковник пехоты <...>. По-русски говорит слабо. Производит впечатление человека хитрого и неискреннего. Особого расположения к нам с его стороны отметить нельзя.

Всегда начеку. Из каждого сказанного слова стирается извлечь пользу.

На деловой почве с НКВД не сталкивается. В Москве находится с женой» [18].

2. Сюдзо Курасиге – помощник военного атташе: «Прибыл в чине капитана пехоты <...>. Манерой держать себя значительно менее заметен, чем Мике. При встречах больше молчит, предоставляя разговаривать ему» [19].

3. Кацудзи Масаки – морской атташе.

«Капитан II ранга японского флота <...>.

Высказывает себя крайне расположенным к СССР. Подчеркивает разницу отношений к нам со старины морских кругов в сравнении с военными. Много говорит в пользу укрепления дружбы между СССР и Японией до своего приезда в Москву <...>.

В делах обращается за поддержкой НКВД. В проведении их крайне настойчив и назойлив. По-русски говорит хорошо» [20].

В составлении характеристик Флоринскому оказывали содействие заведующие отделами Востока и Прибалтики НКВД.

Подобная деятельность была важной, но не главной составляющей в работе Протокольного отдела.

В 20-х годах СССР стремился продемонстрировать миру все достижения, совершенные в первые годы существования советской власти. Популяризацией успехов в том числе приходилось заниматься и НКВД, в частности Протокольному отделу этого наркомата.

Открытие Шатурской электростанции в 1925 году вызвало у иностранных журналистов, аккредитованных в Москве, сильный интерес, который, как известно, зачастую перерастает в ажиотаж, и тот, в свою очередь, в скандал. Именно со скандала и началась поездка инкоров на открытие электростанции в декабре 1925 года. Представители прессы буквально штурмом пытались взять международные вагоны, предназначенные для дипломатов, и не желали занимать «простые» местные вагоны. [21].

В дороге произошел инцидент, который не остался без внимания не только сотрудников НКВД, но и журналистов. На одной из станций перед вагоном Троцкого собралась большая толпа местных крестьян, которые криками и аплодисментами требовали, чтобы Троцкий показался в окне вагона. Лишь перед самым отходом поезда Троцкий вышел на перрон и сказал несколько слов собравшимся. Этот случай «страшно» заинтересовал корреспондентов, которые с другими пассажирами поезда, включая дипломатов, буквально кинулись к вагону Троцкого, когда поезд остановился в Шатуре, и затем, утопая в глубоком снегу, последовали за ним на станцию. По дороге к процессии присоединились местные рабочие и крестьяне. У входа в электростанцию началась давка: трудящихся не пускали на территорию, а «московские гости» толпились сзади с билетами и не могли пройти [22].

После того как отдельным группам приглашенных удалось пробраться на станцию, там вновь началась, по словам очевидцев, «форменная погоня за ним (Троцким. – *Авт.*). Все, включая дипломатов <...>, как дети бежали за Троцким вверх, вниз по коридорам и т. д. Станцию, кажется, никто не осматривал. Так длилось более часа. Наконец Троцкий скрылся в отдельной комнате», – вспоминал один из очевидцев [23].

Митинг состоялся под открытым небом, гости ждали его открытия не менее получаса, но, когда стало известно, что Троцкий на митинге выступать не будет, корреспонденты и дипломаты его покинули.

Организация обеда, так же как и все предыдущие мероприятия, оставляла желать лучшего. Для обеда были отведены две комнаты: для дипломатов в нижнем помещении электростанции, а для «остальной публики» – наверху, где работали машины. Инкоры стремились пройти к дипломатам, куда их не пускали, а наверху в это время все столы уже были заняты. В результате голодные и уставшие корреспонденты должны были толпиться в дверях и оттуда наблюдать за обедом. Но после сообщения, что Троцкий будет в верхнем зале произносить речь, все, включая дипломатов, бросаются наверх, где «строят баррикады из скамеек и столов, чтобы лучше слышать Троцкого» (в зале работали машины. – *Авт.*) [24].

Троцкий просит остановить машины и, получив отказ, идет вниз, все собравшиеся следуют за ним, полагая, что «праздник» завершен.

В поезде вновь скандал: купе инкоров занято посторонними лицами, которые, после того как ГПУ их «выставило», выбрасывают на сиденье «плевательницу и разбрасывают апельсиновые

корки». Настроение улучшается, когда поезд трогается и можно заказать чай, после которого начинается «благорастворение умов» [25].

Чтобы сгладить негативное впечатление от поездки, в вагон с иностранными корреспондентами подсаживается один из администраторов, который заявляет: «Что же, станция работает уже давно, с 5-го октября. Теперь т. Троцкий приехал, нам в недельный срок приказали приготовить торжественное открытие. Ну что ж, приказали, мы сделали. А разве разбираются, можем ли мы?» [26].

В завершение представитель НКВД передает мнение инкоров, что секретарь замнаркома «мог бы лучше одеваться» [27].

Таким образом «праздничный переполох» на открытии Шатурской электростанции перечеркнул всю значимость этого события и в конечном итоге нанес удар по имиджу республики.

Приемы «моряков моряками». Визиты в Ленинград итальянского военного корабля «Мирабелло» (1924 и 1925). Визит советских военных моряков в августе 1924 года в Италию. Визит итальянской миноносной флотилии в Ленинград в 1925 году, ответный визит советской эскадры в Италию (1925)

Генуэзская (10 апреля – 19 мая 1922 года) и Гаагская (19 июня – 17 июля 1922 года) конференции продемонстрировали успехи внешней политики молодого Советского государства. Западноевропейские державы не смогли навязать ему свои условия, а Рапалльский договор (16 апреля 1922 года) означал прорыв Советской России на международной арене. В 1924–1925 годах СССР установил дипломатические отношения со многими странами. Этот период вошел в историю советской внешней политики как «полоса признаний».

7 февраля 1924 года были установлены дипломатические отношения между СССР и Италией, подписан советско-итальянский торговый договор. Спустя пять месяцев, в июле 1924 года, состоялось важное событие в истории советско-итальянских отношений – прибытие в Ленинград итальянского военного корабля «Мирабелло».

Начиная с 6 июля в течение трех дней Д.Т. Флоринский принимал участие в совещаниях с представителями военного и морского командования для составления программы встречи с учетом полученной инструкции – «скромно и сдержанно, но прилично» [!] В результате была выработана следующая программа.

– На встречу «Мирабелло» высылается «посыльное» судно, имеющее на борту итальянского морского атташе (если он пожелает).

– При проходе мимо Кронштадта «Мирабелло» салютует 21 выстрелом (салют нации) и 7 выстрелами (салют крепости), на которые советская сторона отвечает.

– «Мирабелло» становится на якорь напротив Кречетовской пристани у моста лейтенанта Шмидта рядом с советским миноносцем «Троцкий». Салют на Неве не производится (могут пострадать стекла на Ленинградской стороне).

– Немедленно по прибытии «Мирабелло» (на пристани не присутствуют встречающие с советской стороны) капитан наносит визиты представителю губисполкома (т. Циперовичу), агенту НКВД (т. Вайнштейну), командиру порта (т. Войкову), председателю ЛВО (т. Воронину). На эти визиты представители советской власти отвечают в течение 24 часов.

– Советский официальный прием ограничивается обедом в Доме Красной армии и флота, устроенным от имени военно-морского командования. При этом советская сторона особо подчеркивала, что, если итальянский комсостав откажется обедать за одним столом с матросами, наш комсостав будет равным образом представлен и в зале комсостава, и в зале, где будут обедать итальянские матросы с советскими военными моряками и красноармейцами. Меню обеда предлагалось одинаковое для обоих залов. Было решено подавать вино и пригласить оркестр, принимая во внимание трудности ведения беседы из-за взаимного незнания языка, официальные речи на приеме не планировались.

– Итальянские матросы должны были сходить на берег группами и осматривать город под руководством советских инструкторов. Офицеры сходят в штатской форме.

Доступ на «Мирабелло» производится по пропускам.

Программа была сообщена итальянскому консулу Нардуччи, который, одоблив ее в целом, высказал несколько замечаний. В частности, он предложил устроить обед в двух смежных залах, мотивируя это «стеснительностью» [2] общего стола как для комсостава, так и для команды, также было высказано пожелание, чтобы итальянские матросы сходили в город в сопровождении не только советских инструкторов, но и представителей итальянской колонии в качестве переводчиков. На приглашение итальянской стороны принять участие в банкете в европейской гостинице Д.Т. Флоринский ответил отказом, сказав консулу, что советская сторона оценила бы ответный прием на борту итальянского судна вместо банального обеда в гостинице.

После окончательного согласования с итальянской стороной программа была утверждена. По прибытии в Ленинград 10 июля утром капитан «Мирабелло» В. Пини посетил представителя губисполкома Циперовича, агента НКВД Вайнштейна, а также нанес визит капитану миноносца «Троцкий».

В 18 часов 30 минут был назначен обед в Доме Красной армии и флота. Заново отремонтированное помещение поражало не только грандиозностью, но, и как отмечал Флоринский, тем «порядком, в котором оно содержится» [3]. Итальянцы сообщили, что с «Мирабелло» прибудет шесть офицеров и сорок матросов при восьми унтер-офицерах. В большом зале был накрыт стол на 110 приборов (для итальянских и советских моряков, а также пяти человек нашего комсостава), таким образом была соблюдена социальная справедливость. В смежном зале комсостава стол был накрыт на 18 приборов – капитан и пять офицеров с «Мирабелло», командир «Троцкого», представители итальянского консульства, советские официальные лица. По словам Д.Т. Флоринского, наши военморы и красноармейцы проявили себя как приветливые и гостеприимные хозяева; они встречали итальянцев, рассаживали их за столом, занимали по мере сил беседой [4]. Итальянский комсостав держал себя «сдержанно и неприветливо» за исключением капитана, но итальянские матросы оказались «славными ребятами с самым незначительным процентом фашистов среди них» [5]. Благодаря тому, что четыре матроса с итальянской стороны говорили по-русски (они оказались сербами), а среди наших представителей нашлось несколько говорящих по-французски, завязалась беседа, дополняемая жестиком, и «большая зала представляла красивую картину молодого веселья и оживленного общения наших и итальянских моряков, в противовес чопорной натянутости смежной залы комсостава. Во время беседы непрерывно играл прекрасный оркестр, которому много и горячо аплодировали все присутствующие», – сообщил Д.Т. Флоринский Г.В. Чичерину в докладной записке [6].

После обеда «наши ребята» показали итальянцам Уголок В.И. Ленина, читальню и т. д., многие пошли провожать гостей до пристани.

Следует отметить, что для итальянских моряков этот вечер прошел в непривычной для них обстановке, в то же время комсостав не смог упрекнуть советскую сторону в некорректности.

11 июля итальянские матросы осматривали Ленинград в сопровождении местных гидов и представителей итальянской колонии. После полудня на корабле «Мирабелло» состоялся прием от итальянской колонии.

12 июля советские официальные лица, включая капитана и комиссара корабля «Троцкий», а также штурмана, который привел миноносец «Мирабелло» в Ленинград, были приглашены на завтрак (в 12 часов 30 минут) на борт корабля. Закусочный стол накрыли в кают-компании, украшенной большим портретом Муссолини и портретами королевской семьи. Завтракали на палубе.

Вечером Д.Т. Флоринский был приглашен к помощнику британского агента на обед в честь итальянских гостей. Д.Т. Флоринский обращает внимание на то, что англичанин нанес официальный визит капитану в сюртуке и цилиндре [7].

13 июля «Мирабелло» снялся с якоря и ушел в Ревель.

Следует заметить, что в Ленинграде интерес к итальянскому судну был очень высок. На пристани и на мосту постоянно толпился народ, чему способствовала отличная погода, порядок поддерживал наряд милиции, а контроль пропусков осуществлял ОГПУ [8].

Ответный визит советских военных моряков в Италию состоялся в августе 1924 года. В своем послании Г.В. Чичерину генеральный консул в Риме Рембелинский сообщал, что прием, оказанный судну «Боровский», был «исключительно любезный и, я бы сказал, радушный» [9].

это прием моряков моряками без оттенка «политического или дипломатического характера», прием «собратьев по оружию».

«Боровский» был первым судном, которое зашло в итальянские воды после возобновления отношений между странами. В честь этого события итальянская сторона дала бал в Адмиралтействе, на который был приглашен весь *beau monde* Неаполя. В разговоре с командиром корабля «Боровский» Максимовым главный начальник Морского департамента южной части Тирренского моря Лобетти Бодони заметил, что «<...> морским офицерам в Неаполе приходится часто танцевать в виде частых заходов в порт иностранных военных судов» [10]. Эта фраза была сказана адмиралом не случайно. Итальянским аристократам было интересно посмотреть на поведение большевиков в светском обществе. «Наш командный состав, отчасти пролетарский, а отчасти из «мещанской» среды, чувствовал себя явно не по себе, столпились отдельными большими труппами, вследствие незнания языков не могли говорить с итальянцами; один танцевал с уморительными выкрутасами и ужимками галантерейных прикащиков, вызывая едва сдерживаемую веселость светских дам и выхолощенных кавалеров» [11].

В тот же день на ответном приеме на судне «Боровский» неловкая ситуация была частично сглажена гостеприимством советских моряков. Три дочери адмирала Бодони ни за что не хотели уезжать домой, и адмирал с женой долго ждали их у трапа.

Настроение команды было испорчено не только атмосферой на приемах, но и условиями жизни на самом корабле «Боровский». На бывшей яхте американского миллионера не было должных бытовых условий для жизни матросов, которые находились в тесных «отвратительных кубриках и в совершенно антигигиенических условиях» [12].

Ситуация также усугублялась натянутыми отношениями между командиром корабля и комиссаром. «Командир «Воровского» старый адмирал, с большим стажем, работавший с нами с начала революции. Последние два года, будучи не у дел, он живет в деревне, имеет маленькую ферму, к которой стремится вернуться; он ведет маленькое показательное хозяйство (две коровы), записывает ежедневно в журнал количество молока, корма, даваемого коровам, и пр. Человек политически совершенно неразвитый <...>» – такую характеристику дал командиру корабля советский консул в письме к Г.В. Чичерину. В отличие от командира комиссар, по мнению консула, «тип военного коммуниста 19 года, человек с головой и способный, но болезненно самолюбивый <...>. Он считает себя его (командира корабля. – *Авт.*) начальником <...> и всячески его «угнетает» и подрывает его престиж перед командой. <...> характерно, что комиссар взял себе лучшую, роскошную каюту» [13].

Что касается самой команды, то в порту были удивлены «прекрасным поведением» советских моряков.

Итальянская пресса (как местная, так и столичная) публиковала лишь «сухие» заметки о корабле «Боровский» с подробным перечислением присутствовавших на приеме гостей.

В докладной записке на имя Г.В. Чичерина генеральный консул в Риме Рембелинский, подытоживая результаты визита корабля «Боровский» в Неаполе, предлагает найти способы «<...> лучшего предварительного инструктирования командируемых для дипработы товарищей до отправления их к местам заграничной работы, требующей особого такта, гибкости приемов и, если можно так выразиться, ювелирной тонкости выполнения» [14].

Обмен визитами советских и итальянских военных кораблей СССР и Италии продолжился и в 1925 году.

4 июня, накануне прибытия в Ленинград отряда миноносных флотилий итальянского флота в составе «Тигра», «Леонье» и «Пантеры», в протокольной части НКВД состоялось совещание, на котором было решено вынести на коллегию НКВД следующие вопросы:

- об исполнении национальных гимнов;
- о речах на банкете в Морском училище.

По мнению сотрудников протокольной части, было необходимо составить текст речи, из которой следует исключить политические моменты.

В свою очередь, итальянской стороне также предлагалось в ответном выступлении не заниматься «восхвалением фашистского режима» и не произносить тост в честь Муссолини [15].

Кроме этого, следует рассмотреть вопрос о предоставлении прессе подробной информации о прибывших в Ленинград военных судах, а также направить письмо от имени Г.В. Чичерина

председателю губисполкома об участии губисполкома во встрече итальянских судов, организации посещения театров, спортивных состязаний, загородных экскурсий и т. д.

Ввиду отсутствия средств у Морского ведомства совещание просит НКВД об ассигновании на расходы по приему 10 тысяч рублей, с тем чтобы агент НКВД в Ленинграде старался не выходить за пределы 7500 рублей (2500 рублей в запасе) [16].

13 июня агенту НКВД в Ленинграде Вайнштейну под грифом «Секретно» была отправлена из Москвы директива со следующими указаниями:

– если итальянцы исполнят «Интернационал», отдавая салют, нам придется ответить национальным гимном Италии;

– обед в Военно-морском училище для экипажа и комсостава устроить в пределах средств, отпущенных Реввоенсоветом. Присутствие за обедом представителей губисполкома необязательно. Никаких речей не произносить;

– договориться с Ленинградским губисполкомом о посещении итальянским экипажем и комсоставом театров, желательно пригласить матросов на спортивные состязания (футбол, бега и т. д.);

– матросам разрешено «циркулировать» по городу не только партиями, но и поодиночке [17];

– порядок визитов следующий:

1) председателю губисполкома;

2) военному коменданту порта;

3) агенту НКВД;

4) председателю ЛВО [18];

– «оглашать» в прессе в протокольном порядке прихода судов и их пребывание в Ленинграде итальянских моряков.

Телеграмма под грифом «Секретно» была также отправлена и в управление государственными и академическими театрами. В телеграмме НКВД рекомендовал управлению в связи с прибытиями в Ленинград 25 июня итальянской эскадры организовать концерт, на который были бы приглашены экипажи и комсоставы итальянских судов. Итальянцам следует оказать «гостеприимство, и полезно было бы познакомить их с нашим искусством, составив соответствующим образом программу и подобрав исполнителей» [19]. При этом НКВД уведомляет управление, что не сможет принять участие в финансировании концерта, но полагает, что расходы по его организации могли бы быть покрыты путем продажи билетов, остающихся после предоставления морякам, примерно 500 мест. Заведующий протокольной частью Флоринский, подчеркивая важность проведения такого концерта, просил скорее сообщить управление о своем решении [20].

Следует отметить, что в СССР протокольная практика приема иностранных военных кораблей сложилась уже к середине 1925 года, что особенно наглядно проявилось во время повторного прихода в Ленинград 10 июля лидера итальянской флотилии «Мирабелло». Первый день – обед в Клубе Красной армии и флота (в зале для командного состава обедали итальянские офицеры, консулы, начальник Военно-морского училища, командир «Троцкого», комиссары сидели за столом с матросами и солдатами) [21].

11 июля состоялся прием на корабле, который посетили слушатели морского училища. Командир «Мирабелло» принял приехавшего к нему вместе с секретарем Флоринского, которые, по словам очевидцев, отличались деликатностью и выглядели «чрезвычайно» элегантно. На следующий день на юте корабля был дан завтрак на 20 приборов, в котором принимали участие морское командование, морской атташе, консул, представители местной власти.

Ответный визит эскадры военных кораблей в Италию состоялся в сентябре 1925 года. Итальянская сторона всячески подчеркивала, и в первую очередь в прессе, что это «<...> ответный визит, а не какой-либо акт, свидетельствующий об усилении сближения между странами.

Эта граница, надо сказать, была проведена очень ловко и дружно. Только под конец (например, на нашем ответном завтраке) холодок стал исчезать и создавалась более дружеская атмосфера», – сообщал в донесении на имя замнаркома НКВД М.М. Литвинова полпред в Италии П.М. Керженцев [22].

Советский полпред особо подчеркивает, что итальянская сторона тщательно соблюдала необходимые в данном случае протокольные нормы. Все высокопоставленные лица Неаполя – гражданские и военные – принимали активное участие в различных официальных церемониях.

От имени полпреда СССР в Италии был устроен чай для советских и итальянских матросов (на 240 человек). На этом приеме речи не произносились, ограничились тостами и пожеланиями, обращенными друг к другу.

Для команды и комсостава итальянцы устроили несколько экскурсий (в музеи, на Помпею, Везувий и т. д.). Население города тепло встречало советских моряков. Подступ к судам сначала охранялся, и публику пускали на корабли по пропускам, но затем оцепление было снято.

По мнению П.М. Керженцева, в отличие от экипажей кораблей, основу которых составляла «крепкая, спевшаяся» молодежь, в командном составе существовала «пикировка» между комиссарами и командирами. Но эта ситуация обычная, и она не отражается на работе.

Сближению с итальянскими моряками мешало слабое знание иностранных языков, но экипаж заверил полпреда, что теперь «засядет учиться» [23]. Несмотря на столь оптимистические заявления, для самих краснофлотцев визиты в Италию состояли не только из приятных впечатлений. Большинство моряков ни практически, ни психологически не были готовы к участию в торжественных приемах, которые давались в их честь.

Главной проблемой, которая проявилась во время посещения советскими военными кораблями иностранных портов, была несогласованность в действиях и «натянутые» отношения между командирами кораблей и комиссарами. Разное происхождение, воспитание, образование не только мешало совместной работе, но и не позволяло выработать единый стиль поведения на официальных церемониях.

Приложение

В 1929 году СССР продолжает поддерживать не только экономические, но и военные контакты с Италией, так, 27 мая состоялось заседание специальной комиссии по подготовке приема итальянской эскадрильи, которая должна была прибыть в Одессу в период с 3 по 8 июня, следуя по маршруту Рим – Афины – Константинополь – Констанца. Состав эскадрильи 35 самолетов с экипажем до 100 человек, во главе с помощником министра авиации Италии Бальбо и начальником штаба ВВС Италии де Пинедо. Правительство СССР дало разрешение Италии на этот полет [24].

Что касается протокольных аспектов, то было решено, что в день прилета эскадрилью на границе территориальных вод встречает звено в составе трех гидропланов. Командир эскадрильи наносит визиты председателю губисполкома, начальнику гарнизона, агенту НКВД. Вечером (в 19 часов) для гостей устраивается обед, на котором исполняются музыкальные номера, в том числе, о чем специально подчеркивается в программе визита, украинские песни.

На следующий день гости посетили авиашколу, побывали на экскурсии по городу. Вечером итальянский посол Черутти устроил ответный банкет [25].

Визит падишаха Афганистана Амануллы-хана – первый визит в СССР главы зарубежного государства

Афганистан был первым государством (если не считать Германии и других участников Брестского договора), с которым Советская Россия установила дипломатические отношения. После того как в 1919 году Афганистан добился независимости, афганское правительство предприняло действия для установления связи с Советской Россией. 7 апреля 1919 года вступивший на престол Аманулла-хан направил М.И. Калинин послание, в котором выражалось желание установить дружественные отношения с Советской Россией.

27 мая В.И. Ленин и М.И. Калинин в своем ответном послании приветствовали независимость Афганистана. В письме была выражена просьба «назначить официального представителя в Москву» и готовность «послать в Кабул представителя рабоче-крестьянского правительства». Летом 1919 года назначенный чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии Я.З. Суриц прибыл в Афганистан.

12 октября чрезвычайная афганская миссия во главе с Мухаммедом Вали-ханом была принята коллегией НКВД, а 14 октября – председателем Совнаркома В.И. Лениным.

Между афганским посольством и советскими властями начались длительные переговоры о заключении договора. Помощь Афганистана эмиру Бухары, который вел борьбу против Советского государства, не позволяла справиться с этой задачей в короткий срок. 13 сентября 1920 года в Кабуле был парафирован предварительный договор о дружбе между Россией и Афганистаном, а 28 февраля 1921 года в Москве состоялось подписание первого равноправного договора между Афганистаном и РСФСР. Соглашение привело к расширению торговли и обеспечило транзит товаров, закупленных Афганистаном в Западной Европе, силами советских специалистов в Кабуле была построена радиостанция.

31 августа 1926 года на базе договора, подписанного в Москве 28 февраля 1921 года, между СССР и Высоким государством Афганистан был заключен договор о нейтралитете и взаимном ненападении. Первая статья предусматривала, что в случае войны между одной из договаривающихся сторон и одной или несколькими третьими державами другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет. В договоре также содержались статьи, предусматривавшие, что каждая из договаривающихся сторон обязуется воздерживаться от всякого нападения на другую (статья 2), не будет разрешать и не допустит пропуска и провоза через свою территорию вооруженных сил, оружия, огнестрельных припасов, военного снаряжения и всякого рода военных материалов, направленных против другой договаривающейся стороны (статья 3), каждая из сторон сохраняет свободу действий для предприятия шагов к установлению всякого рода отношений и союзов с третьими державами (статья 5) [2].

Наряду с политическими развивались и торгово-экономические связи. Советская промышленность удовлетворяла значительную часть потребительского спроса афганского рынка. Ввоз главнейших афганских товаров разрешался без лицензий, большинство других пропускалось беспроцентно, или к ним применялись льготные тарифы.

Афганистан времен правления Амануллы-хана – это страна, в которой пережитки феодальной системы соседствовали с новейшими достижениями европейской науки: почти нет железных дорог, но есть регулярное воздушное сообщение, фабрики работают на электрической энергии, на полях мулы и тракторы [3].

Советский союз был нужен падишаху как территория, через которую возможен свободный транзит закупленных в других странах товаров, в то же время он видел в СССР опору в борьбе с Англией. Английский вопрос был весьма актуален и для Советского Союза, против которого Лондон в это время вел экономическую войну. Поэтому не случайно, что польско-афганский договор от 30 ноября 1927 года был воспринят в Москве как попытка Англии использовать Польшу против СССР.

Немало беспокойства вызвало в Москве сообщение в европейской прессе о том, что английские офицеры будут привлечены на службу в афганскую армию. Для СССР, как и для большинства ведущих европейских государств, Афганистан играл заметную роль в борьбе за сферу влияния на Ближнем Востоке.

Падишаха ждали в Москве, но и европейские столицы подготовили ему достойный прием. В своем дневнике А.М. Коллонтай весьма едко заметила, что европейские правительства «носятся» с коронованной особой и много пишут об Аманулле-хане в газетах, надеясь на «афганский рынок импорта и экспорта» [4].

Подготовка к визиту падишаха в СССР

Изучение европейского опыта

Подготовка к визиту в СССР падишаха Афганистана Амануллы-хана началась еще в январе 1928 года, когда представители советских посольств стали передавать в Москву сведения, в том числе и протокольного характера, о пребывании падишаха в Европе.

Так, 19 января 1928 года на имя заведующего отделом Ближнего Востока С.К. Пастухова поступил из Рима отчет от первого секретаря посольства Е. Рубинина о визите Амануллы-хана в Италию, который прибыл на пароходе в Неаполь 8 января и в тот же день отправился в Рим.

Накануне его приезда, как пишет автор, на первых страницах итальянских газет были опубликованы статьи «в патетическом тоне», в которых подчеркивалось, что Италия – первая из европейских стран, признавшая независимость Афганистана. Отмечалось сходство в политическом строе двух стран, подчеркивалось, что падишах начал свое путешествие по Европе с Рима, что, в свою очередь, является знаком «возросшего при фашизме международного престижа Италии» [5].

В день приезда Амануллы-хана вдоль улиц, украшенных итальянскими и афганскими флагами, были выстроены шпалерами войска «всех видов оружия» (включая артиллерию) [6]. На вокзале Амануллу-хана, приехавшего с женой и сановниками, встречали итальянский король Виктор-Эммануил III, королева и наследный принц, члены правительства во главе с Муссолини, председатели палаты депутатов и сената, генералитет. В этот же день в 8 часов вечера состоялся обед при дворе в честь высоких гостей. В своем донесении автор обращает внимание на отсутствие на приеме Муссолини, с которым у падишаха за два часа до этого состоялась личная аудиенция, продолжавшаяся 20 минут [7]. Причина, по которой Муссолини отказался принимать участие в приеме, вероятно, заключалась в том, что туда были приглашены особы, в протокольном отношении стоящие выше первого министра, поэтому Муссолини пришлось бы занять за столом «скромное место» [8]. (Итальянские газеты об этом умолчали.)

В своем тосте король Италии заявил, что «Италия первая из европейских держав признала независимость Афганистана». Падишах в ответном слове исправил эту неточность, «подтвердив», что «Италия первая из союзных держав установила дружеские отношения с Афганистаном» [9]. В последующие дни визита Аманулла-хан вместе с королем посещал воинские части, в которых устраивались в честь высокого гостя военные парады. Официальный визит падишаха к королю Италии продолжался два дня и был завершен 10 января приемом в афганской миссии, после которого Аманулла-хан переехал из королевского дворца в гостиницу «Гранд-отель». В период пребывания в Риме падишах был принят в торжественной аудиенции папой, а потом нанес визит кардиналу Гаспарри, посетил ряд учреждений (обе палаты, музей, больницы), затем выехал в Венецию, а оттуда в Милан и Турин, где осматривал автомобильный и Авиационный заводы Изота – «Фраскини» и «Фиат» [10].

В Москве внимательно следили за путешествием падишаха по Европе, но при этом наибольшего внимания со стороны советских властей удостоился его визит в Германию и Англию. Так, в донесениях с грифом «Секретно» на имя М.М. Литвинова и Г.В. Чичерина из Германии, где падишах находился с 22 февраля по 7 марта, содержится подробный перечень протокольных мероприятий, связанных с визитом Амануллы-хана.

На вокзале короля (так авторы донесений называли падишаха в своих сообщениях) встречали президент Германии Гинденбург и представители правительства. Затем состоялся обмен визитами между королем, Гинденбургом и вице-канцлером Герктом [11].

В 5 часов вечера король принял во дворце (вероятно, в своей резиденции) глав дипломатических миссий. Следует отметить, что на приеме присутствовали все послы, что не всегда бывало на новогодних приемах у Гинденбурга, который в тот же день дал обед на 120 персон.

27 февраля 1928 года от имени председателя ЦИК СССР М.И. Калинина на имя короля Афганистана Амануллы-хана была отправлена телеграмма с поздравлением по случаю 10-й годовщины со дня обретения Высоким государством Афганистан независимости. В последующие дни состоялся обед у рейхсканцлера, завтрак в магистрате, парадный спектакль в опере (на котором присутствовали только приглашенные лица), обед у афганского посла, прием для дипломатов и т. д. Кроме обедов и завтраков, в программу визита были включены посещения падишахом Лейпцигской ярмарки, завода Юнкерса в Дессау, осмотр завода Сименса и Всеобщей компании электричества, обсерватории [12].

В протокольный отдел НКВД были отправлены пригласительные билеты и материалы «рассадки короля и его свиты» [13], которые могли пригодиться при подготовке визита падишаха в СССР. О нем он упомянул в первый день пребывания в Берлине, во время обеда у Гинденбурга. На вопрос фрау Гинденбург, куда он поедет из Германии, Аманулла-хан ответил: «В Лондон» – и добавил: «А из Лондона я еду в Москву, ибо у меня очень хорошие отношения с Советским Союзом» [14].

На основании материалов, опубликованных в английской прессе, была составлена, по всей вероятности сотрудниками посольства СССР в Лондоне, Программа визита афганского короля в Англию [15].

Первая официальная часть визита «Падишах – гость английского короля» началась 13 марта. В Лондоне в 15 часов Аманулла-хана, его семью и свиту на вокзале приветствовали английский король с королевой, в 15 часов 20 минут кортеж проследовал через Лондон в Букингемский дворец. В 16 часов 40 минут началось посещение Вестминстерского аббатства и Могилы Неизвестного Солдата. В тот же день состоялось посещение Сент-Джеймского дворца. Завершился первый день визита обедом, который дал английский король в честь падишаха в Букингемском дворце. Во второй день официального визита (14 марта) состоялся прием в дипкорпусе, завтрак в Гиндхале у лорд-мэра Лондона, затем падишах отправился на обед к Чемберлену, а его супруга вместе с английской королевой – в театр. 15 марта Аманулла-хан отбыл из Букингемского дворца в отель «Кларидж», а завершился официальный визит обедом в афганском посольстве.

Вторая часть визита носила условное название «Падишах – гость английской нации». В период с 16 марта по 3 апреля падишах посетил самую большую на тот период школу авиации (3 тысячи учащихся) на Хальтонском аэродроме, лондонские доки, корабли арсенала в Вулвиче, военный королевский колледж, присутствовал на смотре английских воздушных сил, а также на лодочных гонках Оксфордского и Кембриджского университетов, футбольном матче в Уэмбли между английской и шотландской командами, знаменитых скачках в Ливерпуле и т. д. В Оксфорде падишах был удостоен звания доктора.

В целом нельзя не отметить, насколько сбалансированна программа визита, она не перегружена официальными приемами, завтраками и обедами. Что касается атмосферы визита, то о ней Г.В. Чичерин сообщил заместителю наркома иностранных дел Л.М. Карахану в своем послании от 21 апреля 1928 года. В частности, Чичерин пишет, что в «Чикаго трибюн» содержится информация о том, что Англия «вздохнула» после отъезда королевской четы, падишах был одним из самых «утомительных» гостей за много лет.

В качестве доказательств вышесказанного приводятся следующие примеры. Аманулла-хан был оскорблен тем, что в момент его выездов на улицах шпалеры войск и полиции отсутствовали, а движение в отдельных случаях не приостанавливалось. В то же время он сам мог в последний момент настоять на изменении маршрута, а потом жаловаться на отсутствие к нему уважения, если на пути не было войск [16].

Во время лодочных гонок падишах настаивал, чтобы его лодка двигалась перед лодками участников, в другом случае аэроплан надо было «перестроить» таким образом, чтобы ни один из пассажиров не сидел к нему спиной. Военные жаловались, что падишах фотографировал «технические детали», которые не показывают посетителям. Они надеются, что, в свою очередь, он их не покажет своим «русским друзьям». Следует отметить, что, будучи в Портсмуте, афганский король с королевой провели день на флоте и одним из самых сильных ощущений для падишаха было его 20-минутное погружение на L-22 [17].

Что касается финансовой стороны визита, то, по поступившей информации, как сообщал Чичерин, французы заплатили больше 3 миллионов долларов парижским лавочникам за товары, которые Аманулла-хан брал не заплатив. В Англии, во избежание скандала, английскому правительству придется также оплатить счета британских торговцев (стоимость его пребывания превышала 5 тысяч долларов в день). По мнению Чичерина, данная информация несколько сгущает краски, но даже в этом случае «нам предстоят неприятные моменты» [18].

Деятельность специальной комиссии и Протокольного отдела НКВД при подготовке визита падишаха в СССР

НКВД нес главную ответственность за достойную, то есть соответствующую всем нормам европейского протокола, организацию визита падишаха в СССР. В то же время соблюдение общеевропейских норм и традиций не должно было противоречить идеологическим догмам Советского государства. В самом НКВД решением этой непростой задачи непосредственно занимался протокольный отдел во главе с заведующим протокольным отделом Д.Т. Флоринским.

Официальным днем начала подготовки первого в истории СССР визита главы иностранного государства можно считать 3 января 1928 года, когда Л.М. Карахану поступила докладная записка от имени Д.Т. Флоринского и В.М. Цукермана, заведующего 1-м Восточным отделом НКВД, в которой авторы просили срочного содействия в решении следующих вопросов:

- о помещении (в качестве резиденции предлагался Кремль);
- о предоставлении специального поезда;
- об отпуске средств (по предварительным расчетам, не меньше 100 тысяч рублей, если же в качестве резиденции будет выбрано другое здание, то на его ремонт потребуется еще 60 тысяч рублей).

Помимо вышеназванных проблем, то есть решения вопросов с размещением, транспортом и финансированием, требовалось «внести ясность» в следующее:

- о встрече на вокзале;
- об обеде у М.И. Калинина;
- об исполнении афганского гимна и украшении зданий афганскими флагами;
- об участии войск в церемонии встречи, а также о постоянном нахождении караула у помещения, занятого падишахом [19].

Реакция на обращение Д.Т. Флоринского к Л.М. Карахану со стороны последнего была незамедлительной. Уже на следующий день в Президиуме ЦИК СССР на имя А.С. Енукидзе под грифом «Совершенно секретно» поступило обращение Карахана, в котором он, в свою очередь, просил срочного содействия в урегулировании вопросов, связанных со встречей, приемом и обслуживанием Амануллы-хана.

«Нужно иметь в виду, что это первый случай приезда в СССР монарха и было бы крайне нежелательно, чтобы какие-либо упущения протокольного характера во время пребывания падишаха в СССР отразились на наших отношениях с Афганистаном, это особенно важно после блестящего приема, оказанного ему в Индии и в европейских столицах» [20]. Для решения этих вопросов Карахан предложил создать специальную комиссию в составе: И.С. Уншлихта от РВС (Реввоенсовета), Г.Г. Ягоды от ОГПУ и Л.М. Карахана от НКВД [21].

Первое заседание комиссии по приему падишаха состоялось 20 января, на нем присутствовали: Карахан, Уншлихт, Ягода, Флоринский и Цукерман.

По окончании заседания было принято решение довести до сведения падишаха, через афганского посланника в Москве или через его церемониймейстера, что шаху будет оказан «сердечный прием, но что церемониал встречи естественно будет отличаться от церемониала буржуазных государств. Падишах не должен в этом усматривать желание умалить его достоинство, ибо это отличие вытекает из объективных причин вследствие разницы режимов» [22].

На первом заседании комиссии рассматривались следующие вопросы:

– о помещении (предлагались Большой Кремлевский дворец, Софийская набережная, 14, бывший Второвский дом по Николо-Песковскому переулку, бывший Морозовский дом по улице Воздвиженке);

– о поездке падишаха на море (было решено представить крейсер в сопровождении двух миноносцев для перехода из Штеттина в Ленинград или из Константинополя в Одессу). Л.М. Карахану и Я.Э. Рудзутаку было поручено составить специальный поезд для поездок падишаха по стране.

Что касается непосредственно самой программы пребывания падишаха, то ее разработкой было поручено заниматься специально созданной подкомиссии, куда входили Флоринский, Цукерман (от НКВД), Будкевич (от Реввоенсовета) и один товарищ от ОГПУ (личность установить не удалось). Для детальной разработки приема членам подкомиссии следовало учесть следующие положения.

– На границе падишаху вручается приветственная телеграмма от М.И. Калинина, выставляется почетный караул и производится салют из 21 выстрела; сопровождать падишаха в Москву будет специальный представитель правительства [23].

– На вокзале в Москве падишаха встречают представитель ЦИК СССР, члены правительства, представители высшего командования и Моссовета. У вокзала выстраивается усиленный почетный караул, производится пушечный салют из 21 выстрела, в резиденцию падишах следует в открытом автомобиле.

– В честь падишаха устраиваются официальный прием: обед у М.И. Калинина, раут у Г.В. Чичерина, «гала в Большом театре», а также специальное конное состязание, военный парад и показательные маневры. Подкомиссии также было поручено составить программу осмотра Москвы, «выделить жен ответственных работников для приема королевы» [24], подготовить ноты афганского гимна и афганские национальные флаги для украшения здания вокзалов, разработать порядок встречи падишаха в тех городах СССР, которые посетит падишах, и меры по его охране. Что касается финансирования, то, по мнению членов комиссии, предварительная сумма, необходимая для организации приема, составляла 100 тысяч рублей (в эту сумму не входили расходы по ремонту помещения, специальному поезду и морскому транспорту).

Таким образом, членам комиссии и в первую очередь членам подкомиссии предстояло выполнить значительный объем технической и организационной работы и при этом постоянно помнить об идеологических установках. Насколько серьезно последнее обстоятельство способно повлиять на протокольные аспекты организации визита, стало ясно уже через 10 дней после заседания комиссии. Так, заместитель представителя Реввоенсовета И.С. Уншлихт, ссылаясь на первый пункт постановления, в котором подчеркивалось, что встреча падишаха не может быть организована по «примеру буржуазных стран» [25], выступил против салюта из 21 выстрела, показательных маневров, встречи падишаха на вокзале представителем ЦИК СССР, пушечного салюта на вокзале, «выделения» жен ответственных работников для приема королевы. Кроме того, И.С. Уншлихт заявил, что представить крейсер в сопровождении двух миноносцев военное ведомство может лишь в случае оплаты всех связанных с этим расходов [26].

Еще одной серьезной причиной, затруднявшей подготовку визита, являлось то обстоятельство, что в конце января 1928 года в Москве не знали о «намерениях и маршруте» падишаха. Д.Т. Флоринский просит полномочного представителя СССР в Париже В.С. Довгалева помочь решить эту проблему, так как без необходимой информации сложно «выработать программу и разрешить целый ряд вопросов» [27].

Один из таких вопросов был связан с размещением падишаха и его свиты, сначала в Москве, а затем в Ленинграде. На специальном заседании НКИД от 30 января 1928 года было принято решение предоставить падишаху особняк на Софийской набережной, 14, а также просить ЦИК и Моссовет оказать содействие в предоставлении помещения для выселяемых из этого особняка жильцов, «не имеющих отношения к НКИД» [28].

Одновременно с этим НКИД обратился с просьбой в Президиум ЦИК СССР вынести постановление о предоставлении НКИД из музеев и дворцов мебели, картин, ковров для помещений, в которых разместится падишах и его свита [29]. 2 февраля комиссия ЦИК СССР приняла решение выделить падишаху и его семье дом по Спасо-Песковскому, 10 (бывший дом Второва, а дом на Воздвиженке, 16 передать афганской миссии) [30]. Таким образом, комиссия ЦИК не поддержала решения НКИД о размещении падишаха на Софийской набережной, причина отказа, вероятно, связана с тем, что в особняке проживали сотрудники НКИД и пришлось бы заниматься их размещением. Однако подобное обстоятельство, то есть проживающие шесть семейств на Воздвиженке, 16 и находящийся там Пролеткульт, не остановили ЦИК от передачи здания афганской миссии [31].

В середине февраля в качестве одного из помещений для афганского падишаха и его свиты комиссией НКИД рассматривали дом на Пречистенке, 20 (принадлежавший Балашевой). При этом Л.М. Карахан обращает внимание наркома А.В. Луначарского, что этот некогда превосходно отделанный особняк находится в плачевном состоянии. Привести его в порядок за короткое время невозможно, к тому же он занят школой А. Дункан, но в особняке сохранились ценная мебель – шкафы и буфеты из черного дуба, гарнитуры красного дерева и т. д. Карахан просит содействия в передаче этой мебели НКИД, который ее отремонтирует и использует для приема падишаха.

Карахан подчеркивает при этом, что, прежде чем приступить к изъятию мебели из музейного фонда, следует рациональнее использовать мебель в особняке Балашевой, которая гибнет и школе Дункан не нужна [32]. Луначарский одобрил это предложение.

Несмотря на то что дом на Софийской набережной был отклонен советской стороной, афганский посланник в начале марта предложил поселить падишаха именно там. Литвинов порекомендовал Флоринскому «указать» посланнику на его наглость, так как там проживают сотрудники НКИД [33].

Не одобрил представитель Афганистана и Морозовский особняк, выделенный для афганской миссии, в беседе с Флоринским он заметил, что в Москве советское правительство не может «предоставить дружественной миссии достойного помещения, что поделаешь, буду принимать его величество в этом скромном доме <...>» [34]. В ответ на это Флоринский заметил: «Мы предлагаем лучшее, что у нас есть, если этот дом не нравится, то пусть миссия построит собственный особняк».

В марте продолжался подбор мебели для помещений, предназначенных для приема Амануллы-хана. Так, из Нескучного дворца были изъяты драпировки, тюлевые гардины и бархатная дорожка, из Музея изящных искусств – большой восточный ковер, три французских гобелена и два коврика, из Исторического музея – ковры, из Оружейной палаты – три ценных гобелена для спальни королевы. Под «энергичным нажимом» оперативного отдела ОГПУ ЦСУ возвращает два ковра, китайский шкафчик и т. д. Забирали ценную мебель и непосредственно из квартир советских работников [35]. Так, с заведующим финансовой частью ЦСУ СССР т. Тарасовым велись переговоры по изъятию из его квартиры «туалета» из белого гарнитура, при этом выяснилось, что в Историческом музее

НКВД «забронировал» три гарнитура мебели (из красного дерева, из карельской березы и один «золотой»), восемь ковров и две вазы, в Третьяковской галерее – два неполных гарнитура красного дерева, в Оружейной палате – двенадцать кресел из гостиной апартаментов наследника и восемь гобеленов (из них три представляли особую ценность (Бове). Музей народоведения должен был поделиться одним книжным шкафом французской работы из красного дерева, имеющим большую музейную ценность, одним зеркалом красного дерева, несколькими гобеленами и т. д. [36].

В музее-усадьбе Архангельское представитель НКВД отобрал для оборудования особняка к приезду падишаха золоченый гарнитур мебели в стиле Людовика XVI [37]. Одновременно с ремонтом помещений в Москве, в частности, на Софийской набережной в срочном порядке приводили в порядок мостовые [38]. Кроме того, комиссия ЦИК СССР по приему падишаха признала «желательным переименовать Трубниковский и Спасо-Песковский переулки в улицу «Независимого Афганистана» [39].

В акте № 250 от 25 апреля 1928 года содержится список вещей, переданных ГИМ Народному комиссариату по иностранным делам во временное пользование до 15 июня 1928 года. Среди вещей были: канделябры золоченой бронзы со стрелками (2); канделябры бронзовые настольные (2); двусвечник с экраном эпохи Николая I (1); канделябры; гостиная мебель в стиле ампир, золоченная по левкасу и т. д. [40].

Таким образом, с помощью музейных экспонатов был решен вопрос об убранстве особняков, подготовленных к приезду падишаха. Следует отметить, что музеи не собирались по окончании визита Амануллы-хана «дарить» НКВД отобранные для падишаха вещи, многие из которых изымались непосредственно из выставочных залов, что заметным образом нарушало систему научно-просветительской работы, а «пустоты» в экспозиции вызывали к тому же вопросы посетителей. В связи с этим 11 июня 1928 года Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса) обратилась к Карахану с просьбой отдать распоряжение «о возврате в музей <...> всех художественных предметов, выданных музеями и в первую очередь изъятых из экспозиции» [41].

В связи с тем, что ответа на обращение от 11 июня не последовало, Главнаука вновь обращается в НКВД, теперь уже лично к Чичерину, с просьбой о возвращении музеям взятых вещей (16 июля 1928 года) [42]. К 5 ноября ГИМ не получил большинство памятников, предоставленных во временное пользование НКВД. В ответ на требования музеев НКВД лично Карахан и Флоринский обращаются в президиум ЦИК СССР с просьбой вынести постановление о закреплении за НКВД отобранных для приемных комнат дома по Спасо-Песковскому, 10 мебели, бронзы и фарфора (с оговоркой, что предметы, имеющие важное музейное значение, будут музеям заменены, так как указанный дом наилучшим образом отвечает представительским целям и других подобных домов в Москве нет) [43].

Немало проблем вызвало размещение падишаха и его свиты и в Ленинграде. Первоначально (конец февраля – начало марта 1928 года) предполагалось использовать с этой целью Зимний дворец, Шереметевский и Елагинский дворцы. Шереметевский был исключен сразу, что касается Зимнего, то, по мнению организаторов приема, на оборудование в нем апартаментов

потребовались бы значительные средства и время. «Нам указали, – вспоминал Д.Т. Флоринский, – на спальню Александра II. Мрачная комната, потерянная среди пустынных зал и выходящая в сумрачный внутренний двор с облупившимися стенами. Нет воды, маленькая уборная в виде углового шкапа. В смежной комнате, роскошно расписанной и позолоченной, которую пришлось бы предоставить королеве, вовсе нет уборной. Мебель представляет, безусловно, большой исторический интерес, но вряд ли ей можно сейчас пользоваться, не рискуя ее сокрушить, нет кухни. Для размещения хотя бы ближайших лиц свиты пришлось бы проделать чрезвычайно большие переделки. Нет также никакой возможности использовать апартаменты Николая II, которые совершенно опустошены. Ввиду изложенного приходится отказаться от размещения падишаха в Зимнем дворце. Мы остановились на Елагинском дворце» [44].

Дворец, по мнению организаторов визита, «превосходно» обставлен, падишаху могли быть предоставлены кабинеты Николая I, имеется достаточно помещений для свиты, к тому же дворец «чрезвычайно живописно расположен, он удобен также в отношении охраны, ничего лучшего нам не придумать». Для проведения дворца «в совершенно жилой вид» потребуется проверка электричества и водоснабжения, а также установки временной плиты в подвале (на оборудование потребуется 1000 рублей) [45].

Что касается внутреннего убранства помещений, то, по мнению Флоринского, заслуживает внимания превосходная мебель во дворце Палей, но она уже продана за границу (за 500 тысяч рублей). И все же были отобраны две полные белые спальни и два небольших кабинетных гарнитура, драпировки, несколько дорожек и ковер для лестницы, к тому же представитель Главнауки обещал два гостиных гарнитура из Аничкова дворца [46]. Но, так же как и в Москве, организаторы приема столкнулись с возражениями афганского посланника по вопросу размещения падишаха.

Так как Елагинский дворец был отклонен из-за проблемы, связанной с его охраной, то Флоринский предлагает афганскому посланнику «Европейскую» гостиницу. В ответ на это представитель Афганистана заявил, что падишах не должен быть принят хуже, чем в других странах, и если нет дворцов, то лучше не ехать в Ленинград. Флоринский заметил, что «Романовы не отличались, по-видимому, большой культурностью, в их пышных дворцах отсутствуют элементарные условия <...> нет ни канализации, ни водопровода <...> приспособить их для жилья невозможно» [47]. Но если посол настаивает, продолжает Флоринский, то можно говорить о Зимнем, но комфорта как в «Европейской» не будет. Нужно выбирать «пышность вывески или удобство размещения» [48].

Спустя некоторое время (в начале апреля) Флоринский был вынужден признать правоту посланника в отношении гостиницы «Европейская», номера которой не отвечали требованиям для приема гостя такого уровня. В Зимнем «наметили» ряд комнат для падишаха, его жены, принцессы и сопровождающих. Основная трудность заключалась в обеспечении дворца водой, которую в любом случае пришлось бы проводить в целях пожарной безопасности (старый водопровод не действовал).

Несмотря на трудности с обустройством Зимнего дворца, по словам афганского посланника, падишах остался очень доволен описанием его помещений [49]. В этой же беседе был поднят вопрос о внешнем виде присутствующих на приеме у М.И. Калинина, на что Флоринский заявил, что прием «будет в пиджаках, так как правительство у нас не одевается во фраки – у каждой страны свой обычай» [50].

Флоринскому пришлось постоянно поддерживать отношения с афганским посланником, во время бесед с которым обсуждались все детали визита падишаха в СССР^[3].

Так, в начале марта (сводка по протокольному отделу за 5–9 марта 1928 года) во время статейного обсуждения программы первых трех дней, упомянув о блестящем приеме, оказанном падишаху в других странах, Флоринский очередной раз повторил, что СССР не намерен конкурировать ни с Италией, ни с Англией в пышности приема. Эта пышность чужда самому духу нашей страны рабочих и крестьян, кроме того, у нас отсутствует сам аппарат для организации пышных приемов. В монархических государствах существует специально разработанный дворцовый этикет, у нас дворцы превращены правительством в рабочие здания и в музеи, к тому же в СССР не думают, что внешний блеск и пышность приема являются выражением дружественного отношения.

В Советском Союзе убеждены, что падишах объективно оценивает ситуацию и не станет проводить параллели с приемом, оказанным ему, к примеру, в Англии. Флоринский особо подчеркнул в своей беседе с посланником, что наша программа построена таким образом, чтобы дать падишаху возможность как можно шире ознакомиться за короткое время с основными направлениями нашего государственного строительства и «воочию убедиться в глубоких симпатиях, которые у нас питают к афганскому народу, столь доблестно отстаивающему свою независимость и непрестаннодвигающуюся по пути прогресса» [52].

Выслушав Флоринского, посланник предложил, чтобы в первые дни падишах как можно больше времени находился в

Москве в обществе М.И. Калинина, сердечность приема также найдет свое выражение в тесном общении, по мнению посланника, с товарищем Рыковым. По мнению представителя Афганистана, в первый день приезда нужно устроить, по примеру итальянского короля, интимный завтрак у Калинина. В ответ на это Флоринский заметил, что Кремлевский дворец не приспособлен для приемов, «т. Калинин же занимает небольшую квартиру, вряд ли подходящую для этой цели» [53].

Замечание посланника, что Калинин, вероятно, будет сопровождать падишаха на прием в Моссовет, ипподром и аэродром, Флоринский оставил без комментариев.

Далее в процессе беседы последовало детальное обсуждение программы пребывания падишаха в Москве и Ленинграде, в целом одобренной посланником, который при этом попросил сообщить ему текст речи Калинина на приеме у председателя ЦИК СССР в первый день, а также выразил интерес к спектаклю в Большом театре. Флоринский сказал, что направит к нему специального представителя «по вопросу о включении в балетный дивертисмент афганских танцев» [54]. Что касается программы для супруги падишаха, то посланник заметил, что она по большей части будет находиться с мужем и что достаточно составить, исходя из ее пожеланий, небольшой список учреждений, которые могут быть для нее интересны.

Несмотря на критическое отношение к европейской протокольной практике, в своих посланиях к К.Е. Ворошилову Кара-хан постоянно подчеркивал, ссылаясь на программу приема в Англии, что Аманулла-хан интересуется сугубо военными вопросами (февраль 1928) и что нужно тщательно проработать военную часть программы в Москве и Ленинграде [55], чтобы в конечном итоге гости смогли увидеть те способности, «которые отличают наши Красную Армию и Флот от армий других государств, в частности от армии империалистической Англии» [56].

Если Карахан к основным недостаткам программы отнес недостаточную проработанность военной составляющей, то Чичерин в своих указаниях на имя Карахана (3 апреля 1928 года) детально разбирает программу каждого дня визита, вникая во все тонкости дипломатического протокола. По мнению Чичерина, в программе, представленной Флоринским, «не хватает самого главного – деловых разговоров <...> В XVIII столетии важнейшие дела обсуждались мимоходом в 5 минут, между ужином и метрессами, неужели с этой традицией надо считаться» [57].

Чичерин обращает внимание своих коллег, что нельзя в программах визита писать «прием у т. Калинина» или «прием у т. Чичерина», не указывая конкретно вид приема и где он будет проходить. Что касается внешнего вида приглашенных, то недопустимо указание «костюм – фрак», так как если на приеме будет присутствовать товарищ Калинин, то «нельзя же нам быть во фраке, когда он будет в пиджаке. У многих из обозначенных приглашенных вообще нет фраков, нельзя же быть мне овер-дрессед, когда Калинин будет ундердрессед» [58].

При посещении Дома Красной армии и флота следует внимательно осмотреть, как пишет Чичерин, экспозицию, посвященную Афганистану, «чтобы там не было чего-нибудь унижительного или чего-либо напоминающего о территориях, отнятых Россией» [59].

Чичерин постоянно обращает внимание на недопустимость расплывчатых определений в плане визита. Нельзя писать, что в ложе Большого театра вместе с падишахом, его свитой, Чичериним, Караханом, Луначарским будут находиться «<...> прикомандированные, это все неясно. Надо точно установить, сколько в этой свите людей, сколько прикомандированных и не получатся ли селедки в бочке» [60]. Что касается предлагаемого репертуара, то, по мнению Чичерина, балет «Красный мак» недопустим, так как этот цветок – символ борьбы на Востоке против Англии, то есть символ революции, и мы этим как будто нарочно говорим падишаху: «Борись с Англией сколько хочешь, результатом будет революция у тебя самого» [61].

Особое беспокойство вызвала у Чичерина ленинградская составляющая программы, по его мнению, необходимо было дать Ленинграду точные инструкции по всем вопросам визита. «Напоминаю, что в юбилейные торжества т. Киров при иностранных консулах вспомнил о том, как в 1918 году консулы протестовали против террора, и сказал: «Вместо этих отвратительных консулов скоро будут красные консулы других советских государств», не скажет ли Киров «что-нибудь подобное относительно королей» [62]. Кроме этого, Чичерин подчеркивает, что «Аманулла-хан в полной мере поддерживает ислам и свои главные речи произносит в мечетях. Наша публика склонна считать его <...> чем-то вроде интеллигентов прежнего времени, выходцев из высших слоев, и будут говорить с ним о религии в тоне единомышленников, это особенно возможно в Ленинграде» [63].

Замечания Чичерина демонстрируют не только его глубочайшие познания в области дипломатического протокола, стиль изложения отличает удивительная самоирония, присущая истинным интеллектуалам.

В это время Чичерин был не единственным высокообразованным дипломатом в Наркомате иностранных дел, к числу дипломатической элиты по праву принадлежит и А.М. Коллонтай. Поэтому не случайно, что, когда остро встал вопрос о сопровождении супруги падишаха, Флоринский пишет Кара-хану, что «наилучший и единственный, пожалуй, выход из положения – это приезд в Москву т. А.М. Коллонтай <...> Не приходится говорить, что т. А.М. Коллонтай обладает всеми необходимыми качествами и если возьмется за это дело, то блестяще его выполнит. Титул ее – посланника – также играет большую роль и, конечно, будет оценен афганцами» [64].

Карахан предлагает организовать приезд Коллонтай под видом отпуска или очередного прибытия по текущим делам, чтобы этот приезд в глазах окружающих выглядел случайным совпадением. Предполагалось, что «заботы» Коллонтай о королеве ограничатся Москвой и Ленинградом [65]. В частном письме Флоринский успел предупредить Коллонтай, до получения ею телеграммы от Чичерина с вызовом в Москву, о цели ее визита. Подобная «любезность» была очень важна для Александры Михайловны, так как избавила ее от лишних волнений («Ради приятного не вызывают») и позволила в Берлине подготовиться к приему, «обмундироваться», купив в Берлине меховую шубку (для вечеров), платье «для чая», шляпку, туфли и пр. О мехах и туалетах Коллонтай много говорили, но на самом деле она «умела носить платья», и именно это позволяло ей выглядеть королевой. Решение пригласить Коллонтай было принято в отсутствие Литвинова, который не придавал большого значения представительской линии и вряд ли одобрил ради соблюдения норм протокола «срывать» полпреда. Следует отметить, что, в отличие от Чичерина, Литвинов не видел большого смысла в сближении СССР с Ближним Востоком. Максимальную пользу от визита падишаха решил извлечь именно Чичерин [66].

11 апреля 1928 года был утвержден «план встречи и приема афганского падишаха в Москве», в котором забота о королеве в Москве и Ленинграде поручалась Коллонтай.

Результат подготовки к визиту

Подготовительная работа по подготовке визита падишаха практически завершилась к 1 мая 1928 года.

К этому времени была напечатана на персидском и русском языках окончательно согласованная с афганскими представителями московская программа пребывания, рассчитанная на семь дней, сделаны приглашения на два приема (3 мая – правительственный, 4 мая – от имени коллегии НКВД), выполнено «расписание стола обоих наших обедов», составленное по немецкому образцу (обед Гинденбурга в честь падишаха).

Для приема падишаха в Москве был подготовлен особняк на Софийской набережной. Дом отремонтировали, «пополнили» мебелью, фарфором, бронзой, коврами, украсили флагами Афганистана и СССР, иллюминировали. Моссовет привел в порядок Софийскую набережную, которую засыпали песком. К 1 мая особняк был «очищен» от жильцов, остался только Литвинов с семьей [67]. Для остальной части свиты был подготовлен морозовский особняк, для приемов – второвский. Обстановку всех трех домов составляли предметы из фондов московских музеев, о чем было сказано выше.

Охраной командовал т. Фокин и его помощник т. Рыбкин, у Фокина охрана состояла из «бравых молодцов», которые на протяжении всего путешествия падишаха по СССР «отлично несли службу, давая пример выдержанности и дисциплины» [68].

Для обслуживания падишаха были отобраны два повара, шесть «проверенных» официантов и работники кухни. Весь этот персонал сопровождал Аманулли-хана в его поездке по СССР и на пароходе до Пехлеви. С падишахом ехал также повар афганской миссии, специалист по плову [69].

Как оказалось впоследствии, выбор камеристок оказался менее удачным, они держали себя, особенно к концу путешествия, «не в меру развязно» [70]. Для путешествия падишаха по стране был выделен специальный поезд в составе трех вагон-салонов (падишаха, принцессы и министров), двух международных вагонов для свиты, вагона-ресторана, мягкого вагона для советского и афганского обслуживающего персонала, двух вагонов для охраны и вагонов для багажа. Для Карахана был подготовлен отдельный вагон-салон, следовавший до Севастополя. Во всех вагонах были телефонные аппараты, к купе прикреплены карточки с фамилиями проживающих.

Начало визита

1 мая для встречи падишаха на польскую границу выехал Карахан в сопровождении Флоринского, а также афганский посланник и другие официальные лица.

2 мая делегация прибыла в Минск. На пограничной станции специальный поезд, предназначенный для падишаха, остановился, и у вагона падишаха встал почетный караул. В этом же вагоне Флоринский ожидал от поляков сообщения о церемониале, но, как оказалось впоследствии, польская сторона никаких указаний не этот счет не получала. В результате афганский посланник вместе с Флоринским в сопровождении местных властей вышли на перрон, где был выстроен почетный караул. Следует отметить, что красноармейская форма Флоринского до такой степени «заинтересовала польских солдат», что начальник караула был вынужден призвать их к порядку [71].

Когда поезд подошел к станции, на перроне были исполнены афганский и польский гимны. В здании вокзала, где собрался «народ», раздались «жидкие» приветственные крики, когда у входа на перрон появилась группа во главе с падишахом, его супругой и свитой. Флоринский поприветствовал Аманулли-хана, представился его супруге, поздоровался со свитой, у входа в вагон падишаху отдал рапорт начальник охраны. Аманулла-хан со свитой вошел в свой вагон, началась перегрузка багажа.

В Минске на вокзале, освещенном прожекторами, падишаха приветствовал представитель ЦИК БССР А.Г. Червяков, Аманулле-хану были представлены члены правительства БССР. Обедали падишах и его семья в поезде, Карахан был приглашен к столу.

Московская часть визита

В Москву афганская делегация прибыла 3 мая точно в назначенное время, к 11 часам. От Можайска поезд сопровождала эскадрилья самолетов. Перрон и здание Белорусско-Балтийского вокзала были украшены афганскими и советскими флагами. На вокзале и в городе, согласно распоряжению Енукидзе, оставлена первомайская атрибутика.

Падишаха встретили Калинин, Енукидзе, Рудзутак (заменивший Рыкова), Ворошилов, Чичерин, Литвинов, Микоян, Луначарский, Семашко и другие члены правительства.

Из женщин в церемонии встречи принимали участие А.М. Коллонтай, которая поднесла королеве букет цветов, а также А.В. Литвинова и В.В. Карахан [72].

С «боем» пробрался на перрон польский посланник. Вдоль перрона за почетным караулом стояли группы сотрудников НКВД и Реввоенсовета, мусульманская делегация в национальных костюмах, иностранные и советские корреспонденты.

Калинин и падишах в сопровождении членов правительства и афганской свиты прошли вдоль почетного караула и направились к выходу. На площади Калинин, падишах, Ворошилов обошли

строй «усиленного» почетного караула. Супруга Амануллы-хана, свита и встречающие находились на крыльце вокзала, которое оказалось сильно «перегружено» из-за присутствия на нем мусульманской делегации и прессы. К сожалению, это было не единственное упущение в организации встречи. Во время размещения по автомобилям основная группа оказалась «распыленной» [73]. Этот опыт учли в будущем: в Ленинграде, Баку, Тифлисе на перроне встречал делегацию лишь один представитель высшего органа власти, а представление остальных встречающих происходило в парадных комнатах вокзала, и таким образом избежали непредвиденных остановок церемонии.

После прохождения торжественным маршем почетного караула началась посадка в автомобили. Во время движения по городу автомобили не следовали один за другим, так как, с одной стороны, посадка не происходила одновременно, а с другой – движение в городе не было перекрыто и в процессию вклинивались посторонние машины [74]. В других городах, которые посетил падишах (Ленинград, Симферополь, Тифлис,

Баку), движение по пути следования кортежа приостанавливалось, население стояло вдоль улиц шпалерами, хотя военного оцепления не было [75]. По мнению Флоринского, порядка в других городах при встрече падишаха было больше [76].

Флоринский одним из первых прибыл на Софийскую набережную, где, встретив падишаха и Калинина, проводил их в Красную гостиную, туда же направили афганцев и членов правительства. Калинин и члены правительства находились в особняке 10–15 минут. Афганские представители сделали много комплиментов по поводу убранства помещения. Падишах выходил на балкон, чтобы приветствовать выстроенный на набережной перед домом почетный караул.

В 14 часов 15 минут падишах посетил Калинина в Большом Кремлевском дворце, у которого вновь был выстроен почетный караул от циковской школы. У входа падишаха встречал Флоринский, на верхней площадке лестницы находились Енукидзе, Чичерин, Карахан и Цукерман. После беседы все вышли из дворца, Калинин и падишах обошли фронт почетного караула, после исполнения афганского гимна и «Интернационала» караул прошел торжественным маршем. Затем гости посетили Мавзолей В.И. Ленина, где падишах возложил венок. Супруга посетила Мавзолей на следующий день.

В 15 часов Аманулла-хан прибыл в Моссовет, несколькими минутами позже прибыла его супруга и принцессы в сопровождении Коллонтай. В Белом зале для гостей был «безупречно» сервирован большой чайный стол, «обильно украшенный цветами». Вдоль стен стояли отдельные столики. У одной из стен – столик с подарками: художественный ларец, на верхней крышке которого было выгравировано изображение Моссовета и в котором находился сборник, посвященный его деятельности (подарок для падишаха), его супруге предназначалась художественной работы братина. По окончании церемонии, около 15 часов 45 минут, падишах вернулся в особняк, а представители НКВД отправились в польскую миссию на пышный прием по случаю национального праздника и оттуда к падишаху. В 17 часов Аманулла-хан принимал шефов миссии, а вечером во второвском особняке состоялся обед. На нем присутствовали падишах со своей семьей и свитой, весь дипсостав афганской миссии, а с советской стороны – Калинин, Енукидзе, Рудзутак, Ворошилов, Чичерин, Микоян, Раскольников, Луначарский с женой (жена Луначарского была приглашена после долгих колебаний), Карахан с женой, Коллонтай и др. [77].

После обеда состоялся прием, на котором по решению советской стороны все должны были быть «в пиджаках». Это «упрощение» вызвало негодование некоторых глав миссий. Следует отметить, что еще при получении от Флоринского извещения о приеме у председателя ЦИК СССР итальянский посол спросил его, правильно ли он понял, что прием будет в пиджаках, «нет ли в этом ошибки» [78], на что Флоринский ответил, что советское правительство не признает другой формы одежды и каждая страна имеет свой обычай. «Вы потребовали бы от нас, чтобы мы явились еще в ночных рубашках, приличные люди привыкли вечером одеваться», – заметил Черутти [79]. Флоринский возразил, что «приличие» есть понятие относительное, его дело было указать форму одежды, в которой будут хозяева, посол может поступать как ему угодно – являться во фраке или в ночной сорочке. В результате Черутти пришел в пиджаке.

На приеме 3 мая 1928 года председатель ЦИК М.И. Калинин произнес речь, в которой в лице Амануллы-хана приветствовал страну, первой установившую официальные отношения с советским правительством. В своем выступлении Калинин выразил уверенность, что личное

знакомство падишаха с СССР, с «нашими учреждениями и с нашей работой поведет к еще большему взаимному пониманию и вместе с тем к укреплению и развитию отношений между нашими странами. Мы искренне будем приветствовать самое мирное ознакомление Вашего Величества со всеми областями нашей жизни и деятельности» [80].

В ответной речи Аманулла-хан заявил, что «политический акт наших государств, первыми признавших друг друга, вполне соответствовал интересам обеих стран и достигнутые за это время результаты вполне соответствуют той искренности, которая была положена в основу этих отношений» [81]. Прием прошел сдержанно, примерно в половине двенадцатого падишах поднялся, за ним разъехались и остальные гости. Так завершился первый день первого в истории СССР визита руководителя зарубежного государства.

Утром 4 мая падишах с семьей и свитой осмотрел Оружейную палату, посетил школу ВЦИК. На плацу ему показали кавалерийские учения, затем «продефилировали» два гусеничных трактора, которые были подарены падишаху правительством СССР.

В 16 часов падишах пил чай в Доме крестьянина, где ему и королеве были подарены кустарные изделия.

После обеда состоялся раут, на который был приглашен весь дипкорпус (форма одежды – фрак). Начальники миссий представляли падишаху и его супруге свой персонал. «Наших» дам королеве представляла Коллонтай [82]. После небольшого концертного отделения джаз-банд заиграл фокстрот. Однако танцевать никто не решался, и, чтобы «спасти» танцевальную часть приема, Флоринскому пришлось открыть бал с одной из присутствующих дам (мадам Эрбет). Около 24 часов падишах с семьей покинул вечер, но многие его министры и большинство гостей были до 2 часов ночи.

5 мая, осмотрев Трехгорную мануфактуру, падишах со свитой отправился в Дом Красной армии, где был встречен К.Е. Ворошиловым, вскоре прибыла в сопровождении А.М. Коллонтай и В.В. Карахан королева с принцессами. На завтраке с участием высшего военного командования СССР Ворошилов произнес речь, в которой заклеил английский империализм. Затем состоялся осмотр дома и стрельба в тире, в завершение визита падишаху поднесли ценную саблю, а королеве – винтовку. Вечером после обеда в афганской миссии состоялся раут, на который приглашены с женами начальники иностранных миссий, советники, первые секретари и военные агенты. Гости разъехались примерно в 12 часов.

Следующий день визита не обошелся без скандала. После посещения падишахом аэродрома, где его встречали Ворошилов, Енукидзе, Карахан, представители военного ведомства, падишах с семьей и свитой отправился на ипподром, трибуны которого были украшены советскими и афганскими флагами. В центральной ложе с падишахом и его семьей находились Калинин, Енукидзе, Карахан, дипкорпус присутствовал в полном составе на ипподроме. Состоялся розыгрыш приза Независимого Афганистана (падишах лично передал подарки наезднику и конюху), а вечером на торжественном спектакле в ГАБТе произошли отдельные протокольные «неприятности». Началось все с протеста некоторых инкоров, недовольных своими местами в ложах второго яруса. Инкорам пришлось объяснять, что ложи эльэтажа предназначены для дипкорпуса и нельзя сажать инкоров перед дипломатами. Но поведение инкоров не шло ни в какое сравнение с поведением супруги т. Луначарского, которую еще до начала спектакля и приезда афганцев Калинину пришлось буквально выставить из центральной ложи. Но это не помещало ей снова «влезть» в ложу после первого антракта, под предлогом, что ее пригласила афганская принцесса. Луначарскому указали на бесцеремонное поведение его жены и предупредили, что больше она не будет никуда приглашаться. В ответ на это Луначарский заявил, что отказывается от поездки в Ленинград. К сожалению, данное происшествие в этот вечер не было последним. Далее падишах поставил протокольную службу в трудное положение, заявив, что желает обедать в театре, но в ГАБТе не было кухни, привезти с Софийской набережной обед и разогреть его в Большой Московской гостинице было трудно. В результате было решено не отменять чайный прием в первом антракте в Бетховенском зале, на который приглашены главы миссий, а обед сервировать во втором антракте [83].

Последний инцидент в этот вечер был связан с послом Франции Ж. Эрбеттом, который после спектакля во время разъезда «в резких выражениях» заявил, что «ему нет житья от ГПУ и что его не пускают в центральные фойе» (там еще находились падишах и часовые) [84].

Несмотря на все происшествия этого вечера, спектакль прошел блестяще. Последние три дня пребывания Амануллы-хана в Москве строились по тому же плану, что и предыдущие, – посещение военных и гражданских объектов, вечером – прием или встреча в узком кругу.

Так, 7 мая падишах посетил Оружейный завод имени Калинина (на обратном пути падишах сам управлял автомобилем), около 12 часов – МГУ, где его принимал Луначарский, вечером состоялась встреча «в узком кругу» у Калинина, с которым у Амануллы-хана, по словам Флоринского, установились, как и с Ворошиловым, «дружеские простые отношения» [85].

8 мая утром падишах посетил авиазавод, а днем, отказавшись от визита в Наркомздрав, предпочел заняться делами. Королева с принцессами в сопровождении Коллонтай посетила Музей социальной гигиены и ясли. Супруга падишаха почти никогда не сопровождала своего мужа на осмотры предприятий, предпочитая оставаться в резиденции или совершать поездки по городу в сопровождении наших «дам», которые ежедневно ее навещали и с которыми у нее установились добрые отношения (принцессы совершали самостоятельные прогулки) [86].

Во время прогулок королева и принцесса отобрали для себя меха, которые были им подарены (этим вопросом занималась Коллонтай). Кроме этого, они сами купили некоторые меха и драгоценности, добросовестно за все заплатив. Таким образом, опасения, возникшие на основании сообщений французской прессы, оказались напрасными. Утром этого же дня министр двора пригласил Флоринского для вручения подарков Калинину, Чичерину, Карахану, Коллонтай, Старк и четверым прикомандированным с советской стороны к падишаху. Подарили серебряные вещи «дурной дешевой, видимо, немецкой работы <...>, только т. Калинину была подарена ваза сортом получше <...>. Помимо этого, было подарено по ящику с коллекцией афганских монет. У всех нас возникло подозрение, что министр двора спекулировал и заработал на наших подарках. Больно уж они оказались неказистыми. Якуб-хан передал также 3 больших портрета падишаха – для тт. Калинина, Чичерина и Ворошилова», – вспомнил Флоринский [87]. Днем падишах принял мусульманскую делегацию, а вечером состоялся банкет Афганской колонии в честь падишаха, который отличался исключительной роскошью (убранство лестницы, засыпанной цветами, обошлось около 3 тысяч рублей).

Утром 9 мая падишах посетил Военную академию, потом он присутствовал на маневрах за городом [88]. Вечером делегация выехала в Ленинград, проводы не отличались такой пышностью, как встреча. На Октябрьском вокзале был выстроен «небольшой почетный караул при знамени и оркестре», падишаха провожали Калинин, Енукидзе и Чичерин. В Ленинград Аманулла-хана сопровождали Карахан с женой, Коллонтай и другие прикомандированные.

Представляют интерес «замечания» Флоринского о пребывании падишаха и его свиты в Москве, в которых он анализирует не только протокольную составляющую визита, но и дает весьма емкие, образные характеристики его участникам, включая самого падишаха. По мнению Флоринского, торжественная часть московской программы проведена удачно, в соответствии с директивой комиссии ЦИКА, что «прием должен быть простой, но сердечный и что одним из основных элементов его должно быть деловое ознакомление с нашим строительством» [89]. Флоринский считал, что программа не была перегружена «ни излишней официальной, ни кичливым выявлением своего превосходства, как это имело место в некоторых других странах» [90]. Под «другими странами» автор, вероятно, в первую очередь имел в виду Англию. Что касается манер и стиля поведения самого падишаха, то Флоринский отмечает его достоинство и удивительную простоту не только в общении, но и в одежде. Во время всего путешествия по СССР он ни разу не надел «свои торжественные наряды, заготовленные для эпатирования других столиц» [91]. Своими манерами и обращением с окружающими Аманулла-хан разрушил те стереотипы, которые насаждались в СССР в отношении образа восточного монарха. «Это культурный, энергичный человек, обладающий живым умом, практик, который борется с обременяющими его предрассудками и пережитками, который ценит живое дело и которому не нужны лесть и угодничество приближенных» [92]. Поэтому падишах не любил официальные приемы, которые стремился по возможности сокращать. Флоринский в своей характеристике Амануллы-хана подчеркивает те черты характера падишаха, которые особенно важны для протоколита: «<...> он весьма пунктуален, тверд в своих решениях и не терпит внесения каких-либо изменений в согласованную с ним программу» [93]. Мнение Флоринского о падишахе во многом совпадает с характеристикой, данной ему Коллонтай. В своем дневнике А.М. Коллонтай пишет о падишахе: «<...> яркий, волевой и сильный человек. Но борьба ему

предстоит большая. Королева, или шахиня, как ее называют, – красивая женщина, именно «женщина», но и «королева». Держит себя с гордым достоинством и любезна в меру <...>. Аманулла не пьет вина, он хочет быть «сильным и здоровым физически», чтобы выполнить свою «большую задачу» <...>. Аманулла и красив, и некрасив. Все зависит от выражения его лица, когда он говорит о своих задачах, о своей стране, он загорается и хорошеет» [94].

Составляя характеристики на членов свиты, Флоринский, в частности, отмечает, что заместитель военного министра Хабибулла не в особом фаворе у афганцев, но при этом он настроен дружелюбно, всегда весел, любит выпить и, подчеркивает Флоринский, говорит по-русски [95].

Дружеским расположением и любовью к спиртным напиткам (неоднократно просили снабжать их коньяком) отличались и два молодых дипломата, хорошо говорящие по-немецки, заведующие отделами МИД Яхья-хан и Амин-хан [96]. Протокольная служба внимательно наблюдала не только за первыми лицами в свите падишаха. Так, внимание Флоринского привлекла придворная портниха мадам Си, «дама неопределенной национальности (не то румынка, не то полька) и выцветшего вида, смахивающая своими аллюрами на шпионку» [97]. Флоринский также обращает внимание, что афганские министры занимались спекуляцией, ими было привезено и реализовано в Москве значительное количество контрабандных товаров.

Посещение Ленинграда

Ленинградская часть программы визита падишаха в СССР началась 10 мая в 10 часов утра со встречи на вокзале, украшенном советскими и афганскими флагами, которые тоже совершили путешествие из Москвы в Ленинград. После того как падишах обошел строй почетного караула, гости направились в парадные комнаты, где Аманулла-хана познакомили с представителями местной власти, затем началась посадка в автомобили.

У привокзальной площади и вдоль всего проспекта 25 октября «густыми шеренгами» стояло население, сдерживаемое «редкими» цепочками милиционеров. Несмотря на значительное скопление народа, порядок был «образцовый» [98].

На площади Урицкого войска выстроены для парада. На углу Садовой автомобиль падишаха свернул на острова, чтобы дать остальным участникам визита занять места на площади Урицкого. Прибыв на площадь, королева поднялась с дамами на балкон Зимнего дворца, а свита разместилась на временных трибунах на грузовиках. Дальнейшее описание встречи невольно переносит нас во времена блистательного Петербурга начала XX столетия.

Ветер разогнал тучи, показалось солнце. «Стройные колонны войск заполняли площадь, зрелище было прекрасное и величественное. Несколько минут спустя показался автомобиль падишаха. Царившее на площади молчание сменилось громом музыки, играли все оркестры» [99]. После объезда частей, которых от имени падишаха приветствовал Ворошилов, падишах и Ворошилов поднялись на трибуну. Началось прохождение воинских частей (всего прошло примерно 38 тысяч человек), артиллерии, технических частей, танков и т. д. В воздухе пронеслись самолеты. После грандиозного парада гости направились к главному входу в Эрмитаж, поднялись по парадной лестнице, прошли через анфиладу гостиных, в специально приготовленные для высоких гостей апартаменты, в прошлом принадлежавшие Александру II: большой белый зал, золотая гостиная, будуар, спальня падишаха, уборная, спальня королевы, ее уборная, спальни двух принцесс и принца, апартаменты двух министров.

«Затихший, оголенный дворец, превращенный в музей, вдруг ожил. <...> При входе караул, швейцары в ливреях, в столовой огромный накрытый стол, накрыт по-старинному: корзины из витога сахара, башни из масла, куропатки, украшенные перьями. <...> Золоченые кресла, лакеи <...>. По Залам разносится забытый звук: «их величества», «его высочество принцесса», шпоры, приказания, караул» [100].

Обстановка гостиных была великолепна. «Жаль будет, если это помещение не удастся сохранить в его нынешнем виде на случай каких-либо новых приездов», – писал Флоринский [101]. (К счастью для потомков, Зимний дворец не был превращен в Дом приемов.) Остальная свита разместилась в гостинице «Европейская».

В 14 часов в большом белом зале состоялся завтрак, на котором, кроме членов правительства, присутствовали командующий морскими силами Балтийского флота т. Викторов и член Реввоенсовета ЛВО т. Сааков. Военная составляющая оставалась главной в каждом пункте программы. В тот же день во время митинга на Фарфоровом заводе Ворошилов обратился к собравшимся рабочим с речью, в которой объяснил характер отношений с Афганистаном и роль «верховного вождя этой страны, Амануллы-хана» [102].

На следующий день, 11 мая, падишах вместе с Караханом и Ворошиловым отправился в Кронштадт. (Королева в сопровождении наших дам каталась по городу и делала покупки.)

12 мая протокольной службе пришлось урегулировать конфликт в Академии наук, куда Аманулла-хан отказался поехать, заявив, что королева больна и он не может оставить ее ни на минуту. В это время в Академии собрались все 43 академика во главе с Карпинским. Когда они узнали, что падишах не приедет, поднялся ропот возмущения. «Знаем мы эти болезни, – горячился какой-то желчный старичок, – небось в Париже академию посетил, в других городах также, а к нам пожаловать не захотел, мы это запомним» [103]. На следующее утро, когда Аманулла-хан явился в Академию, выдающемуся востоковеду-индологу, иранисту, секретарю АН С.Ф. Ольденбургу едва удалось собрать примерно 10 ученых. Падишах принес извинения, ему показали афганскую коллекцию семян культурных растений академика Н.И. Вавилова, который преподнес ему свои труды об Афганистане.

Вечером в театре Флоринский принял все меры, чтобы ситуация, возникшая в Москве, не повторилась в Ленинграде: с этой целью в центральную ложу публики впускалась только по специально составленному списку.

13 мая падишах совершил поездку по городу и посетил мечеть. Перед отъездом в Крым А.М. Коллонтай, возвращавшаяся в Норвегию, нанесла прощальный визит королеве.

В 16 часов 30 минут гости и сопровождение отправились на вокзал по улицам, вдоль которых шпалерами были выстроены войска [104]. На вокзале падишаха встречал почетный караул.

По мнению Флоринского, прием в Ленинграде был организован лучше, чем в Москве, и выглядел более торжественно. Что касается помещения, то «этот вопрос был решен блестяще». Но при этом произошло недоразумение со штандартом падишаха, который был привезен из Москвы и поднят в Ленинграде лишь на второй день. (При отъезде в Крым штандарт снова забыли передать в поезд.)

В то же время ленинградцы перегнули палку с охраной падишаха: Зимний дворец был все время окружен шпалерами милиции, которые также выстраивались по пути следования падишаха. Один партийный работник сообщил Флоринскому, что рабочие возмущены действиями властей. Парторганизация не провела к приезду падишаха никакой разъяснительной кампании, и визит Амануллы-хана дал повод для «фантастических» контрреволюционных слухов [105].

Крымское путешествие

Путешествие в Крым сопровождалось целым рядом курьезных случаев, напрямую связанных с нарушением протокольных правил со стороны местных властей.

Встреча в Орле стала полной неожиданностью не только для падишаха, но и для всех сопровождающих его лиц.

Привыкнув видеть повсюду «очищенные» от публики вокзалы, пассажиры специального поезда были сильно удивлены, заметив на перроне выстроенный караул и «замершую толпу» [106]. Среди тишины оркестр стал исполнять попури на восточные мотивы, что, по мнению местных организаторов, являлось заменой афганского гимна. В это время Флоринский буквально метался по вагонам, пытаясь собрать вместе афганских и советских пассажиров поезда.

Падишах, как впоследствии рассказывал Флоринский, еще полуодетый, быстро закончил туалет и, потребовав карту, начал искать на ней место нахождения города Орла, удостоверившись в его существовании, Аманулла-хан быстро выскочил на перрон, а за ним бросилась свита. Далее все шло по принятому церемониалу. Падишах обошел строй почетного караула, председатель исполкома произнес «цветистую» речь в «мировом масштабе» [107] и представил почетному гостю местных ответственных работников. Оркестр продолжал играть

попурри, туш, «Интернационал», публика кричала «Ура!». Под бурные овации путешественники вернулись в свои вагоны и отправились дальше по принятому маршруту.

В ответ на возмущение посланника Мирзы-Мохамед-хана, почему не последовало предупреждение о встрече в Орле, Флоринский ответил, что в этом заключается выражение подлинной любви советского народа к падишаху, другу СССР [108]. Но если ситуация, возникшая в Орле, еще может быть воспринята как забавное недоразумение, то встреча в Белгороде едва не закончилась международным скандалом. В свое время украинская сторона была оповещена о том, что желательно обойтись без торжественной встречи в Харькове, и было предложено отправить в Белгород делегацию в составе двух-трех человек. Вместо этого, никого не предупредив, украинское правительство прибыло в Белгород в полном составе. Увидев всех именитых украинских мужей, Флоринский поспешил предупредить афганского посланника «о великой чести, оказываемой падишаху Державной Украиной» [109]. Посланник растерялся, начал что-то «лепетать», и в это время на перрон вышел падишах. Написанную по-русски речь зампреда ЦИК Власиленко начал читать по-украински. Мирза-Мохамед-хан, ничего не понимая, попросил Власиленко перевести речь на русский язык. Власенко знаками стал объяснять, что не может прерывать выступление, а когда закончил, сразу представил членов правительства. Насколько это оказалось возможным, падишаху перевели речь, он поблагодарил, пожал всем руку и направился вдоль перрона, очевидно полагая, что выстроен почетный караул (на самом деле это была толпа любопытных зрителей). Заметив свою ошибку, Аманулла-хан сконфузился и, чтобы выйти из положения, сделал вид, что совершает прогулку, к нему присоединились вышедшие из вагона супруга и принцессы. Украинские представители, видя, что падишах не обращает на них внимания, перешли на другой перрон. Флоринский стал убеждать посланника подойти к падишаху и просить его пригласить членов правительства на чашку чая, пока тот принимал решение. Получив приглашение пройти в поезд, украинская сторона от этого отказалась, заявив, что поедет в своем поезде. В это время начальник поезда подал знак к отправлению, падишах едва успел вскочить в первый попавшийся вагон.

Афганский посланник вновь устроил Флоринскому бурную сцену, сказав, что падишах удручен этим недоразумением. Чтобы загладить неловкость, падишах послал Председателю Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровскому приветственную телеграмму с благодарностью за встречу [110]. Флоринскому было дано задание широко осветить встречу для украинской прессы.

В Крыму падишах почувствовал себя особенно свободно. В Бахчисарае он долго гулял по перрону, охотно позировал перед фото- и кинорепортерами, затем отправился в деревню, прилегающую к станции, где беседовал и снимал татарское население, которое осталось по отношению к падишаху весьма равнодушным. Заключительная часть путешествия до Севастополя прошла без нарушения протокола.

15 мая в 13 часов делегация прибыла в Севастополь. На вокзале был выстроен почетный караул, прозвучали гимны двух стран, председатель ЦИК Крымской АССР т. Кубаев приветствовал падишаха на турецком языке и представил членов правительства, а также командующего Морскими силами Черного моря. Падишах произнес краткую ответную речь, обошел строй почетного караула, который затем прошел церемониальным маршем. После этого началась рассадка по автомобилям. До Байдарских ворот делегацию сопровождала эскадрилья самолетов [111].

У Байдарских ворот падишах пересел за руль и управлял автомобилем до самой Мухалатки, несмотря на предостережения Карахана о трудностях спуска. На крыльце дома в Мухалатке падишаха встречала супруга А.И. Рыкова. В Алупку отправились Хабибулла-хан и Гулам Джелани-хан (падишах выразил желание, чтобы практически вся свита осталась в Мухалатке) [112]. В Мухалатке с первого дня пребывания создавалась удивительно теплая, непринужденная атмосфера. Гости гуляли в саду, играли в теннис (падишах играл с Караханом), в кегельбан, стреляли в тире (королева стреляла неплохо, а падишах считался хорошим спортсменом). За стол садились как кому нравится, никаких выездов в течение трех дней не было. В Мухалатке устраивались шахматные турниры, принцессы музицировали [ИЗ].

Флоринского, как и в предыдущие дни визита, интересовали не только протокольные вопросы, в Крыму он решил изучить реформаторскую деятельность падишаха. На вопрос Флоринского одному из гостей Мухалатки, какие реформы готовит падишах, тот ответил, что реформирование будет происходить постепенно. «Будучи человеком дела, – заявил мой

собеседник, – король любит мало говорить, предпочитая слову дело, меньше всего он говорит о вынашиваемых планах. Но все мы чувствуем, что он готовится к большим реформам» [114]. Затем Флоринский спросил, что неужели падишах допустит, чтобы королева и принцессы, раз открыв лица, снова их закрыли по возвращении на Родину. На это собеседник Флоринского ответил: «Да, это придется сделать, но не надолго. Одной из первых реформ, по-видимому, будет снятие паранджи, причем падишах намерен начать со своей семьи» [115].

Вечером 15 мая Флоринский отправился в Алупку, чтобы проследить за размещением свиты в Шуваловском корпусе, недавно отремонтированном под санаторий. Следует заметить, что, несмотря на великолепие Воронцовского дворца и парка, из афганской делегации там остановились только Хабибулла-хан и турецкий посол, а позже афганский посланник в Тегеране. Согласно программе пребывания падишаха в СССР, 18 мая в 12 часов он со своей свитой должен был отплыть из Севастополя на турецком корабле «Измир» в Константинополь. Следует отметить, что еще 25 февраля заместитель народного комиссара по иностранным делам Карахан сообщил заместителю председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихту, что падишах собирается выехать из Севастополя или другого крымского порта в Константинополь и просит выделить для этого советское военное судно. В связи с намеченным в мае походом советских черноморских судов (крейсер «Червона Украина» и др.) в Турцию, коллегия НКВД считала необходимым приурочить этот поход к моменту отъезда падишаха, чтобы использовать военные суда для «переброски» падишаха в Турцию [116].

1 марта Уншлихт сообщил Карахану, что поход крейсера «Червона Украина» и трех эскадронных миноносцев в Константинополь имеет цель «оморячивание и тренировку личного состава <...> и обучение его работать с иностранными картами и пособиями».

По мнению Уншлихта, совмещение похода в целях учебнобоевой подготовки с поездкой падишаха невозможно, так как поход – это тревоги и учения, а пребывание «официального представителя дружественной нации на корабле потребует соблюдения этикета и обеспечения полного комфорта и спокойствия во все время пребывания падишаха на крейсере». К тому же наркомвоенмор не возражает против дополнительного похода кораблей морских сил Черного моря в Константинополь вместе с падишахом, если будет выделен дополнительный кредит на топливо и смазочные материалы.

Проводы падишаха из Севастополя состоялись по церемониалу, предложенному советской стороной туркам и афганцам. На площади перед пристанью 3-го Интернационала был выстроен почетный караул, на правом фланге – комсостав. Падишах прошел вдоль фронта почетного караула, оркестр исполнил афганский и турецкий гимны, «Интернационал», затем состоялся объезд на катерах по бухте советских военных судов, на которых были выстроены команды. Когда падишах поднялся на «Измир», оркестр исполнил «Интернационал», афганский и турецкий гимны. Карахан произнес прощальную речь. Представители крымского населения подарили падишаху местные сладости и папиросы. Сопровождающие с советской стороны пожелали падишаху счастливого пути и покинули судно. Эта «импозантная», по мнению Флоринского, церемония прошла по плану.

До границы территориальных вод «Измир» сопровождали не только советские суда, но и эскадрилья самолетов, с которых летчики сбросили 20 цветочных бомб (18 попали в «Измир»).

С борта корабля падишах отправил Калинин телеграмму с благодарностью за оказанный прием (следует отметить, что падишах и свита были в восторге от приема в Крыму).

21-го в Москву выехал Карахан, Флоринский остался в Севастополе, чтобы решать вопросы, связанные с кавказской программой.

Турция

27 мая эскадра советских военных кораблей в составе крейсера «Червона Украина» и эсминцев «Петровский», «Шаумян», «Фрунзе» вышла из Севастополя (под командованием Орлова). На следующий день эскадра вошла в Босфор. Прибытие советской эскадры в Константинополь произошло почти одновременно с приездом туда из Ангоры падишаха.

30 мая должен был состояться футбольный матч между советской и турецкой командами, а вечером турецкие моряки должны были принимать краснофлотцев.

В 16 часов на футбольное поле выбежала турецкая команда с большим советским флагом. После исполнения оркестром «Интернационала» и турецкого гимна на поле вышла советская команда с турецким флагом, наш оркестр вместо турецкого гимна играл «Интернационал». Получив с трибуны распоряжение, он исполнил турецкий гимн [117]. Когда команды сошлись, начался сильный дождь. Игра закончилась поражением нашей команды. Во время матча Флоринский, отправившийся на переговоры с турецкими коллегами, обратил их внимание, что в прессе наш флот называют «русским», а не «советским» и что, к сожалению, даже на пристани не было советских флагов (город украшали турецкие и афганские флаги), тогда как в Севастополе были не только афганские и советские флаги, но и турецкие (несмотря на обещание турецкой стороны, советские флаги не были вывешены).

В 20 часов в одном из самых больших ресторанных залов в «Туркуазе» состоялся турецкий банкет в честь советских моряков на 600 кувертов, обслуживали собравшихся русские эмигранты. У каждого прибора лежало меню на русском и турецком языках «Ужин в честь офицеров и матросов Флота Советской Республики, устраиваемый Турецким Флотом» [118].

Турецкие моряки вели себя как радушные хозяева и так быстро нашли общий язык с краснофлотцами, что у советских представителей начались опасения по поводу выступления краснофлотцев и турецких матросов после официальных речей, но «все прошло гладко» [119]. Расстались около полуночи.

На следующий день падишах присутствовал на гребных гонках с участием советских и турецких моряков. Вечером в бывшем тронном зале в Доме Бахче состоялся раут, на который были приглашены советские дипломаты и моряки. Советская делегация подошла к падишаху и его супруге, обошла афганскую свиту. Министр двора передал Флоринскому, что падишах желает с ним лично побеседовать. Во время разговора Аманулла-хан спрашивал о здоровье Калинина, Ворошилова, Чичерина, Карахана, говорил о том, что прием в СССР «глубоко тронул своей простотой и сердечностью». После обмена любезностями начались танцы. Следует заметить, что, по словам очевидцев, дамы на рауте были одеты «слишком элегантно» [120]. В том же зале состоялся ужин а-ля фуршет, около часа ночи падишах и королева простились с гостями.

1 июня, в день отъезда падишаха из Константинополя, состоялся парад турецких войск в его присутствии. Прощальной церемонии не было. Когда падишах с семьей и свитой был доставлен на «Измир», прогремел салют советских и турецких судов. «Измир» шел впереди «Червоны Украины», наши миноносцы шли следом в кильватерной колонне, сопровождаемой турецкими миноносцами. Следует отметить, что безукоризненное поведение советских моряков, их выдержка и дисциплина произвели в Турции должный эффект. В целом прием носил демонстративный характер и подчеркивал дружеские отношения между СССР и Турцией. Но, оказывая радушный прием, турецкие власти, по мнению Флоринского, старались избегать «лишнего шума, чтобы не слишком волновать «западных друзей» [121], доказательством этому может служить отсутствие в Константинополе на улицах советских флагов.

Турецкая власть не стремилась, в отличие от советской в Севастополе, языком протокола говорить о советско-турецко-афганской дружбе. Турки «не смешивали» советских представителей с афганскими и не приглашали их вместе практически ни на одно официальное мероприятие. Но как только падишах узнал, что в Константинополе находится советская делегация, он пригласил ее членов на единственный прием, который давал городу. «Линия поведения афганцев оказалась более четкой и ясной, чем у турок», – писал Флоринский [122].

На «Измире»

Во время путешествия на Кавказ стояла прекрасная погода, на борту «Измира» царил непринужденная атмосфера. Свита падишаха пополнилась его дочерью, очаровательной девочкой 9 лет, свободно говорящей по-французски (на Кавказе она забрались в вагон охраны, подружилась с красноармейцами, перебрала все оружие, заявила, что никуда не уйдет, так как «любит солдат») [123].

Распорядок дня включал завтрак в 13 часов и обед в 20 часов. В кают-компании накрывался большой стол посередине и небольшие столы вокруг. Сначала турки распределили места и

разложили карточки, но падишах отменил этот порядок, места занимали по своему желанию. К концу первого дня путешествия (1 июня), перед заходом солнца «Червона Украина» с выстроенной на палубе командой, под звуки афганского гимна и «Интернационала» прошла мимо «Измира». «Падишах был в восторге, «махал команде платком и кричал приветствия», затем «Червона Украина» пошла перед «Измиром» [124]. На следующий день свите падишаха были вручены подарки – золотые и серебряные портсигары.

В 15 часов падишах наблюдал за боевым учением на эсминцах. Особый эффект произвела на зрителей дымовая завеса, за которой они скрылись. Во время прохождения кораблей падишах приветствовал команды.

Кавказ

Встреча падишаха в Батуми началась с салюта. Затем к «Измиру» подошел катер, с которого сошли представители правительства ЗСФСР. Падишах перешел на «Червону Украину». У трапа его встретили Орлов и командный состав. Оркестр исполнил афганский гимн и «Интернационал», команда построена на палубе. После того как падишах обошел крейсер, все сели в катера, доставившие гостей на пристань, где прозвучали гимны и прошел обход почетного караула.

После небольшой поездки по городу Аманулла-хан с семьей и свитой отправился завтракать на Зеленый мыс. Завтрак, накрытый на утопавшей в цветах площадке, прошел в непринужденной обстановке. Гостям предложили концертную программу, составленную из кавказских песен и танцев. По окончании завтрака (в 17 часов) последовал осмотр чайной плантации и фабрики в Чакве, затем все направились к морю и расположились на пляже. В ожидании поезда падишах старался перещеголять своих министров «в бросании камешков в море» [125]. На станции, с выстроенным почетным караулом, состоялось прощание падишаха с правительством Аджаристана и с турецкой делегацией. Встреча в Тифлисе проходила в целом по той же схеме, что и в Москве, но с учетом допущенных там протокольных ошибок.

На перроне из членов правительства находились только представитель Закавказского ЦИК С.И. Касьян и представитель Грузинского ЦИК Ф.И. Махарадзе. Приветствовавшие падишаха другие члены закавказского и грузинского правительств были представлены падишаху в парадных комнатах вокзала. После обхода строя почетного караула на привокзальной площади падишах, его свита и члены правительства поднимались на трибуну, мимо которой торжественным маршем прошли войска. Члены правительства провозгласили здравицы в честь афганского народа, «борца за независимость Афганистана» [126]. В отличие от встречи в Москве движение по главным улицам города было приостановлено. Несмотря на большое скопление народа, порядок поддерживали немногочисленные посты милиции. «Тифлисцы, видать, народ дисциплинированный – порядок образцовый», – заметил Флоринский. Прежде чем отправиться в резиденцию, гости объехали город и с горы полюбовались на Тифлис. На обратном пути падишах сел за руль. После размещения в резиденции все были приглашены на завтрак, накрытый в саду (министры к этому времени успели посетить знаменитые Тифлиссские серные бани). Но из-за сильного ветра завтрак перенесли в один из залов дворца. Протокольной службе пришлось срочно готовить новое помещение.

Во время трапезы звучала кавказская музыка, исполнялись кавказские песни и танцы, произносились официальные речи. Кофе был накрыт в саду, королеве и принцессам подарили серебряные вещи старинной грузинской работы.

В Тифлисе падишах и его свита купили летние картузы, падишах щеголял в картузе в Баку, куда делегация отправилась из Тифлиса.

В Баку падишах посетил нефтяные промыслы, а на королеву сильное впечатление произвел женский клуб, в котором велась большая работа. Завтрак в честь падишаха был накрыт на террасе Дворца физкультуры. На приеме, вопреки заранее составленной программе, состоялись незапланированные выступления. Так, приехавший из Берлина корреспондент одной из революционных восточных газет, выходящей в Германии, произнес зажигательную речь по-персидски. Когда вышли из-за стола, Флоринский попытался уговорить падишаха отложить

ради королевы поездку из-за шторма на море. «Ничего, пусть привыкает», – ответил Аманулла-хан.

В порту в честь падишаха был выстроен почетный караул, в 17 часов корабль с высокими гостями отвалил от берега, эскортируемый двумя эсминцами. В целом падишах остался доволен пребыванием на Кавказе, некоторые протокольные неувязки (слишком широкий состав присутствующих на официальных приемах, экспромтные выступления и т. д.) были отнесены за счет восточного гостеприимства и радушия, не укладывающихся в формальные рамки протокола [127].

К промахам в организации визита падишаха с семьей и свитой на Кавказе, по мнению Флоринского, можно отнести:

- широкий состав правительственной делегации, встречавшей и провожавшей падишаха;
- в Батуме не было интимного завтрака в узком кругу. Приемы были громоздкими.

«Многолюдство, затруднявшее маневрирование, представлялось тем менее целесообразным, что многие из присутствующих вообще не были представлены падишаху и таким образом присутствие лишено было всякой ценности, поскольку падишах не знал, кто эти многочисленные гости, сидящие за столами. Непонятно было, для какой цели они приглашены»;

– иностранных консулов приглашать не следовало, так как в Ленинграде они не принимали участие в приеме. Таким образом, был дан повод для справедливых упреков со стороны ленинградских консулов. «Совершенно излишним представлялось иметь этих враждебных наблюдателей за завтраком, который прошел не слишком организованно» [128].

На «Полуяне» (пароходе, на котором падишах покинул Кавказ) выяснилось, что не хватает комплектов белья и подушек, притом что на прием были израсходованы значительные средства.

Видимо, не хватило средств и на ремонт сходен: в Батуме, выходя из катера на берег, королева едва не провалилась, и ее выносил в своих объятиях один из сотрудников Закавказского ЦИК. На «Полуяне» падишах и свита находились в отличном настроении: гуляли по палубе, музицировали. Падишах даже попытался танцевать со своей супругой. Служба протокола создавала для Амануллы-хана максимально комфортные условия на протяжении всего путешествия. Однажды, когда Аманулла-хан фотографировал волны, в фокус попал один из сопровождавших корабль миноносцев. Падишах заметил, обращаясь к Флоринскому: «Вы не мешаете мне снимать».

Персия

Флоринский был приглашен продолжать путешествие с падишахом в Тегеран, Москва одобрила это предложение [129].

Пристань в Пехлеви и прилегающий бульвар пестро украшены флагами, фонариками, цветами. Почетный караул в «зеленых, несколько опереточных мундирах». На пароходе выстроена советская охрана во главе с Фокиным и Рыбкиным на берегу, у схода также находились наши охранники с саблями наголо. «Т. Фокин отлично проводит эту церемонию, просто, но внушительно. Молодцы его ребята. Полный контраст с персидской бутафорией», – вспоминал Флоринский [130].

Падишах сошел на берег в сопровождении своей семьи и свиты, турецкого посла и прикомандированных из РФ. На королеве и принцессах были шляпки с легкими вуалетками. Из персидских дам никто не принимал участие в официальной встрече. После обхода почетного караула падишах с семьей отправляется на остров, на котором находится дом для падишаха. Флоринский обращает внимание на большое число военных в опереточных красных и голубых мундирах, являющихся слабым воспроизведением Наполеоновской эпохи.

Обер-церемониймейстер знакомит Флоринского с программой. Вечером должен состояться обед, на который приглашены прикомандированные к падишаху с советской стороны и командный состав эсминцев. Для краснофлотцев обед будет дан отдельно. Первоначально гостям сообщили, что они должны быть на обеде во фраках, за три часа до приема поступило новое решение – согласно воле падишаха все должны быть в пиджаках.

Далее Флоринскому сообщают, что, исходя из норм протокола, министр двора просит советских представителей выехать в Тегеран отдельно от падишаха и немного раньше его.

Флоринский задает вопрос о том, стоит ли вообще советским представителям ехать в Тегеран. На это ему отвечают, что посещение Тегерана гостями из СССР весьма желательно, так же как участие во всех приемах, которые будут в столице в честь падишаха. После того как Флоринский поделился с коллегами этой информацией, высказывались мнения, что предложение об отдельном путешествии в Тегеран вызвано нежеланием персидской стороны портить отношения с Англией, принимая во внимание заключенные с ней соглашения. Советская делегация пребывает во дворец к 20 часам, но никаких признаков начала обеда не наблюдается [131]. Флоринский добивается встречи с министром двора, в беседе с которым заявляет, что если «наше присутствие вызывает протокольные затруднения в пути, но нет гарантий, что таковые не возникнут в Тегеране, хотя эти протокольные тонкости мне не совсем понятны, ибо 2 персидских дипломата путешествовали в нашем поезде с падишахом по всей территории Кавказа <...>». Далее Флоринский заявляет, что советская сторона не склонна создавать ни политические, ни протокольные проблемы дружественному персидскому правительству и поэтому предпочитает отказаться от поездки в Тегеран [132].

В ответ на это министр двора заявил, что никаких политических соображений, препятствующих поездке, нет: «Мы достаточно теперь сильны, чтобы принимать своих друзей, не считаясь с тем, приятно это или нет некоторым другим державам – я понимаю, что Вы имеете в виду Англию» [133]. Предложение ехать отдельно вызвано, по словам министра, только протокольными соображениями. Кроме того, «мы не хотели бы, чтобы создавалось впечатление, что Вы приехали в нашу столицу исключительно ради падишаха, а не для нас самих». Далее министр двора попросил советских представителей погостить в Тегеране подольше и остаться там и после отъезда падишаха. «Ваш отказ от поездки в Тегеран я буду рассматривать как личное оскорбление и должен вам пригрозить разрывом дипломатических отношений», – шутливо закончил он. В результате было принято решение, что советские прикомандированные явятся проводить падишаха в момент его отъезда из Пехлеви, затем самостоятельно (министр двора обещал предоставить автомобиль) отправятся в Тегеран, где примут участие во встрече.

Между тем время приближалось к 10 часам, но признаков начала обеда не было. Сконфуженный министр двора пригласил гостей в столовую. Аманулла-хан не вышел к обеду, он предпочел обедать в своих покоях с семьей. Есть основания полагать, что такое поведение падишаха вызвано тем, что от церемонии отстранялась королева [134]. Несмотря на отсутствие падишаха, обед состоялся (распределения мест не было). В присутствии афганских министров министр двора был подчеркнуто любезен с Флоринским, выражал надежду, что тот подольше погостит в Тегеране и они сыграют в его любимый бридж. При этом постоянно подчеркивалось, что советские представители едут в Тегеран не только ради падишаха (говорилось это громко, чтобы слышали афганские министры). Обед прошел «сумбурно, без всякого подъема. Выступали певички шантанного типа. Никаких речей не было. Странный был обед», – вспоминал Флоринский [135].

На следующий день, прощаясь с падишахом, Флоринский от имени своих коллег пожелал ему и королеве счастливого пути. Аманулла-хан выразил удивление и легкое недовольство, узнав, что по просьбе персидских друзей советская делегация самостоятельно направляется в Тегеран. Последующие дни пребывания падишаха в Тегеране были ознаменованы, в том числе, столкновением правил европейского протокола и этикета с восточными традициями. И если в предыдущих поездках падишах пытался проводить свою линию в этом вопросе, то есть демонстрировал приверженность европейским нормам поведения, то в Тегеране он был вынужден следовать традициям Востока.

9 июля падишах торжественно въезжал в Тегеран без супруги: ее встречала шахиня, и они въехали в город на полчаса раньше, но днем падишах демонстративно ездил с женой по городу. Во время одной из прогулок он купил в лавочке персидские туфли, что дало повод для враждебной против него кампании со стороны части общества: «Какой это падишах, если сам себе покупает туфли» [136]. Таким образом, отстаивая свои принципы, падишах настраивал против себя и в конечном итоге против своего государства ту часть населения восточных стран, для которых монарх должен «непрерывно находиться в ореоле величия и быть недостижим для подданных» [137], – заявил в беседе с Флоринским в Военном министерстве начальник штаба Д.Д. Нахичеванский. Более терпимым он оказался по отношению к чадре: «Пора снять, но это нелегко – нужно выдержать солидную борьбу с предрассудками старшего поколения» [138].

Во время встречи собеседники обсуждали не только проблемы традиционного поведения на Востоке, говорили и об Индии, об афгано-индийских отношениях, о посылке молодых персов в иностранные военные школы [139]. Начальник штаба (воспитанный в России) заявил Флоринскому, что только с установлением «советского режима» стали возможными дружеские отношения между странами.

В этот же день начальник протокольной службы НКВД встретился с заместителем министра иностранных дел, с которым они говорили о СССР, о советско-персидской дружбе, о путешествии падишаха. Заместитель министра «выразительно» заметил, что ему известны добрые отношения СССР с Афганистаном. Говоря о назначении турецких инструкторов в афганскую армию, он поинтересовался у Флоринского, действительно ли турки уступают афганцам большую партию военного снабжения из своих запасов, образовавшихся из-за значительных закупок и из-за захваченного у греков оружия, полученного теми от англичан. Флоринский ответил, что англичане на этот счет мастера, в свое время и Красной армии пригодилось их вооружение, которым они снабжали белые армии в период интервенции [140].

Вечером представители нашей делегации были приглашены на раут к шаху Пехлеви. Когда началось шествие высочайших особ, дипкорпус выстроился вдоль одной из дорожек. Аманулла-хан заметил советскую делегацию, подошел и поздоровался. Флоринскому сообщили, что его хочет видеть шах. Во время беседы Флоринский сказал, что советские представители рады посетить его страну, шах ограничился обычными фразами любезности. В шатре был сервирован «скверный» ужин а-ля фуршет с ограниченным числом стаканов, каждым стаканом пользовались по несколько человек по очереди. Хозяева приема выделялись своим внешним видом. Персидские министры были в шитых золотом мундирах с экзотическими звездами, шах – в мундире с орденской цепью, дипкорпус также в мундирах. «Много внешнего блеска и мишуры, а стаканов нет», – заметил Флоринский [141].

Впоследствии стало известно, что падишах предлагал шаху привести на обед жен и таким образом разрешить проблему чадры, но шах на это не решился.

Несмотря на все усилия персидской стороны сделать пребывание супруги падишаха незаметным, Аманулла-хан придерживался другой точки зрения. 12 июня утром королева принимала жен шефов миссий и сказала немало теплых слов о своем пребывании в СССР, в частности в Крыму.

Вечером того же дня премьер давал обед, на котором падишах, как и прежде, был любезен по отношению к гостям вечера. В отличие от Амануллы-хана шах появился на приеме с «перекошенным лицом», обругал «крепкими словами» одного из своих министров. Успокоившись, он начал здороваться с гостями. Оказывается, шофер, не зная дороги, завез его неизвестно куда и посадил машину в канаву. Во дворец шах пришел пешком. На обеде, который, по мнению Флоринского, прошел натянуто и скучно, ему удалось возобновить и завести новые знакомства среди представителей дипкорпуса, в частности с германским и французским посланниками, польским и голландским поверенными в делах. С англичанами и египтянами советские представители не познакомились и не здоровались [142].

Английский вопрос остро прозвучал и на обеде, устроенном падишахом 14 июня. Приглашенные обращали внимание, что британский поверенный в делах сидит в самом конце стола «ниже других» [143]. Но подлинной сенсацией стало появление на приеме маленькой принцессы, дочери падишаха, что, по сути, было своеобразным вызовом: не хотите, чтобы я появлялся с женой, так я позвал дочь, которой, вероятно, не придется носить чадру и подчиняться предрассудкам.

Флоринский поблагодарил шаха за оказанное гостеприимство. Шах заметил, что в связи с приездом Амануллы-хана персидское правительство было лишено возможности оказать советской делегации достойный прием, но он надеется, что мы увезем с собой хорошие воспоминания о Персии. Шах уехал рано, ни с кем не прощаясь. Падишах оставался еще довольно продолжительное время и перед уходом обошел всех гостей, прощаясь с каждым. Обходительность Амануллы-хана буквально очаровала весь дипкорпус. Своим поведением падишах постоянно подчеркивал, что для него проявление искренних чувств важнее соблюдения формальных правил.

16 июня Флоринский, прощаясь с падишахом, передал ему от имени Калинина благодарность за приветствие, переданное на «Полуяне».

В ночь с 17 на 18 июня советская делегация выехала в Пехлеви. Следует отметить, что перед ее участниками стояла непростая задача – сопровождая падишаха Афганистана в его поездке в Иран, что уже само по себе являлось демонстрацией дружеских отношений между странами, одновременно, а точнее, параллельно заверять шаха и правительство Ирана в стремлении СССР к дружбе и сотрудничеству и в том, что представители СССР прибыли в Иран не только ради отношений с Афганистаном, но и для укрепления связей с Ираном.

Говоря о результатах поездки советской делегации в Тегеран, можно утверждать, что первая составляющая цели визита была выполнена в полном объеме, однако это вызвало заметное раздражение британской стороны, что, в свою очередь, сказалось на приеме, оказанном членам делегации в Тегеране. Так, на обеде у премьера членам советской делегации были отведены места ниже поверенных в делах, в том числе и английских. Пребывание делегации в Тегеране ограничилось посещением официальных приемов. Впоследствии Флоринский признавал, что было ошибкой не попросить специальной аудиенции у шаха, на которой надо было объяснить, что советские представители прибыли в Иран не только ради падишаха. В то же время Аманулла-хан и вся его свита открыто выражали на приемах свое отношение к СССР.

Именно в Персии, по словам Флоринского, советские представители убедились, что поездка в СССР оставила у афганцев неизгладимое впечатление, и королева, и вся свита с восторгом вспоминали о днях, проведенных в Советском Союзе. Флоринский вспоминал: «Невольно у каждого из них напрашивалась параллель в обстановке персидской мишуры и внешнего блеска. «Это не люди, а манекены, одетые в мундиры», – сказал министр двора <...>. В не менее резких выражениях отзывались о персидских порядках и остальные. Придворная челядь и камарилья в богатых мундирах, жмущиеся в углу в присутствии своего Шаха и отвешивавшие оттуда поклоны дипкорпусу, – такую картину являли персидские министры на приеме у падишаха <...>. «Среди них нет ни одного живого человека, – это не то, что у вас», – говорили афганцы» [144].

Несмотря на высокий профессионализм Флоринского, ему трудно быть объективным в оценке церемоний, организованных и происходивших при дворе шаха Ирана. Само слово «двор» несло для советского дипломата негативную информацию. Конечно, парадные мундиры придворных и пиджаки членов советского правительства не могут сосуществовать в рамках одного церемониала, тем более что даже фраки были отвергнуты советским протоколом, точнее, не протоколом, а советским строем, советской политической системой.

Своим отношением к жене, которая, несмотря на старания Амануллы-хана, не была допущена на приемы, своими манерами падишах вызывал раздражение. То, что являлось нормой в Европе, на Востоке воспринималось как угроза устоявшимся традициям. В Тегеране его упрекали в самостоятельной покупке туфель, в самостоятельном вождении автомобиля и т. д. В Реште на бое быков, устроенном в честь падишаха губернатором, увидев, что быки не желают сходиться, падишах заметил: «Даже животные стали настолько культурны, что не желают заниматься таким диким спортом». В отличие от Реза-шаха падишах не отвечал принятому на Востоке образу идеального монарха.

Уже из Кабула на имя Калинина была получена телеграмма от падишаха с благодарностью за дружеское отношение. Уникальность этого документа заключается в том, что, по всей вероятности, он подписан не только Амануллой, но и его супругой королевой Сорайей. На это обратил внимание и Флоринский. Вероятно, это первый случай в истории, чтобы супруга монарха в мусульманском государстве, устранившая, согласно законам, от политической деятельности, обращалась с заявлением к главе другого государства. Тем более, как справедливо отмечает заведующий Протокольным отделом НКВД Флоринский, отправив телеграмму с борта «Полуяна», падишах выполнил все протокольные формальности [145].

Подводя итоги визита Амануллы-хана в СССР, следует отметить, что он явился знаковым событием в истории отношений СССР с Афганистаном, что в свою очередь отразилось и на развитии советского дипломатического протокола.

Главная цель при составлении программы пребывания падишаха заключалась в ознакомлении Амануллы-хана с основными направлениями развития СССР, прежде всего в военной области. «Военная» часть программы была составлена таким образом, чтобы падишах смог лично увидеть главные отличия советской армии и флота от армии других государств, и прежде всего Англии, в борьбе с которой падишах надеялся на поддержку СССР. Но при этом, как точно заметила А.М.

Коллонтай, «Аманулла боится Англии, но боится и нас. Мы чествуем хана Афганистана, но подумываем, как бы он не окреп через меру и не вздумал «скушать» Хиву и Бухару <...>» [146].

Поводом к подобному заключению могли стать отдельные высказывания падишаха во время визита в СССР. Так, на вопрос, понравился ли ему парад в Ленинграде, Аманулла-хан ответил: «Парады во всех странах хороши. Мне больше понравились маневры под Москвой. Moi, j'aime la guerre» (Я люблю войну. – *фр.*) [147].

Падишах планировал заниматься электрификацией, строить дороги, фабрики, заводы, он мечтал «поднять» свой народ, но при этом его «затаенная мечта» заключалась не только в том, чтобы сделать Афганистан «сильной державой», но и «освободить Индию», которая интересовала Аманулла-хана как выход к морю: «Страна без моря – ненастоящая страна». Еще одна цель внешней политики падишаха – поднимать народы соседних колониальных государств на борьбу против своих угнетателей. Сражаясь с империалистами, он готов дойти до Индии. «Афганские войска технически слабее колониальных, но дух у них крепче и притом бесстрашнее», – сказал он в беседе с Коллонтай [148]. Когда на обеде М.И. Калинин стал развивать тему укрепления и сохранения мира, падишах заявил: «Я за войну. Я хочу сделать мою страну сильной, вооруженной. Только вооруженная страна может быть крепкой. У нас много врагов» [149]. Советские руководители не отставали от падишаха в своих довольно резких высказываниях на официальных приемах, притом что за ходом визита внимательно следили из Лондона и других европейских столиц. Так, на ужине в Доме армии и флота Ворошилов произнес тост за совместную борьбу с «общим врагом, худшим империализмом мира – Англией». «Афганский министр ахнул, но король выслушал тост, поднял бокал и ничего не ответил», – вспомнила Коллонтай [150].

Падишаха отличала удивительная жажда познаний, он хотел «все видеть» и всему учиться. В СССР его интересовали не только военные вопросы, но и строительство, администрация, то, «как вы ввели порядок после революции». По всей вероятности, порядок в СССР ассоциировался у падишаха с И.В. Сталиным, поэтому не случайно, что в Москве падишах был приглашен Сталиным на «мужской обед». Встреча и беседа с вождем произвела на Аманулла-хана сильное впечатление: «Большой человек, крепкий, таких народ любит» [151]. Насколько известно, обед не входил в программу визита, НКВД узнал о нем на следующий день. Беседа Аманулла-хана с народным комиссаром иностранных дел 7 мая 1928 года в очередной раз позволяет убедиться, что для падишаха главное в отношениях с СССР – это военное сотрудничество и, «как солдат», а не дипломат, он напрямую заявляет, что для Афганистана «необходимо существование советского режима». В беседе он довольно долго, по словам Чичерина, рассуждал о том, что польза от дружбы между СССР и Афганистаном обоюдна. «Мы прикрываем Афганистан и создаем для него безопасность, а со своей стороны Афганистан прикрывает нас. Когда в 1919 г. английские войска хотели, опираясь на Ашхабад, занять Туркестан, война с Афганистаном их отвлекла, оказала Советской республике большую услугу», – говорил Чичерин [152].

Роль Г.В. Чичерина в подготовке и проведении визита – одна из самых важных, и это не случайно, так как именно Чичерин хотел извлечь максимальную пользу от приезда Аманулла-хана для процесса сближения СССР с Ближним Востоком.

Таким образом, визит позволил эффективно установить партнерские отношения между государствами. Первый результат – в ноябре 1928 года две страны подписали соглашение о воздушном сообщении.

Что касается протокольной практики, то визит в очередной раз подтвердил, что протокольные уступки не должны отражаться на взаимоотношениях между странами, которые, в свою очередь, нельзя выстраивать без соблюдения норм европейского протокола, что не означает полного игнорирования национальных и религиозных традиций.

Протокол – это инструмент, который в руках профессионалов способствует укреплению отношений между странами.

Визиты в СССР литовской правительственной делегации, монгольской правительственной делегации, военного министра Персии Фруги, министра иностранных дел Персии Ансари, торговоэкономических делегаций США, Японии, Франции, Англии, Германии, вольного города Данцига

Визит литовской правительственной делегации в СССР стал одним из наиболее важных событий в работе Протокольного отдела 1926 года. Приезд премьер-министра Литвы Слэжевичуса несколько раз откладывался и наконец был назначен на 28 сентября (о чем сотрудники Протокольного отдела узнали 25 сентября).

На границу в специальном вагоне для встречи гостей выехал временно исполняющий дела заведующего отделом Прибалтики Карский и с литовской стороны – советник миссии Багдонас.

На вокзале в Москве делегацию встречали Г.В. Чичерин, сотрудники протокольного отдела, служащие миссии и представители литовской колонии.

На перроне был выставлен почетный пехотный караул «при оркестре музыки» (Кавалерийский караул было решено не выставлять ни в этот раз, ни в будущем даже для встречи наиболее почетных западных гостей) [1].

Поезд прибыл без опоздания. Нарком зашел поприветствовать Слэжевичуса в вагон, затем премьер принял рапорт начальника караула и обошел строй красноармейцев. В ответ на «здравствуйте» главы литовского правительства караул также ответил «здравствуйте». На вокзале присутствовали кино- и фоторепортеры.

С вокзала гости были отвезены в подготовленные для них комнаты на Софийской набережной (премьер-министр в машине миссии, остальные – в автомобиле НКИД)^[4].

В тот же день в 5 часов 30 минут в конференц-зале НКИД состоялось подписание договора. По окончании церемонии присутствующим тут же было предложено по бокалу шампанского. Прямо из НКИД Слэжевичус отправился на прием к А.И. Рыкову, который был назначен на 7 часов вечера в его кремлевском кабинете. Вечером на Софийской набережной состоялся обед от имени Г.В. Чичерина с участием членов правительства.

Несмотря на то что до последнего момента не был известен точный список приглашенных, гости прибыли без опозданий. С советской стороны присутствовали Г.В. Чичерин, А.И. Микоян, М.М. Литвинов, А.В. Луначарский, Семашко и другие члены правительства СССР и РСФСР. Во время десерта состоялся обмен речами между Г.В. Чичериным и Слэжевичусом.

Литовцы были очень довольны обедом и составом присутствующих, тем более что они плохо разбирались «в делениях комиссариатов на общесоюзные и ресефесеровские», полагая, что на обеде находится почти все советское правительство. Один из литовских журналистов, буквально рассыпаясь в изъявлениях восторга, сказал: «Подумать только, какая честь для моей Родины – ради нашей малой Литвы – собрались все исторические люди XX века. Теперь я понимаю, что значит советская политика к малым нациям. Я думаю, что, если бы сюда приехал г. Чемберлен, такого собрания не было бы» [2]. Никто не стал разубеждать журналиста, который, как потом выяснилось, взял интервью у швейцарца, чтобы проверить, «настоящие ли это люди, за кого они себя выдают?» [3].

На следующий день премьер-министр посетил М.И. Калинина и Г.В. Чичерина, осмотрел Оружейную палату и соборы Московского Кремля.

В 5 часов литовская сторона дала ответный прием, к концу которого приехал Рыков, обвороживший хозяев «простотой и подкупающей непосредственностью обращения» [4]. Это был первый в советской протокольной практике выезд председателя Совнаркома в Иностранную миссию (поездка В.И. Ленина в 1918 году в германское посольство была вызвана исключительными обстоятельствами – убийством Мирбаха).

Вечером А.В. Луначарский пригласил Слэжевичуса в ложу Наркомпроса в Большой театр на балет «Корсар». В ложе кроме членов литовской делегации присутствовали А.В. Луначарский с супругой и М.М. Литвинов. В антракте в фойе Ветховенского зала был сервирован чай.

30 сентября литовский премьер-министр дал интервью корреспондентам и вместе с представителем БОКС осмотрел Центральный дом крестьянина.

Отъезд состоялся в этот же день в 6 часов вечера. Церемония проводов на Белорусско-Балтийском вокзале прошла по той же схеме, что и встреча. Премьер приехал на вокзал за 15 минут до отхода и принял рапорт караула. Затем прибыли Г.В. Чичерин и другие сотрудники НКИД.

Программа пребывания была выполнена полностью. Как справедливо отметил в своем отчете временно исполняющий дела заведующего Протокольным отделом Гершельман (Д.Т. Флоринский находился в отъезде), следовало подробно остановиться на всех деталях визита

литовского премьер-министра, так как «этот опыт может иметь практическое значение при таких или подобных посещениях СССР в будущем» [5].

В 1929-м, как и в прежние годы, Г.В. Чичерин принимает активное участие в подготовке визитов в Москву высокопоставленных зарубежных гостей. Так, при организации приезда в СССР монгольской делегации Георгий Васильевич ведет консультации по этому вопросу с секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе, который 19 апреля сообщает Г.В. Чичерину, что в ответ на его письмо от 15 апреля он сообщает, что вопрос о приеме монгольской делегации согласован с председателем ЦИК СССР М.И. Калинин и что распоряжение о предоставлении делегации автомобилей сделано Транспортному отделу ЦИК СССР [6].

Переговоры об организации визита между Г.В. Чичериным и А.С. Енукидзе продолжились и в другие дни на протяжении всего месяца.

Так, 29 апреля Г.В. Чичерин сообщает А.С. Енукидзе мнение коллегии НКВД, что для монгольской делегации необходимо устроить прием, инициатива о проведении которого должна исходить от ЦИК. При этом НКВД не может принять на себя расходы по устройству приема, но готов заняться техникой его организации и предоставить подходящее помещение. НКВД просит ЦИК отпустить необходимые средства для устройства приема – примерно 700–800 рублей из расчета, что в обеде примет участие 35–40 человек. В тот же день А.С. Енукидзе информирует Г.В. Чичерина, что ЦИК СССР принял решение взять на себя расходы по проведению обеда [7].

В июле Георгий Васильевич сообщает К.Е. Ворошилову, что в Москву прибывает бывший председатель Совета министров Персии, а в настоящее время военный министр Форуги, который отправляется в отпуск в Европу и на несколько дней задержится в Москве. НКВД считает необходимым, чтобы на вокзале министра встретил представитель К.Е. Ворошилова. Кроме того, Г.В. Чичерин полагает, что если министр пожелает встретиться с К.Е. Ворошиловым, то отклонить визит «не представляется возможным» [8].

В 20-х годах Протокольный отдел внимательно относился ко всем запросам иностранных граждан, желающих посетить СССР. В первую очередь это касалось составления программы пребывания гостей (или гостя), в которой их (его) пожелания учитывались.

Так, 7 января 1927 года референт Чумак в докладной записке на имя заведующего Протокольным отделом Д.Т. Флоринского сообщал, что согласно его просьбе он встречался с американским инженером Купером, чтобы узнать, что он хочет посетить в СССР. Купер выразил пожелание осмотреть советские школы, фабрики, музеи и т. д. Он захотел побывать в Кремле, Мавзолее, Алмазном фонде. Но более всего он желает посетить деревню, завод и партийное собрание. Будучи противником всех существующих форм государственной власти – монархии, демократии, диктатуры и пр., – он считает, что мир еще не имеет той власти, которая ему нужна. Близко ознакомиться с экономической жизнью в СССР Куперу было необходимо в связи с тем, что, часто выступая на собраниях американских деятелей, он должен, говоря о достижениях СССР, приводить конкретные факты. Особенно важным являлось для американского инженера изучение «работы партии» и ее участия в жизни страны. Купер изъявил желание посетить партийное собрание, где он мог бы побеседовать с рядовыми партийцами и посмотреть, из кого состоит партийная масса [9].

Деловые круги в США проявляли неподдельный живой интерес к СССР, о чем свидетельствуют и документы фонда Протокольного отдела. Так, в июле 1927 года в Москву прибыл из Ленинграда господин Файлин в сопровождении выезжавшего в Стокгольм секретаря американской торговой палаты господина Смита.

Господин Файлин являлся видной фигурой среди американских промышленников, «будучи крупным авторитетом по вопросу массовой продукции и фордизму. Он является основателем недавно открывшегося в Женеве Международного института по изучению массового производства, считает, что признание СССР Америкой произойдет с укреплением отношений между этими странами» [10].

Господин Смит просил о приеме у Г.В. Чичерина, чтобы сообщить о результатах своей поездки на Стокгольмскую конференцию и о настроениях «царивших там среди делегатов, в особенности об антисоветской пропаганде английских и германских делегаций» [11].

В течение 1927 года НКВД несколько раз – в марте, апреле и октябре – занимался разработкой программы встречи и пребывания в СССР персидского министра иностранных дел Али-Гули-хана Ансари.

23 марта заместитель наркома Л.М. Карахан и заведующий Протокольным отделом Д.Т. Флоринский обращаются к заместителю председателя Реввоенсовета СССР И.С. Уншлихту, чтобы тот оказал содействие в организации встречи министра на вокзале почетным караулом.

16 апреля Л.М. Карахан просит председателя Совнаркома СССР А.И. Рыкова принять министра иностранных дел Персии Ансари в один из ближайших дней.

9 сентября Протокольный отдел занимается подготовкой обеда в честь Ансари, на который министра пригласил в Зубалово А.И. Микоян.

Обед был намечен на 3 часа, затем планировалась программа и чай с закуской. Главная цель визита персидского министра – заключение торгового соглашения с СССР.

В 1927 году экономические миссии регулярно посещали СССР. В декабре дважды прибывали делегации из Японии. Первая под руководством Кухары, вторую возглавлял виконт Гото.

Главная часть визита господина Кухары прошла в Ленинграде, куда тот отправился сразу после окончания балета «Красный мак» в Большом театре.

В Ленинграде Кухара изъявил желание посетить Детское Село, где японская делегация в течение двух часов осматривала

Екатерининский и Александровский дворцы. На обратном пути в автомобиле, в котором ехали Кухара и сопровождающие его лица, от быстрой езды воспламенилась доска у ног шофера. В результате, потеряв управление, автомобиль наскочил на дерево. В город делегация добиралась на другой машине. Кухара воспринял аварию как небольшое приключение [12].

Вечером того же дня состоялся прием у Залкинда. Кухару привели в восторг художественные произведения, изобилующие на квартире Залкинда. Особенно гостю понравилась одна китайская ваза, о которой он недвусмысленно несколько раз говорил, что она ему «безумно нравится» (видимо, надеясь получить вазу в подарок) [13].

По возвращении в гостиницу за обедом члены делегации спрашивали помощника заведующего Протокольным отделом Костюковского о советской конституции, об экономическом строительстве и структуре НКВД. По мнению Костюковского, вопросы свидетельствовали о недостаточной информированности гостей о ситуации в СССР.

После обеда члены делегации отправились в Мариинский театр на «Эсмеральду». Ленинградский балет понравился гостям больше московского, по их мнению, он «более тонкий», «более одухотворенный» [14].

По возвращении в Москву Кухара преподнес Костюковскому около 3 метров японского шелка. Когда Костюковский отказался от подарка, так как в СССР «было не принято получать подарки», Кухара сказал, что в Японии «это принято, и пригрозил, что он будет оскорблен, если я не приму». Костюковский был «принужден» принять подарок [15].

10 декабря японская экономическая миссия выехала из Москвы. Д.Т. Флоринским были разосланы телеграммы по все окружные и губернские исполкомы, находившиеся на пути следования поезда, о подготовке проводов Кухары. Таким образом, церемонии проводов были организованы во всех крупных окружных и областных центрах (Свердловске, Омске, Новосибирске, Иркутске, Верхнеудинске) [16].

На вокзалах гостей провожали делегации, состоявшие из: председателя исполкома, членов президиумов, начальников административных отделов.

Господин Кухара был очень доволен оказанным ему вниманием и повторял, что увозит с собой наилучшие впечатления

об СССР, при этом он сожалел, что ему не удалось осмотреть Сибирь, и надеется еще раз побывать в СССР.

Церемонии проводов не обошлись без курьезов. Так, в одном из городов представитель исполкома просил Кухару передать братский привет всему японскому революционному пролетариату и рассказать ему всю правду об СССР. В Новосибирске Кухару приветствовали от имени новосибирского «революционного пролетариата» [17].

На обедах, организованных для японских гостей Протокольным отделом, Кухара провозгласил тост за здоровье Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана (на одном из них он поблагодарил за присланные Л.М. Караханом вино и яблоки).

На вопрос о самом ярком впечатлении от поездки в СССР Кухара заявил, что это виденная им искренняя неподдельная любовь народов СССР и Японии. «Это, – добавил он, – является крепким фундаментом дружбы двух народов» [18]. В дороге Кухара устраивал японские ужины

(на них подавались блюда японской кухни), после которых члены делегации пели песни, сочиненные членом делегации бароном Ито, о поездке в СССР. В песнях упоминалось слово «Сибирь», на просьбу одного из сотрудников Протокольного отдела к переводчику полностью перевести их текст был получен отказ (ввиду сложного толкования некоторых выражений).

Прощаясь, Кухара заявил: «Я был приятно поражен порядком виденным в Москве, я убедился, что, несмотря на глубокие экономические потрясения, вызванные революцией, СССР идет чрезвычайно быстрым темпом по пути промышленного развития» – и предложил выпить из одного стакана за дружбу СССР и Японии [19].

Одновременно с проводами японской миссии во главе с Кухарой Протокольный отдел занимался организацией встречи и программой пребывания в СССР делегации во главе с виконтом Гото – председателем Японского общества сближения с СССР. В начале XX века он стоял (1907) во главе созданного по его инициативе Японо-русского общества, переименованного в 1925 году в Японо-советское. Благодаря поддержке этой организации Всесоюзное общество культурной связи с заграницей начиная с 1925 года провело в Японии несколько художественных выставок, выставку детского творчества, организовало концерты советских артистов и т. д. В ответ на призыв общества помочь восстановлению погибшей во время землетрясения библиотеки Токийского университета в кратчайший срок было собрано 10 тысяч томов.

Решение виконта Гото в 71 год, несмотря на перенесенную тяжелую болезнь сердца, отправиться в СССР вызвало большое опасение японского общества за его здоровье. Проводы Гото в Токио были весьма торжественными. На его пути по всей Японии виконта приветствовали на каждой станции, теплый прием оказали Гото и в Харбине.

В Верхнеудинске поезда, в которых находились Гото и Кухара, встретились, и главы делегаций имели возможность побеседовать друг с другом. Утром, перед прибытием в Иркутск, Костюковский представился виконту и членам миссии.

В интервью, которое Гото дал сибирским газетам, он горячо благодарил за радушный прием, который он имел с момента пересечения границы.

Японская миссия состояла из директора Русско-японского общества господина Танаки, директора Токийского института по исследованию муниципальных дел господина Майеды и профессора Токийского института языков и директора Русско-японского общества господина Ясуги.

По мнению сотрудников НКВД, в отличие от миссии Кухары миссия Гото имела «твердую целевую установку и плановую систему в работе» [20].

Миссия Гото прибыла в Москву 23 декабря 1927 года и покинула столицу 21 января 1928 года. Протокольным отделом была подготовлена весьма насыщенная программа, которая включала в себя встречи со И.В. Сталиным, А.И. Микояном, Г.М. Кржижановским, Г.В. Чичериним, Л.М. Караханом, посещение Центрального института труда, Трехгорной мануфактуры, московских больниц, учебных заведений. В течение месяца японские гости ежедневно посещали музеи, художественные выставки, театры, консерваторию.

Программа была составлена таким образом, чтобы продемонстрировать членам миссии достижения Советского государства в социально-экономической и культурной сферах.

Поведение Гото, его высказывания во время визита свидетельствуют, что он во многом разделял те идеи, которые проповедовались в СССР. Так, во время встречи с Г.М. Кржижановским, который в беседе заметил, «что, если вы хотите, чтобы ваши дела шли еще лучше, заведите себе Госплан», виконт ответил: «Еще 10 лет назад я выдвинул проект организации такого учреждения в Японии. К сожалению, этот проект не был претворен в жизнь. Я рад, что мои идеи нашли место в Вашей стране» [21].

Накануне отъезда 21 января миссия посетила Совкино, где ей показали фильм о пребывании виконта в Москве. Члены нанесли визиты и Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану.

Идея виконта Гото о том, что сближению СССР с другими государствами мешает экономическая блокада, объявленная Советскому Союзу некоторыми странами, а отнюдь не различия в политических системах, подтверждает и визит в Москву в ноябре 1928 года лидера кооперативного движения Франции Альберта Тома.

На встрече в Центросоюзе А. Тома передал привет собравшимся от французских кооперативов и отметил, что он приехал «<...> не с целью все критиковать, но я не приехал и с

мыслью, что все здесь должно быть совершенно. Меня чрезвычайно интересует положение вашей страны <...>. Я вполне понимаю стоящие перед вами трудности, понимаю, что идеального строя невозможно достигнуть сразу, со дня на день, но что вы неуклонно продвигаетесь по мере возможности к социалистическому строю. Я человек, который ищет по возможности точек сближения». В конце выступления А. Тома от своего имени и от лица своих коллег поблагодарил русских кооператоров за радушный прием и высказал пожелание осмотреть кооперативные учреждения и предприятия в Москве [22].

Спустя три недели после приезда А. Тома Москву посетила германская делегация по ведению торговых переговоров с СССР (планировалось ее нахождение в СССР в количестве пяти человек-месяц) [23].

Визиты в СССР торгово-промышленных делегаций западноевропейских стран продолжились и в 1929 году.

В конце марта 1929 года в Москву прибыла английская промышленная делегация. Программа пребывания строилась таким образом, что утром и днем гости посещали советские учреждения и промышленные предприятия, а вечером – московские театры [24].

В июле 1929 года Протокольный отдел НКВД занимался подготовкой и организацией визита в Москву и Харьков президента сената Вольного города Данцига господина Заама в сопровождении членов данцигского правительства.

Для встречи делегации на пограничных станциях Бигосово и Шепетовка туда отправился помощник заведующего Протокольным отделом НКВД Соколин, который в своем дневнике отметил, что, несмотря на то что в Бигосове построена новая станция, она вся окружена мусором, а в Шепетовке «омерзительный вокзалишко грязный донельзя, битком набитый валяющимися на, около и под скамейками людьми. <...> в Здолбунове то же украинско-еврейское население, что в Шепетовке, однако контраст огромен и не в нашу пользу. Шепетовская станция – это сплошная грязь, вонь и сутолока. К этому добавляется картина наших железных дорог и таможен, служащих, почти всех неопрятно, неряшливо одетых, часто совершенно оборванных, иногда исключительно нечистоплотных. Какая разница с прибывающими на погранстанции польскими и латвийскими кондукторами и машинистами» [25].

Соколин считает, что необходимо принять строгие административные меры, чтобы западные погранстанции не производили удручающее впечатление на друзей Советского Союза и не вызывали злорадство у его недругов.

«С какой стати позволять белополякам и латышам в тех же белорусских болотах и лесах казаться значительно более культурными, чем мы?» [26]

Дневники дипломатов 20—30-х годов представляют особую ценность благодаря искренности и честности их авторов, которые пока еще не боятся фиксировать в них те недостатки, которые они видели и которые не могли их оставить равнодушными.

Соколин встретил делегацию на границе и сопровождал ее до Москвы, куда гости прибыли 8 июля. Чтобы не подчеркивать политический характер визита, было решено не выставлять на вокзале почетный караул. В то же время встреча носила весьма торжественный характер. На вокзале делегацию встречал заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан в присутствии представителей ЦИК СССР, Моссовета и ответственных сотрудников НКВД, приветствовавших гостей от имени союзного правительства. Заам был размещен в особняке НКВД на Софийской набережной, на котором подняли флаг вольного города Данцига.

Президент сената Данцига Заам был принят председателем ЦИК М.И. Калининым в Кремле, где он был встречен почетным кремлевским караулом. Во время приема у заместителя председателя Совнаркома СССР Шмидта выяснилось, что тот работал до войны в Данциге маляром. Эта новость весьма оживила беседу.

Но особенно сердечный прием был оказан гостям у М.И. Калинина, который (к их удивлению) проявил большой интерес к Данцигу. В честь делегации был дан банкет, на котором присутствовали А.В. Луначарский, А.И. Микоян, Л.М. Карахан и другие члены правительства.

Находясь в Москве, гости осмотрели электрозавод, где обратили внимание, как «работницы вереницами ходили за молоком» [27]. На их вопрос, что это значит, им было объяснено, что на советских вредных производствах рабочие получают соответствующее питание в виде молока.

Культурная программа предусматривала посещение Третьяковской галереи, где их сопровождал А.В. Луначарский. На вечере грузинской музыки по время антракта Енукидзе

объяснил гостям, что главная цель мероприятия – «поднятие культурного уровня у нацменьшинств». Это заявление произвело на Заама и его спутников «великолепное впечатление» [28].

До отъезда в Харьков гости побывали на Ипподроме, в парке отдыха и культуры, встретились с советскими учеными и артистами в доме отдыха «Узкое».

12 июля делегация выехала из Москвы в Харьков, куда прибыла 13 июля. На вокзале в Харькове с Заамом пытался пообщаться польский консул, но советские сопровождающие окружили Заама, не давая консулу к нему «подобраться». По пути следования делегации были выставлены почетные милицейские посты, над отелем, где разместили делегацию, подняли флаг Данцига.

После завтрака в саду «Аркадия» состоялись визиты к председателю Совнаркома УССР Чубарю, наркомторгу Вейцеру. Перед началом приема, так же как и в Кремле, Зааму отдал рапорт начальник почетного караула. После чего Заам, провожаемый адъютантом, был введен с его спутниками в приемные залы, где их встретили члены Президиума ВУ ЦИК. На приеме собравшиеся подчеркивали дружественные отношения между УССР и Данцигом, с наркомторгом Вейцером подробно обсуждался вопрос экспорта из Украины в Данциг и через Данциг.

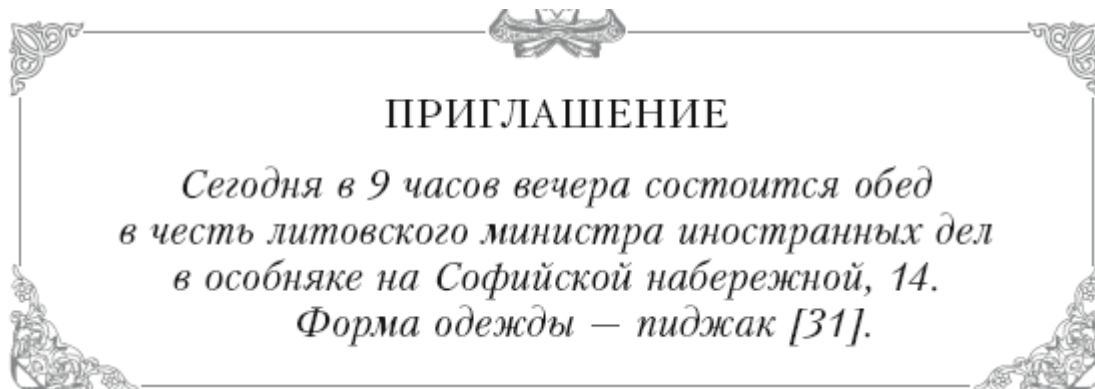
На встрече с украинской прессой Заам подчеркнул замеченное им «большое стремление Украинского правительства к развитию украинской культуры, что несравненно труднее Данцигу, которому приходится отстаивать свою немецкую культуру» [29]. Вечером делегация приняла приглашение на прием у немецкого консула, приглашение польского консула «принять у него чашку чая» было Заамом отклонено [30].

Из Харькова делегация отбыла на Родину.

Торжественный прием делегации из Данцига, то внимание, которое оказывали советские официальные лица лично Зааму, было обусловлено тем, что СССР был заинтересован в продолжении делать заказы данцигским верфям при предоставлении Данцигом советскому правительству выгодных кредитов и качественного технического выполнения заказов. Поэтому не случайно, что одно из главных событий визита – посещение делегацией председателя Совторгфлота Зофа с целью переговоров об условиях заказов данцигским верфям.

Обращают также на себя внимание подчеркнута дружеские отношения гостей с немецкими дипломатами как в Москве, так и в Харькове и полное игнорирование и нежелание контактировать с представителями польской дипломатической миссии. При этом советская сторона, в том числе и с помощью норм официального протокола, поддерживала это поведение Заама и членов делегации. В выборе между Польшей и Германией СССР был явно на стороне последней.

Приложение

Глава 2 1930–1940-е годы

<...> Памятная встреча в Москве показала, что нет таких вопросов, которые нельзя было бы урегулировать между нами, когда мы встречаемся для личной и откровенной беседы. Русские с

их широко известным гостеприимством превзошли самих себя в этом отношении в связи с нашим приездом. <...> Приношу глубокую благодарность Вам и всем, кто заботился о нас. Надеюсь снова встретиться с Вами в скором времени.

Из письма У. Черчилля И.В. Сталину. 20 октября 1944 года

1930—1940-е годы

Визит в СССР турецкого министра иностранных дел Тевфик Рюшди-бея. Ответный визит в Анкару наркома иностранных дел Литвинова. Визит в СССР премьер-министра Турции Исметпаши, скандал на приеме у посла Персии, беседа представителя НКВД с польским поверенным в делах о поведении иностранных дипломатов на официальных советских мероприятиях. Взаимоотношения с дипломатами Германии, визит И. фон Риббентропа

В 20-х годах у Советского Союза с Турцией сложились дружественные отношения. Этому сближению двух государств, по мнению Г.В. Чичерина, во многом способствовала враждебная политика Англии против Турции.

В 1924 году Чичерин поручил полпреду СССР в Турции Я.З. Сурицу сообщить турецкому правительству, что СССР предполагает дополнить договор 1921 года соглашением о дружественном нейтралитете в случае войны одной из договаривающихся сторон с третьей державой и обязательством не участвовать во враждебных группировках, направленных против другой стороны [1].

17 декабря 1925 года между двумя странами был подписан договор о ненападении и нейтралитете.

Г.В. Чичерин в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) отмечал, что «подписанный в Париже договор с Турцией о нейтралитете, ненападении и неучастии во враждебных комбинациях является образцом мирной политики» [2].

Между СССР и Турцией укреплялись не только политические, но и экономические отношения. Турецкие купцы получили право безлицензионного ввоза в Советский Союз ряда турецких товаров и вывоза некоторых советских товаров. В 1927 году был заключен между странами торговый договор – первый торговый договор Советского Союза со страной в Азии.

Визит в СССР турецкого министра иностранных дел Тевфик Рюшди-бея стал одним из главных внешнеполитических событий 1930 года. 20 сентября из Стамбула вышел пароход Своторгфлота с турецкой делегацией на борту.

На границе территориальных вод советское военное судно приветствовало гостей салютом. При входе в гавань Одессы на палубу вступили прибывшие на катере представители НКВД и посол Турции. На берегу делегацию встретил военный караул, были исполнены турецкий гимн и «Интернационал». После визитов к предокрисполкома и Предгорсовета, экскурсии по Одессе турецкая делегация выехала на поезде в Москву [3].

Поскольку одесский поезд прибывал в столицу в 6 часов, вагон-салон турецкого министра был отцеплен на ближайшей от Москвы станции и прибыл со специальным паровозом на Октябрьский вокзал в 9 часов 40 минут. На перроне выстраивается двойная цепочка стрелков охраны путей сообщения. Делегацию встречали: коллегия НКВД, Протокольный отдел, 1-й Восточный отдел, член Президиума СССР, председатель Моссовета, полпред СССР в Турции и другие официальные лица. После обхода строя почетного караула турецкая делегация выехала на Спиридоновку, 17, где гостям были представлены апартаменты.

В период пребывания в Москве турецкий министр иностранных дел встречался с председателем ЦИК СССР Рыковым, с заместителем наркома иностранных дел Караханом, с членами коллегии НКВД.

25 сентября наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилов дал прием в честь Рюшди-бея в Центральном доме Красной армии. На приеме присутствовали наркомин-дел М.М. Литвинов, заместитель наркоминдела Л.М. Карахан, полпред СССР в Турции Я.З. Суриц, члены Реввоенсовета С.М. Буденный, Уборевич, Корк.

Ворошилов отметил в своей речи, что СССР и Турция сблизилась в тяжелые дни борьбы за свою независимость. В ответном слове Рюшди-бей сказал об общности борьбы народов обеих стран за независимое существование, по его словам, в настоящее время целью внешней политики Турции, как и СССР, является борьба за мир и отражение всех попыток нарушить мирное экономическое и культурное развитие народов [4].

Командующий Московским военным округом Корк приветствовал министра от имени Московского гарнизона и поблагодарил за сердечный прием, который был оказан летчикам Советского Союза в Анкаре. Завершился прием спектаклем в честь турецких гостей в театре Дома Красной армии.

Находясь в Москве, делегация осмотрела Кремль, побывала на Ипподроме. На спектакль в Большом театре был приглашен весь дипкорпус.

28 и 29 сентября турецкий министр иностранных дел и сопровождавшие его лица провели в Ленинграде, где на банкете, устроенном Ленинградским исполкомом, Рюшди-бей заявил, что он «<...> был счастлив посетить комнату Ленина в Смольном, где этот великий человек создал свои грандиозные планы великой революции» [5]. По словам министра, приезд в Ленинград не только дал ему возможность лучше ознакомиться с Советским Союзом, но и вызвал у него сильное удивление и преклонение перед грандиозным размахом советского строительства.

Основная идея, которая звучала в выступлениях как советских, так и турецких официальных лиц, заключалась в том, что советские республики и Турция выдержали военный натиск мирового империализма, во время которого и зародились дружба между странами. В настоящее время главная историческая задача советских и турецких дипломатов – борьба за мир.

Ответный визит в Анкару советской делегации во главе с наркомом иностранных дел Литвиновым (в поездке Литвинова сопровождала А.В. Литвинова) состоялся в октябре 1931 года.

О важности для турецкой стороны этого визита свидетельствует характер встречи и приема делегации в Турции.

26 октября на границе трехмильной зоны у Босфора пароход «Ильич», на борту которого находились советские представители, встретили два турецких миноносца под флагом контр-адмирала. Отрядом был отдан салют (21 выстрел) и поднят приветственный сигнал, миноносцы сопровождали советское судно до Стамбула, пристань которого украшали советские и турецкие флаги. Выйдя на берег, нарком приветствовал по-турецки почетный караул. Оркестр исполнил «Интернационал» и турецкий гимн.

После небольшого отдыха в гостинице «Пер-Палас» советская делегация отправилась на вокзал, чтобы в специальном поезде в составе салон-вагона, спального вагона, вагона-ресторана и багажного вагона отправиться в Анкару. На вокзале был выстроен почетный караул [6].

В Анкаре делегацию встречали министр иностранных дел с женой, товарищ министра и другие официальные лица. Гостей приветствовал почетный караул. Дорога от вокзала до гостиницы, как и все главные улицы города, были убраны советскими и турецкими флагами. По ночам на главных магистралях города зажигалась иллюминация. На самой гостинице вывешены советские флаги, а по пути к ней от вокзала выстроена триумфальная арка с советскими гербами и надписью на русском языке «Добро пожаловать!» [7].

В 2 часа дня в гостинице был дан завтрак от имени министра иностранных дел с участием высших чинов МИД и их жен, после которого состоялась аудиенция для наркома у президента республики. Завершился день в 8 часов 30 мин приемом в честь Литвинова от имени министра иностранных дел.

На следующий день после запланированных переговоров в советском полпредстве состоялся ответный прием.

Следует отметить, что подписание протокола о продлении советско-турецкого договора о дружбе было запланировано на 30 октября, но кульминация визита – это 29 октября – день турецкого национального праздника, на котором советской делегации оказывались высшие протокольные почести.

Утром этого дня, до начала официальных церемоний, Литвинов нанес визиты итальянскому и германскому послам.

В 12 часов в здании Национального собрания началась церемония принесения поздравлений президенту республики. Советский нарком был последним, кто произнес поздравительную речь, после которой с ним примерно 30 минут беседовал президент, затем они вместе вышли из здания Национального собрания.

По завершении парада состоялось совещание между наркомом, председателем Совета министров и министром иностранных дел. На банкете по случаю национального праздника, вопреки обычаю, дипкорпусу было предложено в честь приезда М.М. Литвинова быть в парадной форме.

В 10 часов 30 минут вечера состоялся бал, на который было приглашено 1500 человек и который продолжался до 7 часов утра.

Советская делегация покинула Турцию 1 ноября на пароходе «Эге», на пристани был выстроен почетный караул. При выходе из Дарданелл нарком отправил министру иностранных дел прощальную телеграмму.

Подготовка к визиту в СССР в конце апреля 1932 года премьер-министра Турции Исмет-паши началась в январе 1932 года. Перед НКИД, и в первую очередь перед Протокольным отделом, стояла задача организовать визит таким образом, чтобы это был достойный ответ на торжественную встречу Литвинова в Анкаре [8].

7 января был составлен проект программы пребывания, который предусматривал в Москве визиты премьер-министра к Ворошилову, Калинин, Молотову, Литвинову, приемы в Большом Кремлевском дворце, обед у Литвинова, завтрак у Калинина, прием в Моссовете, осмотр Кремля, Института имени В.И. Ленина, Ипподрома, промышленных предприятий. 1 мая премьер-министр был приглашен на парад на Красной площади, по окончании которого планировалось его отбытие в Харьков, затем на Днепрострой и оттуда отъезд в Севастополь [9].

Присутствию турецкого гостя на Красной площади 1 мая придавалось особое значение. 4 апреля заместитель наркома иностранных дел Карахан сообщает зампреду Моссовета Штернбергу, что к первомайскому параду будет необходимо соорудить на тротуаре между Мавзолеем и трибуной дипкорпуса специальную трибуну для Исмет-паши и его свиты на 50 человек. Трибуна должна быть украшена советскими и турецкими флагами, на ГУМе следует разместить лозунги на турецком и русских языках: «Да здравствует дружба народов Турции и СССР» [10].

В тот же день НКИД информировал председателя Моссовета Булганина, что так как в Анкаре во время визита Литвинова улицы были украшены советскими и турецкими флагами и была сделана арка с надписью «Добро пожаловать!», то НКИД просит, чтобы по пути следования министра с Брянского вокзала до особняка НКИД на Спиридоновке, 17 улицы также были увешаны советскими и турецкими флагами, у въезда на Дорогомиловский мост сооружена арка с надписью «Добро пожаловать!» на турецком языке, а на съезде с моста протянут лозунг на турецком языке «Привет премьер-министру дружественной турецкой республики» [11].

При встрече премьер-министра на вокзале предусматривалось дважды исполнить турецкий национальный гимн и «Интернационал» (сначала – при выходе министра из вагона на перрон, затем – при выходе с вокзала на вокзальную площадь).

После обхода фронта почетного караула министр возвращается в вестибюль вокзала. Почетный караул проходит торжественным маршем поротно. При проходах министра также оркестр почетного караула исполнял турецкий гимн и «Интернационал», после приема рапорта почетный гость проходил в вагон и в момент отправления поезда вновь звучал турецкий гимн [12].

Одновременно с подготовкой к визиту в СССР турецкого премьер-министра НКВД активно занимался организацией визита в Москву министра двора Персии Тей Мурташа.

Во время подготовки визита в отношениях между Протокольным отделом НКВД и агентством НКВД в Баку возникла курьезная ситуация. И февраля дипломатический агент НКВД в Баку И. Карташов сообщает Флоринскому, что в связи с приездом персидского министра двора он получил много зашифрованных инструкций, за что приносит НКВД свою благодарность, но «простите великодушно <...>. Вы сделали их с большим избытком. Я здесь невероятно перегружен делом, не имею сейчас секретаря, расшифровываю сам и только по ночам, и Вы согласитесь со мной, что не спать по ночам для того, чтобы в который раз расшифровать, что надо обеспечить министра машиной, питанием, проверить вагон и сообщить в Москву о прибытии и т. д. немножко досадно!» [13]. Далее автор просит по этим вопросам его больше не беспокоить. «Пожалуйста, не обижайтесь за эти строки. Я чертовски утомлен, Вы не представляете, какая здесь куча дел. А насчет проездов знатных иностранцев не беспокойтесь, эта механика здесь уже усвоена с давних пор, предупреждайте только заблаговременно и сообщайте главное – за чей счет, а прочее уже разумеется» [14]. Но никакие инструкции не могли научить отдельных представителей московской военной и партийной элиты хорошим манерам.

Так, на приеме 13 марта у персидского посла по случаю приезда в Москву персидского министра двора Персии, на котором присутствовал весь дипкорпус, представитель Реввоенсовета генерал Иванов, изрядно выпив, «вел себя безобразно. В частности, своими пьяными любезностями и фамильярностями он преследовал турецкого и афганского послов, которые всячески старались от него отделаться. <...> Во время разъезда гостей, когда я (Д.Г. Флоринский. – *Авт.*) сидел с персидским послом, к нам подошел Иванов, еле стоявший на ногах, произнес бессвязное приветствие по адресу посла, выпил за его здоровье очередной бокал вина и ретировался <...>». По мнению Флоринского, генерал Иванов вел себя «безобразно», и он считает своим долгом довести сведения об этом случае до Отдела внешних сношений Реввоенсовета [15].

Документы Фонда протокольного отдела за 20-е и 30-е годы написаны не сухим канцелярским, а «живым» и в большинстве своем литературным языком, они наполнены историей человеческих отношений, в которых могут возникнуть различные ситуации, в том числе и нелицеприятные.

Флоринский тщательно разбирает каждый случай, не с целью покарать провинившихся, а чтобы впредь официальные лица на протокольных мероприятиях не дискредитировали советскую власть в глазах иностранных представителей. Следует отметить, что к каждой делегации был приставлен специальный агент, который составлял отчет о ее пребывании. В большинстве этих документов осуждается поведение гостей, которые без разрешения властных структур отступали от утвержденной программы. К примеру, посещение в октябре 1931 года датской делегацией бала у концессионера Снау-Кельдсена, после официального банкета, было воспринято советской стороной как «определенное хамство» [16].

Не устраивала Протокольный отдел и деятельность «Интуриста» в работе с иностранными делегациями. Так, во время визита датских представителей в Ленинград было отмечено, что «следовало бы обратить внимание «Интуриста» в Москве, что его филиалы работают весьма скверно. В частности, оставляет желать много лучшего подбор гидов, которым, к сожалению, нельзя поручить ни одного самостоятельного дела», – сообщал в своем донесении в Москву агент Орлов-Ермак [17].

Несмотря на активную деятельность Протокольного отдела НКВД, было бы слишком смело заявлять о том, что к середине 30-х годов наблюдается тенденция закрепления норм

дипломатического протокола, которые относятся как к церемонии встреч и проводов иностранных делегаций, так и к правилам поведения самих дипломатических работников, аккредитованных в Москве.

В этом отношении весьма показательна встреча 1 февраля 1935 года польского поверенного в делах с представителем НКВД, который требовал у польского дипломата объяснений поведения некоторых членов дипломатического корпуса, которые во время проведения одного из официальных мероприятий сидели во время «пения нашего гимна» [18].

В ответ на это польский дипломат заявил, что он полагал, что «исполняется не гимн, а поется партийная песня». Слова «Интернационала», по его мнению, не носят характер гимна, а являются песней революционных рабочих с призывом к свершению буржуазии. Поэтому гимном он считал музыкальное исполнение и в торжественных случаях всегда вставал. В данной ситуации речь шла не об исполнении гимна при появлении Калинина в его честь, как главы государства, а о пении «Интернационала» в честь Сталина, как вождя пролетариата.

В ответ на доводы польского дипломата представитель НКВД заметил, что его объяснения только ухудшают сложившееся положение. Слова «Интернационала» не нравятся представителям буржуазных государств, так же как и нам не нравятся слова многих национальных гимнов, в особенности монархических. Но соблюдение норм международной вежливости заставляет наших представителей всегда вставать или обнажать головы при исполнении гимнов. Что сказала бы польская власть, если бы наш советский представитель в Варшаве при пении польского гимна в честь Пилсудского демонстративно сидел на том основании, что Пилсудский не является формальным главой государства?

В свою очередь дипломат заметил, что в СССР не разработан «протокольный церемониал» [19], который определял бы, в каких случаях дипломаты должны вставать, тем более что за границей он много раз слышал пение «Интернационала» на разных языках и все понимали, что это революционная песня.

Советская сторона продолжала настаивать, что в данной ситуации никаких правил не требуется, так же как всем и так ясно, при исполнении гимна нужно вставать.

Еще одной претензией со стороны НКВД к дипломатическому корпусу являлось нежелание дипломатов стоя приветствовать советских вождей. В частности, когда при открытии съезда зал овациями встречал Ворошилова, то многие дипломаты встали со своих мест, так как лично знакомы с Ворошиловым, но когда начались овации незнакомым им лицам, в частности Сталину, то они не поднимались.

По итогам этой беседы НКВД принял решение не делать представления соответствующим посольствам (при исполнении «Интернационала» не встала примерно половина дипломатов, в том числе представители Германии и Японии, на что обращено особое внимание в донесении), надеясь, что они сами поймут «неправильность своего поведения» [20].

В определенных политических обстоятельствах дипломатическая вежливость превращается в «дипломатическое хамство».

И все же основная деятельность сотрудников Протокольного отдела была направлена не на выяснение отношений с членами дипломатического корпуса, а с подготовкой и организацией официальных визитов зарубежных делегаций, которые в большинстве случаев (в период с 1934 по 1937 год) возглавляли министры иностранных дел.

С июля 1934 по сентябрь 1937 года СССР посетили: министры иностранных дел Эстонии (июль 1934 года), Литвы (август 1934 года), Латвии (октябрь 1934 года, июнь 1937 года), Франции (май 1935 года), Афганистана (март 1936 года), Норвегии (апрель 1936 года), Финляндии (февраль 1937 года), Латвии (июнь 1937 года), Швеции (июль 1937 года), Турции (июль 1937 года), Ирана (август 1937 года), а также председатель министров МНР (октябрь 1936 года) и министр просвещения Франции (сентябрь 1937 года).

Программа пребывания высокопоставленных гостей предусматривала визиты к Калинину, Молотову и Литвинову, осмотр Кремля, Московского метрополитена, экскурсию по Москве, посещение Большого театра, осмотр промышленных объектов Москвы, а с июня 1937 года – канала Москва – Волга.

Программа визита председателя МНР носила более расширенный характер и предусматривала посещение воинских частей и военных объектов: авиазавода, Монинской авиабригады, Кавалерийской дивизии имени И.В. Сталина^[5] [21].

Особым направлением в работе отдела были взаимоотношения с немецкими дипломатами. 2 сентября 1932 года заведующий Протокольным отделом НКВД Флоринский получил из Берлина от советника Линде информацию, что 10 сентября пароходом через Ленинград в Москву выедет первый помощник заведующего протокольной частью Аусамта фрейхер Герберт Мумм, которому «очень хорошо известны персоналии государственных кругов Германии. В последние два месяца он работал и в канцелярии Рейхс-президента. К нам он относится весьма хорошо. Сам он молодой человек, ограниченный в средствах, и интересуется всякими тибетскими и китайскими безделушками» [22].

Линде просит Флоринского взять гостя под свою опеку и дать ему возможность осмотреть Кремль и театры. «Человек он простой, но весьма культурный и не испорчен бюрократизмом, может быть полезен и сообщить целый ряд слухов из первоисточников. Буду Вам весьма благодарен, если Вы его обласкаете и дадите возможность уехать довольным из Москвы», – заканчивает свое послание Флоринскому Линде [23].

Таким образом, Москва делает все возможное, чтобы получить необходимую информацию из Берлина, в том числе используя для этого сотрудников Протокольного отдела НКВД в Москве и их коллег в Берлине.

15 сентября в Протокольный отдел поступает информация из Батуми о том, что через город проследовала германская хозяйственно-правительственная делегация. Гости осмотрели нефтеперегонный завод Азнефти и Ботанический сад, затем поехали в Кабулеты для купания и в Чакву для осмотра завода и чайных плантаций. Вечером в ресторане «Интурист» был обед, на котором гости присутствовали до отхода парохода. В целом, по мнению дипломатического агента НКВД Бортника, члены делегации остались довольны приемом в Аджари-атане [24].

В 1935 году Протокольный отдел фиксирует в своих документах все контакты с представителями немецкого посольства, даже если визит его сотрудников продолжался буквально несколько минут. Так, 19 мая 1935 года германский посол фон дер Шуленбург пришел в наркомат, чтобы выразить соболезнование советскому правительству от своего имени и от имени германского правительства по поводу трагической гибели самолета «Максим Горький», его экипажа и пассажиров. Также посол заявил, что он уезжает на 10–12 дней в Германию и рад, что ему удастся присутствовать на программной политической речи Гитлера, которую он произнесет 21 мая [25].

Любая информация, связанная с германским послом, не просто «принималась к сведению», но и тщательно анализировалась.

В начале 1936 года, по поручению М.М. Литвинова, заведующий Протокольным отделом В.Н. Барков сообщает в Берлин полномочному представителю СССР в Германии Я.З. Сурицу о деталях поведения германского посла фон дер Шуленбурга во время проводов из Москвы 2 января представителя Уругвая господина Масанеса, временно исполнявшего обязанности поверенного в делах. В своем послании Барков пишет, что на вокзал посол прибыл с дочерью и секретарями посольства, фон дер Шуленбург преподнес жене Масанеса коробку конфет, что «обычно в Москве при отъезде не практикуется» [26]. Столь же демонстративным, по мнению заведующего Протокольным отделом, было поведение сотрудников посольств США и Италии, прибывших на вокзал в полном составе, что не было принято в подобных случаях. Барков уверен, что эта информация, особенно сведения о поведении германского посла, будет небезынтересна для сотрудников советского посольства в Берлине [27].

27 декабря 1935 года произошел разрыв дипломатических отношений между СССР и Уругваем. Церемонии проводов и встреч официальных лиц, как и все составляющие визита, позволяют судить о характере отношения между государствами.

В 1939 году одним из первых официальных визитов в СССР стал визит торговой делегации Польши, состоявшийся 19 января. Протокольный отдел НКВД подробно информировал народного комиссара внешней торговли А.И. Микояна о подготовке совместной польско-советской конференции, а именно о председательствовании, о языке конференции (русском и польском), о переводчиках, о днях и часах созыва конференции [28]. 7 февраля в Баку прибыла иракская торговая миссия. Таким образом, 1939 год начался с визитов в СССР торговых миссий Польши и Ирака, затем, за исключением прибытия 13 июня советника МИДа Англии господина Стренга в сопровождении чиновника МИДа господина Робера в Негорелое, наступает перерыв вплоть до начала августа [29].

5 августа в Киев прибыли депутаты болгарского парламента во главе с заместителем председателя парламента Марковым. Гости осмотрели Киев, а вечером отправились на концерт джаз-оркестра Якова Скоморовского. «В Советском Союзе мы впервые, – сказал первый секретарь председателя финансовой комиссии Балканский, – и нас поражает большая творческая работа советского народа во всех областях: культурной, промышленной, сельскохозяйственной и других» [30].

Уполномоченный НКВД при правительстве УССР К. Видякин подробно, до малейших деталей сообщал в Москву о ходе визита: например, что во время 15-минутных антрактов в театре члены делегации «пользовались прохладительными напитками и мороженым» [31].

Во время одного из антрактов председатель комиссии по иностранным делам Говедаров спросил у Видякина, будет ли заключен договор между Англией, Францией и СССР «для защиты мира от агрессии» [32]. Представитель НКВД заверил болгарских гостей, что советское правительство делает все возможное для заключения равноправного договора и что приезд в СССР английских и французских военных миссий, по-видимому, завершит подготовку к заключению договора. «Касаясь дальневосточных событий, в частности МНР, я ответил, что советская граница на Дальнем Востоке и в МНР крепка и неприступна и попытки провокации со стороны Японии будут терпеть неудачи, Советский народ никогда и никому не позволит посягнуть на свою родную землю» [33].

На банкете заместитель председателя болгарского парламента поднял бокал за дальнейшее процветание советской культуры и тесное содружество. Это выступление Маркова было встречено бурной овацией и возгласами: «Да здравствует тов. Сталин!», «За Советскую власть!», «За трудолюбивый советский народ!», «За дружбу с великим советским народом!» [34].

Как заметил Марков, «любовь болгар к СССР» проявилась после передачи советским правительством Болгарии 100 тысяч левов в помощь пострадавшим от разлива реки Росицы: «Народ любит СССР», – подчеркнул Марков [35].

На банкете присутствовали артисты джаз-оркестра Я. Скоморовского, В. Коралли, К. Шульженко и конферансье Г. Амурский. Особой популярностью пользовалась среди гостей песня «Тихий Дон» [36].

Из Киева болгарская делегация отправилась в Москву для посещения сельскохозяйственной выставки, а затем в Ленинград, откуда ко Дню авиации (18 августа) вновь вернулась в Москву: Марков считался хорошим летчиком. Следует отметить, что в составе болгарской делегации не захотел ехать в СССР один известный промышленник, испугавшийся «голода в СССР» [37].

9 августа на английском пароходе в составе группы из 30 человек прибыли английские и французские военные представители.

21 августа 1939 года советник польского посольства сообщил по телефону в НКВД, что заместитель министра земледелия Кравульский выезжает на сельскохозяйственную выставку из Варшавы 23 августа [38].

Этот день – 23 августа – упоминается и в воспоминаниях Иоахима фон Риббентропа, министра иностранных дел Германии в 1938–1945 годах: «23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, на котором рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности первым заместителем наркома иностранных дел СССР. – *Пер.*) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление своим внешним видом и выправкой, мы в сопровождении русского полковника направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего пребывания в Москве» [39].

В настоящее время в АВП РФ не удалось обнаружить документов, содержащих сведения о политических и протокольных аспектах визита Риббентропа в Москву, поэтому главный источник информации об этом визите – воспоминания Иоахима фон Риббентропа.

Во время беседы в посольстве с графом Шуленбургом Риббентропу сообщили, что сегодня в 6 часов его ожидают в Кремле, но кто будет вести переговоры – Молотов или Сталин – сообщено не было.

В конечном итоге в переговорах участвовали Сталин, Молотов, граф Шуленбург и Риббентроп, а также два переводчика. В начале беседы Риббентроп высказал желание Германии «поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших

интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок, при этом я сослался на речь Сталина весной [1939 года], в которой он, по нашему мнению, высказал подобные мысли» [40].

В ответном выступлении Сталин согласился, что в своей речи 10 марта 1939 года он сознательно «намекнул» о желании взаимопонимания с Германией. Ответ Сталина был столь позитивен, что уже в начале встречи стороны конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, особенно по вопросу о германо-польском кризисе.

На переговорах, где, по словам Риббентропа, царила «благоприятная атмосфера», были разграничены сферы интересов в странах, находящихся между Германией и СССР. К советской сфере интересов были отнесены Финляндия, большая часть Прибалтийских государств и Бессарабия. В случае возникновения германо-польского конфликта была согласована демаркационная линия по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом германская сторона заверила Сталина, что сделает все возможное, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическим путем [41].

После того как Риббентроп получил согласие Гитлера, что порт Либая (Лиепая) входит в сферу советских интересов, были парафированы и около полуночи подписаны Пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол. (Последний был заключен в связи с тем, что германо-советское соглашение нарушало договор между Францией и Россией 1936 года, предусматривавший консультации при заключении ими договоров с другими странами.)

По окончании переговоров в служебном кабинете Молотова был сервирован ужин на четыре персоны, в самом начале которого Сталин неожиданно произнес тост об Адольфе Гитлере как об особо почитаемом им человеке и выразил надежду, что подписанные документы положили начало новому этапу советско-германских отношений.

Следует отметить, что Сталин произвел на Риббентропа сильное впечатление, как человек «необычайного масштаба <...> одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде» [42].

В конце приема произошел эпизод, весьма характерный для этой кремлевской встречи. В ответ на просьбу Риббентропа Сталин согласился, чтобы личный фотограф фюрера сделал несколько снимков (иностранцы не могли фотографировать в Кремле). Когда же Сталин и гости были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин заявил, что этот снимок не может быть опубликован, но, когда фоторепортер передал пленку Сталину, тот вернул ее, заметив, что доверяет немецким гостям и уверен, что снимок опубликован не будет.

По словам Риббентропа, этот случай «характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву» [43].

24 августа немецкая делегация вылетела в Германию. Таким образом, нарушив соглашение с Польшей и Францией от 1936 года, СССР вступил в союз с Германией. Английские и французские военные миссии, которые длительное время вели переговоры в Москве, покинули СССР.

В конце сентября 1939 года Риббентроп второй раз вылетел в Москву. Как и во время первого своего визита, он нашел «у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти сердечный прием» [44].

Но если в августе 1939 года по случаю пребывания немецкой делегации советская сторона не устраивала торжественных мероприятий, то на этот раз гости из Германии получили несколько «блестящих приглашений».

В Большом театре в честь немецкой делегации давали «Лебединое озеро». «Мы сидели в большой центральной ложе и восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета», – вспоминал Риббентроп [45].

По случаю пребывания в Москве в честь немецкой делегации Сталин дал большой банкет, на который были приглашены все члены Политбюро. Поднимаясь по лестнице Большого Кремлевского дворца, где был устроен прием, Риббентроп обратил внимание на картину, где Александр II был изображен с крестьянами после отмены крепостного права. «Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве наметилась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм «Петр Первый»,

который как раз шел тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом направлении» [46].

На банкете больше всех, по словам Риббентропа, говорил Молотов, которого Сталин (Риббентроп сидел рядом с ним) подбивал на новые речи. Блюда поражали великолепием, а водка необычайной крепостью. После того как Риббентроп высказал свое восхищение превосходством «русских глоток над немецкими», Сталин раскрыл ему «тайну»: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, как и водка (водка была коричневого цвета).

В течение вечера Риббентроп дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили к нему, чтобы с ним чокнуться. Особенно запомнились ему Ворошилов и Каганович. Советская партийная элита произвела столь сильное впечатление на членов немецкой делегации, что гаулейтер Данцига во время обратного полета сказал Риббентропу, что чувствовал себя просто «среди своих старых партайгеноссен» [47].

Вернувшись в Германию, Риббентроп через советника германского посольства сообщил НКВД о своем желании в знак особой признательности к лицам, имевшим непосредственное отношение к организации его пребывания в Москве, передать подарки начальнику личной охраны Риббентропа, товарищу, который встречал Риббентропа «у здания Р.К. Правительства и сопровождал его до кабинета товарища В.И. Молотова, а также им названа фамилия – Павлов^[6]. НКВД просит Вас (Л.П. Берия. – *Авт.*) сообщить фамилии лиц, указанных выше, чтобы их сообщить германскому посольству» [48].

В своих записках о втором визите в СССР Риббентроп пишет не только о спектакле в Большом театре и приеме в Кремле, но и о том, как «прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до того Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны» [49].

5 октября 1939 года, в день, когда СССР заключил с Латвией договор о военной взаимопомощи (10 октября подобный договор был заключен с Литвой), секретарь германского посольства Ламла вручил старшему референту по Германии Г.М. Пушкину^[7] ноту о прилете в Москву 8 октября германской экономической делегации (на двух самолетах). 7 октября германское посольство известило НКВД, что экономическая делегация прибудет в Москву 8 октября.

Протокол – не только инструмент, но и своеобразный индикатор приоритетов внешней политики государства, что особенно ярко проявилось в отношениях советского руководства с германскими представителями в Москве и во время визита И. фон Риббентропа.

Совокупность протокольных норм в целом продемонстрировала приоритеты кремлевских вождей в сфере международных отношений.

Приложение

В 30-х годах продолжается традиция, заложенная в предыдущее десятилетие приезда в СССР зарубежных делегаций с целью изучения экономической ситуации в стране. При этом гости в большинстве случаев посещали не только промышленные предприятия, но и научно-исследовательские институты. Так, в сентябре 1931 года на датскую делегацию, посетившую до этого в Ленинграде Путиловский и Фарфоровый заводы, порт, отделение Западной торговой палаты, особенно сильное впечатление оказал прием в Институте прикладной ботаники, где академик Вавилов прочитал гостям лекцию [50].

Визиты премьер-министра Великобритании У. Черчилля (1942 и 1944), британских и американских военно-экономических миссий. Конференция представителей СССР, США и Англии в Москве (29 сентября – 10 октября 1941), визит личного представителя президента США Ф. Рузвельта Уилки, делегации американских военных во главе с генерал-майором Бредли, представителя Ф. Рузвельта Дэвиса (1943), бригадного генерала Сполдинга (1944)

После поражения Франции У. Черчилль направил И.В. Сталину первое личное послание, в котором подчеркивал необходимость восстановления контактов между Британией и СССР.

21 июня 1941 года в Лондоне состоялась встреча послов С. Криппса и И.М. Майского, на которой Криппс заявил, что в случае нападения Гитлера на СССР в Москву будет отправлена военная миссия, а также экономические эксперты для налаживания хозяйственной координации между странами [1].

22 июня последовало заявление английского правительства о поддержке Советского Союза в войне против Германии. В тот же день Майский получил телеграмму народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова, в которой сообщалось о согласии принять британские миссии.

Начиная с июня по декабрь 1941 года Протокольный отдел НКВД занимался главным образом организацией визитов в СССР британских и американских военно-экономических миссий^[8].

Так, 26 июня в Москву вместе с чрезвычайным послом Великобритании Стаффордом Криппсом прибыла военно-экономическая миссия в составе генерал-лейтенанта пехоты М. Макфарлана, контр-адмирала Д. Майлса, вице-маршала авиации А. Кольера и других представителей Вооруженных сил Британии. В составе делегации был и Лоренс Кедбери, фабрикант шоколадной промышленности.

В честь гостей на аэродроме был выставлен почетный караул, исполнены гимн Англии и «Интернационал» [2].

На встрече с Молотовым английский посол изложил позицию своего правительства – основное военное сотрудничество должно свестись к обмену военным опытом и информацией, другие варианты военной помощи требуют дополнительного обсуждения. Молотов, стремясь получить действенную помощь и опираясь на слова Криппса о том, что Англия может усилить воздушные налеты на рейх, а ее воздушный флот поможет СССР в Арктике и на Белом море, предложил провести совместные операции в районе Мурманска и Петсамо^[9]. В результате переговоров, проходивших на самых разных уровнях, было принято решение о направлении в Великобританию группы советских военных специалистов [3].

В августе начинается активная подготовка к конференции по вопросам взаимных военных поставок с участием СССР, США и Великобритании, которая состоялась в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 года. Так, 30 августа американский посол Штейнгардт информировал НКВД, что получил от Рузвельта телеграмму, в которой тот сообщил, что главой делегации США на Московской конференции назначен Гарриман. С ним придут шесть экспертов, всего с военными и техническими работниками – 15–16 человек [4].

13 сентября чрезвычайный и полномочный посол Великобритании С. Криппс передал Молотову список английской делегации во главе с лордом Бивербруком (министром снабжения и членом военного кабинета), общая предполагаемая численность делегации – 24 человека. Английская миссия, если не будет возражать советское правительство, придет в Москву вместе с американской делегацией 25 сентября [5].

В тот же день Протокольный отдел передал народному комиссару внешней торговли СССР А.И. Микояну просьбу секретарей британского и американского посольств о предоставлении для приезжающих в Москву членов конференции помещения, питания и обслуживания в гостинице «Националь» для 50 человек.

При этом посольства выразили желание, чтобы во время конференции отель был целиком (включая ресторан) предоставлен участникам переговоров, и подчеркнули нежелательность доступа к членам делегации журналистов (особенно английских и американских) [6].

Помимо этого, американское посольство выразило надежду, что бомбоубежище «Националь» будет «приведено в надлежащее состояние до приезда миссий» [7].

В результате бомбоубежищем для английской и американской делегаций стала часть станции метро «Площадь Революции», которую после их отлета Протокольный отдел предложил закрепить за дипломатическим корпусом [8].

В Протокольном отделе НКВД был составлен план действий по подготовке гостиницы «Националь» к приему гостей, который включал следующие пункты:

- снабдить номера хорошим бельем, убрать полы;
- пополнить интерьеры мебелью, коврами;
- проверить затемнение;

- привести в порядок лестницы, ресторан, парикмахерскую;
- разрешить установку в гостинице 3–4 приемников;
- всех проживающих в «Национале» переселить в другие гостиницы [9].

Для заседаний предназначалось здание на Спиридоновке, 17, в котором следовало подготовить «проверенный» обслуживающий персонал, а также привести в порядок уборные и замаскировать стоящие на площадках лестниц грязные бочки с водой и песком [10].

В составе делегаций остановившихся в «Национале» были военные, представители руководства военной промышленности и ведомства нефтяного снабжения, делегаты Красного Креста, журналисты, переводчики.

Помимо переговоров членам делегации была предложена культурная программа:

2 октября – просмотр в кинотеатре «Метрополь» кинофильмов «Приезд делегации», сборника № 5 «Москва – Лондон», киножурналов «Оборона Одессы» и «Ельня», кинофильма «Антон Иванович сердится»;

3 октября – балет «Лебединое озеро» в Большом театре.

4–5 октября был запланирован отлет делегации.

После Московской конференции советские и британские военные уделяли большое внимание поставкам самолетов и авиационного оборудования. В конце ноября 1941 года в сопровождении представителей ВВС КА вице-маршал Кольер посетил места сборки самолетов в Кадниковом, Кинешме, Архангельске [и].

20 ноября заместитель народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский получил сообщение от начальника Отдела внешних сношений НКО полковника В.Н. Евстигнеева, что им был принят глава английской Военно-воздушной миссии вице-маршал Кольер, который сообщил, что, по имеющимся у него данным, 26 ноября из Тегерана вылетает в Куйбышев на британском самолете глава польского эмигрантского правительства генерал Сикорский^[10]. Колье просил сообщить маршрут полета и характеристику аэродромов.

Протокольный отдел НКВД подготовил программу пребывания в СССР председателя Совета министров Польши В. Сикорского. В Куйбышеве Сикорского встречают Вышинский, генерал-майор Захаров и др. На аэродроме выстраивается почетный караул, звучит «Интернационал» и польский гимн. В день приезда запланирован визит Сикорского Молотову (если тот отсутствует, то Вышинскому) и Калининну.

На другой день Сикорский вылетает в Москву на встречу со Сталиным, от имени которого следует предложить завтрак.

В Москве Сикорского разместили в гостинице «Москва», имеющей хорошее бомбоубежище. Из Москвы гости вылетели в Куйбышев, где осмотрели Завод имени Масленникова, присутствовали на концерте. Из Куйбышева – отъезд в Бузулук [12].

3–4 декабря состоялись переговоры правительства СССР с главой польского эмигрантского правительства генералом Сикорским, была подписана советско-польская декларация о дружбе и взаимопомощи.

В первый день 1942 года представители 26 держав подписали в Вашингтоне Декларацию Объединенных Наций, которая призывала к объединению стран в борьбе до полной победы над фашизмом.

В мае – июне 1942 года между СССР с одной стороны и США и Великобританией – с другой были заключены советско-английское и советско-американское соглашения, для чего народный комиссар по иностранным делам СССР В.М. Молотов летал в Лондон и Вашингтон.

По соглашению между СССР и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германией и о сотрудничестве после войны от (26 мая 1942 года) стороны взяли на себя обязательство оказывать друг другу военную и «другую помощь» в войне против Германии, но главным вопросом союзнических отношений был вопрос об открытии второго фронта в Европе. Для обсуждения этой проблемы в августе 1942 года в Москву прибыли английская и американская делегации (первую возглавлял премьер-министр Великобритании У. Черчилль, вторую – личный представитель президента США Рузвельта – А. Гарриман).

1 августа 1942 года заместитель народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский принял английского посла Керра, который приехал в Куйбышев узнать, известно ли что-либо Вышинскому о встрече в Москве Черчилля и Сталина. Получив утвердительный ответ, Керр подчеркнул, что считает этот шаг «величайшим событием» и что приближается время, когда

необходимо принять серьезнейшие решения. Он рад, что одно из таких решений – о встрече – принято [13].

Керр просил сообщить, где планируется поместить в Москве гостя. Посол считал, что в гостинице (по соображениям секретности) было бы неудобно, посольство также не подходит, так как оно «необитаемо» [14]. Вышинский ответил, что подробности приема ему неизвестны, но он убежден, что гостю будут обеспечены «самые лучшие во всех отношениях условия и что в этом отношении Керр может целиком на нас положиться» [15].

Уходя, английский дипломат спросил у Вышинского, не приедет ли он в Москву, чтобы «<...> познакомиться с гостем. Он, Керр, хотел бы, чтобы гость увидел, с каким тяжелым человеком ему, Керру, приходится работать. Я (Вышинский. – *Авт.*) также шуткой ответил, что он сам гораздо более опасный человек. Быть в Москве я едва ли смогу, хотя был бы этому очень рад. Я сослался, конечно, на свои обязанности по НКВД и по дипломатическому корпусу.

– А вы пошлите корпус к черту! – воскликнул Керр.

– Это не по протоколу, – ответил я «<...>» – записал в своем дневнике А.Я. Вышинский [16].

10 августа 1942 года в 24 часа 30 минут в отдел внешних отношений НКО прибыл по собственной инициативе американский военный атташе полковник Микел, который сообщил начальнику отдела полковнику Евстигнееву, что 11 августа 1942 года прилетают в Москву следующие лица.

От англичан:

сэр Черчилль (премьер-министр);

сэр Кадоган (постоянный заместитель министра иностранных дел);

сэр Чарльз Вилсон (председатель Королевского общества врачей);

полковник Джекобе (из бюро министра обороны);

генерал сэр Аллан Брук (начальник Имперского генерального штаба);

генерал сэр Арчибальд Уэйвелл (главнокомандующий, Индия);

командер С.Р. Вилсон (первый морской помощник);

майор Коте (сопровождающий генерала Уэйвелла);

полковник Г. Домфи (сопровождающий генерала Брука);

мистер Роуан (личный секретарь);

Томсон (личная охрана Черчилля);

мистер П. Киния (шифровальщик); министр Соер (прислуга);

От американцев:

мистер Гарриман (личный представитель президента Рузвельта);

генерал Максвел (начальник снабжения на Ближнем Востоке);

генерал Сполдинг (помощник Рузвельта по вопросам снабжения);

мистер Лой Хендерсон (бывший советник посольства);

лейтенант Гераро;

мистер Франсис Стивенс.

Одновременно с этими лицами летят генерал Исаев и полковник Кремер.

Англичане летят на трех самолетах Б-24, а американцы – на самолете «неустановленного типа» [17].

Насколько секретной была подготовка к визиту, свидетельствует тот факт, что Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии доложило Молотову о полученной информации от полковника Микела 11 августа, то есть за день до прилета делегаций в Москву.

11 августа также состоялся телефонный разговор Козырева с первым секретарем английского посольства Денлопом, в которой тот попросил проинформировать посла о «наметках программы пребывания Черчилля», так как посол боится «попасть в неловкое положение, если не сможет дать ответ на соответствующий вопрос премьера» [18]. В частности, посол хотел бы знать, планируется ли представление Черчиллем членов своей миссии «председателю СНК тов. Сталину и народному комиссару иностранных дел тов. Молотову. Посол уверен, что Черчилль пожелает сделать такое представление, да и сам он хочет быть представленным» [19].

В ответ на эту просьбу Молотов просит передать английской стороне, что, по его мнению, будет целесообразно «согласовать программу с премьером и послом по прибытии премьера на аэродром» [20].

Церемониал встречи в Москве, утвержденный Молотовым 11 августа, был следующим:

«1. Прилет – играется встречный марш.

2. Представление (оркестр молчит).

3. После представления исполняются гимны (английский, американский, советский).

4. После исполнения гимнов направляются к караулу.

5. Отдается рапорт Черчиллю.

6. Прохождение вдоль фронта караула. Проходят Черчилль «главный гость» перед фамилией премьер-министра зачеркнуто. – *Авт.*), В.М. Молотов, Гарриман, Брук <...>.

7. Прохождение роты, затем оркестра.

8. Рассадка по автомашинам <...>» [21].

12 августа в 6 часов 30 минут утра члены делегации вылетели из Тегерана в Москву.

«Поскольку была ясная погода, благоприятный ветер и мне (*У. Черчилль. – Авт.*) срочно надо было попасть в Москву, было решено срезать угол у Куйбышева и лететь прямо к столице. Боюсь, что таким образом мы оставили в стороне великолепный банкет и прием в духе истинно русского гостеприимства. Примерно в 5 часов показались шпили и купола Москвы. Мы кружились вокруг города по тщательно указанным маршрутам, вдоль которых все батареи были предупреждены, и приземлились на аэродроме, на котором мне предстояло побывать еще раз во время войны (визит в 1944 году. – *Лет.*)», – вспоминал *У. Черчилль* [22].

На аэродроме гостей встречали Молотов «во главе русских генералов», дипломатический корпус, фотографы и репортеры. После того как оркестр исполнил национальные гимны трех держав, был произведен смотр почетного караула, безупречного, по словам Черчилля, в отношении «одежды и выправки» [23]. Затем Черчилля подвели к микрофону и он произнес речь. Гарриман выступал от имени Соединенных Штатов.

Молотов сопровождал премьер-министра в своей машине в предназначенную для Черчилля резиденцию – государственную дачу № 7. «Когда мы проезжали по улицам Москвы, – вспоминал Черчилль, – которые казались очень пустынными, я опустил стекло, чтобы дать доступ воздуху, и, к моему удивлению, обнаружил, что стекло толщиной более двух дюймов. Это превосходило все известные мне рекорды <...>» [24].

В резиденции, по словам Черчилля, все было подготовлено «с тоталитарной расточительностью» [25].

В распоряжении премьер-министра с момента прибытия на дачу находился в качестве адъютанта офицер, обладавший «великолепной внешностью» (Черчилль решил, что он принадлежал к княжеской фамилии), который являлся «образцом вежливости и внимания» [26]. Множество слуг в белых куртках с сияющей улыбкой выполняли каждое пожелание гостей. Буфеты в столовой буквально ломались от деликатесов и напитков.

Когда премьер-министра проводили в ванную, он заметил и специально отметил это в своих воспоминаниях, что «над раковинами не было отдельных кранов для холодной и горячей воды и что в раковинах не было затычек. Горячая и холодная вода вытекала вместе через один кран, смешанная до желательной температуры. Кроме того, не приходилось мыть руки в раковине, а можно было это делать под струей воды, вытекающей из крана. В скромной форме я применил эту систему у себя дома. Если нет недостатка в воде, то это самая лучшая система» [27].

После всех «погружений и омовений» гостей угощали «отборными блюдами и напитками, в том числе, конечно, икрой и водкой. Но, кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии, гораздо больше, чем мы могли или хотели съесть», – вспоминал *У. Черчилль* [28]. В тот же день в 7 часов в Кремле состоялась встреча премьер-министра со Сталиным, которая продолжалась почти четыре часа.

На следующий день, 13 августа, после встречи с Молотовым в Кремле и завтрака в резиденции Черчилль отправился на прогулку. В своих воспоминаниях он отмечает, что государственная дача № 7 – это красивый загородный дом, стоящий среди соснового леса, окруженный лужайками и садами с несколькими фонтанами. Недалеко от дома находилось бомбоубежище «самого последнего и самого роскошного типа». На специальных лифтах гости спустились под землю (80–90 фунтов), где им показали несколько комнат, обставленных «модной, пышной мебелью ярких цветов» [29]. Но самое сильное впечатление произвели на Черчилля аквариумы с золотыми рыбками.

В 11 часов вечера английская и американская делегации были приняты в Кремле Сталиным и Молотовым. По окончании встречи, проходившей в весьма напряженной обстановке почти два часа и на которой Сталин заявил гостям, что они боятся сражаться с немцами, Сталин протянул Черчиллю руку для рукопожатия.

14 августа состоялся официальный обед в Кремле, на котором присутствовали высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. «Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов <...> из крошечных рюмок, делая <...> маленький глоток. Меня изрядно угощали», – вспоминал У. Черчилль [30].

Во время обеда Сталин ответственно говорил (с помощью переводчика) с Черчиллем, который сидел справа от него. Рассказывая о визите Б. Шоу и леди Астор, он заметил, что «леди Астор предложила пригласить Ллойд-Джорджа в Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае, – сказал Сталин, – Ллойд-Джорж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено?» – заметила леди Астор. «Я не уверен, – ответил Сталин, – в критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я (У. Черчилль. – *Авт.*) прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся; тогда я спросил: «Вы простили мне?» «Премьер, Сталин говорит, – перевел Павлов, – что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу» [31].

На обеде Черчилль предложил выпить за здоровье Сталина, а Кадоган – за гибель нацистов.

Опасаясь, как пишет Черчилль, «застрять» на просмотре фильма, премьер-министр уехал примерно в 1 час 30 минут утра. После «сердечного рукопожатия» со Сталиным Черчилль направился к выходу, но, когда он сделал несколько шагов, Сталин догнал его и проводил до парадной двери, где они снова пожали друг другу руки [32].

15 августа, по окончании совещаний, в 7 часов Черчилль отправился прощаться со Сталиным. В конце беседы, которая длилась почти час, Сталин пригласил премьер-министра к себе, получив согласие, он повел Черчилля в свою квартиру в Кремле, где показал гостю личные комнаты, обставленные просто и достойно. Их было четыре – столовая, кабинет, спальня и большая ванная.

В то время как дочь И.В. Сталина и экономка накрывали на стол, И.В. Сталин раскупоривал бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он предложил позвать Молотова, который беспокоится о коммюнике, и к тому же «у Молотова есть одно особенное качество – он может пить» [33].

Когда прибыл Молотов, все сели за стол (всего пять человек вместе с переводчиками). Обед продолжался с 8 часов 30 минут до 2 часов 30 минут следующего утра. «Обед был, очевидно, импровизированным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведали всего понемногу, по русскому обычаю пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним» [34]. К одной из шуток У. Черчилля, что министр иностранных дел во время своей поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк по своей инициативе и его задержка в пути была преднамеренной, Молотов отнесся серьезно, но лицо Сталина «просияло весельем, когда он сказал: «Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры» [35].

На вопрос У. Черчилля, насколько тяготы войны сопоставимы с проблемами коллективизации, Сталин ответил, что «политика коллективизации была страшной борьбой» [36]. «Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, – сказал У. Черчилль, – ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С 10 миллионами, – сказал Сталин, подняв руки, – это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами» [37].

В своих воспоминаниях Черчилль пишет о том, какое сильное впечатление произвело на него сообщение, что миллионы мужчин и женщин были уничтожены. Слушая Сталина, он вспомнил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». Но Черчилль решил, что бесполезно морализировать вслух, когда вокруг свирепствует мировая война [38].

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и присутствующие занялись его редактированием. В это время на стол подали молочного поросенка. Так как это было время обычного обеда для Сталина, он предложил Кадогану вместе с ним «атаковать жертву», а когда тот отказался, «хозяин обрушился на жертву в одиночку» [39].

В половине третьего утра Черчилль покинул Кремль.

Во время проводов делегаций аэродром был украшен советскими, английскими и американскими флагами. Молотов заехал за Черчиллем и отвез его в своем автомобиле на аэродром. По прибытии на аэродром (к 4 часам 30 минутам утра) Молотов и Черчилль поздоровались с уже находившимися на аэродроме (Шапошниковым, Деканозовым, Соболевым, Синиловым, Астафьевым, Козыревым, Молочковым, Евстигнеевым, Кукиным, Потрубачом), а затем направились к почетному караулу.

Далее последовал рапорт начальника почетного караула Черчиллю, исполнение английского, американского и советского гимнов, прохождение вдоль фронта караула Черчилля, Молотова, Гарримана, Шапошникова. После прощания (до вылета самолета в 5 часов 30 минут) оркестр исполнил марш. До Тегерана делегации сопровождал Молочков [40].

Чтобы избежать передачи информации о пребывании Черчилля в Москве, первый секретарь английского посольства, выполняя поручение посла, 13 августа обратился к Козыреву с просьбой, чтобы советская сторона приняла соответствующие меры к «предотвращению выезда инкоров за границу, откуда они могли бы послать телеграммы о пребывании Черчилля в Москве» [41].

13 августа Москва обещает сделать все возможное для предотвращения утечки информации о пребывании У. Черчилля в столице, а 17 августа секретарь английского посольства Рид сообщает В. Павлову, что посол возмущен преждевременным опубликованием Британской радиовещательной компанией коммюнике о пребывании Черчилля в Москве. Керр отправил министерству информации телеграмму с выражением своего негодования по этому поводу.

Рид, также сославшись на телеграмму от секретаря Черчилля Роуэна, просил доставить кинохронику визита Черчилля в посольство, чтобы оно смогло срочно отправить этот фильм в Каир и сообщить в посольство, будут ли переданы министерству информации фотографии, снятые во время пребывания Черчилля в Москве. При этом Рид просил от имени посла не публиковать в печати фотографии Черчилля, приветствующего Молотова со снятой шляпой [42].

16 августа из Тегерана Черчилль направил на имя Сталина телеграмму, в которой благодарил за «товарищеское отношение и гостеприимство» [43].

В тот же день премьер-министр сообщил президенту Рузвельту о трапезе в Кремле в ночь с 15 на 16 августа, где отметил такую деталь, как знакомство с дочерью Сталина, которой не было разрешено остаться на обеде. «В целом, – закончил Черчилль, – я определенно удовлетворен своей поездкой в Москву» [44].

Подписав в Вашингтоне 2 июня советско-американское соглашение, США обязались снабжать СССР оборонными материалами, а СССР – содействовать укреплению обороны Соединенных Штатов и предоставлять оборонные материалы и информацию. Хотя в годы войны поставки вооружений и материалов задерживались, но по ряду вооружений и техники, особенно транспортных, помощь была значительной.

Протокольный отдел НКВД обсуждал с руководством и с представителями Куйбышевского обкома ВКП(б) все детали зарубежных визитов. Так, в преддверии приезда в СССР в 1942 году личного представителя президента США^[11] господина У. Уилки НКВД обратился с просьбой «подготовить для приезда» один колхоз и один совхоз в Куйбышевской области и один-два завода в Куйбышеве [45].

В свою очередь, американское посольство предложило свой план пребывания Уилки в Куйбышеве, а именно посещение наркома иностранных дел, вечер в посольстве, куда приглашаются главы миссий.

Заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский отдает личное распоряжение заместителю начальника 1-го отдела НКВД СССР майору госбезопасности В.Т. Смородинскому, чтобы тот силами своего отдела организовал в честь личного представителя Рузвельта обед на 35–40 человек от имени советского правительства в Куйбышеве, а также подготовил для членов делегации отдельный дом и обеспечил их питание, предоставил 18 сентября для следования Уилки в Ставрополь парохода «Максим Горький» (с буфетом), а вечером организовал посещение Большого театра (в примыкающей к ложе комнате-буфете).

В своем дневнике А.Я. Вышинский описывает каждую встречу с представителем президента США. Так, 17 сентября 1942 года около 20 минут продолжалась протокольная беседа Вышинского с Уилки. После взаимных приветствий и обмена любезностями Вышинский выразил уверенность, что знакомство Уилки с советским народом и страной – это новый шаг по пути дальнейшего укрепления дружественных отношений между СССР и США.

В свою очередь Уилки, выразив «большую радость» по поводу своего прибытия в СССР, высказал «восхищение» борьбой СССР с Германией и поинтересовался положением Сталинграда.

«Я сказал, что положение Сталинграда очень серьезное и что наша армия героически борется, бойцы зверски дерутся, что положение было бы легче, если бы мы имели более активную помощь со стороны наших союзников», – вспоминал Вышинский [46]. На это замечание Уилки никак не прореагировал, но при этом попросил оказать ему содействие в ознакомлении с некоторыми советскими предприятиями, колхозами и совхозами.

В целом представитель американского президента произвел, по словам Вышинского, впечатление «типичного американского деляги» – «бизнесмен», который держится очень просто, непринужденно, с «большими претензиями на демократизм. Довольно словоохотлив. Что касается СССР, то явно очень плохо представляет себе самые элементарные вещи (например, какое расстояние от Черного моря до Каспийского моря, какой длины и ширины Волга, насколько плодородны приволжские земли, что представлял собой Куйбышев до революции и т. и.). Американский посол У. Стэндли, присутствовавший на встрече, в беседу почти не вмешивался, а уходя, поинтересовался состоянием здоровья Вышинского и пожелал ему «себя беречь» [47].

В тот же день в американском посольстве состоялся прием в честь Уилки, на котором присутствовали почти все находившиеся в Куйбышеве главы дружественных и нейтральных посольств и миссий. Несмотря на то что большинство всех послов желали побеседовать с представителем Рузвельта, Уилки в течение часа вместе со Стэндли оказывали внимание исключительно Вышинскому, с которым они говорили «о войне, о фронте, о Волге, о Куйбышеве-Самаре, между прочим, Уилки спросил: «Как вы думаете, куда двинутся немцы после взятия Сталинграда – на юг или на север». Я (Вышинский. – *Авт.*) ответил: «Я об этом вовсе не думаю. Я хочу думать, что они не возьмут Сталинграда и никуда не смогут двинуться». Уилки сделал вид, что ему этот ответ понравился, тут же Уилки сказал: «Вам, русским, нужно продержаться эту зиму, а там мы вам крепко поможем на суше» [48].

В ответ на это Вышинский заметил, что «продержаться, как мы все надеемся, мы сумеем, но было бы хорошо, если бы нам не пришлось ждать помощи со стороны наших союзников так долго», затем добавил, что чем скорее будет открыт фронт в Западной Европе, тем скорее враг будет разгромлен.

Выразив весьма сдержанное одобрение вышесказанному, Уилки пожелал побеседовать с Файером и Михайловым о советском театральном искусстве.

19 сентября Вышинский дал ответный обед в честь Уилки. По словам Вышинского, в течение всего обеда Уилки «без умолку говорил, делясь своими впечатлениями от посещения завода, балета и совхоза, около Ставрополя» [49].

В целом высказывания представителя Рузвельта сводились к следующему. В области сельского хозяйства Уилки особенно интересовали меры по «усилению» урожайности. Что касается промышленности, то Уилки был потрясен «грандиозным» проектом Куйбышевской

гидроэлектростанции, которая по своим масштабам превосходит все то, что имеется в США. Уилки выразил желание более подробно ознакомиться с этим проектом в Москве [50].

На приеме Уилки много говорил о том, что цель его приезда – сближение американского и советского народов, необходимо «изжить те предрассудки и предубеждения, которые распространены в известной части американского общества в отношении СССР». По мнению Уилки, средний американец считает, что «большевики намерены навязать США свой общественный и государственный строй и что они стремятся уничтожить в США религию» [51].

Уилки неоднократно подчеркивал, что «сейчас ему Советский Союз представляется совершенно иным, чем это было до отъезда из США. Он не скрывает, что его поразила наша промышленность, высокий уровень ее техники, сознательность, культурность, интеллигентность наших рабочих <...>» [52].

В ответ на замечание Вышинского, что 25-летнее существование советской власти, единство и героизм народа в борьбе с фашистами – убедительное доказательство тому, что советская система себя полностью оправдала, Уилки заметил, что это «верно, но не вполне убедительно». По его мнению, не стоит советскую систему ставить выше американской, которая обеспечивает личную инициативу и высокий уровень материального благополучия населения. Про себя же Уилки заметил, что «он такой сукин сын, что ему будет хорошо при любой системе» [53].

По мнению Уилки, в будущем СССР многое воспримет от США, в частности в отношении личной свободы и личной инициативы граждан, а США пойдут навстречу СССР по пути различных социальных мероприятий и преобразований. В Москве Уилки надеется побеседовать с представителями духовенства, так как, вернувшись в США, ему будет убедительнее излагать ситуацию о положении религии в СССР, ссылаясь не на слова официальных советских представителей, а на слова самого духовенства.

В конце беседы, продолжавшейся примерно 2–2,5 часа, представитель Рузвельта заверил присутствующих, что, вернувшись в США, он будет лучшим пропагандистом СССР и сделает все возможное для укрепления дружеских отношений между странами. Вышинский и Уилки обменялись краткими речами [54].

В своем выступлении Вышинский подчеркнул, что в настоящий момент советский народ делает все возможное, чтобы прогнать ненавистного врага, «...мы ценим, конечно, помощь, оказываемую нам сейчас Америкой, но если говорить откровенно, то весь наш народ ждет от США еще большей и более эффективной помощи <...> и что только совместный удар с востока и запада против гитлеровских орд приведет к ускорению окончательного поражения немцев <...>» [55].

В завершение Вышинский сказал о приближающейся 25-летней годовщине советской власти: «Мы под руководством Ленина и Сталина построили советское государство, превратившееся в могучую передовую державу <...>» [56].

В ответной речи Уилки упомянул, что он восхищен героической борьбой СССР, он понимает и уверен, что так считает каждый американец, что «русский народ борется не только за Россию, но и за Америку, что Сталинградский фронт – это не только русский фронт, но и американский фронт» [57]. Уилки пообещал, что приложит все усилия, чтобы помощь Америки была более эффективной.

В дневнике Вышинский особо подчеркнул тот факт, что в своих выступлениях Уилки постоянно говорил, что только США и СССР, как великие державы, смогут одерживать победу в войне, решать дальнейшую судьбу англичан, Великобритания при этом не была ни разу упомянута.

По окончании обеда был показан фильм «Черноморцы» и кинохроника. Весь прием длился 4–4,5 часа. 20 сентября Уилки вылетел в Москву [58].

Копии «Записок» Вышинского были разосланы Сталину, Молотову, Деканозову, Лозовскому, Зарубину, Молочкову.

Будучи в Москве, 21 сентября Уилки осмотрел метрополитен (проехал от станции «Красные Ворота» до станции «Библиотека имени Ленина»); в беседы с пассажирами не вступал, но отметил, что метро «превосходное» [59].

После встречи с Молотовым члены американской делегации присутствовали на исполнении Седьмой симфонии Шостаковича. В фойе Уилки ни с кем не вступал в разговор, однако захотел познакомиться с Шостаковичем, но композитора в этот вечер в консерватории не было.

На следующий день Уилки осмотрел картотеку каталога Библиотеки Конгресса США в Библиотеке имени Ленина, в ЦДКА – выставку «Разгром немцев под Москвой». Завершился день посещением концерта Л. Утесова, который дипломату понравился.

23 сентября он посетил завод № 70 (ЗВИ) и зенитную батарею Москвы. На Заводе В.И. Ленина главное внимание Уилки уделял не осмотру оборудования, а беседам с рабочими. Одна из работниц, обнимаясь с представителем американского президента, заметила, что ее, как и всех рабочих, интересует вопрос «ускорения второго фронта против немцев» и не скажет ли «г-н Уилки, когда этот фронт будет открыт» [60].

Уилки ответил, что точный срок он назвать не может, работница сказала, что против СССР «почти все страны, а боремся с немцами только мы, Америка имеет хорошую промышленность, должна больше и скорее помочь СССР» [61]. Уилки заметил, что разделяет чувство работницы, и спросил, заметна ли помощь Америки СССР. Работница подтвердила, что на заводе, где она работает, есть американские станки, но нужна более существенная помощь, которая привела бы к окончанию войны. Прощаясь, Уилки поцеловал работницу.

В беседе с ее юной 16-летней коллегой Уилки спросил ее о семье. Девушка ответила, что ее отец и два брата на фронте и сестра на фронте, а мать работает на заводе. Девушка сказала, что «американский народ ей очень нравится и она просит передать рабочим и работницам Америки, чтобы они больше выпускали вооружения в помощь фронту» [62].

Уилки, общаясь с другими рабочими, спрашивал их о возрасте, учебе, сроке работы и т. д. Перед уходом с завода в беседе с директором Уилки сказал, что он не хотел бы уехать из СССР с впечатлением, что советский народ недоволен усилиями американского народа и помощью, которую он оказывает СССР. Уилки заметил, что американский народ «сделал многое в этой войне и ему было бы неприятно, если советский народ плохо оценит работу американских рабочих и работниц» [63].

По мнению Уилки, подобная информация отразится на усилиях Америки и снизит темпы роста производства в США. Директор ответил, что пожелание усиления помощи СССР от США – это не неприязнь, на что Уилки заметил, что рабочие в Америке не несут ответственность за действия своего правительства [64].

После осмотра столовой и места покушения на Ленина в 1918 году Уилки отправился на зенитную батарею ПВО Москвы в Рублеве. Командование предложило гостям попробовать красноармейский обед, во время которого Уилки сказал, что Рузвельт готов открыть второй фронт «хоть завтра», но это зависит от английских и американских военных, при этом он заметил, что с военными советуется не только американское, но и советское правительство.

Следует отметить, что советские военные вопросов о втором фронте не задавали. На батарее Уилки пробыл около двух часов. 23 сентября примерно в 12 часов ночи Уилки в сопровождении генералов выехал на Западный фронт в район действия армии генерала Д.Д. Лелюшенко.

В штаб 30-й армии делегация прибыла 24 сентября в 13 часов 45 минут. Состояние дорог на участке Старица – фронт не позволило делегации приехать раньше. Уилки заметил, что по таким дорогам он ехал впервые [65].

На КП он встретился с генералом Лелюшенко и членами штаба армии. Лелюшенко рассказал о положении на участке его армии, затем пригласил пройти на наблюдательный пункт.

Туман и дождь не позволили увидеть боя, который в тот момент разгорелся в районе города, лишь слышна была артиллерийская канонада и разрывы снарядов. Уилки задавал вопросы Лелюшенко о количестве войск, атакующих город, о числе дивизий, хватает ли вооружения, есть ли в распоряжении генерала американские танки, каково «качество» немецких солдат.

Генерал Лелюшенко, отвечая на первый и второй вопросы, сказал, что вооружения хватает, американские танки имеют как плохие, так и хорошие стороны, а о немецких солдатах генерал сказал, что у них «хорошая организация, но наш солдат обладает лучшими качествами» [66].

Один из членов американской делегации, генерал Бредли, спросил о реактивных снарядах. Лелюшенко ответил, что этот род оружия при условии усовершенствования может быть весьма эффективен.

После беседы на КП участники встречи проехали на поле боя, на котором 30 июля был прорван немецкий фронт, пояснения давал генерал Покровский. Уилки слушал Покровского невнимательно и не проявил особого интереса к осмотру следов боя (разбитому вражескому узлу сопротивления, траншеям, дзотам и т. д.). В ответ на предложение Покровского осмотреть

батарею тяжелых орудий Уилки сказал, что он создал для себя представление о фронте и желает поехать обратно. Таким образом, он не дал возможности сопровождавшим его американским военным подробнее осмотреть систему немецких укреплений. По дороге на КП в одной из деревень Уилки показали группу военнопленных немцев, по поводу которых он заметил: «Бедные обманутые черти, они не похожи на тех страшных гуннов, о которых так много пишут» [67]. Пленным Уилки задавал вопросы о возрасте, месте рождения, профессии.

Когда на КП Уилки предложили закуску, подобные вопросы он стал задавать Лелюшенко. В заключение встречи генерал предложил тост за дружбу советского, американского и английского народов, за здоровье Рузвельта, Черчилля и Сталина. На это Уилки ответил: «Да, мы победим. Провозглашаю тост за такого способного командующего, являющегося хорошим парнем» [68].

24 сентября в 18 часов 25 минут американская делегация отправилась в обратный путь. Шел дождь, возвращение в Москву происходило в еще более в трудных условиях. В 1 час ночи 25 сентября прибыли в город Старицу, в 9 часов утра – в Москву.

В тот же день состоялось посещение госпиталя в Боткинской больнице. Уилки показали станцию переливания крови и несколько палат с ранеными. По мнению Ф.Ф. Молочкова, сопровождавшего Уилки во время его пребывания в Москве, Уилки вновь, как и во время поездки на линию фронта, не проявил интереса к тому, что он осматривает. У советских представителей сложилось мнение, что тот приехал в СССР не для того, чтобы ознакомиться с его действительностью, а лишь с целью «зафиксировать этот факт своего посещения СССР для использования его в своих рекламных целях» [69].

В разговорах с ранеными Уилки не интересовало, в каких боях получено ранение, каково их настроение, он спрашивал: сколько лет, как себя чувствует. В ответ на эти вопросы один из бойцов отвечал, что он казак, пошел на фронт добровольцем, затем спросил, когда США начнут помогать СССР военными действиями на западе. Уилки ответил, что это будет зависеть от решения военных, после чего вышел из палаты. Но избежать неприятных для Уилки вопросов об открытии второго фронта представителю Рузвельта не удалось.

Один из бойцов после предложения Уилки сразиться с ним в шашки задал ему прямой вопрос: «Скажите, когда американское правительство откроет второй фронт». Заметно нервничая, Уилки ответил, что американское правительство, Рузвельт и он сам выступают за открытие второго фронта, но время его открытия зависит от военных, которые будут руководствоваться в этом вопросе стратегическими соображениями.

Завершился день посещением оперы «Евгений Онегин» в филиале Большого театра. В фонде Протокольного отдела не удалось обнаружить сведения об отлете Уилки из Москвы, но сохранились записи беседы третьего секретаря посольства США А. Хаупта с помощником заведующего Отделом американских стран Чувахиным, во время которой Хаупт сообщил, что Уилки вылетит из Москвы 27 сентября [70].

Примерно два месяца спустя после отъезда представителя Рузвельта из Москвы в СССР прибывает делегация американских военных во главе с генерал-майором Бредли^[12], который в сентябре 1942 года сопровождал Уилки (его имя упоминается в документах Протокольного отдела в связи с поездкой Уилки на Западный фронт, в район действия армии генерала Лелюшенко, которому Бредли задал вопрос о реактивных снарядах) [71].

Самолет с генералом Бредли прибыл на военный аэродром близ Читы 18 ноября 1942 года на 5–6 часов раньше запланированного времени, так как радиостанция самолета работала на ошибочно данной ей волне и самолет был запеленгован Читой лишь за час до посадки. На аэродроме никто из представителей командования ЗаБВО (на которых возлагалась встреча генерала) не присутствовал. Таким образом, официальная протокольная составляющая части встречи американской делегации была сорвана. В этой чрезвычайной ситуации, о чем было специально доложено А.Я. Вышинскому, начальник Управления НКВД по Читинской области майор госбезопасности Портнов берет инициативу в свои руки. Представившись генералу начальником местного военного гарнизона Петровским, он приглашает Бредли и сопровождающих его офицеров^[13] поехать в Читу в специально подготовленное облисполкомом для них помещение на отдых. В «роли» начальника гарнизона Портнов выступал также на завтраке и обеде, устроенном специально для американской делегации в Чите.

Следует отметить, что в своем донесении о визите Бредли в Читу уполномоченный НКВД СССР в Чите, председатель Исполкома Читинского областного совета М. Константинов особо

обращает внимание на тот факт, что, в отличие от Уилки и сопровождающих его лиц, группа генерала Бредли «вела себя сдержанно и скромно» [72]. Когда генералу по его просьбе были переведены интервью Сталина от 14 ноября 1942 года и последние материалы прессы о событиях в Северной Африке, он сказал, что, «по слухам (он подчеркнул это особенно), которые ему передавали в Чунцине, Гитлер в результате событий в Африке и ожидающихся событий в Европе уже вынужден перебросить с Восточного фронта на Западный около 42 дивизий» [73].

Внимательно выслушав перевод интервью Сталина, генерал заметил, что «от встреч с господином Сталиным он вынес убеждение, что это мудрейший человек, к которому он питает глубокое уважение».

19 ноября в 8 часов 30 минут американский самолет с Бредли и сопровождающими его лицами взял курс на Якутск. Провожал делегацию Константинов. Прощаясь, генерал просил передать «глубокий привет мистеру Сталину» [74].

В конце своего донесения Константинов просит Вышинского, в связи с тем, что Чита становится транзитным пунктом связей СССР с США, и во избежание недоразумений, дать указание о своевременном информировании его и командования ЗаБВО о порядке встреч и обслуживания официальных лиц, чтобы больше не возникла ситуация, когда вопреки имевшимся указаниям НКВД Константинову пришлось взять на себя обслуживание Бредли^[14] [75].

С борта самолета (19 ноября 1942 года) генерал Бредли отправил телеграмму с выражением благодарности на имя Константинова и Петровского (Портнова) за оказанное гостеприимство и вежливость во время его пребывания в Чите. Генерал также выразил благодарность начальнику аэродрома и «метеорологическому» офицеру за обслуживание самолета [77].

В мае 1943 года в Протокольном отделе была составлена программа встречи, пребывания и проводов личного представителя президента США Ф. Рузвельта Дж. Дэвиса в Москве.

В честь Дэвиса на аэродроме был выстроен почетный караул, вывешены американские и советские флаги. Разместили Дэвиса в особняке НКВД СССР на улице Островского.

В программе пребывания – посещение оборонных предприятий (одно-два), предприятия легкой или пищевой промышленности, Боткинской больницы и госпиталя, выставки в ЦДКА «Разгром немцев под Москвой», одного из институтов Академии наук СССР, школы, зенитной батареи ПВО, колхоза. Если гость выразит желание, то возможна поездка в Вязьму или на фронт. Накануне отъезда Сталин дает обед в честь Дэвиса. При отлете на аэродроме вывешиваются флаги.

Сопровождал Дэвиса президент Нью-Йоркской медицинской ассоциации доктор Чейз, для которого была составлена отдельная программа: посещение Боткинской больницы, госпиталя, где используются американские медикаменты, осмотр санитарного поезда, 1-го медицинского института [78].

Вопреки составленному заранее плану Дэвис принял решение начать поездку в СССР со Сталинграда в знак преклонения перед павшими в борьбе с фашизмом, а закончить чествованием живых людей, сражавшихся в этой войне, то есть посещением госпиталя в Тимирязевской академии, где вместе с Ворошиловым раздать подарки бойцам – папиросы, шоколад.

В начале октября 1943 года планировалось посещение СССР руководителем управления военного производства США М. Нельсоном [79].

9 января 1944 года в Мурманск прибыл бригадный генерал Сполдинг, который до этого около двух суток пробыл в Архангельске (сопровождали генерала из Москвы майор Кук и капитан американской армии Уэр).

Сполдинг сменил на своем посту Файмонвилла, который в течение двух лет, находясь в России, ведал поставками в СССР. В отличие от своего предшественника, который так и не посетил северные порты, Сполдинг решил сделать это при первой возможности, чтобы лично изучить «возможности северных портов» [80].

Вечером в день приезда Сполдинг устроил в помещении американской миссии конференцию с участием представителя английского министерства военного транспорта Мак-Грегара. Одна из причин решения Сполдинга лично посетить Мурманск – противоречивая информация о положении в портах Севера, поступавшая в американское посольство. Советская сторона убеждала генерала в Москве, что разгрузка пароходов на Севере идет нормально, а помощник военно-морского атташе США Френкель посылал свои «точные сведения», указывая, что работа

идет плохо. «Суда во время не успевают разгрузаться, и на причалах накапливается много грузов» [81].

В период своего пятидневного пребывания в Мурманске Сполдинг ежедневно посещал торговый порт. На некоторых причалах генерал ежедневно до самого отъезда из Мурманска лично проверял ход разгрузки одних и тех же судов через каждые 24 часа [82].

Генерала интересовало мнение опытных капитанов английских и американских судов о положении дел в порту, в отдельных случаях Сполдинг беседовал с советскими работниками, в том числе и с грузчиками. Таким образом Сполдинг пытался лично войти в положение дел и убедиться, насколько быстро идет разгрузка каравана. В результате американский представитель пришел к заключению, что одна из главных проблем порта в Мурманске – недостаточное количество (а в некоторых случаях и отсутствие) квалифицированных кадров (рабочих, бригадиров, переводчиков). Руководить рабочими некому, квалифицированных руководителей по разгрузке также недостаточно.

Сполдинг лично убедился, что в порту накопилось много грузов. Вглубь страны груз вывозиться медленно, и есть основание опасаться, что суда новых конвоев долго не смогут подойти к причалам. Приход новых судов Сполдинг ставил в зависимость от того, будут ли разгружены вовремя находящиеся в порту английские и американские суда уже прибывшего каравана.

Несмотря на активную и во многом напряженную работу американской миссии в Мурманске, протокольные мероприятия все же имели место быть. 10 января заместитель наркома НКВД Крутиков дал в честь Сполдинга обед, на котором присутствовало с обеих сторон 16 человек (англичане не приглашались).

«В разговорах Сполдинг не касался каких-либо политических или деловых вопросов. Обедом остался доволен. Советские представители вели себя сдержанно и не касались каких-либо проблем. Сполдинг, однако, спросил генерала Андреева (Военно-воздушные силы Северного флота. – *Авт.*) и Иванова (ПВО Мурманска. – *Авт.*), чем объясняется слабая активность немецкой авиации в районе Мурманска в этом сезоне? От кого из них это больше зависит? Ему ответили, что на этот счет имеется много причин. Сполдинг не добивался уточнений», – сообщил в Москву дипагент НКВД в Мурманске

А. Тимошенко [83]. 14 января Сполдинг и сопровождавшие его лица выехали из Мурманска в Москву, спустя время из высказываний англичан и американцев стало известно, что в ближайшее время Сполдинг не намерен требовать сокращения программы поставок через Север.

«Программа останется прежней, но за работой порта надо следить. Я думаю, генерал будет этим интересоваться», – говорил Тимошенко Френкель после отъезда Сполдинга. По словам помощника военно-морского атташе в США Френкеля, Сполдинга «успокоило», что в последние дни разгрузка в порту начала улучшаться, в противном случае СССР «якобы недополучил бы через Север 30 транспортов из намеченной программы» [84].

Тимошенко также сообщил в Москву, что, по мнению американцев и англичан, Сполдинг внимательно относился к делу и доволен, что лично ознакомился с Севером. Миссии жаловались Сполдингу на наличие в порту воровства и расхищений грузов, приходящих в адрес миссий.

«Следует заметить, – сообщал в Москву Тимошенко, – что обе миссии умалчивают тот факт, что моряки их судов неоднократно уличались нашими работниками в разворовывании продуктов, поступающих в СССР на иностранных судах <...>. Местные советские работники, связанные с работой порта, считают, что за короткий срок пребывания в Мурманске Сполдинг основательно изучил порт и его возможности, он лично осматривал механизацию порта, краны, подъездные пути и часто наблюдал за работой механизмов. Осмотрел состояние причало в порта. В беседах с советскими представителями Сполдинг был осторожен и немногословен» [85].

Американские представители были обеспокоены состоянием сложившейся ситуации в Мурманске также и по той причине, что США нуждались в судах для предстоящей высадки десанта в Западной Европе.

Майор Кук, сопровождавший Сполдинга из Москвы, во время обеда в честь генерала сказал Тимошенко, что начиная «с этого дня война будет закончена в Европе через 6–7 месяцев <...>. У нас сейчас каждый день на учете <...>». Далее Кук добавил, что говорит это «не для оглашения, но это именно то, чем мы живем сейчас в США». В связи с этим якобы не исключается, что суда, находящиеся сейчас в Мурманске, «вернувшись в Англию, пойдут к берегам Норвегии» [86].

Таким образом, военные миссии стремились не допускать, чтобы суда простаивали в ожидании разгрузки по три-четыре недели.

Советская сторона в целом признала, что претензии союзников по большей части обоснованны. В порту скопилось большое количество грузов, вывоз которых в глубь страны идет медленно в связи с недостатком вагонов и платформ [87].

При этом Тимошенко доложил в Москву, что приход нового каравана союзников отсрочен ненадолго в связи со штормом в Баренцевом море.

Одним из главных событий дипломатической жизни Москвы в октябре 1944 года стал приезд в столицу СССР премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел Идена.

План встречи, разработанный в комендатуре Москвы 6 октября, включал следующие позиции:

за 15 минут до прибытия делегации почетный караул в составе роты от 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД во главе с начальником почетного караула капитаном Гуркиным выстраивается в две шеренги, имея на правом фланге оркестр;

с момента приземления самолета до момента выхода гостей и окончания приветствия встречаемых представителями НКВД оркестр исполняет «Встречный марш»;

по окончании приветствия звучит английский гимн и гимн Советского Союза [88];

как только закончится исполнение гимна Советского Союза, гость направляется к почетному караулу, начальник которого, подав команды «Смирно», «Для встречи справа на караул», подходит к «встречному» и отдает рапорт: «Господин премьер-министр: почетный караул от частей Московского гарнизона в честь вашего прибытия построен. Начальник почетного караула капитан *Гуркин*» [89];

после отдачи рапорта начальник караула сопровождает гостя вдоль всего фронта, следуя позади;

по окончании обхода фронта начальник почетного караула подает команды: «К ноге», «Направо», «Ряды сдвой», «На плечо», «Шагом марш» – и отводит караул на исходное положение для прохождения торжественного марша. В это время оркестр занимает место для игры напротив гостя и встречающих;

на исходном положении начальник почетного караула подает команды: «Смирно», «На плечо», «Равнение направо», «Шагом марш» – и следует в голове колонны мимо гостя торжественным маршем. Оркестр исполняет марш;

по окончании марша гостю и встречающим (в последовательности, указанной НКВД), подаются автомобили. Во время разъезда оркестр исполняет «Марш» [90].

8 октября был утвержден список встречающих Черчилля на аэродроме 9 октября 1944 года: Молотов, Антонов, Вышинский, Федотов, Астафьев, Кутузов, Гребенщиков, Майский, Зинченко, Ершов, Новиков, Фомин, Яцкевич, а также представители английского посольства^[15] [91].

11 октября в 17 часов, на Спиридоновке, 17, состоялся прием членов дипломатического корпуса, на который были приглашены послы Австралии, Афганистана, Великобритании, Голландии, Греции, Египта, Ирана, Исландии, Канады, Китая, Колумбии, поверенный в делах Кубы, посланник Люксембурга, посол Мексики, посланник Новой Зеландии, послы Норвегии, США, Турции, посланник Уругвая, посол Чехословакии, посланник Швеции, Эфиопии, супруга посла Югославии, полномочный представитель французского Комитета национального освобождения, представитель Италии, представитель Дании, начальник английской военной миссии, начальник военной миссии США, представитель бельгийского посольства [92].

В центральной ложе на концерте в Большом театре 14 октября 1944 года находились: А.Я. Вышинский, М.М. Литвинов,

В. Г. Деканозов, С.А. Лозовский, И.М. Майский, Ф.Т. Гусев, К.В. Новиков, Б.Ф. Подцероб, В.Н. Павлов, М.М. Потрубач, У. Черчилль, Э. Иден, У. Гарриман с дочерью, А. Керр, А. Брук, генералы Немей, Берроуз, Дин, Бирс [93].

Программа концерта 14 октября 1944 года состояла из двух отделений. В первом – первый акт из балета Адана «Жизель» с участием заслуженной артистки РСФСР, лауреата Сталинской премии О.В. Лепешинской, заслуженной артистки РСФСР

С. М. Мессерер и заслуженного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии А.М. Мессерера.

Во втором отделении выступили оперные вокалисты народный артист СССР, лауреат Сталинской премии М.Д. Михайлов, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии Н.Д. Шпиллер, заслуженная артистка РСФСР М.П. Максакова.

Завершился концерт номерами, подготовленными Краснознаменным ансамблем песни и пляски Союза СССР (художественный руководитель и дирижер народный артист СССР, лауреат Сталинской премии А.В. Александров): кантата о Сталине, русские народные песни, украинская народная песня, русская пляска, марш из оперы Гуно «Фауст», «Темная ночь» Н. Богословского, пляска донских казаков.

В своих воспоминаниях У. Черчилль запишет: «14 октября состоялось грандиозное представление в Большом театре – сперва балет, затем опера и в завершение программы великолепные пляски и пение хора Красной Армии. И.В. Сталин и я (У. Черчилль. – *Авт.*) находились в царской ложе, и зрители устроили нам восторженную овацию» [94]. После спектакля переговоры союзников продолжились.

Работа Протокольного отдела была по достоинству оценена британской стороной. 18 октября 1944 года Фомину от имени министра иностранных дел Великобритании было отправлено письмо, в котором британская делегация выражала благодарность «за великолепную работу протокольного отдела во время ее пребывания <...>. Мы глубоко благодарны за вашу <...> помощь за все время, мы увозим с собой незабываемое впечатление, которое произвела на нас русская доброта и гостеприимство, мы особенно благодарны за устройство для нас представления в театре оперы и балета» [95].

20 октября 1944 года Черчилль написал Сталину: «<...> Памятная встреча в Москве показала, что нет таких вопросов, которые нельзя было бы урегулировать между нами, когда мы встречаемся для личной и откровенной беседы. Русские с их широко известным гостеприимством превзошли самих себя в этом отношении в связи с нашим приездом. <...> Приношу глубокую благодарность вам и всем, кто заботился о нас. Надеюсь снова встретиться с вами в скором времени» [96].

Таким образом, анализ документов фонда Протокольного отдела о визитах военно-экономических миссий в СССР в период с 1941 по 1944 год позволяет утверждать, что при налаживании взаимодействия союзники столкнулись с целым комплексом проблем – от идеологических и политических до организационных и технических. Направления работы сотрудников Протокольного отдела во многом зависели от отношений внутри коалиции.

Приложение 1

18 мая 1944 года Ф.Ф. Молочкову было прислано обращение заместителя наркома иностранных дел И.М. Майского заместителю народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинскому, в котором автор просил Вышинского разрешить заведующему Русским отделом английского министерства информации П. Смоллетту посетить во время своего пребывания в СССР Ленинград и Киев.

Обоснованием для положительного ответа на эту просьбу являлось то обстоятельство, что у советской стороны были опасения, что Англия и США в дальнейшем будут оказывать противодействие наказанию военных преступников, с которыми не следует поступать «слишком строго» [97].

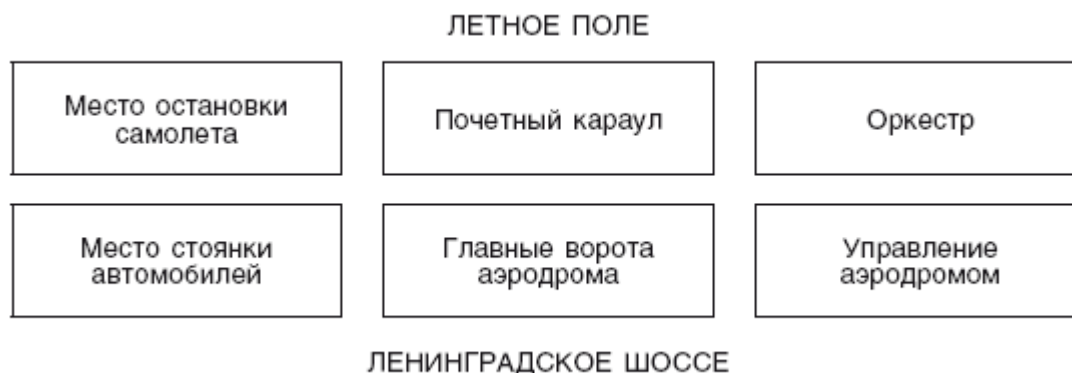
Для предотвращения этой опасности автор предлагал целый ряд средств, в том числе показ иностранцам тех разрушений, которые совершили фашисты в СССР, при этом важно, чтобы увидеть это смогли в первую очередь «влиятельные люди», к числу которых относился и Смоллетт, игравший важную роль в продвижении на английский экран советских фильмов (в это время СССР имел большие проблемы с демонстрацией в Англии советских военных фильмов). Кроме того, Майский, говоря о Смоллетте, подчеркивает, что тот – «человек нам совсем не враждебный, и к тому же он еврей». (Вероятно, последнее замечание связано с трагедией Бабьего Яра в Киеве.) [98]

Кроме этого, Майский предлагает Вышинскому, ввиду изложенной выше причины, организовать поездки иностранных дипломатов, находящихся в Москве, в освобожденные районы. При этом автор сообщает Вышинскому, что еще в конце 1943 года направил Молотову

записку с подобным предложением, но тот заметил, что на пути его осуществления имеются технические трудности [99]. По мнению Майского, в настоящее время таких трудностей стало меньше и можно было бы приступить к реализации его предложения [100].

Приложение 2

Схема построения почетного караула при встрече У. Черчилля

Составил в октябре 1944 года ВРИО коменданта города Москвы полковник Гребенщиков [101].

Приложение 3

Схема рассадки на концерте в ГАБТе во время визита У. Черчилля 14 октября 1944 года

А с 1–8 ряды – главы посольств и миссий, главы военных миссий, члены коллегии НКИД, ответственные работники НКО, НКВМФ, НКВТ, ВОКС, заведующие отделами НКИД, помощники наркома НКГБ СССР, резерв для группы Черчилля и Идена.

А с 9–13 ряды – советник и заместители глав военных миссий, заместители заведующих и помощники заведующих отделами, военные атташе НКГБ и резерв.

А с 14–19 ряды – два секретаря военных атташе, работник НКИД СССР и НКИД республик, НКГБ СССР. Ложь бенуара – инкоры, сотрудники НКИД, ИНКГБ. Ложь бенуара левые и правые – секретари и члены военных миссий НКГБ. Амфитеатр – члены московских миссий, сотрудники НКИД, НКО, НКГБ. Остальные места передать 6-му управлению НКГБ СССР [102].

Визиты министра Таи (Сиам) Монтре, министра иностранных дел Японии Е. Мацуоки, военного министра Чехословацкой Республики Ингра, президента Чехословацкой Республики Э. Бенеша, представителя Временного правительства Французской Республики Ш. де Голля, маршала И.Б. Тито. Визит К. Черчилль – супруги У. Черчилля

Несмотря на то что 1940 год был насыщен важными международными событиями, в числе которых подписание советско-финского мирного договора (12 марта), капитуляция Франции (22 июня), принятие Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик в состав СССР (3–6 августа), советско-германские переговоры в Берлине (12–13 ноября) и др., в

АВП РФ не удалось обнаружить документов о визитах в Советский Союз зарубежных делегаций в этот период.

Что касается визитов в СССР правительственных делегаций в 1941 году, то в январе в Москву прибыл начальник правового отдела министерства иностранных дел Швеции господин Энгцелль и директор банка господин Бровальд. Цель визита – переговоры о «шведских интересах» в трех советских прибалтийских республиках.

В феврале 1941 года (21–24 февраля) СССР посетил министр Таи господин Монтре. Визит включал прием у председателя Комитета по делам высшей школы С.А. Лозовского, посещение Большого театра (оперы «Руслан и Людмила» и «Князь Игорь», балет «Лебединое озеро»), осмотр 1-го государственного автомобильного завода имени Сталина (ЗИС), Московского механико-машиностроительного института имени Н.Э. Баумана, Третьяковской галереи, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Господин Монтре вместе с секретарем Джоргеном побывал на завтраке в германском посольстве.

После осмотра ЗИСа Монтре заметил, что, по его мнению, ЗИС отличается компактностью, Институт Баумана гости осмотрели «бегло», так как торопились к английскому послу.

Особый восторг вызвали у Монтре спектакли в Большом театре, по его словам, подобного он не видел ни в одном из театров Европы [1].

Во время пребывания в Москве 26 февраля Монтре был принят А.И. Микояном. На обеде в свою честь Монтре заметил, что до революции отношения между Россией и Сиамом были «очень хорошие» и он надеется, что такими они будут и в дальнейшем. СССР мог бы помочь с продажей своей продукции, а Таи мог в свою очередь снабжать СССР сырьем.

В день отъезда на вокзале Монтре пришел проводить советник германского посольства Вальтер, с которым Монтре был любезен.

В марте 1941 года министр Таи Монтре приехал вновь в Москву, где посетил японское посольство. Заведующий Протокольным отделом В.Н. Барков сообщил А.Я. Вышинскому, что Протокольный отдел узнал об этом визите через «Интурист».

7 апреля в Москву прибыл министр иностранных дел Японии Мацуока, с Белорусского вокзала министр отправился в особняк на улицу Островского, в тот же день он нанес визит В.М. Молотову и посетил Большой театр (опера «Иван Сусанин»). На следующий день гости осмотрели Оружейную палату Московского Кремля. На обед в честь министра иностранных дел Мацуоки в японском посольстве были приглашены В.М. Молотов, А.Я. Вышинский.

9 апреля Молотов дал ответный обед на Спиридоновке. 10 апреля японская делегация покинула Москву.

Уже в начале 1942 года в Протокольном отделе НКВД началась подготовка встречи, пребывания и проводов военного министра Чехословакии генерала Ингра.

Протокол визита был следующим: для встречи Ингра в Баку выезжает специальный представитель, почетный караул не выставляется, флаги не вывешиваются. В Куйбышеве Ингра встречают начальник гарнизона, заведующий Протокольным отделом НКВД, заведующий 4-м Европейским отделом НКВД. Для встречи выставляется почетный караул, вывешиваются советские и чехословацкие флаги, исполняются «Интернационал» и чехословацкий национальный гимн.

В день приезда или в другой день Ингр наносит визит А.Я. Вышинскому, начальник гарнизона дает в честь гостя обед, по возвращении из Бузулука в Куйбышев Ингр отправляется в Москву.

Встреча в Москве проходит так же, как в Куйбышеве. В Москве Ингр встречается с начальником Генштаба Б.М. Шапошниковым (или его заместителем Василевским), заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым, генеральным секретарем НКВД Соболевым. Начальник Генштаба или его заместитель дает в честь гостя обед, планируется посещение театра. Высокие гости будут размещены в гостинице «Националь». Во время проводов вывешиваются флаги, выставляется почетный караул, исполняются национальные гимны [2].

По окончании визита заведующему Протокольным отделом НКВД СССР Ф.Ф. Молочкову было доложено, что помимо утвержденного протокола проведены следующие мероприятия: 26 июня в Баку состоялось посещение театра, 28 июня в Куйбышеве – ипподрома, 29 июня – прием в чехословацкой миссии.

В Москве гости побывали в Мавзолее (3 июля), осмотрели метро (4 июля), Химкинский речной вокзал (7 июля), город Истру (5 июля), посетили выставку «Разгром немецких войск под Москвой» (7 июля), сад Эрмитаж (8 июля).

Кроме этого, 7 июля в номере гостиницы состоялся прием у Ингра в присутствии советских, американских, английских и французских представителей, что являлось новшеством в протокольной практике СССР, по всей вероятности обусловленным военным временем. 8 июля Ингр выступил по Московскому радио. Не состоялись запланированные протокольной службой визиты начальнику Генштаба Шапошникову и заместителю наркома иностранных дел Деканозову [3].

С точки зрения изучения протокольных аспектов визитов в СССР иностранных правительственных делегаций заслуживает внимания визит президента Чехословацкой Республики Эдварда Бенеша в декабре 1943 года.

Подготовка к визиту началась еще в июне 1943 года с изучения сотрудниками Протокольного отдела НКВД материалов о пребывании Бенеша в СССР (1935), в США и Канаде (1943).

8 июня 1935 года Бенеша встречали в Москве представители НКВД во главе с М.М. Литвиновым, а также командующий войсками МВО Горбачев, дипкорпус, советские и иностранные корреспонденты. На вокзале были вывешены государственные флаги СССР и Чехословакии, выстроен почетный караул, исполнены государственный гимн Чехословакии и «Интернационал». В тот же день состоялся визит Бенеша к М.М. Литвинову, посещение Мавзолея В.И. Ленина, Московского метрополитена, Центрального парка культуры и отдыха. Дан обед в честь президента Чехословакии.

9 июня Э. Бенеш был принят И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, по окончании беседы В.М. Молотов дал в честь высокого гостя завтрак, на котором присутствовали члены советского правительства. В тот же день президент был принят М.И. Калининым, они осмотрели Кремль, вечером посетили Большой театр (балет «Лебединое озеро»).

11 июня Бенеш выехал в Ленинград. Вернувшись оттуда 13 июня, в тот же день выехал из Москвы. В проходах принимали участие те же лица, что и при встрече, а также заместитель председателя СНК Н.А. Булганин [4].

Во время визита Э. Бенеша в Оттаву 2 июня 1943 года на вокзале его встречали генерал-губернатор столицы и большинство членов правительства, от имени которых в честь президента Чехословакии были даны два обеда [25].

В Вашингтоне в честь президента на аэродроме был выстроен почетный караул, исполнены гимны двух стран. Прямо с аэродрома он направился в Белый дом, где был встречен Рузвельтом, с которым пил чай. Вечером ему был представлен весь состав кабинета и дан обед.

На другой день, 13 мая, Бенеш принимал корреспондентов, а затем выступал в сенате и Палате представителей. 14 мая чехословацкое посольство дало обед в честь президента, который нанес визит К. Хеллу (других членов правительства он не посещал) [6].

Кроме того, в Москве ознакомились с английским протоколом встречи глав государств. В Англии различают два типа визитов: «первый – очень помпезный с большой программой» и второй – более скромный и поэтому «более обычный» [7].

Протокол «обычного» визита включал встречу в порту прибытия гостя представителем короля (адмиралом или генералом), шефом протокола МИД, представителем военно-морских властей порта. Выставляется почетный караул с оркестром, вывешиваются флаги, звучат гимны.

Из порта специальным поездом гость направляется в Лондон, где его встречают наследник престола, министры, представители вооруженных сил (адмирал, генерал и воздушный маршал), комендант Лондонского гарнизона, начальник полиции. Выставляется почетный караул с оркестром, вывешиваются флаги. Во время «обычного» визита к числу обязательных мероприятий относятся: завтрак у короля, завтрак у премьер-министра и большой обед в МИД (иногда обед дает сам премьер-министр).

Установленной системы визитов нет, ответные визиты, как правило, не практикуются. Протокол проводов подобен протоколу встречи [8]. Внимательно изучив европейский опыт, сотрудники Протокольного отдела разработали схему встречи и программу пребывания Бенеша в Москве.

За 15 минут до прибытия поезда президента Чехословакии на перроне Курского вокзала выстраивается в две шеренги почетный караул в составе роты 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД.

По выходе Бенеша из вагона его приветствуют представители Народного комиссариата иностранных дел СССР и другие официальные лица. Оркестр исполняет «Встречный марш». По окончании приветствия оркестр прекращает игру. Начальник почетного караула подает команды: «Смирно», «Для встречи справа на караул», подходит к Бенешу и, салютуя шашкой, рапортует: «Господин Президент Чехословацкой республики! Почетный караул от частей Московского гарнизона в честь Вашего прибытия построен. Начальник почетного караула старший лейтенант Максимец» [9].

Сразу после рапорта оркестр исполняет чехословацкий гимн и «Интернационал». Бенеш в сопровождении встречающих его лиц обходит строй почетного караула, который, произведя соответствующие перестроения, проходит мимо Бенеша торжественным маршем. По окончании президент в сопровождении встречающих направляется к автомобилю [10].

Программа пребывания в СССР с 11 по 23 декабря 1943 года президента Чехословацкой Республики Э. Бенеша включала визиты к Калинину (11 декабря), Сталину и Молотову (13 декабря), подписание договора (14 декабря), обед у Калинина в честь Бенеша (11 декабря). На протяжении всего визита были запланированы посещения Большого и Малого театров, Библиотеки имени Ленина, выставки трофеев. 17 декабря состоялся отъезд в Киев [11].

План проводов Бенеша 23 декабря на Курском вокзале такой же, как при встрече.

Следует отметить, что первоначальная программа встречи и пребывания Бенеша в СССР, составленная в Протокольном отделе 28 июня, отличалась от принятой накануне визита. Так, Бенеш должен был прилететь в Москву из Тегерана, на аэродроме его встречают Калинин, Молотов, Микоян, Вышинский и другие члены правительства. На аэродроме вывешиваются флаги, выстраивается почетный караул, исполняются чехословацкий гимн и «Интернационал» [12]. Протокол должен обладать определенной «гибкостью» и уметь приспосабливаться к конкурентной политической ситуации.

1944 год прошел под знаком наступления Красной армии, которая вела бои на территории европейских стран в условиях существования второго фронта, 6 июня 1944 года началась высадка войск Англии и США в Нормандии. Вместе с ними высадились и части французских патриотов во главе с Ш. де Голлем.

25 ноября 1944 года В.М. Молотовым был утвержден «План встречи, пребывания и проводов председателя Временного правительства Французской Республики де Голля»^[16] [13].

Согласно этому плану, в Тегеране на аэродроме де Голля встречают: заместитель наркома С.И. Кавтарадзе, посол М.А. Максимов, военный атташе, советник посольства.

Приема в честь Ш. де Голля в советском посольстве в Тегеране не планировалось. Из Тегерана де Голль вылетает в Москву на советском самолете. Первая остановка – в Баку. На аэродроме выстраивается почетный караул, вывешиваются французские и советские флаги, исполняются гимны.

На следующий день де Голль отправляется из Баку в Москву. По дороге он останавливается в Сталинграде, где вручает представителям города от имени французского Временного правительства мемориальную доску в память победы под Сталинградом.

В Москве де Голля встречает делегация во главе с В.М. Молотовым, выстраивается почетный караул, вывешиваются флаги, звучат гимны.

Де Голля планировалось разместить в особняке по улице Островского, 6, остальных членов делегации – в гостинице «Националь». Ответственность за питание делегации было возложено на 6-е управление НКГБ СССР, автобаза СНК СССР выделила делегации четыре автомобиля, а лично де Голлю «специальную машину» [14].

Кроме этого, на время пребывания де Голля в СССР было решено прикрепить к нему двух сотрудников НКГБ.

С учетом пожеланий представителя Временного правительства Р. Гарро окончательно была сформирована следующая программа.

– 2 декабря:

Визит де Голля к И.В. Сталину, министра иностранных дел Ж. Бидо – к В.М. Молотову;

– 20 часов 30 минут – обед в посольстве в честь де Голля.

3 декабря:

- 10–11 часов 15 минут – посещение де Голлем службы во французской церкви;
- 12 часов – встреча с французской колонией;
- 15 часов – завтрак у Сталина в честь де Голля в особняке на Спиридоновке;
- 19 часов 30 минут – посещение Большого театра, балет «Жизель» и опера «Иоланта». В центральной ложе с Ш. де Голлем – В.М. Молотов и М.М. Литвинов, над ложей вывешиваются французские и советские флаги, перед началом представления исполняются гимны Франции и СССР;
- 23 часа – деловые беседы.

4 декабря:

- 10–12 часов – осмотр города, метро и выставки трофейного вооружения;
- 16–19 часов – деловые беседы;
- вечером – в особняке НКВД на Спиридоновке (от имени Молотова) прием дипкорпуса и советской общественности в честь де Голля.

5 декабря:

- 14–17 часов – деловые беседы;
- 20 часов 30 минут – обед в посольстве от имени представителя Временного правительства Французской Республики Р. Гарро в честь Сталина.

6 декабря:

- днем – осмотр специальной артиллерийской школы;
- 14 часов 30 минут – завтрак в посольстве для глав дипломатических представительств.
- Вечером – концерт Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски в Большом театре (перед началом исполняются гимны, ложа украшена флагами).

Следующие дни – поездка на один из участков фронта. Целесообразно – в район действия авиаполок «Нормандия».

9 декабря:

- 20 часов 30 минут – обед в Кремле у Сталина в честь де Голля.

10 декабря:

- отлет де Голля [15].

По сравнению с первоначальным планом в окончательно утвержденном варианте появились следующие добавления:

- посещение де Голлем церковной службы;
- встреча с французской колонией;
- специальное время для деловых бесед;
- обед и завтрак во французском посольстве. Кроме этого, во французском варианте отсутствовала церемония преподнесения в Кремле на обеде, который давал Сталин в честь де Голля, подарков от имени Сталина де Голлю, а от имени Молотова – министру иностранных дел Бидо^[17].

Не были также включены в программу пожелания заместителя народного комиссара иностранных дел С. Лозовского, которые он излагает В.М. Молотову в письме от 28 ноября 1944 года. Лозовский считал, что генералу следует показать трехсотое представление спектакля «Евгения Гранде» в Малом театре, по его мнению, «никогда Бальзак не был так поставлен на французской сцене, как это сделал Малый театр» [17].

Заслуживает внимание и новый фильм «Непокоренная Франция», причем, по мнению Лозовского, в первом варианте было слишком много де Голля и слишком мало французского народа. В переделанном фильме соблюдены необходимые пропорции, но назвать фильм нужно не «Сражающаяся Франция» (это официальное название организации де Голля), а «Непокоренная Франция».

26 ноября в 16:00 де Голль прибыл в Тегеран. На аэродроме его встречали: Кавтарадзе, Авалов и военный атташе. От иранского МИД – начальник протокольного отдела, французский посланник и английский посол (американских представителей не было).

Из Тегерана де Голль 28 ноября вылетел в Баку. Из-за плохих метеорологических условий генерал был вынужден ехать из Баку в Москву по железной дороге, прибытие в столицу было запланировано на 2 декабря. Следует отметить, что де Голль обратился с просьбой к советскому

правительству опубликовать в печати обстоятельства его приезда и причину, по которой он не мог прилететь в Москву, чтобы избежать слухов, что «путешествие идет плохо» [18].

Организация правительственных приемов – важная составляющая в деятельности Протокольного отдела. Следовало не только подготовить списки приглашенных, но и утвердить меню. Список приглашенных на завтрак к Сталину в честь де Голля 3 декабря 1944 года возглавляли с советской стороны – И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.И. Микоян, а с французской – де Голль, Бидо, генерал Жуэн, Гарро и др. [19].

В отличие от «завтрака Сталина» на прием у Молотова в честь генерала де Голля были приглашены не только члены правительства, но и дипломатический корпус, а также представители советской творческой интеллигенции.

Приглашение на прием – подтверждение высокого социального статуса (следует заметить, что, в отличие от членов правительства, ученые, художники, писатели, скульпторы, режиссеры и актеры приглашались без жен и мужей).

В списке отдельно выделены фамилии академиков, артистов драмы, Большого театра, кино, писателей, художников, скульпторов.

Высокой чести оказаться на Спиридоновской улице в доме 17 были удостоены: академики Алабян, Бруевич, артисты драмы Москвин, Качалов, Хмелев, Еланская, Царев, Тарасова, Бабанова. Большой театр представляли Козловский, Михайлов, Барсова, Уланова, Лепешинская, Мелик-Пашаев (фамилия Мессерера вычеркнута), писатели – Н. Тихонов, И.Г. Эренбург,

С.Я. Маршак, А.Н. Толстой (карандашом вписаны К. Симонов, Л. Леонов); художники и скульпторы – А.М. Герасимов, С.Д. Меркулов, Куприянов, Крылов; артисты кино – Л. Ладынина, Н. Крючков, здесь же И. Пырьев (вычеркнуты из списка Г. Александров, Л. Орлова, М. Жаров, Л. Целиковская)^[18] [20].

На концерте Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР в Центральном доме Красной армии были исполнены: «Кантата о Сталине» (музыка Александрова), «Гибель «Варяга» (народная песня), поэма об Украине (музыка Александрова), «По улице Мостовой» (народная песня), «Смуглянка» (музыка Новикова), «Степь да степь кругом» (народная песня), «На солнечной поляночке» (музыка Соловьева-Седого), «Красноармейская пляска» (музыка Александрова и Куликова, постановка заслуженного артиста УССР Вирского).

Второе отделение началось маршем из оперы Гуно «Фауст», затем прозвучали «Грезы» Шумана, «Славное море» (народная песня), «Бандура» (украинская песня), «Вася-Василек» (музыка Новикова), вальс «В прифронтовом лесу» (музыка Блантера), «Темная ночь» (музыка Н. Богословского), завершился концерт пляской донских казаков [21].

Утвержденный план визита приходилось корректировать на протяжении всего пребывания де Голля в Москве. Так, 6 декабря генерал по телефону через переводчика уведомил заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозова, что из-за нелетной погоды его вылет из Москвы на фронт невозможен, а на поездку поездом нет времени. Поэтому он просит не позднее как к вечеру 9 декабря доставить летчиков авиаполка «Нормандия» в Москву поездом, где он мог бы с ними встретиться [22].

Де Голль решил вылететь из Москвы 10 декабря утром по маршруту Москва – Баку – Тегеран, из Москвы до Тегерана он летел на американском самолете посла Гарримана, который предложил его утром 6 декабря. При проходах де Голля был выстроен почетный караул, вывешены государственные флаги, исполнены гимны.

Своеобразный итог визита подвел на обеде у Сталина (9 декабря) Гарро, который заявил, что пакт о взаимопомощи между СССР и Францией вызвал радость в французском народе, он укрепил позиции Франции в решении международных проблем. При этом Гарро добавил, что для СССР, обладающего достаточной силой, этот пакт, возможно, имеет меньшее значение [23].

Президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш вновь посетил СССР в марте 1945 года. Протокольный отдел начал подготовку к визиту в конце февраля. В состав делегации входили 27 человек: члены семьи Бенеша (жена, племянница), премьер-министр, министр иностранных дел, министр юстиции, министр социального обеспечения, члены Государственного совета и т. д.

28 февраля 1945 года Молотовым был утвержден план встречи, пребывания и проводов президента Чехословацкой Республики Э. Бенеша.

В Москве на аэродроме Бенеша встречала делегация во главе с В.М. Молотовым (выстраивается почетный караул, исполняются государственные гимны Чехословакии и Советского Союза (по одному куплету).

Бенешу и членам его семьи был выделен особняк по улице Островского, д. 6, а для сопровождающих его лиц – 17 номеров в одной из гостиниц («Националь», «Савой» или «Метрополь»).

На следующий день после приезда был запланирован протокольный визит к М.И. Калинин, вместе с Шверником к Сталину. На второй день после приезда Шверник устраивал в честь Бенеша завтрак в особняке НКВД на Спиридоньевской, 17. План пребывания Бенеша предусматривал посещение театров, предприятий и т. и., но без особой торжественности (без сопровождения, вывешивания флагов, исполнения гимнов).

Перед отъездом президента был запланирован обед в Кремле, который давал Сталин в честь Бенеша. Порядок проводов такой же, как при встрече [24].

Особенность визита – специально составленная программа для супруги президента с посещением лечебных, школьных и дошкольных учреждений (госпиталя, детсада, школы, родильного дома и т. и.).

К плану прилагался маршрут осмотра Москвы – Пушкинская площадь, улица Горького, Манежная площадь, Кремлевская набережная, Моховая улица, улица Коминтерна, Арбатская площадь, улица Воровского, площадь Восстания, Садовая-Кудринская, Большая Садовая, площадь Маяковского, улица Горького, Ленинградское шоссе до метро «Аэропорт».

Для осмотра метро были выбраны станции «Аэропорт», «Динамо», «Белорусская», «Маяковская».

22 марта жена Бенеша была приглашена Молотовой на чай на улицу А. Толстого, 17. С советской стороны присутствовали жены Молотова, Шверника, Вышинского и др. Гостям подавали чай, пирожные, торт, вино, печенье, фрукты, мороженое [25].

В фонде Протокольного отдела содержится описание посещения женой Бенеша мужской средней школы № 135 Советского района (Малый Гнездиловский переулок, 2/4) 20 марта 1945 года, составленное младшим референтом Протокольного отдела Т.К. Карениной.

В школе супругу президента и сопровождающих ее лиц встретил директор, который провел гостей по залам школы. Т.К. Каренина записала в своем дневнике, что Бенеш и всем гостям «очень понравились почерк и чистота написания в тетрадях учащихся, которые занимаются только с сентября прошлого года. Посетили урок учеников 3-го класса, занимающихся с учительницей со стажем преподавания 52 года, награжденной орденом Ленина. Бенеш была в восторге от тетрадей учеников, так красиво и аккуратно они выглядели. По просьбе гостей двое из учеников смело и спокойно продекламировали басни Крылова «Зеркало и обезьяна» и «Крестьянин и работник», что всем очень понравилось» [26].

В библиотеке чехи спросили, есть ли произведения классиков, им показали издания Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Шота Руставели и других авторов. Гости осмотрели также кабинеты физики, химии, биологии, военного дела, зашли в буфет и преподавательскую. По мнению Карениной, у гостей осталось хорошее впечатление от посещения школы. Выдержки из ее дневника были отправлены Молотову и Вышинскому [27].

Посещение 27 марта женой Бенеша балетной школы при Большом театре (Пушечная улица, 2/6) вызвало у гостей чувство восторга. На концерте учащихся школы супруга президента особенно выделила ученицу старшего класса Лиду Дементьеву, сказав, что у этой девушки большое будущее [28].

На чай в честь президента республики (23 марта 1945 года) были приглашены с советской стороны заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник, народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, заместители народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский, М.М. Литвинов, С.А. Лозовский, В.Г. Деканозов, И.М. Майский, С.И. Кавтарадзе, заведующий Протокольным отделом НКВД Ф.Ф. Молочков, его заместитель Г.И. Фомин и ответственный референт Протокольного отдела НКВД Н.Н. Яцкевич.

Помимо перечисленных лиц, присутствовали заведующие и заместители Юридического, 4-го Европейского, Консульского отделов НКВД, комендант Москвы и др. [29].

На все официальные мероприятия члены советского правительства, главы иностранных посольств и миссий, заведующие отделами НКВД и их заместители приглашались с женами.

На концерте 21 марта в Краснознаменном зале ЦДКА выступали лучшие артистические силы страны – хоры Пятницкого и Свешникова, Г. Уланова, М. Максакова, И. Козловский, Д. Михайлов и др.

24 марта супруга Бенеша посетила МХАТ (спектакль «Русские люди»), а на следующий президентская чета выразила желание посмотреть во МХАТе (филиал) спектакль «Пиквикский клуб» [30].

«Женская» составляющая визита нашла свое отражение также и в том, что на обед к Сталину 28 марта (20 часов) официальные лица приглашены с женами.

Форма одежды: для мужчин – парадная с орденами, для женщин – вечерний туалет (длинное платье) [31].

31 марта на вокзале Бенеша провожали Молотов, Вышинский и другие члены правительства, на вокзале был выстроен почетный караул, вывешены чехословацкие и советские флаги, исполнены гимны [32].

Важным событием не только в истории взаимоотношений СССР и Великобритании, но и в истории советского дипломатического протокола стал визит в Советский Союз в апреле 1945 года супруги У. Черчилля Клементины Черчилль.

15 октября 1941 года супруга британского премьер-министра создала Фонд помощи России, который на 20 марта 1945 года собрал 6 миллионов 700 тысяч фунтов стерлингов.

На средства фонда было закуплено в Англии и отправлено в СССР в 1941–1944 годах 11 600 тонн медицинского имущества и носильных вещей на сумму 11 миллионов 500 тысяч американских долларов.

К. Черчилль регулярно выступала по радио и в печати с призывами «жертвовать в Фонд помощи России. 15 апреля 1943 года, обращаясь к председателю шотландского отделения английского Красного Креста с выражением благодарности за пожертвования в Фонд помощи России, она заявила: «Когда я думаю о том, что с момента организации «Фонда помощи России» Шотландия пожертвовала не менее 159 631 фунтов стерлингов, я испытываю чувство глубокой благодарности не только за такое восторженное сотрудничество, но и за дань, воздаваемую народу героической России» [33].

29 сентября 1943 года в «Таймс» было опубликовано заявление К. Черчилль, в котором она подчеркнула, что собранная сумма (4 миллиона фунтов стерлингов в то время) «незначительна по сравнению с размерами СССР, с количеством его разрушенных городов и численностью героического непобедимого населения, но она является искренней данью англичан, живущих во всем мире. Богатые и зажиточные люди делают щедрые взносы, но большая часть этой суммы состоит из взносов рабочих, сотни тысяч которых неделю за неделей делают свои вклады. Это действительно народный фонд, и этим путем английский народ выражает советскому народу свое уважение, удивление и восхищение его непревзойденной храбростью и патриотизмом и военными успехами» [34].

Деловые круги и правые элементы Консервативной партии прислушивались и относились с доверием к словам К. Черчилль, поэтому ее энергичная деятельность как организатора помощи по линии Красного Креста имела большое политическое значение.

19 марта 1945 года в НКВД началась подготовка визита в СССР председателя Британского фонда помощи России миссис К. Черчилль в сопровождении мисс Джонсон, секретаря фонда. 26 марта был составлен предварительный план пребывания Клементины Черчилль в СССР, который включал: встречу и проводы делегации на аэродроме, программы официального визита Черчилль в Москву, Ленинград, Сталинград, Пятигорск, Ростов, Севастополь, Одессу.

К. Черчилль прибыла в Москву 2 апреля 1945 года. На следующий день супруга премьер-министра Великобритании была принята народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Находясь в Москве, К. Черчилль посетила военный госпиталь Красной армии и детский сад при табачной фабрике «Дукат», осмотрела Кремль, кондитерскую фабрику «Красный Октябрь».

4 апреля В.М. Молотов и П.С. Жемчужина-Молотова устроили в честь К. Черчилль завтрак, за день до отъезда в Ленинград ее принял председатель Совнаркома СССР И.В. Сталин.

В Ленинграде, куда Черчилль прибыла 9 апреля, председатель Британского фонда помощи России посетила Травматологический и Педиатрический институты, Дворец пионеров, Театр имени С.М. Кирова (балет «Гаяне»).

12 апреля Черчилль побывала на выставке «Героическая оборона Ленинграда» и в Петродворце. В тот же день Верховный Совет СССР издал указ о награждении К. Черчилль орденом Трудового Красного Знамени [35].

Из Москвы, куда Черчилль вернулась 13 апреля, началось ее путешествие по СССР.

15 апреля в Сталинграде она осмотрела больницу, школу, места боев, побывала на братской могиле защитников Сталинграда. После Сталинграда посетила Кисловодск (17 апреля), Ессентуки (20 апреля), в Пятигорске Черчилль посетила домик М.Ю. Лермонтова и место дуэли, в Ростове (21 апреля) – детскую туберкулезную больницу и два госпиталя, которые намеревалась полностью оборудовать на средства, собранные комитетом в Англии [36].

23 апреля гостя выехала в Севастополь, где осмотрела город, Малахов курган, Херсонес. Находясь четыре дня в Алушке, Черчилль посетила Никитский ботанический сад, совхоз «Массандра», детский санаторий «Артек», дворец в Ливадии [37].

Во время путешествия 11 апреля от имени премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Москве на имя И.М. Майского было получено сообщение, в котором Черчилль благодарил Майского и его супругу за «любезность, проявленную в отношении моей жены во время московского визита. <...> Для меня большое облегчение услышать, что она (т. е. моя жена) совершает свои поездки по железной дороге, в результате моего большого опыта я думаю, что чем меньше полетов, тем лучше» [38].

Что касается протокольной составляющей визита, то в 1945 году в НКВД впервые разрабатывалась самостоятельная так называемая «женская» программа официального визита.

Проблема заключалась в том, что дипломатический протокол на протяжении столетий был ориентирован на мужчин. Дамам отводилась в лучшем случае роль сопровождающих главных действующих лиц. Исключение – дамы на троне. Королева Елизавета, императрица Мария-Терезия, императрица Екатерина Великая, королева Виктория сами были выдающимися дипломатами, но они исключение, которое подтверждает правило. В XX веке женщины стремятся ни в чем не уступать мужчинам, в том числе постигая искусство дипломатии.

В СССР первой женщиной, представлявшей в ранге посла Советское государство, была А.М. Коллонтай, которая в 1930 году вручала верительные грамоты шведскому королю. Впервые в истории Швеции посланником оказалась женщина. Шведский Протокольный отдел был поставлен в затруднительное положение при организации церемонии вручения Коллонтай королю верительных грамот. Согласно вековой традиции король стоял в приемном зале у стены, а посланник подходил к нему и вручал грамоты. Затем в течение нескольких минут они стоя беседовали. «Однако, когда т. Коллонтай переступила порог королевского зала, король почувствовал себя как-то не совсем ловко и несколько растерянно сказал: «Собственно, мне полагалось бы стоять на месте, но так как вы дама...» Король не закончил и сам направился на встречу т. Коллонтай. Приняв от нее верительные грамоты, король тут же пригласил тов. Коллонтай сесть на диван и сам сел рядом с ней, нарушив таким образом все протокольные традиции Швеции» [39].

Ситуация с К. Черчилль была не совсем аналогична случаю с А.М. Коллонтай. Проблема протокольного характера возникла уже в конце пребывания Черчилль в СССР. 28 апреля Майский сообщал Сталину, что визит госпожи Черчилль приближается к завершению. Кроме Москвы она побывала в Ленинграде, Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Ростове, Крыму. 30 апреля она должна быть в Одессе и 4 мая вернуться в Москву, где планирует находиться до 10 мая и затем улететь домой.

Продолжительность визита Черчилль была увеличена примерно на неделю (планировался вылет 3 мая), так как раньше она должна была вернуться в Лондон к приезду туда Рузвельта с супругой, намеченному на середину мая. Однако смерть Рузвельта изменила эти планы.

Майский информировал Сталина, что «пребывание госпожи Черчилль в Советском Союзе до сих пор (28 апреля. – *Авт.*) протекает вполне нормально. Она довольна оказанным ей приемом, довольна полученным орденом и очень польщена встречей с вами. Впечатления госпожи Черчилль хорошие, настроение и здоровье также» [40].

В то же время Майский сообщает Сталину, что в связи с возвращением Черчилль в Москву возник вопрос, по которому он должен обратиться лично к Сталину. По случаю отъезда Черчилль следовало устроить прощальный завтрак, который, по мнению Майского, должен быть организован от имени Сталина, что является нарушением советского протокола. В СССР Сталин

давал прощальный обед высокопоставленным гостям официального ранга, в случае Черчилль можно ограничиться завтраком, так как она является высокопоставленным гостем «полуофициального ранга», к тому же завтрак отнимает меньше времени, чем обед. «Что касается политической стороны дела, то, как мне (И.М. Майскому. – *Авт.*) думается, именно сейчас, когда англо-советские отношения не совсем гладки, внимание, оказанное Вами госпоже Черчилль, было бы очень высоко оценено ее супругом к такого рода вещам. Он весьма чувствителен, и косвенно это могло бы иметь положительное значение и в более серьезных вещах» [41].

Это послание И.М. Майского И.В. Сталину подтверждает тот факт, что в СССР в полной мере осознавали значимость протокола как действенного инструмента внешней политики. Нормы протокольной практики менялись в зависимости от политической ситуации, но последнее слово осталось за вождем.

Из Симферополя (28 апреля) английская делегация на поезде отправилась в Одессу, где посетила культурные и лечебные учреждения, лагеря репатрируемых английских и французских военнопленных. После осмотра парохода для перевозки военнопленных, сойдя на берег, в порту К. Черчилль дала каждому французскому пленному по плитке шоколада [42].

Через два дня после военного парада 1 мая супруга премьер-министра покинула Одессу, 4 мая в Курске она осмотрела детский сад, дом для детей-сирот, родители которых погибли на войне.

Находясь в Москве с 5 по 11 мая, Черчилль побывала на приеме председателя Женского антифашистского комитета В. Гризодубовой (5 мая), на концерте советской и английской музыки в Московской государственной филармонии (6 мая), 7 мая Н.М. Шверник вручил К. Черчилль правительственную награду, на следующий день состоялась пресс-конференция в английском посольстве и посещение ГАБТа (балет «Жизель»), в последние дни перед отъездом (9 мая) Черчилль была приглашена на обед, устроенный в ее честь Н.М. Шверником, посетила (10 мая) роддом имени Клары Цеткин, госпиталь имени Н.И. Пирогова, ГАБТ (балет «Лебединое озеро»), 11 мая Черчилль вылетела в Лондон [43].

Таким образом, несмотря на доводы Н.М. Майского, И.В. Сталин не дал завтрак в честь К. Черчилль.

В день отлета К. Черчилль из Москвы на имя В.М. Молотова была получена телеграмма следующего содержания: «Мой дорогой г-н Молотов, пишу, чтобы сказать Вам, что я никогда не забуду то чудесное время, которое я провела в вашей стране, и я хочу, чтобы Вы знали, сколь добра и приветлива была со мной г-жа Молотов и как много она сделала, чтобы я была счастлива <...> Искренне ваша *Клементина Черчилль*» [44].

В апреле 1945 года одновременно с К. Черчилль в Москве находился маршал И.Б. Тито. Протокольным отделом НКВД был разработан план встречи, пребывания и проводов югославского лидера.

В Москве на аэродроме гостей встречали В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, начальник Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов, генерал-полковник Ф.И. Голиков и др.

Аэродром украшается флагами СССР и Югославии, выставляется почетный караул, исполняются государственные гимны Югославии и Советского Союза (вместо старого национального гимна Югославии – славянская патриотическая песня «Гей, славяне», ставшая гимном СФРЮ в 1945 году).

С аэродрома до дачи в Заречье И.Б. Тито сопровождает генерал-полковник Ф.И. Голиков (Тито выделяется специальная машина из гаража НКГБ СССР. Для обслуживания остальных лиц выделяются три автомашины из гаража СНК СССР).

На следующий день после прибытия Тито наносит визит В.М. Молотову, а затем И.В. Сталину. Вечером гости присутствуют в Большом театре, в центральной ложе с советской стороны – В.М. Молотов, А.Я. Вышинский и др., в театр приглашен дипломатический корпус. Центральная ложа украшена югославскими и советскими флагами [45].

Перед началом спектакля звучат национальные гимны Югославии и СССР. На второй день пребывания В.М. Молотов устраивает в честь Тито завтрак в особняке НКВД на улице А. Толстого, 17.

Программа пребывания включала в себя:

- 7 апреля – посещение выставки трофейного оружия, завтрак у В.М. Молотова;
- 8 апреля – осмотр Кремля, посещение Дома пионеров;

– 9 апреля – посещение Авиазавода № 30, ответный завтрак со стороны гостей;
– 10 апреля – посещение Автозавода имени Сталина (ЗИС), вечером – Большой театр (опера «Иван Сусанин»), в центральной ложе с советской стороны присутствуют В.М. Молотов, А.Я. Вышинский и др.;

– 11 апреля – посещение Музея В.И. Ленина, прием дипкорпуса в югославском посольстве. На всех мероприятиях Тито сопровождал Ф.Ф. Молочков [46].

В первоначальном плане программы был обед, который давал Сталин в честь Тито в Кремле, порядок проводов такой же, как и встречи [47].

12 апреля 1945 года в ЦДКА состоялся концерт. Перед началом концерта прозвучали югославский и советский гимны (по одному куплету). В первом отделении были исполнены «Кантата о Сталине» (музыка А. Александрова), «Поэма об Украине» (музыка А. Александрова), «Морская песня» (музыка А. Александрова), «Сумрак ночи пал на землю» (сербская песня, обработка А. Александрова), «Вдоль по Питерской» (обработка А. Александрова), «Степь да степь кругом» (обработка А. Александрова), «В лесу прифронтовом» (музыка М. Блантера), «Красноармейская пляска».

Во второе отделение были включены: хор из оперы «Борис Годунов» (музыка М. Мусоргского), «Грезы» (музыка Шумана), украинские песни (музыка Давидовского), «Смуглянка» (музыка А. Новикова), «Песня Еремки из оперы «Вражья сила» (музыка А. Серова), английская солдатская песня, американская солдатская песня, пляска донских казаков [48].

На концерте в первых рядах партера находились члены югославской делегации во главе с И.Б. Тито, члены советского правительства с женами (В. Молотов, А. Микоян, А. Вышинский и др.).

В зале присутствовали также советские ученые, писатели, артисты (приглашены с супругами): академик А.А. Греков с супругой, академик В.А. Обручев с супругой, академик Т.Д. Лысенко с супругой, К.М. Симонов, С.М. Маршак, В.И. Лебедев-Кумач, И.Г. Оренбург, С.В. Михалков, И.М. Москвин, Н.П. Хмелев, П.М. Садовский, А.А. Яблочкина, А.Я. Таиров, Н.П. Охлопков, Ю.А. Завадский и др. [49].

Молочков сопровождал Тито не только в Москве, но и во время его поездки в Украину.

Так, 18 апреля 1945 года из Киева была отправлена телефонограмма на имя Вышинского, в которой Молочков сообщает, что 17 апреля делегация прибыла в Киев, в сопровождении Хрущева состоялся осмотр города, а вечером – обед на даче Хрущева, которому на следующий день маршал Тито нанес визит в Совнарком. В план визита были включены посещение архитектурной выставки, театра, а 19 апреля (в день вылета) гостям планировали показать колхоз.

В телефонограмме содержится фраза, которую в Москве не только подчеркнули, но и прокомментировали, а именно: «В настоящее время (в момент отправления документа. – *Авт.*) гости находятся в буфете за закуской». На документе карандашом подписано: «Молочкову: можно ли обойтись без таких <подробностей>» [50].

По окончании визита югославской делегации от имени начальника Генштаба Красной армии генерала А.И. Антонова на имя народного комиссара иностранных дел Союза СССР В.М. Молотова приходит сообщение (гриф «Секретно» от с-т Вышинского от 18.06.1945, а гриф «Секретно» от Протокольного отдела НКВД от 26.04.1945), в котором Антонов докладывает, что в вопросах представительства НКО при официальных сношениях с иностранными миссиями (военные миссии, военные атташе и посольства) Протокольный отдел НКВД игнорирует мнение Генерального штаба Красной армии.

Протокольный отдел, по мнению Антонова, не согласовывал представителей от НКО с Генеральным штабом в тех случаях, когда требовалось представительство НКО, ставил Генеральный штаб перед совершившимся фактом.

Последними случаями, свидетельствующими об этом, явилось выдвижение Протокольным отделом НКВД, без согласования с начальником Генштаба и отделом внешних сношений, на утверждение руководства наркоминдел кандидатуры офицера связи при маршале Тито капитана Ежова – адъютанта начальника Отдела внешних сношений.

По мнению Антонова, Ежов «для выполнения этих обязанностей не подготовлен и Генеральным штабом не был бы рекомендован» [51].

Кроме этого, в состав гостей для встречи прибывающего 5 апреля 1945 года маршала Тито не был включен представитель Отдела внешних сношений, несмотря на то что вместе с Тито прибывал вновь назначенный начальник югославской военной миссии в СССР генерал-лейтенант Приморац.

Подытоживая вышесказанное, А.И. Антонов считал бы целесообразным, чтобы Протокольный отдел во всех случаях, когда требуется представительство НКО, предварительно, до доклада Вышинскому, согласовывал намечаемых к представительству лиц с Генеральным штабом Красной армии, через Отдел внешних сношений [52].

Следующий визит в СССР правительственной делегации Югославии во главе с председателем Совета министров, министром народной обороны маршалом Иосипом Броз Тито состоялся в мае 1946 года. В состав делегации, насчитывавшей всего 17 человек, входили также: министр внутренних дел, начальник Генштаба, начальник оперативного управления армии, начальник штаба ВВС, начальник морского отдела Генерального штаба, руководитель военной промышленности, премьер-министр Сербии и др.^[19] [53]. Первоначально Молочковым был составлен (21 мая) план встречи и проводов Тито, в котором также предусматривались визиты к Сталину, Молотову, Швернику, обед у Сталина, завтрак у Молотова, составлен план экскурсий. Этот документ – своеобразный «эскиз» визита, без указания дат и времени посещения конкретных объектов. Следующий этап – разработка календарного плана пребывания в Москве югославской делегации с 27 мая (прибытие в Москву) до 10 мая (отъезд).

27 мая в Москве Тито встречала советская правительственная делегация во главе с В.М. Молотовым. На аэродроме был выстроен почетный караул, вывешены югославские и советские флаги, исполнены гимны Югославии и СССР [54].

Маршалу Тито был предоставлен автомобиль из гаража МГБ СССР, остальным членам делегации – автомобили Совета министров СССР.

Главе делегации выделялся особняк на улице Островского, 8, сопровождающим его лицам – три номера в гостинице¹.

Программа визита включала в себя официальные приемы:

- 27 мая у Сталина;
- 30 мая у В.М. Молотова;
- 1 июня прием во Всеславянском комитете;
- 3 июня прием маршалом Тито начальника Военной академии;
- 6 июня прием в югославском посольстве в честь Тито;
- 7 июня прием Сталиным Тито и прием в БОКСЕ [55].

В ходе визита югославским гостям предлагалось посетить:

- 28 мая – Малый театр, спектакль «Пигмалион»;
- 29 мая – Мясокомбинат имени Микояна, Театр Ленинского комсомола – спектакль «Сирано де Бержерак»;
- 30 мая – Мавзолей В.И. Ленина, санаторий «Архангельское», колхоз (все, кроме маршала Тито);
- 31 мая – поездка по каналу Волга – Москва, МХАТ – спектакль «Воскресение»;
- 1 июня – Академия бронетанковых войск имени И.В. Сталина (только для маршала Тито);
- 2 июня – футбольный матч на стадионе «Динамо», Большой театр – балет «Золушка»;
- 4 июня – отдых;
- 5 июня – возложение Тито венка на гроб М.И. Калинина. Присутствие на траурном митинге;
- Вероятно, в «Национале».
- 8 июня – Третьяковская галерея;
- 9 июня – церемония вручения маршалом Тито югославских орденов группе советских генералов.

Протокольный отдел составлял списки не только приглашенных на официальные приемы, но и иностранных корреспондентов, находящихся в Москве. 28 мая визит Тито освещали в прессе 5 английских корреспондентов, 5 американских, 1 французский, 2 польских, 2 чехословацких, 2 китайских и ДР- [56].

Что касается приглашенных на приемы, то список на прием по случаю приезда маршала Тито 30 мая 1946 года (от 18:00 до 20:00) с женами состоял из нескольких частей. Сначала члены

правительства – В.М. Молотов, А.И. Микоян, А.А. Жданов, А.Н. Косыгин, А.Я. Вышинский и др.; затем МИД СССР (члены коллегии, заведующие отделами и управлениями, помощники министра, замминистра и работники секретариатов, Протокольный отдел), ЦК ВКП(б), антифашистские комитеты, ВЦСПС, ТАСС, Моссовет) [57].

На прием были приглашены советские ученые (С.И. Вавилов, Н.Г. Бруевич и др.), журналисты (редакторы газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Труд», «Новое время», «Красный флот»), писатели (В. Горбатов, Г. Мдивани, В. Иванов), артисты (В.В. Барсова, О.В. Лепешинская, С.В. Образцов, И.А. Моисеев и др. (на полях списка пометка – «были в Югославии»), композиторы (Д.Д. Шостакович, Т.Н. Хренников, В.И. Мурадели, С.С. Прокофьев, А.И. Хачатурян и др.), художники (И.Э. Грабарь, К.Ф. Юон, А.А. Пластов, А.А. Дейнека и др.). Завершали список советские военачальники (маршал А.М. Василевский, маршал Г.К. Жуков, адмирал флота Н.Г. Кузнецов и др.), члены шведской и исландской торговых делегаций, главы дипломатических представительств, аккредитованных в Москве (всего 41), и техническая интеллигенция (директора заводов имени Орджоникидзе, «Динамо», имени Молотова, ЗИСа, автогенного завода и др.) [58].

В день вылета из Москвы от имени маршала Тито были направлены телеграммы на имя Сталина и Молотова. В первой Тито, обращаясь к Сталину «Господин Председатель», благодарил советское правительство, которое «своей мудрой политикой скрепило братскую дружбу наших народов», сотрудничество которых будет «все больше углубляться и крепнуть».

В телеграмме, адресованной Молотову, Тито отступает от сухого протокольного стиля изложения, в частности, он сообщает министру иностранных дел СССР, что «беседы, которые я имел честь вести с вами во время моего пребывания в Москве, останутся навсегда в моей памяти и еще больше укрепят дружбу наших народов» [59].

К концу 1945 года были сформированы следующие правила и нормы протокольной практики во время визитов правительственных делегаций в СССР:

- на аэродроме (вокзале) гостей встречали Молотов, Вышинский и другие члены правительства;
- на аэродроме (вокзале) вывешивались государственные флаги (прибывающей стороны и СССР), выстраивался почетный караул, исполнялись гимны;
- во время посещения Большого театра ложа украшалась государственными флагами, исполнялись гимны;
- по случаю прибытия в Москву президентов или премьер-министров Молотов устраивал завтрак, а Сталин – обед в Кремле;
- проводы по схеме встречи.

Протокольный отдел, так же как и в мирное время, занимался подготовкой помещений для проживания гостей и ведения переговоров, составлением планов прибытия и проводов, культурной программой и т. д. Особенность работы в военное время – организация поездок членов делегации на фронт.

Таким образом, несмотря на обстановку военного времени, протокольные аспекты визитов в СССР официальных лиц по-прежнему не теряют своей актуальности.

Приложение 1

В августе 1945 года в Москву прибыла датская торговая делегация во главе с министром иностранных дел Кристмасом Меллером.

26 июня 1945 года Протокольным отделом НКВД был составлен план встречи, пребывания и проводов председателя Исполнительного Юаня Китая Сун Цзы-Веня и вице-министра иностранных дел Ху Ши-Цзе.

В Алма-Ате при встрече китайской делегации вывешиваются китайские и советские флаги, выстраивается почетный караул (гимны не исполняются).

В Москве Сун Цзы-Веня и сопровождающих его лиц встречали В.М. Молотов и другие советские и китайские официальные лица, выстраивается почетный караул, исполняются гимны.

В период пребывания делегации в Москве предполагались визиты к И. Сталину и В. Молотову, осмотр выставки трофейного оружия и канала Москва – Волга, обед в Кремле от

имени И. Сталина, завтрак у В. Молотова, посещение Большого театра (балет «Щелкунчик»). В театр был приглашен весь дипломатический корпус, за исключением японского посла.

Сун Цзы-Вень вылетел из Москвы 14 июля, гостей провожали В. Молотов и другие официальные лица, на аэродроме вывешиваются государственные флаги (в предварительном плане проводов зачеркнуты следующие позиции: построение почетного караула и исполнение гимнов) [60].

Приложение 2

Сотрудники Протокольного отдела не только занимались подготовкой визитов государственных деятелей, правительственных делегаций и следили за ходом выполнения утвержденной программы. В случае необходимости ими составлялись характеристики членов делегаций.

Так, 17 сентября 1946 года заместителем заведующего Протокольным отделом МИД СССР К. Кочетковым были представлены характеристики членов английской парламентской делегации и делегации американских сенаторов, побывавших в июне 1945 года в СССР.

В качестве примера приведем характеристики на сенаторов Тома Стюарда и Барнета Ретта Мейбанка.

«Стюард, Том – сенатор-демократ от штата Теннесси.

Стюард Том – род. в 1892 г., в г. Дандар, штат Теннесси. Окончил Эмори колледж, а затем Камберлендский университет. По профессии юрист. Был избран в сенат в 1937 году. Демократ. Принадлежит к методистской церкви. Масон. В настоящее время является членом Комитета по сельскому и лесному хозяйству, членом Комитета по военным делам, членом Комитета по привилегиям и выборам, а также Председателем Комитета по межконтинентальным каналам» [61].

«Барнет Ретт Мейбанк.

Краткая справка.

Сенатор-демократ. Родился в 1899 году в Чарлстоне, штат Южная Каролина. Окончил колледж в Чарлстоне в 1919 году. В 1935 г. получил звание доктора права. С 1931 по 1939 год – мэр города Чарлстона, с 1939 г. губернатор штат Южная Каролина. В 1929 году избран в Сенат США от штата Каролина. Экспортер хлопка. Член епископальной церкви. Масон» [62].

Приложение 3

Судя по документам фонда Протокольного отдела, польская правительственная делегация в 1945 году четыре раза посещала СССР.

О первом визите в Москву президента Крайовой рады народной Б. Берута и премьер-министра и министра иностранных дел Временного правительства Польской Республики Э. Осубки-Моравского стало известно благодаря посланию заместителя народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозова на имя председателя Московского Совета депутатов трудящихся Г.М. Попова, в которой Деканозов сообщает, что обслуживающий персонал гостиницы «Москва», где были размещены гости, проявил по отношению к ним грубость и отсутствие минимального такта в обращении.

В апреле 1945 года в честь Берута и Осубки-Моравского были даны завтрак у Н.М. Шверника (20 апреля, ул. А. Толстого, 17), обед у И.В. Сталина (21 апреля), прием в польском посольстве (23 апреля). 24 апреля польскую делегацию провожали Молотов, Вышинский, Косыгин, Булганин. Во время проводов был выстроен почетный караул, исполнены гимны двух стран (л. 59). Примерно через два месяца (12 июня) члены советского правительства во главе с В.М. Молотовым встречали делегацию польского Временного правительства на Белорусском вокзале. Как и прежде, выстраивался почетный караул, исполнялись гимны, вокзал украшен флагами Польши и СССР [63].

19 июля Протокольный отдел НКВД обратился с просьбой к секретарю Президиума Верховного Совета СССР выделить

25 билетов на все заседания сессии Верховного Совета СССР для членов Временного правительства Польской Республики, прибывших из Польши и Лондона для «консультаций о реорганизации Временного польского правительства» [64].

24 июня гости присутствовали на Параде Победы, а 27 июня вылетели из Москвы (схема проводов такая же, как встречи).

8 августа по приглашению советского правительства в Москву вновь прибывает польская правительственная делегация во главе с президентом Б. Берутом и другими официальными лицами (встреча по установленной схеме).

Берут находился в Москве и в августе 1945 года, он присутствовал на физкультурном параде 12 августа.

Следует отметить, что в эти же дни в СССР прибыла и китайская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел Ван Ши-Цзе, в честь которого Молотов устроил завтрак, а Сталин дал обед.

Визиты членов польского правительства продолжались и осенью 1945 года. Так, 19 октября Протокольный отдел информировал Вышинского, что 22 октября в Москву прибывает вице-министр при премьер-министре Э. Осубке-Моравском И. Пушанский. Я. Берман обратился с просьбой, чтобы его приезд в Москву был негласным, без оповещения в печати [65].

Особенность работы Протокольного отдела при подготовке визита премьер-министра Румынии П. Грозы заключалась в том, что программа пребывания была составлена с учетом предложений румынской стороны. В результате с 7 по 9 сентября были запланированы посещения Кремля, метро, осмотр города, поездка по каналу Волга – Москва, в ГАБТе гости пожелали посмотреть балет «Дон Кихот»^[20] (советская сторона предлагала оперу «Кармен»).

Приложение 4

С 6 сентября по 6 октября 1945 года в СССР находился секретарь Мексикано-Русского института Вильясеньор, который хотел увидеть восстановление СССР и с этой целью посетил Сталинград и Ленинград. Во время поездок Вильясеньор говорил, что, по его мнению, «процесс восстановления в СССР осуществляется с огромной скоростью и что необходимо больше показывать эти успехи за границей», а также «<...> он не представлял себе степень обнищания населения, вызванного войной». По мнению Вильясеньора, материальный уровень жизни в СССР сейчас ниже, чем в 1935 году. Но в то же время его поразили оптимизм и моральная стойкость людей. Говоря о советской внешней политике, Вильясеньор отметил, что «советская дипломатия идеальна, в течение войны она не сделала ни единой ошибки <...> теперешняя политика СССР на Балканах, в Польше, Финляндии является образцом мудрости» [66].

Во время беседы о Румынии гость отметил, что помощь правительству П. Грозы – это единственное средство сохранить демократию в стране [67].

Вильясеньор говорил об огромной пользе обмена студентами, а также о том, что желательно организовать приезд в СССР выдающихся деятелей мексиканской культуры и науки.

Побывав на концерте ансамбля красноармейской песни и пляски, Вильясеньор сказал, что если ансамбль не поедет в США, то нужно сделать все возможное, вплоть до письма Сталину, чтобы ансамбль приехал в Мексику, где его ожидает большой успех [68].

Говоря о политической жизни Мексики, Вильясеньор отметил влияние США на ее политику и экономику, при этом он обратил внимание, что американцы имеют большой штат в посольствах, консульствах, у каждого атташе своя канцелярия, тем, кто переходит к ним на работу, предоставляется высокая заработная плата.

Приложение 5

В начале 1946 года в Москву прибыла болгарская делегация во главе с управляющим Болгарским народным банком И. Стефановым, в состав делегации входили заведующий отделом промышленности при Высшем хозяйственном совете, заместитель управляющего Болгарским

замлельческим кооперативным банком и др. (всего 35 человек) [69]. Гости были размещены в гостинице «Националь».

Приложение 6

14 января 1946 года Молочков сообщил о прибытии греческой делегации ЭАМ в количестве трех человек, на аэродроме гостей встречал заместитель заведующего отделом Балканских стран и референт отдела по Греции. Программа была составлена с учетом пожеланий гостей. Проводы как встреча [70].

4 апреля 1946 года Протокольным отделом был разработан план встречи, пребывания и проводов венгерской правительственной делегации.

На аэродроме гостей встречали члены правительства во главе с В.М. Молотовым (всего пять человек). На аэродроме выстраивается почетный караул, вывешиваются советские и венгерские флаги, исполняются гимны Венгрии и СССР. Премьер-министра с женой было решено разместить на улице Островского, 6, а остальных в «Национале».

План пребывания делегации был составлен следующим образом:

- На второй и третий дни от имени В.М. Молотова устроить завтрак;
- предусмотреть устройство в особняке МИД СССР приема дипкорпуса;
- торжественный спектакль в Большом театре не устраивать, а предоставить возможность делегации посещать театры по ее желанию;
- предусмотреть устройство от имени П.С. Молотовой для жен гостей небольшого приема (чая);
- предусмотреть устройство обеда от имени Сталина;
- составить план посещения достопримечательностей Москвы, выставок (в зависимости от пожеланий делегации);
- автобазе Совмина СССР выделить пять машин для обслуживания делегации;
- порядок проводов тот же, что и встречи (Оп. 26. Д. 6. П. 127. Л. 52. Пр. отд.).

В мае 1946 года Москву посетили министр иностранных дел Дании и министр земледелия и торговли. В том же самолете в Москву прибыла датская торговая делегация во главе с его высочеством принцем Акселем.

В честь министра иностранных дел Расмуссена в особняке МИД СССР 6 июня был устроен завтрак от имени А.Я. Вышинского [71].

Приложение 7

План встречи, пребывания и проводов польской правительственной делегации во главе с президентом Берутом 22 мая 1946 года составлен 22 мая 1946 года.

На аэродроме делегацию встречала делегация во главе с В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским, выстраивался почетный караул, вывешивались польский и советский флаги, исполнялись гимны Польши и СССР.

Президента Берута и премьер-министра разместили на даче № 3 в Заречье, остальных в «Национале» [72].

Перед отъездом гостей был предусмотрен обед от имени И.В. Сталина.

Проводы как встреча.

Приложение 8

12 февраля 1946 года в Москву для переговоров прибыла иранская правительственная делегация во главе с премьер-министром Ирана Кавам-эс-Салтане.

На обратном пути из Москвы в Тегеран делегация посетила Баку.

В день прилета гости слушали оперу «Лейли и Меджнун» в Азербайджанском государственном оперном театре.

Основное внимание во время встреч в Баку была направлено на развитие нефтяной промышленности Азербайджана (вопросы производительности труда, экономического обеспечения рабочих и их культурно-бытовых условий жизни) [73].

Во время одной из бесед Кавам затронул вопрос о Сталинграде, поинтересовавшись, сколько времени потребуется для его восстановления. Один из членов его делегации предположил: 50

лет. В ответ на это он услышал возражение со стороны советских представителей, что город носит имя «великого человека – Сталина», город сыграл решающую роль в войне и советский народ приложит все усилия, чтобы быстро его восстановить.

По дороге из консульства один из членов межджлиса заметил, что большинство иранцев хочет установления дружественных отношений с СССР, но с советской стороны Иран встречает недоверие, так как в глазах Москвы иранцы – продажный народ, подкупленный англичанами. Советские люди в Тегеране сторонятся иранцев, тогда как англичане посещают иранские учреждения, клубы, приглашают в гости, ездят к тегеранцам на дачи, организуют игры в волейбол, баскетбол, помогают в хозяйственных вопросах, а советских людей можно встретить только во время официальных приемов и праздников. Иран должен опираться на какую-либо крупную и сильную державу и готов отдать предпочтение СССР, но для этого Советский Союз, и в частности Советский Азербайджан, должен установить культурные и прочие связи и с народом Ирана [74].

При прощании Кавам-эс-Салтане выразил благодарность за теплую встречу и сказал, что в целом он доволен визитом в Баку [75].

Во время приезда в СССР делегации МНР во главе с Чойбалсаном основные события визита происходили также не в Москве, а в столице одной из союзных республик, на этот раз в Алма-Ате. Монгольская делегация присутствовала на торжественном заседании Верховного Совета Казахской ССР, посвященном 25-летию республики, 17 ноября 1946 года. Затем делегаты посетили спортивный праздник на ипподроме, где гостей пригласили в специальную юрту, хозяин которой, председатель колхоза, угощал их национальным блюдом – бешбармаком и кумысом. По обычаю баранья голова досталась почетному гостю [76]. В конце визита гости выразили восхищение гостеприимством и кумысом.

Визит членов исполкома английской Лейбористской партии. Визит фельдмаршала Б. Монтгомери. Визит в Ташкент делегации Ливанского и Сирийского общества друзей с СССР. Визиты лидеров социалистических государств – Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии. Визиты премьер-министра Финляндии У. Кекконена, премьер-министра Албании Э. Ходжи, председателя Совета министров Румынской Народной Республики П. Грозы с семьей

В 1946 году наибольший интерес с точки зрения организации и хода самого визита вызывает посещение СССР делегацией членов Исполкома английской Лейбористской партии во главе с профессором Гарольдом Ласки, состоявшееся в июле, спустя пять месяцев после произнесения У. Черчиллем его знаменитой Фултонской речи. Следует отметить, что 4 июля, за три недели до начала визита, некоторые члены Лейбористской партии посетили Москву в составе делегации руководителей движения англо-советской дружбы, приглашенных в качестве гостей ВОКСа в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 28 мая 1946 года. В состав делегации из девяти человек входили и члены коммунистической партии Великобритании. Гости побывали в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Киеве, Армении, Грузии, Челябинске, Риге [1].

29 июля в 15 часов самолет с делегацией английской Лейбористской партии в составе Г. Ласки, М. Филлипе, Г. Клея и А. Бэкона приземлился на Центральном аэродроме в Тушине. Гостей встречали заместитель председателя Моссовета, представители МИД, первый секретарь британского посольства и переводчица.

Разместившись в «Национале», члены делегации выразили пожелание осмотреть город: они посетили Красную площадь, территорию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), проехали по Садовому кольцу до Курского вокзала и вернулись в гостиницу.

Проезжая по Москве, Ласки объяснял Клею, что «после Октябрьской революции много церквей было закрыто и даже разрушено. Однако оставлены все те церкви, которые имеют архитектурную или историческую ценность» [2].

Видимо, профессор Ласки ничего не знал о вандализме большевиков в Кремле, об уничтожении храма Христа Спасителя и других памятников архитектуры.

Увидев газетную витрину, Ласки пояснил любовь русских к чтению, поделившись своими наблюдениями. «В Москве, – говорил он, – я видел в 1934 году очередь людей, желающих купить книги Пушкина, Толстого» [3].

Ласки рассказал Клею, что со времени его последнего визита Москва сильно изменилась: построено много новых зданий, расширены улицы, в заключение добавив: «Здесь нет проблемы частной собственности на землю, поэтому улицы можно расширять как угодно» [4].

Он отметил также, что в Москве почти не видел разрушений от бомбардировок 1941 года. Проезжая по городу, Ласки сам показывал Клею Музей революции и Институт Маркса – Энгельса-Ленина. При этом он выразил желание посетить, как он выразился, «эти незабываемые места», а также Исторический музей [5].

30 июля гости осмотрели метро, затем достопримечательности столицы. Профессор Ю.Ю. Савицкий, член-корреспондент Академии архитектуры СССР рассказал им о соборе Василия Блаженного, о Парке культуры и отдыха имени М. Горького; на Ленинских (до 1935 года – Воробьевых) горах сделали остановки на месте, где в 1812 году стоял Наполеон. Затем отправились в Донской монастырь.

В автомобиле Ласки перешел от исторических тем к современным политическим проблемам. Так, сотруднику МИД Солдатову он стал объяснять, что Англии угрожало тяжелое финансовое положение в связи с тем, что после победы на выборах лейбористов все консерваторы-миллионеры из-за боязни за сохранность своих капиталов хотели перевести их в Канаду и другие страны, но лейбористы якобы оставили в силе военные законы, и это предотвратило угрозу [6].

В тот же день на приеме у В.Г. Деканозова Ласки заявил, что цель поездки – «установление прочной основы для развития взаимных дружественных чувств, обсуждение различных вопросов и установление взаимопонимания» [7].

На замечание одного из присутствующих на приеме, что в Москве ожидали приезд лейбористской делегации еще во время войны, Ласки ответил, что задержка связана с Черчиллем, который настаивал, чтобы в СССР сначала поехала парламентская делегация. Рядовые лейбористы, добавил Ласки, считают, что у нас с советским народом одни и те же задачи.

Члены делегации выразили желание посетить председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника, руководителей партии и членов Политбюро, И.В. Сталина, председателя ВЦСПС В.В. Кузнецова и других руководителей профсоюзов, в частности транспортников, а также ознакомиться с «постановкой образования» в СССР и побеседовать с представителями Министерства просвещения, Министерства высшего образования, Академии педагогических наук, Академии наук СССР.

Кроме того, была высказана просьба включить в программу визита поездку в один из колхозов недалеко от Москвы, на московский завод или фабрику, в Институт Маркса – Энгельса – Ленина, Музей революции, Исторический музей. Из Москвы гости намеревались отправиться в Ленинград и Сталинград [8].

В своем дневнике сопровождавший делегацию В.А. Логинов тщательно фиксировал все детали встреч англичан с советскими представителями.

Так, по словам Логинова, будучи в музее Маркса – Энгельса – Ленина, Ласки захотел посмотреть рукописи Маркса, в частности «Капитал», «Манифест коммунистической партии» и работу «К критике политической экономии». В ответ на эту просьбу директор музея Кружков ответил, что музей не располагает рукописями «Манифеста», а для просмотра остальных материалов следует проехать в другое здание института. Поинтересовавшись изданиями музея института с 1937 года, Ласки заявил, что привез в дар фотокопии пяти неопубликованных писем Маркса [9].

В Академии наук СССР Ласки интересовался организацией Академии и планом научных работ на пять лет по философии, а также научными трудами советских физиков, физиологов, социологов, говорил о практических задачах жилищного строительства в Англии и СССР. В конце беседы Ласки подчеркнул заинтересованность Англии в поставках русского леса [10].

В Ленинграде гости посетили председателя городского Совета (Ленсовета) П.Г. Лазутина, с которым беседовали о восстановлении города: англичан особенно поразили разрушения в Петергофе.

После осмотра города в Центральном парке культуры и отдыха имени С.М. Кирова члены делегации посмотрели спектакль «Наталка Полтавка» в исполнении актеров Украинского музыкального драматического театра имени Т.Г. Шевченко [11].

Культурная программа являлась важной составляющей визита, но главная его цель – разъяснение позиции Лейбористской партии в области внутренней и внешней политики Великобритании в беседах с советскими государственными и партийными деятелями (нужно сказать, что в беседах с представителями общественности гости старались не касаться вопросов политики).

Так, в Ленинграде Филлипе заявил, что еще в 1905 году лейбористы Англии собрали несколько сот фунтов в фонд помощи жертвам 9 января и в ответ получили два благодарственных письма от Ленина, в 1920 году, когда Черчилль прилагал все усилия для организации интервенции против Советской России, лейбористы Англии боролись против Черчилля и организовывали кампанию помощи Советской России [12].

Подчеркивая исторические заслуги своей партии перед советским народом, гости не забывали отметить, что и в настоящее время лейбористы стремятся к сотрудничеству с Советским Союзом, особенно в вопросах сохранения мира, о чем Филлипе заявил в своей речи на одном из приемов в Ленинграде 5 августа. Там же он и провозгласил тост за «пионеров социализма – Маркса и Энгельса, супругов Вебб и Б. Шоу» [13].

Говоря об английских лейбористах, Филлипе отметил, что они добиваются тех же целей, что и русские революционеры, но другими путями [14].

Рассказывая о своих впечатлениях от Ленинграда, англичане сказали, что в городе их поразил порядок на улицах и то, что «люди одеты лучше, чем в Москве» [15].

Кульминацией визита стала встреча членов делегации Исполнительного комитета Лейбористской партии Великобритании с И.В. Сталиным 7 августа 1946 года.

По окончании приема гости в беседах с сопровождавшими их представителями НКВД отмечали «исключительную простоту» товарища Сталина в обращении, его дружелюбие и доброту, которые чувствуются во всех его действиях, спокойствие, большое чувство юмора и глубокое знание Великобритании и ситуации в этой стране [16].

В частности, Гарольд Ласки сказал в беседе с Солдатовым: «Вы знаете, мы пробыли у генералиссимуса два часа с четвертью. Состоялась очень хорошая беседа. Генералиссимус произвел на меня большое впечатление. Я навсегда запомнил его улыбку и выразительные морщинки около глаз, которые появляются, когда он улыбается. От всей фигуры генералиссимуса веет исключительной добротой и дружелюбием» [17].

Корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс Джеймс в своей телеграмме о беседе сообщил: «Генералиссимус Сталин проявил особый интерес к программе британской лейбористской партии, беседуя в течение 2 часов 15 минут с руководителями <...> партии: с профессором Гарольдом Ласки, Морганом Филлипе, Гарольдом Клей и Алисой Бэкон в Кремле вечером 7 августа. Ласки сказал: «Мы обсуждали много вопросов, представляющих общий интерес. Сталин задавал нам много вопросов о программе нашего правительства. Он указал на сходство некоторых задач, стоящих пред нами, и подчеркнул возможность дружбы между нашими двумя странами» [18].

Сообщения других британских корреспондентов имеют много общего с телеграммой Джеймса, при этом практически во всех телеграммах отмечается, что беседа длилась 2 часа 15 минут, что «необычайно для подобного рода визитов» [19].

Накануне отъезда из Москвы, 10 августа, Филлипе, рассказывая о встрече со Сталиным, сказал Солдатову: «Генералиссимус Сталин, беседуя с нами о социализме, указал, что не все страны придут к социализму одним и тем же путем, что возможны различные дороги». Филлипе, как бы иллюстрируя сказанное Сталиным, начал говорить о том, что «лейбористы Англии тоже строят социализм, но идут к нему другой дорогой, чем СССР» [20].

В специальном отчете уполномоченного Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати К. Омельченко содержатся сводки телеграмм, отправленных британскими инкорами Даунтоном, Хандлером, Мидлтоном, Джеймсом и Вертом в связи с пребыванием в Москве делегации Исполнительного комитета Лейбористской партии Великобритании.

В частности, в беседе с Мидлтоном Ласки заявил: «В своем обсуждении мы коснулись многих вопросов, представляющих общий интерес. Сталин спрашивал нас относительно проблем, стоящих перед нашим правительством при выполнении программ. Он отметил сходство задач, стоящих перед нами и советским правительством, и подчеркнул, что возможна дружба между двумя нашими странами» [21].

Другие корреспонденты также отмечали, что И.В. Сталин проявил исключительный интерес к политическим, экономическим и социальным тенденциям в Великобритании и выразил уверенность в возможности подлинной англо-советской дружбы. Во время встречи Сталин «с удовольствием» говорил о Бернарде Шоу и вспоминал его приезд в Москву несколько лет назад [22].

В Сталинграде во время обеда у председателя Сталинградского горсовета Ласки, провозглашая тост, заявил: «Предлагаю выпить за великих лидеров – Генералиссимуса Сталина и Клементя Эттли, под руководством которых будет построен социализм в СССР и в Англии, а затем и во всем мире» [23].

Британская тема была продолжена и в начале 1947 года.

В январе этого года начальнику Генерального штаба Великобритании фельдмаршалу Б. Монтгомери были оказаны почести, которых удостоивались президенты и премьер-министры.

На Центральном военном аэродроме были вывешены государственные флаги, выстроен почетный караул, исполнены гимны Англии и СССР [24].

В период пребывания Монтгомери в Москве планировались: визит к начальнику Генерального штаба ВС Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому (6 января); посещение Высшей военной академии имени Ворошилова (7 января); посещение Большого театра (6 января); обед у И.В. Сталина в честь Монтгомери (10 января).

Проводы проводились по той же схеме, что и встреча [25].

Протокольная служба МИД в Москве внимательно следила за работой своих коллег в столицах союзных республик.

Так, 8 марта 1947 года Ташкент посетила делегация Ливанского и Сирийского общества друзей с СССР, одновременно с которой в столицу Узбекистана прибыл китайский писатель, публицист, переводчик Мао-Дунь, автор 16 прозаических произведений и целого ряда переводов произведений русских и болгарских писателей.

Основная работа по организации приема была возложена на МИД Узбекистана. Во время встречи заместитель министра иностранных дел обратился к гостям из Ливана и Сирии на арабском языке, а к писателю – на английском.

Затем состоялось торжественное собрание по случаю Международного женского дня 8 марта в Театре имени Свердлова. Во время ужина гостям рассказали об успешном развитии в Узбекистане промышленного производства и сельского хозяйства. Особенно было подчеркнуто, что если до революции в республике была только хлопкоочистительная промышленность, то сейчас здесь построены и действуют завод сельхозмашин, Авиационный завод, химический комбинат, металлургический завод, шелкомотальные фабрики и другие предприятия.

До революции 97–98 % населения было неграмотным, в настоящее время 97–98 % населения владеют грамотой. В республике 36 высших учебных заведений.

Следует отметить, что после оглашения этих впечатляющих сведений один из гостей спросил, не является ли все сказанной выше официальной узбекской пропагандой, и заметил, что члены делегации сами в состоянии сделать вывод от всего увиденного в республике [26].

Вероятно, именно с целью развеять сомнения членов делегации на следующий день их пригласили осмотреть Ташкентский текстильный комбинат, построенный в 1934 году, на котором занято 12 500 рабочих (из них 75 % женщин).

Во время войны комбинат произвел свыше 400 миллионов метров тканей. Узнав, что при комбинате есть больница на 350 коек, один из гостей заметил, что во всех больницах Дамаска вряд ли найдется столько больничных мест [27].

В книге посещения гости оставили следующий отзыв: «В Англии, США и других странах, может быть, и имеются такие текстильные комбинаты, но нет никакого сравнения между культурным уровнем рабочих капиталистических стран и рабочих СССР. Это только потому, что комбинат является предприятием рабочего государства и носит имя великого человека – Сталина» [28].

На приеме у министра иностранных дел члены делегации отметили, что заместитель министра вновь, как и при первой встрече, приветствовал их на арабском языке. Они выразили восхищение достижениями узбекского народа в области промышленности и культуры, согласившись со словами министра, что если арабская культура оказала влияние на узбекскую, то и узбекская, в свою очередь, повлияла на культуру арабского мира, Ирана и Индии.

Говоря о помощи узбекскому народу его «старшего брата» – русского народа, министр произнес узбекскую поговорку «Солнца платком не закрыть». В ответ на это поэт Хури сказал, что эта поговорка в арабских странах звучит так: «Солнце можно закрыть, если наши глаза слепы», но у нас нормально со зрением, чтобы убедиться в ваших достижениях» [29].

В целом вся встреча представляла собой обмен любезностями и восторгами по вопросам развития узбекской промышленности и культуры, при этом не обошлось без восхваления личности Сталина и его роли в развитии Узбекистана.

И все же главная идея, которую гости из Сирии и Ливана постоянно подчеркивали в своих выступлениях, – взаимопроникновение и взаимообогащение узбекской и арабской культур в древности. Так, во время посещения Академии наук УзССР, объединявшей 19 научно-исследовательских учреждений, в том числе Институт языка и литературы и Институт восточных рукописей, гости были удивлены тем, что рукописные фонды института занимают по своему масштабу одно из первых мест в мире. В книге посетителей гости из Ливана и Сирии записали, что приятно было найти в отделе редкие рукописи, которые свидетельствуют о выдающихся достижениях арабских ученых в древности, при этом «узбекский народ помогал арабскому народу, дав ему множество выдающихся людей, как, например, Ибн Сину» [30].

Не остался без внимания гостей советский кинематограф. Однако после просмотра кинофильма «Насреддин в Бухаре» (1943) они, в частности, отметили, что фильм им понравился, но в Сирии и Ливане его демонстрировать нельзя, так как в нем критикуют муллу, а это может не понравиться мусульманам [31].

В то же время после посещения женской школы гости отметили «счастливую долю советской женщины, пользующуюся теми же преимуществами, что и мужчины, при исключительно гуманном режиме» [32].

По окончании визита Москва получила из Ташкента отчет, который Молочков счел необъективным, так как в нем не было информации о «неполадках» при организации визита.

Так, по мнению Молочкова, при посещении промышленных объектов гостям предоставлялась слишком конкретная экономическая информация, например, на текстильном комбинате было сообщено о количестве рабочей силы, а на Авиационном заводе – сведения об основной продукции и источниках получения сырья.

Ф.Ф. Молочков также посчитал неуместным после осмотра каждого объекта устраивать для гостей завтрак или обед. В результате сотрудникам МИД предлагалось разъяснить узбекским коллегам, как готовить и проводить приемы иностранных делегаций.

Хотелось бы обратить внимание, что восторженные отзывы гостей не скрыли от Молочкова протокольных ошибок и промахов принимающей стороны в ходе визита. Протокольный отдел МИД в очередной раз продемонстрировал высокий профессионализм, который не зависит от политической конъюнктуры.

Протокольная служба при организации визитов учитывала не только проблемы во взаимоотношениях СССР с государством, лидеры которого прибывали в Москву, но и положение этого государства на международной арене. Так, во время пребывания в СССР председателя Совета министров Албании Энвера Ходжи (4—26 июля 1947 года) были отменены прием в особняке дипломатического корпуса и спектакль в Большом театре ввиду отсутствия дипломатических отношений между Албанией и большинством государств [33].

В 1947 году не поощрялись туристические поездки иностранцев по стране. Так, в сентябре 1947 года польская железнодорожная делегация обратилась в Министерство путей сообщения СССР с просьбой разрешить им посетить на два-три дня Кавказское побережье Черного моря.

Ф.Ф. Молочков предлагает отказать в этой просьбе, так как поездка не носит деловой характер и «принимая во внимание нежелательность разъездов иностранцев по СССР» [34].

В то же время Протокольный отдел в октябре 1947 года разрабатывает программу пребывания в СССР для «прибывающих туристами 10 левых лейбористов – членов английского парламента» [35].

Для «туристов»-лейбористов предусматривалось посещение Кремля, Мавзолея В.И. Ленина, Инструментального завода, московских театров и т. д.

Если лидер государства приезжал в СССР на лечение, то во время встречи ему не оказывались официальные почести (не выстраивался почетный караул, не исполнялись гимны, не вывешивались флаги), но при этом Протокольный отдел разрабатывал программу пребывания, в которую по просьбе гостя могли быть включены встречи с первыми государственными и политическими деятелями СССР, контролировал условия, в которых проходило лечение.

Так, во время нахождения на лечении в СССР премьер-министра МНР Х. Чойбалсана (июнь 1947 года), прибывшего вместе с женой, сыном, дочерью и братом, для него была составлена не только обширная культурная программа в Ленинграде и разработан и организован отдых и лечение на Рижском взморье, но и устроен прием в его честь в Москве. Следует отметить, что время пребывания Чойбалсана в СССР 15 июня в Москве состоялась свадьба заместителя премьер-министра МНР Ю. Цеденбала, на которую был приглашен Ф.Ф. Молочков с супругой. Начальник Протокольного отдела МИД уклонился от приглашения, но от министерства новобрачным были отосланы цветы и хрустальная братина [36].

В 1948 году в СССР прибывают правительственные делегации социалистических стран: 15 января в Москве встречали польскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром Ю. Циранкевичем (с супругой); 31 января – румынскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром П. Грозой (с супругой); 16 февраля – венгерскую правительственную делегацию во главе с президентом К. Золтаном (с супругой); 10 марта – болгарскую правительственную делегацию во главе с Председателем Совета министров Г. Димитровым (с супругой). Правительственная делегация Чехословакии во главе с премьер-министром А. Потоцким находилась в Москве с 8 по 14 декабря 1948 года.

В связи с тем, что лидеры всех упомянутых государств прибывали в Москву с супругами, при встрече от имени супруги В.М. Молотова дамам преподносились цветы, для них готовилась специальная программа с посещением детского дома и яслей, детского сада, ателье мод.

В целом в программу визита входили осмотр Кремля и метрополитена, Мавзолея В.И. Ленина, фабрики «Красный Октябрь», Завода имени Сталина. В Большой театр делегации не всегда отправлялись в полном составе. Так, в то время, когда супруга президента Венгрии смотрела балет «Лебединое озеро», ее супруг находился на обеде у И.В. Сталина [37]. Можно предположить, что подобная практика существовала и во время других вышеупомянутых визитов, так же как и прием-чай у Молотовой для жен членов делегации [38].

Результатом переговоров во время визитов в СССР лидеров социалистических стран стало появление 25 января 1949 года межправительственной экономической организации стран Центральной и Юго-Восточной Европы – Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), который был создан по решению совещания шести государств – Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии.

Важным событием 1948 года являлся также визит в СССР финляндской правительственной делегации во главе с премьер-министром М. Пеккала. Цель визита – подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи [39]. Через два года финская правительственная делегация вновь пребывает в Москву.

Премьер-министра Финляндии Урхо Кекконена 9 июня 1950 года на Ленинградском вокзале встречали Микоян, Громыко и другие члены правительства. На вокзале был выстроен почетный караул, вывешены советские и финские флаги, исполнены гимны Финляндии и СССР.

Во время встречи Урхо Кекконен сделал заявление, в котором отметил, что его прибытие в Москву связано с «важным для нас, финнов, событием: с подписанием Финляндско-Советского торгового соглашения» [40].

Далее финский премьер-министр сказал, что сердечно рад участвовать в подписании долгосрочного торгового соглашения, которое должно укрепить «вечный благословенный мир между великим Советским Союзом и его северным соседом – Финляндией, чему генералиссимус Сталин в своей речи при подписании договора о дружбе 7 апреля 1948 года посвятил для нас, финнов, памятные, ценные и мудрые слова» [41].

В Москве Кекконен встречался с И.В. Сталиным и А.И. Микояном, присутствовал на открытии сессии Верховного Совета СССР [42].

В честь гостя Сталиным был дан обед в Кремле, а также завтрак у Микояна и Громыко в «Национале». Во время визита гость совершил путешествие по Каналу имени Москвы, посетил Мавзолей, выставку подарков Сталину в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Строительную выставку.

Уезжая из Москвы, премьер-министр заявил, что 5-летнее торговое соглашение, подписанное в Москве, является крупнейшим соглашением, когда-либо заключенным Финляндией, что обеспечит работой десятки тысяч финских рабочих [43].

В случае, если визит носил так называемый «особый характер», как было, например, в 1951 году во время визита премьер-министра Албании Энвера Ходжи в СССР, то гостя встречали в Одессе заведующий Протокольным отделом, представители МИД СССР, в Москве – заместитель начальника Генштаба, флаги не вывешивались, почетный караул не выстраивался, корреспонденты на встречу не приглашались.

Программа пребывания составлялась с учетом пожеланий премьер-министра, который захотел посетить Ленинград и Сталинград, где был поражен темпами восстановления города. В Москве Ходжа встречался с посланниками Албании [44].

Если известный государственный или общественный деятель прибывал в Москву с неофициальным визитом, например в качестве гостя посла, аккредитованного в Москве, то и в этом случае Протокольный отдел участвовал в разработке программы, так 26 марта 1951 года в Москву с мужем прибыла председатель Европейской экономической комиссии (ЕЭК) Карин Кок в качестве гостя шведского посла.

В честь Карин Кок, весьма хорошо осведомленной о положении дел в ЕЭК, в «Национале» был дан протокольный завтрак, кроме этого Карин Кок с супругом и шведский посол с супругой были приглашены на один из спектаклей [45].

В апреле 1951 года, учитывая характер советско-китайских отношений того времени, в отступление от существующей практики в Москве посла КНР встречали заместитель министра иностранных дел, заместитель Моссовета, комендант Москвы и т. д. [46].

Для лидеров государств социалистического лагеря постепенно становится традицией приезжать в СССР всей семьей на отдых и лечение. Несмотря на неофициальный характер таких поездок, Протокольный отдел тщательно разрабатывал программу пребывания гостей и следил за ее выполнением.

Так 16 сентября в Москву из Бухареста вылетел председатель Совета министров Румынской Народной Республики П. Гроза с семьей, так как поездка носила неофициальный характер, то фамилия Вышинского вычеркнута из состава встречающих [47].

Гостей встречали два представителя МИД. В один из дней своего пребывания в Москве Гроза играл в теннис на стадионе «Динамо», побывал на стройке МГУ, вечером посмотрел кинофильм «Цветущая Украина».

Он нанес визит Ворошилову, во время встречи премьер-министр сказал, что напишет книгу о поездке в Советский Союз, а в Бухаресте будет выступать с докладом.

В Сочи Гроза ежедневно купался в море, поднялся на гору Ахун, после одного из концертов московских артистов в Сочинском театре он заметил, что обязательно напишет в книге о процветании искусства в СССР [48].

Возвращаясь из Сталинграда в Москву, Гроза выразил желание встретиться со Сталиным и Молотовым, но встреча не состоялась, так как Сталин и Молотов были в это время в отпуске [49]. 15 октября Гроза вылетел в Румынию.

После поездки в Сочи премьер-министр сказал дочери (сотруднице румынского МИД), чтобы она записала, как внимательно относятся в СССР к гостям, что «надо поучиться у советских товарищей в этом отношении» [50].

Обмен приветствиями и поздравлениями по случаю национальных праздников – важная составляющая дипломатического протокола. 1 октября 1951 года Протокольный отдел сообщил, что по случаю 34-й годовщины революции временный поверенный в делах США Камминг прислал письмо с приветствием на имя Шверника от своего имени, а не от имени президента США. В связи с тем, что ответ на приветствие из Москвы по случаю национального праздника США 4 июля был получен посольством лишь 17 июля, то есть спустя 13 дней, и подписан исполняющим обязанности начальника Протокольного отдела Государственного департамента,

предлагалось ответить на приветствие Камминга с задержкой на 13 дней за подписью заведующего Протокольным отделом Кулаженкова [51].

В документах фонда Протокольного отдела фамилия Г.К. Жукова встречается редко, поэтому любое упоминание в них Маршала Советского Союза представляет ценность, так, 18 июня 1951 года датирован документ, в котором сообщается, что 22 июля в Варшаву на торжества по случаю национального праздника Возрождения Польши вылетает советская правительственная делегация: «В.М. Молотов, маршал Советского Союза С.К. Жуков (выделено автором)» [52].

Жукова и Молотова провожали в Варшаве председатель Совета министров Польши, маршал сейма, маршал Польши К. Рокоссовский, члены политбюро Польской объединенной рабочей партии и другие официальные лица. Был выстроен почетный караул и исполнены гимны СССР и Польши [53].

В настоящее время трудно утверждать, что ошибка в написании инициалов Жукова не была случайностью, но очевидно, что не в Москве, а в Варшаве маршал удостоился заслуженных протокольных почестей.

Приложение

В августе 1950 года Москву посетил министр иностранных дел Чехословакии В. Широкий, в апреле – делегация республики Соединенных Штатов Индонезии, прибывшая для ведения переговоров об обмене дипломатическими миссиями, в том же году в СССР прибыли министр иностранных дел ГДР с женой для проведения отпуска и венгерский премьер-министр для лечения [54].

9 января 1951 года Москву посетила польская правительственная делегация во главе с заместителем премьер-министра Завадским. Гости осмотрели Всесоюзную строительную выставку, стройку МГУ, музей Ленина в Горках, присутствовали на торжественно-траурном заседании, посвященном памяти В.И. Ленина, посмотрели балет «Бахчисарайский фонтан» в Большом театре. В честь польской делегации Вышинский, который участвовал во встрече и проводах (16 февраля), дал обед в «Национале» [55].

Глава 3

1950-е годы

Мы навсегда сохраним дорогие воспоминания о проявленных к нам дружеских чувствах советского народа, которые являются выражением чувств дружбы и симпатии к иранскому народу.

Из телеграммы шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви К.Е. Ворошилову 11 июля 1956 года

1950-е годы

Визиты председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуна и премьер-министра Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая (1950–1952, 1957)

Об установлении дипломатических отношений с КНР советское правительство заявило 2 октября 1949 года, практически на следующий день после образования Китайской Народной Республики.

СССР и КНР были заинтересованы в совместном военнополитическом альянсе, но при этом страны не обладали достаточной информацией о позициях друг друга в области международных отношений. В этот период политика была сильно «персонифицирована», то есть личностный фактор имел огромное значение. От характера отношений между лидерами государств во многом зависел характер отношений между странами. Началом нового этапа в истории советско-китайских отношений стал визит китайской правительственной делегации в СССР в конце 1949 – начале 1950 года.

Председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун прибыл в Москву 16 декабря 1949 года в сопровождении члена ЦК ККП, профессора Чен Бода, политического секретаря Ши Чшэ, генерал-майора адъютанта Ван Дунсина, личного секретаря Е Цзелуна (в состав делегации, помимо перечисленных лиц, входили шифровальщик, стенографистка, охранник, повар) [1].

Члены делегации были размещены на даче по Дмитровскому шоссе. В тот же день Мао Цзэдун был принят И.В. Сталиным, 70-летие которого отмечалось 21 февраля на торжественном заседании в Большом театре. Мао Цзэдун был приглашен в президиум [2].

До своего отъезда в Ленинград китайский лидер был принят Н.М. Шверником (11 января), в тот же день он посетил Мавзолей В.И. Ленина.

15 января Мао Цзэдун прибыл в Ленинград в сопровождении посла КНР в СССР Ван Цзясяна и профессора Чен Бода.

На вокзале, украшенном государственными флагами КНР и СССР, Мао Цзэдуна встречали председатель Ленсовета А. А. Кузнецов, секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов и др.

В Ленинграде Мао Цзэдун посетил Кировский машиностроительный завод, осмотрел передний край обороны Ленинграда в период Великой Отечественной войны, а также присутствовал в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова на балете «Баядерка».

16 января Мао Цзэдун выехал в Москву. На вокзале делегацию встречали заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, посол СССР в КНР Н.В. Рошин, и. о. заведующего 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР П.А. Бушуев и состав посольства КНР в Москве (вокзал был украшен флагами КНР и СССР) [3].

20 января в Москву прибыл премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай, заместитель председателя Маньчжурского правительства Ли Фучунь, министр внешней торговли КНР Е Цзичжуань и др. (всего 18 человек). Как и Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай был принят Н.В. Сталиным, возложил венок к Мавзолею В.И. Ленина.

А.Я. Вышинский дал обед в честь Чжоу Эньлая, по окончании которого Мао Цзэдун (на обеде не присутствовал) и Чжоу Эньлай посетили Авиазавод № 23, а на следующий день – Завод имени Н.В. Сталина. Что касается объектов сельского хозяйства, то во время пребывания в Москве Мао Цзэдун (13 февраля) посетил колхоз «Луч» Красногорского района Московской области, а вечером весь состав китайской делегации присутствовал в Большом театре на балете «Лебединое озеро» и осматривал метро [4]. Следует отметить, что количество приемов в честь китайского лидера и членов делегации превышало число посещений промышленных предприятий.

9 февраля Н.М. Шверник устроил прием в Большом Кремлевском дворце в честь Мао Цзэдуна, на котором с китайской стороны присутствовали Чжоу Эньлай, посол КНР в Москве и другие члены делегации, а также главы дипломатических миссий и министры торговли большинства социалистических стран. С советской стороны – члены правительства, представители общественности, прессы, деятели науки и искусства [5]. За подготовку и проведение приемов отвечал Протокольный отдел МИДа. Работа сотрудников отдела непосредственно в день приема делилась на два этапа: съезд гостей и начало приема.

Так, на приеме у Шверника обязанности сотрудников Протокольного отдела распределялись следующим образом: на первом этапе (съезд гостей) по одному человеку находилось в первой гостиной (встреча гостей) и в приемной перед гостиной, где принимал Шверник. Гости представлял Швернику Молотов. Приглашенных встречали в коридоре, направляли в гостиные и «руководили уплотнением в гостиных» два человека. На втором этапе примерно в 9:15 все прикрепленные по гостиним освобождали проход для Шверника и Мао. Как только Шверник и Мао пройдут в столовую, два человека должны занять первый проход, а еще два человека – второй проход. Остальные приглашали гостей в общую столовую [6].

На приеме у Шверника для руководства СССР и Китая, а также для дипломатических работников был накрыт отдельный стол на 40 мест (представители советского правительства были приглашены с женами) [7]. А для «остальных» (редакторов газет и журналистов, писателей, архитекторов, художников, композиторов, художественных руководителей театров, артистов, работников кино и т. д.) – стол а-ля фуршет в большой столовой («остальные» приглашались без жен) [8].

На приеме 14 февраля, устроенном китайским послом в «Метрополе», присутствовали И.В. Сталин, Н.М. Шверник, В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, А.Я. Вышинский и другие члены правительства. В числе гостей были послы большинства социалистических государств [9]. Академию наук СССР представляли С.И. Вавилов, И.П. Бардин, В.П. Волгин, А.В. Торчиев. На прием были приглашены редакторы газет и журналов («Правда», «Известия», «Новое время», «Литературная газета»); писатели (А.А. Фадеев, К.М. Симонов, С.В. Михалков, А.А. Сурков, А.В. Сафронов, Л.М. Леонов, М.Я. Аплетин, Б.Н. Полевой, А.А. Первенцев, М.С. Бубеннов); архитекторы (Н.П. Плотников, В.И. Светличный); художники (Ф.Ф. Федоровский, Д.А. Налбадян, В.П. Ефанов, Г.Г. Ряжский); композиторы (Т.Н. Хренников, Л.Н. Оборин, Д.Ф. Ойстрах, Д.Б. Кабалевский, Р.М. Глиэр, Д.Д. Шостакович, Н.С. Голованов); художественные руководители театров и артисты (К.А. Зубов, М.Н. Кедров, Н.П. Охлопков, Е.П. Гоголева, О.В. Лепешинская, И.С. Козловский, А.И. Тарасова, И.А. Моисеев, Н.А. Казанцева, Г.В. Барина, В.П. Марецкая, А.С. Пирогов, М.И. Царев, Р.Н. Симонов, М.И. Жаров, Н.Д. Шпиллер); «работники кино» (С.А. Герасимов, Т.Ф. Макарова, Л.В. Варламов, Б.Ф. Андреев, Л.В. Косматов, И.А. Пырьев, М.А. Ладынина, М.Э. Чиаурели, В.И. Пудовкин) [10].

Приглашение на прием в Кремль для представителя творческой профессии означало, что его талант по достоинству оценен партией и народом, приглашенные – элита советского общества.

На обеде 16 февраля у И.В. Сталина в честь Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая круг участников был ограничен членами правительства: представители дипломатических миссий и общественности не были приглашены.

За время пребывания делегации в Москве с 16 декабря 1949 по 17 февраля 1950 года для членов делегации (имеется в виду не ближайшее окружение Мао) было организовано 19 экскурсий, а с 17 февраля по 19 марта для оставшихся в Москве 18 членов делегации – 8 экскурсий. Всего для членов китайской делегации было организовано 27 экскурсий, в том числе в МГУ, в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, в Политехнический музей, на Завод имени И. Сталина, на завод «Красный пролетарий», на завод «Серп и Молот», экскурсия в метрополитен, на комбинат газеты «Правда», в Исторический музей, в Третьяковскую галерею и др. [И]. За этот же период для членов делегации были организованы просмотры 24 спектаклей, а именно: в ГАБТ («Красный мак», «Князь Игорь», «Руслан и Людмила», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Кармен»); во МХАТе («Иван Грозный», «Анна Каренина», «Глубокая разведка»); спектакли в театре оперетты, в Театре имени Станиславского, представления в Кукольном театре и Госцирке. Кроме того, с 16 декабря по 19 марта в «Зарядье» и в гостинице «Москва» китайским гостям показали 23 киножурнала и 46 кинокартин [12].

Главным событием визита Мао в СССР стало подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР 14 февраля 1950 года. При подписании договора присутствовали Сталин, Молотов, Микоян, Вышинский, Громыко и др. С китайской стороны – Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Ван Цзясян, Ли Фучунь, Чен Бода, Ши Чшэ.

Договор 1950 года обязал стороны «не принимать участия ни в каких альянсах, группировках, действиях или других мероприятиях, направленных против каждой из двух стран». В случае агрессии против каждой из сторон другая сторона должна представить своему союзнику военную и прочую помощь [13]. Одновременно с договором было подписано соглашение о китайской чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем. Согласно этому документу, СССР надлежало передать права на использование и управление железной дорогой, советские военные базы в Порт-Артуре и Дальнем, при этом стороны согласились на передачу только после подписания мирного договора с Японией, что могло произойти не ранее чем в конце 1952 года [14].

17 февраля Мао, Чжоу Эньлай, профессор Чен Бода и др. (всего 13 человек) выехали из Москвы в Китай.

По пути следования из Москвы до границы Мао Цзэдун и сопровождавшие его лица, по их желанию, останавливались в Свердловске, Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске и Чите. Гости побывали на промышленных предприятиях и в некоторых культурных учреждениях [15]. Что касается промышленных объектов, то они посетили, в частности, Уралмашзавод в Свердловске, Омский завод авиамоторов № 29, Авиазавод имени В.П. Чкалова в Новосибирске, Красноярский завод по производству самоходных комбайнов [16].

26 февраля председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун, премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел Чжоу Эньлай и сопровождающие их лица выехали из СССР на родину.

На пограничной станции правительственную делегацию КНР провожали: заместитель министра иностранных дел СССР А.И. Лаврентьев, заведующий Протокольным отделом МИД СССР Ф.Ф. Молочков, председатель Читинского облисполкома П.Ф. Ушев и представители командования Забайкальского военного округа. При проходах был выстроен почетный караул. Станция была украшена флагами СССР и КНР [17].

Подъезжая к границам СССР и КНР, Мао Цзэдун передал Сталину телеграмму, в которой благодарил «за теплое и любезное гостеприимство». Телеграмму с признательностью за прием отправил на имя министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского и Чжоу Эньлая [18]. Он вновь посетил СССР 17 августа 1952 года в сопровождении 52 человек. В состав делегации входили заместитель премьера Государственного совета Чэнь Юнь, заместитель председателя Финансово-экономического комитета Ли Фучунь, заместитель начальника Генерального штаба Народно-революционного военного совета Су Юй, а также министры тяжелой и топливной промышленности, командующий ВВС Китая, заместитель командующего военно-морским флотом, заместитель командующего артиллерией Китая и другие представители военного командования КНР. На аэродроме гостей приветствовала рота почетного караула, прозвучали

гимны КНР и СССР. С советской стороны во встрече участвовали В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, А.Я. Вышинский и другие члены правительства [19].

На аэродроме Чжоу Эньлай произнес речь, в которой отметил, что Договор о дружбе, заключенный в 1950 году между СССР и КНР, является «демонстрацией прочной, нерушимой дружбы между народами двух великих государств» [20]. Чжоу Эньлай в своем выступлении отметил, что этот союз гарантирует мир на Дальнем Востоке и во всем мире, блестящие победы СССР в деле строительства коммунизма – достояние всех миролюбивых народов [21].

От имени Мао, китайского правительства и народа Чжоу Эньлай поблагодарил за братскую бескорыстную помощь, которую Китайской Народной Республике оказывает советское правительство и советский народ «под руководством генералиссимуса Сталина <...>. Да здравствует лучший друг китайского народа, великий учитель трудящихся всего мира, товарищ Сталин!» [22].

С 17 августа до 22 сентября китайские представители были приняты Вышинским и Сталиным, побывали на стадионе «Динамо» на розыгрыше первенства мира по волейболу, участвовали 28 августа во встрече на Центральном аэродроме премьер-министра МНР Ю. Цеденбала.

В Сталинграде Чжоу Эньлай вместе с 22 членами делегации возложил венок на могилу павших героев-защитников Сталинграда, посетил Музей обороны Сталинграда, Транспортный завод, завод «Красный Октябрь», совершил поездку по Волго-Донскому каналу имени В.И. Ленина с осмотром водонасосной станции. Вернувшись в Москву, китайские гости были приглашены в Кремль на обед, который дал Сталин в честь Чжоу Эньлая [23].

22 сентября Чжоу Эньлай и часть делегации (30 человек) вылетели из Москвы в Пекин. Порядок протокольных мероприятий при проходах был таким же, как и при встрече. С советской стороны присутствовали В.М. Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, А.Я. Вышинский и др. [24] (В Иркутске на аэродроме, украшенном флагами КНР и СССР, был выстроен почетный караул.)

В день отлета был окончательно утвержден список подарков государственным деятелям и правительственной делегации КНР, правительственной делегации МНР и государственным деятелям КНДР (см. раздел «Подарки»).

Китайское руководство не преминуло воспользоваться благоприятной для себя ситуацией, чтобы тщательно изучить плановую работу, технологию и организацию производства советских промышленных предприятий, что выходило за рамки обычной экскурсии в рамках официального визита [25].

Так, еще до отлета Чжоу Эньлая в Пекин (8 сентября) делегация КНР просит разрешения посетить заводы «Серп и молот», «Калибр», «Красный пролетарий», 1-й шарикоподшипниковый завод и автозавод ЗИС, завод «Динамо» [26].

13 сентября Вышинскому передают просьбу китайских товарищей, желающих побывать на 1-м Московском часовом заводе, теплостанции и заводе «Мосгаз» (на эту просьбу Вышинский дает положительный ответ 16 сентября).

С 26 по 30 сентября группа сотрудников правительственной делегации КНР побывала в Свердловске, Каменск-Уральске, Нижнем Тагиле и Первоуральске, где посетила Уралмашзавод, Свердловский политехнический институт, Завод пластмасс в Нижнем Тагиле, Новотрубный завод имени Сталина в Первоуральске [27].

Практически в это же время, с 25 по 29 сентября, китайские товарищи, находясь в Сталинграде, изъявили желание осмотреть «Сталинуголь», «Сталиншахтострой», побывали в Горловке на Заводе горного машиностроения имени Кирова [28].

На 1 ноября 1952 года в Москве из 66 членов делегации осталось 27 человек, дата отъезда которых из СССР была неизвестна. Между тем советское правительство продолжало получать просьбы о посещении членами делегации промышленных объектов.

Так, 21 ноября поступает заявка на посещение завода «Серп и молот», Медеплавильного завода, заводов воздушных компрессоров, красителей, Нефтеперегонного завода, Завода по изготовлению нефтеперерабатывающего оборудования, главка Московского угольного бассейна, Завода электроламп и радиоламп, Научно-исследовательского института по технике безопасности, угольных шахт [29].

Таким образом, китайские товарищи просили у советского правительства разрешения на посещение предприятий, многие из которых являлись стратегическими объектами. Несмотря на это, им была предоставлена такая возможность.

В декабре представители правительственной китайской делегации, разбившись на группы, начали изучение промышленных объектов в разных городах страны.

15 декабря первая группа в составе замначальника управления по производству средств связи министерства тяжелой промышленности, заместителя начальника Главного управления по производству вооружения и боеприпасов 2-го министерства машиностроения и переводчика посетила Московский электроламповый завод. В цехе тугоплавких сплавов гости ознакомились с технологическими процессами получения чистого металла (вольфрама, молибдена и т. и.), при этом китайцы сделали записи формул некоторых реакций по получению чистого вольфрама. Гости задавали много конкретных вопросов, касающихся отдельных стадий производства, осмотр цеха продолжался более четырех часов [30]. На следующий день группа посетила сборочные цеха осветительных ламп, радиоламп, люминесцентных ламп, где ознакомились с технологией их изготовления.

В цехе сборки люминесцентных ламп гости особенно заинтересовались лампой ультрафиолетового облучения. В течение пяти часов специалисты завода отвечали на их вопросы [31].

17 декабря в Тулу прибыла группа в составе начальника планового управления министерства топливной промышленности КНР, заместителя начальника Управления угольной промышленности Северо-Восточного Китая и переводчиков. После краткой беседы в Управлении комбината «Тулауголь» с представителями комбината группа выехала в город Скуратове, в Управление треста «Скуратовоуголь», в беседе с управляющим которого был согласован план осмотра шахт и других объектов. 18 декабря после тщательного изучения работ по добыче угля одной из шахт треста китайцы отметили, что в шахте имеется вентиляция и освещение лампами дневного света. Хорошие условия работы и высокая механизация труда произвели на них сильное впечатление [32]. После обеда группа посетила Скуратовское горно-техническое училище и скуратовскую десятилетку. Изучение образовательных учреждений продолжилось и на следующий день. В Тульском горном техникуме гости интересовались организацией учебного процесса, осматривали аудитории, лаборатории и т. д. На китайцев большое впечатление произвело оборудование учебных кабинетов, особенно действующие модели угледобывающих машин и оборудования. В этот же день группа ознакомилась с работой угольного комбината «Донбасс» на одной из шахт треста [33].

20 декабря китайские товарищи посетили Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, могилу писателя, дом для детей-сирот шахтеров в городе Щекино [34], а также осмотрели общежитие шахтеров треста «Скуратовоуголь» и побывали в гостях у одного из работников шахты. У главного инженера треста гости интересовались структурой управления трестом, шахтой, планированием работы шахты на протяжении суток, вопросами себестоимости продукции, заработной платой и т. д.

21 декабря группа выехала в Москву, остановившись по пути в комбинате «Тулауголь», где поблагодарила руководство комбината за оказанный прием и за предоставление ценных сведений по организации угольной промышленности. При этом китайцы (особенно замначальника Управления угольной промышленности Северо-Восточного Китая Ло Вэй) проявили заметный интерес к подземной газификации угля [35].

23 декабря члены делегации в составе начальника отдела тяжелой промышленности Планового управления финансово-экономического комитета Центрального народного правительства КНР, начальника Планового управления министерства топливной промышленности и переводчика посетили цеха московского завода «Компрессор», где ознакомились с технологическими процессами. В цехе сборки компрессоров китайцы сообщили, что у них на Родине имеется некоторое количество компрессоров, закупленных в СССР, и дали им высокую оценку. На встрече с директором гости интересовались вопросами планирования производства машин новых типов, их конструированием, составом рабочих, степенью их квалификации, подготовкой рабочих кадров и т. д. [36]. С учетом того, что в Китае строился завод по производству компрессоров, опыт по организации производств являлся для китайских представителей весьма ценным.

С 17 по 25 декабря группа в составе сотрудника министерства тяжелой промышленности КНР, заместителя начальника управления промышленности вооружений и боеприпасов, заместителя начальника управления авиастроения и переводчика находилась в Сталинграде с целью ознакомления с планированием и организацией производства на металлургическом заводе «Красный Октябрь». Директор предприятия рассказал о помощи партийной, комсомольской и профсоюзной организации руководству, об организации капитального строительства. В результате поездки гости получили «исчерпывающие ответы на все вопросы, поставленные ими за время пребывания на заводе» [37].

15 декабря группа сотрудников китайской делегации посетила Министерство трудовых резервов СССР [38]. Заместитель министра рассказал о функциях и структуре министерства, о типах ремесленных училищ, о государственном материальном обеспечении учащихся, о воспитательной работе. «Большое впечатление у нас оставила, – говорили члены делегации, – тесная связь теоретического обучения с производственным обучением в ремесленных училищах, <...> нам теперь понятно <...> какое глубокое содержание имеет лозунг т. Сталина: «кадры решают все» [39].

Китайские гости посетили не только промышленные предприятия, но и культурные учреждения. Так, на 7 января им были предоставлены билеты на елку в Колонный зал Дома Союзов, а 14 января 1953 года они обратились с просьбой организовать (16 января) посещение ГАБТа (балет «Ромео и Джульетта») [40].

Судя по документам, в апреле работа китайской правительственной делегации приближалась к концу, в этом месяце они изъявили желание увидеть один из подмосковных колхозов и совхоз по разведению пушного зверя [41]. Точную дату отъезда китайских гостей на Родину установить не удалось, но 28 апреля они обратились с просьбой предоставить им пропуска на Красную площадь на 1 Мая [42].

Можно только представить, какой колоссальный объем работы пришлось выполнить сотрудникам Протокольного отдела МИД при подготовке визитов многочисленных групп китайских товарищей (действующих независимо друг от друга) в советские города, по возвращении из которых гости требовали к себе внимания в Москве.

Путешествуя по СССР, китайские гости не просто знакомились, а тщательно изучали технологические процессы и организацию производства на ведущих промышленных предприятиях. В этом отношении правительство СССР продемонстрировало невиданную щедрость по отношению к КНР.

Следующий визит в Советский Союз премьера Государственного совета КНР и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая состоялся уже после смерти Сталина, в 1957 году, и носил по сравнению с 1952 годом скорее представительский характер, мало отличаясь от визитов других государственных деятелей социалистических стран в СССР, во всяком случае он обошелся без «промышленного десанта» 1952 года.

7 января делегация вылетела из Пекина в Иркутск. Несмотря на сильный мороз, на аэродроме, украшенном государственными флагами КНР, СССР и РСФСР, транспарантами на китайском и русском языках, гостей встречали более тысячи трудящихся города. На аэродроме был выстроен почетный караул, прозвучали гимны двух стран.

В тот же день делегация вылетела в Омск, а оттуда в Москву, где Чжоу Эньлай и сопровождающих его лиц на аэродроме встречали Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович и другие члены правительства, а также главы иностранных дипломатических представительств [43]. Государственные флаги КНР и СССР, а также транспаранты на русском и китайском языках украшали не только аэродром, но и улицы, ведущие от аэродрома до Кремля, где находилась резиденция делегации.

С 7 по 11 января китайские товарищи участвовали в переговорах в Кремле, посетили МГУ, аэродром в Кубинке, Высшую военную академию имени Ворошилова, новогоднюю елку во Дворце спорта, ГАБТ и бал спортсменов-олимпийцев в БКД, на котором присутствовали Владимир Куц, Лариса Латынина и другие известные советские спортсмены, а также зарубежные спортсмены, возвращавшиеся к себе на родину из Мельбурна [44].

11 января делегация отбыла в ПНР, оттуда вылетела в Венгерскую Народную Республику и 17 января вернулась в Москву, где в БКД состоялся митинг дружбы между народами СССР и

Китая, а затем подписание совместной советско-китайской декларации (18 января). На этом визит был завершён, делегация вылетела в Ташкент [45].

Следует отметить, что каждый визит правительственной делегации КНР в СССР завершался подписанием важных правительственных соглашений. Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи от 14 февраля 1950 года, по сути, официально оформил советско-китайский военно-политический альянс против США и их союзников. В этот период главным в отношениях между СССР и Китаем был не геополитический, а идеологический фактор. Сталин сомневался в верности Мао идеям марксизма: «Мао как редиска. Он только снаружи красный, а внутри белый». После установления власти КПК над всем Китаем в 1949 году и визита Мао в СССР эти сомнения уходят на второй план. Наступает период «вечной дружбы», который продлился всего 10 лет. За это время Китай получил от СССР громадную экономическую помощь.

Визит Чжоу Эньлая в 1952 году, во время которого китайцы «инспектировали» советские промышленные предприятия, подготовил почву для подписания в апреле 1956 года соглашения об оказании СССР помощи КНР в развитии промышленности. Соглашение предусматривало строительство в Китае 55 новых предприятий, среди которых – металлургические, машиностроительные, химические заводы, предприятия электротехнической и радиотехнической промышленности, по производству искусственного волокна и пластмасс, электростанции, научно-исследовательские институты авиационной промышленности [46].

После очередного визита Чжоу Эньлая в январе 1958 года в Москве КНР и СССР заключили соглашение о совместном проведении исследований в области науки и техники и об оказании Советским Союзом помощи Китаю в этой работе.

Но экономическое сотрудничество не исключало политического соперничества двух стран. После смерти Сталина Мао стал претендовать на роль вождя мирового коммунистического движения и подталкивать СССР к проведению жесткой политики по отношению к Западу. Экономика не в состоянии спасти отношения государств с разной системой ценностей.

В 1960 году Н.С. Хрущев, раздраженный критикой со стороны китайцев, приказал отозвать из страны всех технических специалистов. Только после смерти Мао в 1976 году страны начали предпринимать действия, направленные на сближение в отношениях друг к другу, сотрудничество, а не на конфронтацию.

Визиты в СССР Индиры Ганди, председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена, церковной делегации из СССР в Болгарию, парламентских делегаций Финляндии и Великобритании, правительственной делегации Германии во главе с федеральным канцлером Аденауэром, министра иностранных дел Канады Пирсона

16 июня 1953 года в Протокольном отделе МИД СССР состоялась встреча со вторым секретарем посольства Индии, на которой обсуждалась программа пребывания в СССР дочери премьер-министра Индии Неру – Индиры Ганди. С учетом пожеланий индийской стороны и лично Индиры Ганди был доставлен план визита:

– в Москве планировалось (с 26 июня по 1 июля и с 17 июля по 27 июля) посещение Кремля, метрополитена, МГУ, Дома детской книги, родильного дома, яслей, Мосгорздравотдела, пионерского лагеря «Красная Пахра», мужской средней школы № 315, хореографического училища ГАБТа, мастерских советских художников на улице А.М. Горького, Третьяковской галереи, Музея истории и реконструкции Москвы, Ясной Поляны, Загорска, ГАБТа, МХАТа, Центрального театра кукол, ЦПО имени А.М. Горького [1];

– в Ташкенте (с 20 по 6 июля и 9 июля) – Дворца пионеров имени И.В. Сталина, хлопкозаводского колхоза имени Кагановича, племенного совхоза, консерватории, Театра оперы и балета и т. д. [2];

– в Самарканде (с 6 по 8 июля) – исторических памятников;

– в Тбилиси (с 9 по 12 июля) – Дворца пионеров, детской железной дороги, музеев города;

– в Сочи (с 13 по 16 июля) – остановка в санатории Минздрава, осмотр курорта Мацеста.

Из Сочи индийская делегация отправилась в Ленинград, где посетила Дворец пионеров, Эрмитаж, Русский музей, Театр Оперы и балета имени С.М. Кирова, Петродворец [3].

В поезде Ганди сопровождал помощник заведующего Протокольным отделом Кубышкин, который сообщал о путешествии в своих донесениях Вышинскому.

Так, 6 июля он проинформировал Вышинского, что в Самарканде Ганди «отбросила сдержанность, ведет за столом разговоры, чаще дает положительные отзывы о виденном» [4].

На завтраке в присутствии председателя горисполкома она провозгласила тост за «исторические связи СССР и Индии, за дружбу и дальнейшие культурные связи» [5].

Из Ташкента (8 июля) Кубышкин сообщал, что на обеде индусы провозгласили пять тостов, а мы – семь. Ганди подарили узбекское платье, ее детям по халату и тубетейке.

Во время путешествия Кубышкин подробно сообщал в Москву о всех деталях поездки. Так, 11 июля Москва корректирует список приглашенных на обед в Тбилиси, сократив его до 20 человек. 23 июля заместитель заведующего Протокольным отделом В. Постоев вручил в индийском посольстве Ганди от В.М. Молотова и его супруги картину Невежина «Вечер». К картине была приложена визитная карточка В.М. Молотова.

В период подготовки визита (начиная с 3 августа 1953 года) в СССР председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена Протокольный отдел МИД занимался формированием поезда, контролировал изготовление флагов КНДР, пригласительных бланков, бронированием номеров и т. д. [6].

10 сентября в Протокольном отделе были распределены обязанности сотрудников во время встречи корейской делегации на Ярославском вокзале.

Заведующий Протокольным отделом Д. Жуков должен был находиться с руководством СССР; один человек отвечал за связи с дипкорпусом, один – за дежурство в отеле, один – за флаги и т. д. [7].

На вокзале в Москве председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена, заместителя председателя ЦК Трудовой партии Кореи Пан Деи Ая и других встречали первый заместитель председателя Совета министров СССР и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, первый заместитель председателя Совета министров СССР и министр обороны СССР Н.А. Булганин, заместитель председателя Совета министров и министр торговли СССР А.И. Микоян, министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов, заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, председатель Моссовета М.А. Ясков, ответственные сотрудники МИД и Министерства внешней торговли [8].

Во встрече принимали участие также послы Венгрии, Китая, Румынии, Польши, Чехословакии, Албании, Монголии, Вьетнама.

На вокзале был выстроен почетный караул, вывешены государственные флаги СССР и КНДР, исполнены гимны двух стран [9].

На Ярославском вокзале во время торжественной встречи Ким Ир Сен произнес речь, в которой отметил роль советского народа в освобождении Кореи от колониального угнетения «японским империализмом» и оказавшего бескорыстную помощь в строительстве «счастливой жизни». Советский народ «вдохновлял корейский народ на борьбу за свою свободу и независимость» во время трехлетней войны против американских интервентов. В конце речи Ким Ир Сен сказал: «Да здравствует великий Советский Союз – надежный оплот мира и безопасности во всем мире!» [10].

Ким Ии Сен, Пан Деи Ай и министр иностранных дел Кореи были размещены на даче в Заречье, другие члены делегации остановились в гостинице «Советской» [и].

В честь корейской делегации состоялся прием от имени министра иностранных дел СССР В.М. Молотова и П.С. Молотовой и обед от имени председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова. Прием состоял в особняке на улице А. Толстого, 17, обед – в Большом Кремлевском дворце. Помимо официальных приемов программа визита включала: возложение венков к Мавзолею В.И. Ленина и И.В. Сталина, посещение ГАБТ (балет «Медный всадник» и опера «Иоланта» в филиале ГАБТ), Строительной выставки, Мытищинской МТС, колхоза «Память Ильича» (с 10 по 21 сентября). 21 сентября делегация отбыла в Сталинград и 25 сентября выехала из Москвы.

Во время визита начальнику Протокольного отдела помимо своих привычных обязанностей пришлось заниматься внешним видом членов делегации, прибывших в Москву в «легких летних пальто и костюмах». После того как Д.А. Жуков сообщил А.А. Громыко о целесообразности сшить в Москве темные костюмы и демисезонные пальто, тот в свою очередь предложил В.М.

Молотову подобрать для членов делегации или пошить индивидуальные костюмы в ателье «Мосодежда» [12].

Следует заметить, что на этом послании А. А. Громыко В.М. Молотову от руки сделана надпись, что корейцам предложение о пошиве не делалось, так как «глава делегации к этому не склонен». (Судя по почерку, замечание сделано рукой В.М. Молотова.)

В конце визита сотрудники Протокольного отдела посетили Заречье и передали в присутствии Ким Ир Сена подарки членам делегации (см. раздел «Подарки»).

Важным событием в международных отношениях и протокольной практике 1953 года является вылет 8 мая в Софию на торжества, посвященные выборам православного болгарского патриарха, церковной делегации из СССР, которая состояла из митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, награжденного медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», доктора богословия, архиепископа Минского и Белорусского Питирима, награжденного медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», священника Михаила Андреевича Чуба, епископа Батумского Гавриила, кандидата исторических наук, награжденного медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [13].

В 1953 году Протокольный отдел МИД принимал участие в организации визитов в СССР румынской правительственной делегации во главе с заместителем председателя Совета министров Румынии, министра здравоохранения Индии, торговой миссии Аргентины и др.

В 1954 году хотелось бы выделить визиты в СССР парламентских делегаций Финляндии и Великобритании.

28 июля в Москву прибыла по приглашению Верховного Совета СССР делегация сейма Финляндии во главе с председателем сейма Карлом Августом Фагерхольмом. На аэродроме гостей встречали председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А.П. Волков, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР В.Г. Лацис и др. [14].

В этот же день делегация присутствовала на приеме у В.М. Молотова по случаю пребывания в Москве премьера Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая и заместителя премьер-министра Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донга [15].

Протокольные мероприятия в связи с пребыванием делегации сейма Финляндии включали в Москве визиты к председателям Совета Союза и Совета национальностей (29 июля), к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову (31 июля). В тот же день состоялся прием в честь финской парламентской делегации (приглашения рассылались от имени председателя Совета Союза и председателя Совета национальностей, из списка приглашенных, без объяснения причин, вычеркнут Г.К. Жуков) [16].

Программа визита предусматривала посещение Кремля, МГУ, Московского метрополитена (29 июля), Московского автомобильного завода имени И.В. Сталина, Третьяковской галереи, футбольного матча между командами «Спартак» и «Трудовые резервы» на стадионе «Динамо» (30 июля), поездку по Каналу имени Москвы (31 июля), делегация участвовала в открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (10 августа) [17].

Со 2 по 8 августа делегация посетила Свердловск, Сталинград, Адлер, Киев.

В Сталинграде на обеде, устроенном председателем Сталинградского горсовета, глава финской делегации сказал, что «мы убедились в Сталинграде воочию, что может создать творческий труд народа. Где еще можно встретить такую волю к созиданию, веру в будущее, решимость преодолеть все трудности» [18].

По возвращении в Москву (10 августа) делегация возложила венок к Мавзолею В.И. Ленина и И.В. Сталина и в тот же день выехала в Ленинград, оттуда вернулась на Родину.

О визите финской делегации советская общественность узнала из публикаций в газетах «Правда» и «Известия», из сообщений ТАСС и Московского радио, при этом радиоинформация передавалась и за границу [19].

Визит в СССР делегации палаты общин и палаты лордов Великобритании, продолжавшийся с 30 сентября по 17 октября, проходил в целом по такому же плану, что и визит финской парламентской делегации.

Британские парламентарии встречались с А.П. Волковым и В.Г. Лацисом, посещали московские заводы, МГУ, метрополитен, во время поездки по СССР гости побывали в Свердловске, Сталинграде, Тбилиси, Гори, Сочи, Киеве, Ленинграде [20].

В состав делегации помимо рядовых членов парламента были включены военные и лица, работающие в английской разведке [21].

Члены делегации проявляли интерес к жизни советского народа, начиная от государственного устройства СССР до положения в детских яслях. Они изучали деятельность партийных и профсоюзных органов, но главное для гостей из Англии – изучение настроения населения.

Заместитель главы делегации Эдвардс перед посещением Сталинградского тракторного завода в разговоре с одним из членов делегации сказал: «Меня не интересуют машины, а интересуют люди, и именно то, чем эти люди живут и каковы их настроения» [22].

Во время посещения промышленных предприятий и колхозов члены делегации уделяли больше внимания беседам с рабочими. Для этого они выбирали «бедно одетых рабочих или колхозников и особенно женщин и молодежь» [23].

На Сталинградском тракторном заводе один из рабочих задал вопрос, почему англичане терпят наличие американских военных баз на их острове. Ответ был следующий: «Англичане боятся Советского Союза и поэтому пригласили на помощь американцев». На что советский рабочий заметил, что «петух однажды пустил в свой огород лису, а в результате получилось, что лиса съела петуха» [24].

Многое из увиденного в СССР поколебало мнение англичан об СССР. Уже в первый день пребывания гости отметили хорошее состояние шоссе от Внукова до Москвы, комфортабельность автомобиля ЗИМ. После посещения Уралмашзавода полковник британской разведки Браун (член делегации) заявил, что «Советский Союз сумел за 20 с небольшим лет подготовить кадры рабочих, которые по своей квалификации не уступают многим передовым рабочим Англии» [25].

На бригадира британской разведки Прайор-Пальмера большое впечатление произвел Волго-Донской судоходный канал. Он впервые видел такое сооружение, и это притом, что он бывал на Суэцком и других каналах Европы.

В то же время некоторые члены делегации сделали отрицательные заявления в отношении отдельных сторон жизни в СССР. Так, член делегации консерватор мисс Питт заключила, что «советские женщины одеты слишком старомодно и однообразно» [26]. Лейбористка мисс Бартон заметила большое количество очередей в продовольственных и других магазинах, при этом подчеркивала, что советские товары были более низкого качества, чем английские.

Отдельные члены делегации отмечали, что в сравнении с Англией цены на предметы первой необходимости в СССР выше, жилищные условия значительно хуже, рабочий день длиннее, чем в Англии, а зарплаты ниже.

Некоторые парламентарии заявляли, что они рады содействовать укреплению взаимоотношений между Англией и СССР, но при условии роспуска английской компартии, англосоветского общества дружбы и общества культурных связей, в свою очередь советские организации должны прекратить всякую связь с прогрессивными деятелями в Англии. Подобные требования объяснялись тем, что все перечисленные организации – пятая колонна Советского Союза в Англии, а международное движение борьбы за мир – пятая колонна СССР в «свободном мире» [27].

Большая часть членов делегации остались довольны поездкой, гостеприимством советских людей и тем, что могли побывать, где желали [28].

Говоря об итогах пребывания в СССР, полковник британской разведки Эрролл в беседе с бригадиром британской разведки Прайор-Пальмером сказал, что он выполнил всю программу, составленную перед отъездом из Лондона, за исключением посещения авиазавода. Но ему удалось побывать на многих предприятиях, включая заводы «Красный пролетарий» в Москве, «Электросила» в Ленинграде, Тракторный завод в Сталинграде, «Уралмашзавод» в Свердловске. В ответ на это Пальмер заметил, что рад за Эрролла, так как тот вернется в Англию с интересным материалом [29].

В фонде Протокольного отдела под грифом «Совершенно секретно» содержатся своеобразные досье на членов делегации, в которых, в частности, говорится о том, что, по мнению лорда Коулрейна, никаких поджигателей войны ни в одной стране не существует.

Заместитель руководителя делегации лейборист Несс Эдвардс в беседах с советскими людьми доказывал, что внешняя политика СССР идет вразрез с экономическими потребностями страны [30].

На обеде в Киеве лейборист Э. Эванс, выступая с тостом, заявил, что 50 % существующего международного напряжения было вызвано тем, что Ялтинское соглашение «было подписано умирающим человеком, которому не суждено было выполнять это соглашение, и отвечало интересам только одной страны – Советского Союза». Эванс высказался за созыв Совещания по пересмотру решений Крымской конференции [31].

Один из наиболее благожелательных по отношению к СССР членов делегации герцог Веллингтонский несколько раз выступал с предложением студенческих обменов между Англией и СССР [32].

В 1955 году Советский Союз посетили: правительственная делегация Германии во главе с федеральным канцлером Аденауэром, премьер-министр Индии Д. Неру, премьер-министр Норвегии Герхардсен, премьер-министр Бирманского союза У. Ну, правительственная делегация ДРВ во главе с Хо Ши Мином, австрийская правительственная делегация во главе с канцлером Раабом, делегация ГДР во главе с О. Гротеволем, министр иностранных дел Канады Пирсон.

Встречи глав правительств стран проходили в целом по одной схеме – в аэропорту, украшенном государственными флагами, выстраивался почетный караул, гостей встречали Н.А. Булганин и другие члены правительства, советские и иностранные журналисты.

При составлении программ визитов Протокольный отдел учитывал цель поездки, пожелания гостей, характер взаимоотношений государства с СССР, так в честь Д. Неру на стадионе «Динамо» был запланирован митинг дружбы СССР и Индии, а премьер-министр Норвегии отправился в поездку по стране и посетил Ленинград, Сталинград и Тбилиси.

Из всех перечисленных визитов ярко выраженный деловой характер носили программы посещения Советского Союза канцлером Германской Федеративной Республики Аденауэром и министром иностранных дел Канады Пирсоном.

Программа пребывания в Москве правительственной делегации Германской Федеративной Республики во главе с федеральным канцлером Аденауэром распланирована буквально по минутам, ее цель не удивлять гостя достижениями социалистического строя, а убедить в необходимости экономического сотрудничества с СССР.

Каждый день визита (за исключением 9 сентября, когда Аденауэр нанес визиты первому заместителю председателя Совета министров СССР и министру иностранных дел В.М. Молотову, председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину) начинался с «делового заседания», после чего следовал осмотр «достопримечательностей Москвы», а вечером – официальное посещение Большого театра, прием и обед от имени Н.А. Булганина в Кремле [33].

Особенность программы визита – прием Аденауэра в Грановитой палате и в Святых Сениях 12 сентября (на 600 человек), на котором не предусматривалось сидячих мест, за исключением одного стола для «основных гостей» [34]. На приеме не исполнялись гимны двух стран, концерта не было.

В октябре 1955 года СССР посетил министр иностранных дел Канады Пирсон. В аэропорту Пирсона встречал В.М. Молотов. После взаимных приветствий Пирсон представил В.М. Молотову сопровождающих его лиц, а В.М. Молотов – встречающих с советской стороны и дипломатический корпус [35].

В Москве Пирсон посетил ВСНХ, совхоз «Горький», побывал на спектакле в Большом театре (балет «Дон Кихот») и на футбольном матче «Торпедо» – ЦДСА). Кроме Москвы норвежская делегация посетила Ленинград и Сталинград.

К программе визита прилагалась своеобразная «Памятная записка» с перечнем тем, которые хотел бы обсудить в СССР Пирсон:

- метеорология радиопередачи о наблюдениях за погодой, гидрология, предсказания о состоянии воды и льда; арктическая климатология; земная радиация;
- вопросы, связанные с Севером:
- техника выпаса оленей, приобщение к культуре местного населения, управление северными областями, сельское хозяйство в условиях Севера, влияние вечной мерзлоты на инженерную практику, лесные ресурсы;
- сельское хозяйство – семена и рассада.

Но в целом 1955 год не предусматривал какие-либо существенные изменения в нормах советского дипломатического протокола. Своеобразный «прорыв» в этой области начнется в 1956 году.

Приложение 1

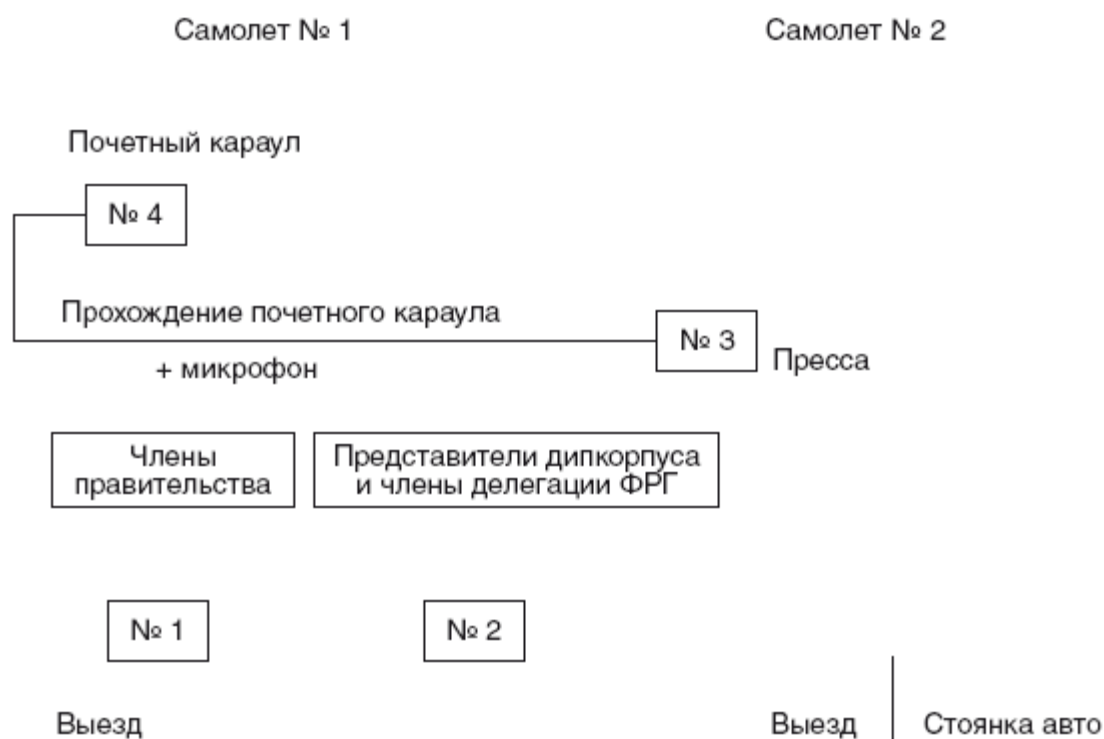
22 апреля 1954 года в СССР прибыл министр иностранных дел Бирмы Сао Кун Чо. На Внуковском аэродроме его встречали заведующий отделом Юго-Восточной Азии МИД и др.

С аэродрома гости отправились в гостиницу «Советская» (двухкомнатный номер «люкс»). В Москве гость (с 23 по 26 апреля) осмотрел город, посетил метро, МГУ, хореографическое училище ГАБТа, Автозавод имени И.Ф. Сталина, киностудию «Мосфильм», Мавзолей В.И. Ленина и 26 апреля вылетел в Ташкент.

В Ташкенте гостей разместили в номерах, в которых не было душа, уборная размещалась на этаже и не отличалась чистотой. Обслуживание в ресторане также оставляло желать лучшего – бедное меню, задержки с подачей блюд. В Ташкенте министр иностранных дел осмотрел станцию механизации, племенной совхоз имени Л.М. Кагановича, Мединститут, Ташкентский театр оперы и балета (опера «Гульсара»). В качестве подарков члены делегации получили на память 15 тибетеек. По возвращении в Москву, перед отъездом 30 апреля на Родину, Сао Кун Чо был одарен картиной, на которой изображен зимний пейзаж (других подробностей о полотне нет) [36].

Приложение 2

Схематический план проводов делегации Германской Федеративной Республики на аэродроме во Внукове (14 сентября 1955 года) [37]

Визиты в СССР президента Югославии И.Б. Тито, шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви, президента Индонезии Сукарно, президента Сирии Шукри Куатли, правительственных делегаций КНДР, Бельгии, Цейлона, Афганистана, ПНР

После окончания Второй мировой войны между Югославией и Советским Союзом, а точнее, между вождями двух стран стали накапливаться противоречия, в том числе относительно политики в Центральной Европе, и прежде всего образования так называемой Балканской Федерации, в которую входили бы Югославия, Болгария и Албания.

Обострение ситуации продолжалось с 1948 по 1953 год.

Одной из первых международных акций Хрущева стала поездка вместе с председателем Совета министров СССР Булганиным в Югославию. Если отношения на государственном уровне были нормализованы в 1955 году, то на межпартийном – только в 1956 году.

Во время венгерских событий Тито поддержал действия советского руководства. 11 ноября 1956 года он выступил с речью в Пуле, где говорил о событиях в Венгрии и Польше. Но принятая на VII съезде Союза коммунистов Югославии новая программа вызвала идеологический спор между странами.

Как справедливо отмечает в своем исследовании В.Н. Дымарский, Тито был «<...> самостоятельным игроком в международном коммунистическом движении и в мировой политике. Он так и не присоединился ни к Варшавскому договору, ни к СЭВу. Движение неприсоединения, которое они с Неру возглавили, – это была альтернатива военным блокам и варшавскому договору и НАТО» [1].

Советско-югославский конфликт нанес большой ущерб репутации СССР. Нужно было исправлять погрешности Сталина и выходить из этой ситуации. Процесс сближения двух стран продолжился в 1956 году, когда Тито нанес ответный визит в Советский Союз.

Накануне визита президента в Протокольном отделе была составлена подробная схема встречи югославской делегации на Киевском вокзале в Москве:

– к вагону президента подходят Ворошилов с супругой (Тито прибыл в Москву с супругой), члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС и секретари ЦК КПСС;

– из вагона выходит Тито с супругой, к президенту присоединяются сопровождающие его лица по усмотрению Тито;

– министры СССР, дипкорпус, члены югославского посольства находятся на отведенных местах и к вагону не подходят;

– прибывшие (по возможности) становятся в линию, встречающие подходят к ним и здороваются;

– первым приветствует Тито Ворошилов и его супруга, затем члены Президиума ЦК КПСС, кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС и секретари ЦК КПСС;

– после обмена приветствиями Тито и Ворошилова (без жен) направляются к почетному караулу, остальные прибывшие и встречающие – на отведенные места;

– президент принимает рапорт почетного караула, затем звучат гимны Югославии и СССР;

– Тито и Ворошилов обходят строй почетного караула, вернувшись на середину строя, Тито обращается к почетному караулу: «Здравствуйте, товарищи!» Ворошилов и Тито возвращаются на отведенные места;

– президент с супругой в сопровождении Ворошилова здороваются с министрами СССР, членами дипкорпуса и персоналом югославского посольства;

– после приветствий Тито возвращается на отведенное место, почетный караул проходит церемониальным маршем. Президент и Ворошилов обмениваются речами. Тито прощается только с членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПСС и секретарями ЦК КПСС [2].

Следует отметить, что в схеме встречи содержится информация о форме одежды для обеих сторон: на официальных завтраках, обедах и приемах для мужчин полагался темный костюм, для женщин на приемах и обедах – длинное платье (начальник Протокольного отдела Молочков предложил разрешить женщинам с советской стороны быть в платьях обычной длины) [3].

Примерно за неделю до начала визита (24 мая) Протокольный отдел получил подробные рекомендации по составлению меню для президента, в которых, в частности, сказано, что И.Б. Тито придерживается диеты. Он не ест никакую дичь, блюда из домашних уток и гусей, не

употребляет блюд, приготовленных на свином сале, а только на сливочном масле, оливковом и подсолнечном. Ему предписано не есть ветчины и блюд из нее. Он не ест потрохов, кроме мозгов. При приготовлении блюд желательно не использовать фасоль, чечевицу, горох, грибы. Тито не употребляет крепких алкогольных напитков и содовую воду [4].

На завтрак президенту можно предложить кофе с молоком, чай, чай с молоком, сливочное масло, джем, яйца всмятку или взбитые, постный белок, фруктовые соки, томатные соки, а также различные сыры. Президент ест телятину, говядину, цыплят и свинину, но только без жира, ему рекомендуется есть мясо, поджаренное на огне. На десерт могут быть поданы различные пирожные, мороженое, фрукты. Перед сном президент употребляет немного сезонных фруктов (документ переведен на русский язык с сербохорватского языка) [5].

За два дня до прибытия югославской делегации в Москву заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко обратился к А.И. Микояну и В.М. Молотову с просьбой рассмотреть предложения о протокольных мероприятиях для жен членов югославской делегации: президента И.Б. Тито; заместителя председателя Союзного исполнительного веча Э. Карделя; государственного секретаря по иностранным делам К. Поповича. В частности, предлагалось:

- дать от имени Е.Д. Ворошиловой прием-чай (К.Е. Ворошилов не возражал);
- показать следующие объекты: Центральную клинику Министерства путей сообщения, детсад, ясли, школу, Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств и выставку произведений Рембрандта в этом музее, кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», «Мосфильм», музей в Останкине.

Визит Югославской делегации продлился с 1 июня (прибытие на станцию Унгены) до 23 июня (отъезд из Унген).

2 июня на Киевском вокзале встреча прошла по заранее утвержденному плану (о котором говорилось выше, резиденция президента находилась на улице А. Толстого, 17).

В Москве И.Б. Тито нанес визиты председателю Совета министров Н.А. Булганину и первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, посетил выставку ВСХВ и промышленную выставку, Ботанический сад Академии наук СССР, Мавзолей Ленина и Сталина, Московский автозавод, авиазавод в Филях (на заводах состоялись митинги).

Находясь в СССР, И.Б. Тито побывал в Ленинграде и Сталинграде, Киеве [6].

В день отъезда из Москвы И.Б. Тито направил в адрес первого секретаря ЦК КПСС товарища Н.С. Хрущева телеграмму, в которой от себя лично и от имени членов делегации выразил «искреннюю благодарность за исключительное гостеприимство и внимание.

Я особенно хочу подчеркнуть значение нашего совместного решения о дальнейшем развитии контактов и связи между коммунистическими партиями наших стран на основании принципов <...>, которые не только дают возможность развития плодотворного сотрудничества между нашими рабочими движениями, но также закладывают фундаменты, на которых можно развивать плодотворное сотрудничество между всеми социалистическими и прогрессивными движениями во всем мире» [7].

Благодарность за гостеприимство от И.Б. Тито получил и председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин [8].

Что касается подарков для членов делегации и лично президента Югославии, то в 1956 году начнется новый этап в истории советских дипломатических даров – глава делегации И.Б. Тито получил от советского правительства самолет Ил-14, другие члены делегации – ювелирные украшения, меха, изделия из фарфора, серебра, уральских самоцветов и другие предметы роскоши [9] (подробно о дипломатических подарках будет сказано в специальном разделе исследования).

Через два дня после отъезда из Москвы президента Югославии в столицу СССР прибывает шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, который в августе 1953 года, когда в Иране был разогнан меджлис, получил неограниченную власть в своей стране. Главную ставку в своем правлении он делал на дружбу с США и на поддержку армии. У иранского правителя были планы полной перестройки общества, «прыжка» Ирана из Средневековья в ядерный век, превращения страны в «пятую промышленную державу мира».

В ходе подготовки визита Молочков делает важные замечания к программе пребывания иранской делегации. В частности, он рекомендует:

– избегать «излишества в букетах», достаточно, на его взгляд, подарить букет шаху и его супруге, иначе будет «толкучка» [Ю];

– запросить меню для шаха в посольстве Ирана;

– начальник почетного караула должен обращаться к шаху в точном соответствии с его полным титулом;

– в протокольной практике существует норма ответных визитов, не распространенная в СССР, поэтому нужно быть готовым к тому, что гости могут попросить визиты со стороны Ворошилова и Булганина после встреч с ними шаха [Н];

– по мнению Молочкова, неправильно приглашать на завтраки к Ворошилову и Булганину одних и тех же лиц, нужно «дифференцировать» списки за счет зампредов [12];

– разработать «план показа шахине» консерватории, запланировать там концерт, если это приемлемо для иранцев;

– составить план рассадки в центральной ложе Большого театра.

Судя по этим замечаниям, Молочков продолжает традиции, заложенные Чичериным и Флоринским по скрупулезному разбору каждой составляющей визита, в ходе которого гости должны окончательно убедиться в том, что их приезд имеет большое значение для Советского Союза.

Программа пребывания шаха Ирана в СССР началась с торжественной встречи высокого гостя в Баку, на аэродроме, увешанном торжественными транспарантами и флагами Ирана, СССР и Азербайджана, был выстроен почетный караул, прозвучали гимны Ирана, СССР и Азербайджана (по одному куплету).

В тот же день иранская делегация вылетела в Москву. На подступах к столице самолет с шахом Ирана на борту, впервые в истории советской протокольной практики, встречала эскадрилья военных самолетов, которая сопровождала самолет шаха до центрального аэродрома [13].

В аэропорту шаха Ирана встречали Ворошилов с супругой, Булганин, Микоян и другие официальные лица, а также дипломатические представители, военные атташе, советские и иностранные корреспонденты. В целом встреча проходила по уже разработанной к этому времени для визитов подобного уровня схеме.

По окончании представления иранским послом шаха встречающим лицам школьники подарили гостям букеты, начальник почетного караула отдал рапорт, прозвучали гимны Ирана и СССР.

После размещения по автомобилям кортеж направился в резиденцию гостя по улицам Москвы, украшенным государственными флагами Ирана и СССР, приветственными транспарантами на русском и персидском языках.

Вдоль трассы и на перекрестках был выставлен усиленный наряд милиции. Автомобиль с шахом, впервые в истории советского протокола, сопровождал эскорт из девяти мотоциклистов (один – впереди и четыре – с обеих сторон).

Следующим важным нововведением явилось то, что, опять же впервые в СССР, резиденцией для главы иностранного государства был выбран Кремль.

Визит иранской делегации в СССР продлился до 11 июля и по своей насыщенности не уступал программе пребывания в Советском Союзе президента Югославии.

В Москве шах нанес визиты Ворошилову и Булганину, посетил ВСХВ и МГУ, Гвардейскую механизированную Таманскую дивизию, Военно-воздушную академию имени Жуковского, присутствовал на тактическом учении батальона с боевой стрельбой [14].

29 июня началась поездка шаха по стране: Сталинград, Гудаута, Запорожье, Киев, Ленинград.

8 июля делегация вернулась в Москву, где шах посетил аэродром в Кубинке и спортивные мероприятия.

Накануне отъезда из Москвы (10 июля) Ворошилов устроил в честь шаха Ирана прием в Кремле.

11 июля делегация вылетела из Баку в Тегеран. Следует отметить, что во всех городах СССР, где побывал шах, при встрече вывешивались флаги Ирана, СССР и соответствующей союзной республики. Государственные гимны Ирана, СССР и одной из советских республик исполнились во время прибытия гостей в ее столицу.

Что касается даров, то, в отличие от Тито, шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви не был подарен самолет. Советская сторона ограничилась картиной А.М. Герасимова «Сирень», серебряным ковшем с русскими самоцветами, охотничьим ружьем с художественной отделкой и золочением и двумя ларцами вин (водка, коньяк, виноградные вина, всего 20 бутылок) (подробно о подарках смотрите в специальном разделе исследования).

С борта самолета шах Ирана направил «его превосходительству Клименту Ефремовичу Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР» телеграмму, в которой от своего имени и от имени супруги сердечно благодарил Ворошилова и его супругу за теплый и искренний прием. «Мы навсегда сохраним дорогие воспоминания о проявленных к нам дружеских чувствах советского народа, которые являются выражением чувств дружбы и симпатии к иранскому народу» [15].

В 1963 году в Иране начались такие широкие реформы, что весь мир заговорил о «белой революции» в Иране. В аграрной стране появились самые современные предприятия, были заложены основы судостроения и самолетостроения. В мире заговорили об иранском экономическом чуде. Но пропаганда иностранных, чуждых простому народу ценностей привела к тому, что в лице мусульманского духовенства шах получил сильного противника.

В сентябре 1978 года в Иране произошла Исламская революция, которая завершилась 12 февраля 1979 года переходом власти к Временному революционному правительству, за которым стоял Аятолла Хомейни. Примерно за месяц до этого 16 января творец «белой революции» покинул страну. Все, что делалось при династии Пехлеви, было предано исламистами проклятию.

Как известно, после Второй мировой войны начался распад колониальной системы. Первыми по времени стали освобождаться страны Юго-Восточной Азии.

Индонезийский народ боролся за независимость еще в период оккупации страны Японией. В августе 1945 года (когда Япония еще не капитулировала) один из лидеров национально-освободительного движения Сукарно провозгласил независимость и стал первым президентом Индонезийской Республики. Однако вскоре английские войска высадились на острове Ява. 10 ноября 1945 года в Индонезии вновь началась борьба за свободу и независимость республики, которая продолжалась до мая 1956 года, когда президент Сукарно подписал Закон об упразднении голландско-индонезийского союза, который был ратифицирован парламентом. Индонезия боролась за независимость, а Советский Союз продолжал «борьбу за друзей».

При подготовке визита президента Индонезии Сукарно был использован опыт Протокольного отдела МИД СССР в организации посещения Советского Союза президентом Югославии и шахом Ирана.

7 августа в Москве была получена запись беседы посла в Индонезии Д.А. Жукова с заведующим Протокольным отделом президента Индонезии относительно протокольных процедур во время поездки.

Значительная часть беседы касалась размещения президентского штандарта на автомобиле президента, на зданиях, на аэродроме, на столах во время приемов. Советскому дипломату было сказано, что согласно индонезийскому протоколу на автомобиле, которым будет пользоваться Сукарно, нужно установить три флага малых размеров: государственный флаг СССР – с правой стороны, президентский штандарт – посередине и индонезийский флаг – слева. Если будут установлены два флага – справа СССР, а слева – президентский штандарт, то сверху президентского штандарта прикрепляется двухцветная полоска (красно-белая) индонезийского флага. Было решено, что на аэродроме выставят два флага – государственный флаг Индонезии и советский государственный флаг. Во время приемов на столиках устанавливаются небольшие государственные флажки Индонезии и СССР [16].

Кроме этого советской стороне были переданы «Данные о режиме питания и отдыха президента Сукарно», сообщенные его личным врачом [17], в которых, в частности, говорится, что на завтрак Сукарно предпочитает два яйца всмятку, кофе эспрессо без молока, фруктовый сок, поджаренные ломтики белого хлеба с джемом, мармеладом или вареньем и маленький стакан натурального меда.

На обед президент любит есть бульон, свежую вареную или жареную рыбу (но не маринованную или селедку), курицу, гуся (но не утку), картошку и любые овощи без майонеза,

на десерт – мороженое (малиновое, земляничное, шоколадное, но не ванильное), кофе эспрессо. В качестве закуски предпочитает сардины (в томате), черную икру не любит [18].

На ужин можно предложить то же, что и на обед, но вместо кофе – минеральную воду (чай пьет редко). Как мусульманин, президент не ест свинину и отрицательно относится к говядине и баранине. Повара в составе группы президента не будет. Распорядок дня Сукарно: завтрак – 7:30—8:00; обед – 12:00–13:00; ужин – 19:00–20:00.

К 24:00 президент обязательно должен лечь спать, он любит делать вечерний массаж всего тела и иногда по утрам – массаж лица. Бреется сам, два раза в день. В спальне всегда должны быть фрукты и фруктовые соки [19].

Советская сторона внимательно относилась ко всем пожеланиям гостей, чтобы создать благоприятные условия для ведения переговоров.

28 августа президент вылетел из Тегерана в Баку и в тот же день – из Баку в Москву.

Встреча Сукарно в Баку и Москве проходила по той же схеме, что и встреча в июне того же года шаха Ирана¹. Все нововведения, а именно сопровождение самолета президента на подходе к Москве эскадрилей реактивных истребителей, эскорт мотоциклистов (у шаха их было 9, а у Сукарно – И), резиденция в Кремле, были сохранены. Но при этом появляются и новые элементы. Так, в день прилета в Москву гости совершают прогулку по Москве-реке до Лужников, в ЦПКО имени А.М. Горького организуется гулянье, фейерверки, парк освещают прожекторы. В Москве Сукарно посещает авиазавод, ВСХВ и промышленную выставку, осматривает Кремль, перед отъездом в Ленинград (30 августа) Сукарно был в мечети.

Так же как шах Ирана, президент Индонезии посетил кроме Ленинграда Ташкент, Сталинград, Сочи, а также Свердловск и Тбилиси.

К.Е. Ворошилов встречал гостя без супруги.

По возвращении в Москву (9 сентября) Сукарно смотрел балет «Лебединое озеро»^[21] в Большом театре. Вместе с ним в центральной ложе находились К.Е. Ворошилов и А.И. Микоян. Ложа была украшена флагами Индонезии и СССР, перед началом спектакля были исполнены государственные гимны двух стран. 10 сентября, после того как Сукарно был вручен в МГУ диплом доктора права, он выступил перед студентами с лекцией. Накануне отъезда (11 сентября) президент осмотрел авиационную технику на аэродроме Кубинка.

После завтрака у первого заместителя министра обороны И.С. Конева, на Центральном стадионе имени В.И. Ленина в 16 часов состоялся митинг в честь советско-индонезийской дружбы. На стадионе, украшенном флагами СССР и Индонезии и транспарантами на русском и индонезийском языках, был установлен большой портрет Сукарно. В центральной ложе – президент Индонезии, министр иностранных дел и посол Индонезии, с советской стороны – председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов и другие члены Президиума ЦК КПСС, кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС и секретари ЦК КПСС. На митинге присутствовали главы диппредставительств, аккредитованные в Москве.

На митинге выступили представители трудящихся Москвы, Узбекистана. Завершилась официальная часть речами Ворошилова и Сукарно.

После гимнов двух стран начался спортивный праздник: физкультурники приветствовали гостей индонезийскими и советскими флажками, произносили здравницы в честь дружбы народов Индонезии и СССР, затем начались показательные выступления легкоатлетов. Завершился митинг футбольным матчем. В 18:00 руководители Индонезии и СССР покинули стадион [20].

Вечером того же дня – прием в Большом Кремлевском дворце у председателя Президиума Верховного Совета СССР с участием представителей советской общественности, дипломатического корпуса, советских и иностранных журналистов. Начался прием с исполнения гимнов Индонезии и СССР (по одному куплету) [21]. Завершился – концертом с участием ансамбля скрипачей Большого театра, солистов оперы и балета ГАБТа, артистов Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством И. Моисеева, Московской государственной и Ленинградской государственной эстрады [22].

12 сентября делегация Индонезии^[22] вылетела из Москвы в Белград.

Следует отметить, что индонезийская сторона внимательно следила, как освещается в советской прессе их пребывание в СССР. По их мнению, визит Сукарно в США освещался в американской прессе шире. В советской печати мало фотографий, информация помещается на

второй полосе («Правда» от 2 сентября), и недостаточно публикаций об отношении советского народа к индонезийской делегации.

Недоумение вызывало у гостей и то, что газеты печатают не тексты, а только изложения выступлений Сукарно, который к тому же попросил не употреблять в статьях в применении к нему имя Ахмад.

Корреспонденты советских газет в свою очередь утверждали, что ТАСС производит большие сокращения их материалов [23].

В 1956 году последним визитом главы зарубежного государства в СССР был визит президента Сирии Шухри Куатли, который прошел по уже ставшей классической схеме. При подходе к Москве самолет президента (визит продлился с 30 октября по 13 ноября 1956 года) встречала эскадрилья военных самолетов. На аэродроме президента приветствовали Ворошилов с супругой, Булганин и другие официальные лица.

Ворошилов сопровождал президента в закрытом автомобиле, по сторонам и впереди которого находились девять мотоциклистов [24].

Президенту по окончании визита был подарен самолет Ил-14, супруге – пелерина из соболей. Для супруги президента была подготовлена специальная программа. 1 ноября Е.Д. Ворошилова устроила в честь гостей прием-чай, на котором присутствовали жены членов Президиума ЦК КПСС, а также Е.А. Фурцева [25].

Находясь в Москве, президент посетил Московский автомобильный завод имени Лихачева, аэродром в Кубинке, промышленную выставку, осмотрел метро. 7 ноября во время парада войск Ш. Куатли находился на трибуне Мавзолея вместе с членами правительства, а затем присутствовал на приеме в Кремле [26].

Во время поездки по стране президент Сирии посетил Сталинград, где побывал на Тракторном заводе, в Баку он осмотрел нефтепромыслы, в Ленинграде Металлургический завод.

Проводы прошли по той же схеме, что и встреча.

В 1956 году в СССР состоялись визиты:

– правительственной делегации КНДР во главе с представителем кабинета министров Ким Ир Сенем (6—16 июля);

– правительственной делегации ГДР (16—18 июля) во главе с премьер-министром Отто Гротеволем [27];

– магараджи Индии Джайтура с супругой (14—21 августа);

– премьер-министра Бельгии Ван Анкера с супругой (22 октября – 2 ноября);

– цейлонской правительственной делегацией (1—8 сентября);

– японской правительственной делегации во главе с премьер-министром Хатоями (12—20 октября);

– правительственной делегации Афганистана во главе с его королевским величеством премьер-министром Мухаммедом Даудом (16 октября – 1 ноября);

– правительственную делегацию ПНР во главе с Гомулкой (14—19 ноября) встречали Хрущев и Ворошилов (Хрущев в первой машине с Гомулкой) [28].

В целом встреча делегаций во главе с премьер-министрами зарубежных государств проходила по следующей схеме:

– в аэропорту гостей встречал представитель Совета министров СССР Н.А. Булганин и другие члены правительства, главы диппредставительств, советские и зарубежные корреспонденты;

– аэропорт украшали государственные флаги. После рапорта начальника почетного караула исполнялись государственные гимны;

– глава делегации приветствовал почетный караул;

– заведующий Протокольным отделом МИД представлял глав иностранных представительств;

– почетный караул проходил церемониальным маршем;

– главе делегации предлагалось произнести речь, Н.А. Булганин выступал с ответной речью;

– Булганин сопровождает премьер-министра в открытом автомобиле (если позволяет погода) до резиденции.

Таким образом, 1956 год – это апофеоз советской протокольной помпезности и одновременно с этим Протокольный отдел МИД во главе с Ф.Ф. Молочковым делает все возможное, чтобы упорядочить схемы встреч (проводов) и программы зарубежных визитов.

Визит президента ОАР Г.А. Насера и визит дочери президента ОАР Х. Насер

В 1952 году в Египте военные, входившие в организацию «Свободные офицеры» во главе с Г.А. Насером, совершили при поддержке армии переворот и захватили власть. Король Фарук подписал акт об отречении и покинул страну. Укрепление новой власти происходило в постоянном противоборстве с Англией, войска которой находились в зоне Суэцкого канала. 13 июня 1956 года последний английский солдат покинул Египет.

26 июля 1956 года египетское правительство национализировало компанию Суэцкого канала. Франция и Англия решали заставить Египет отменить национализацию. Представители Советского Союза на конференции в Лондоне, а затем и в Совете Безопасности ООН защищали интересы Египта.

29 октября 1956 года Англия, Франция, договорившись с правительством Израиля, совершили интервенцию против Египта. После того как советское руководство заявило о том, что окажет Каиру всю необходимую помощь, военные действия были прекращены.

Разрыв Египта с западными державами означал сближение с Советским Союзом. Москва была заинтересована, чтобы Египет стал ее опорой на Ближнем Востоке. Доказательством дружбы между Каиром и Москвой стали не только поставки СССР арабам нефти и зерна, но прежде всего – оружия. С конца 50-х годов Советский Союз предоставлял Египту выгодные займы, построил Асуанскую плотину.

Для Н.С. Хрущева укрепление и развитие отношений с Египтом – одно из ключевых направлений внешней политики, в которой особое место отводилось организации «дружеских» визитов в СССР лидеров зарубежных стран.

С 29 апреля по 16 мая 1958 года в СССР по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР находилась делегация Объединенной Арабской Республики во главе с президентом и главнокомандующим Вооруженными силами ОАР Гамаль Абдель Насером.

В состав «официальной свиты» (именно так именуется египетская делегация) входили: два вице-президента, министр просвещения, министр иностранных дел, министр по делам президента Республики, министр муниципалитетов и провинций Сирийского района ОАР, посол ОАР в СССР, директор службы общей информации, главный камергер, а также египетские и сирийские журналисты (20 человек) и сопровождавшие делегацию лица – личный врач, личный секретарь, камергер президента республики и др. (всего 11 человек) [1].

При подготовке визита сотрудники Протокольного отдела, уже по заведенной традиции, встречались с представителями посольства и обсуждали все детали встречи и программы пребывания делегации.

Так, 9 апреля на встрече с первым секретарем посольства ОАР речь шла о государственном гимне и флаге ОАР, о штандарте президента на резиденции, автомашине, самолете и корабле. В частности, советской стороне было заявлено, что «президент Насер сегодня издал закон, предусматривающий, что государственным флагом ОАР является флаг Революции, имеющий прямоугольную форму и составленный из трех прямоугольных полос – черной, белой и красной – с двумя зелеными звездами в середине белого прямоугольника, настоящий закон вступает в силу с 10 апреля 1958 года» [2].

12 апреля Ф.Ф. Молочков направляет секретарю Московского горкома КПСС тексты приветственных транспарантов на русском и арабском языках для оформления аэродрома и улиц: «Добро пожаловать!», «За мир и дружбу между народами!», «Привет главе дружественного государства – Гамаль Абдель Насеру!», «Единство арабов – залог их успехов в борьбе за национальную независимость и суверенитет!» [3].

21 апреля заместитель заведующего Протокольным отделом Б. Лопатенко сообщил послу ОАР в Москве, что получено несколько портретов президента Насера и требуется совет – какие из них считать официальными с тем, чтобы один можно было использовать при изготовлении вазы, предназначенной в дар президенту. Посол порекомендовал изъять портрет, где Насер

изображен в форме полковника. Президент предпочитает носить только гражданскую одежду, и, когда англичане и американцы хотят выразить враждебное отношение к ОАР, они «называют Насера полковником, а не президентом» [4].

29 апреля самолет Ту-104 с президентом Насером и сопровождающими его лицами на борту приземлился на аэродроме Внуково.

Встреча президента ОАР в целом прошла по той же схеме, что встречи шаха Ирана и президента Индонезии, но было одно существенное отличие – 29 апреля на аэродроме находился И.С. Хрущев, который вместе с К.Е. Ворошиловым сопровождал Г.А. Насера в его резиденцию в Кремле.

Следует отметить, что в первом варианте программы пребывания Г.А. Насера Н.С. Хрущев присутствует в списке встречающих, но он не сопровождает Г.А. Насера в Кремль [5].

В 1956 году первых лиц государства – И.Б. Тито, Мохаммеда Реза Пехлеви, Сукарно – встречал К.Е. Ворошилов и он же сопровождал их в резиденцию, так как К.Е. Ворошилов являлся председателем Президиума Верховного Совета СССР и на государственном уровне для большей части стран мирового содружества – первым лицом в СССР. Н.С. Хрущев в 1956 году член Президиума Верховного Совета СССР и первый секретарь ЦК КПСС. Но в 1958 году Хрущев становится председателем Совета министров СССР и, следовательно, «вторым человеком» в протокольной иерархии.

Делегация ОАР совершила поездку по стране и посетила города Ташкент, Баку, Сухуми, Сочи, Запорожье, Киев, Ленинград, Сталинград.

Аэродромы и улицы городов, в которых находился Г.А. Насер, украшались флагами ОАР, СССР и соответствующей союзной республики, приветственными транспарантами на русском, арабском языках и языке соответствующей республики, портретами Г.А. Насера. На аэродромах вывешивались портреты Г.А. Насера и К.Е. Ворошилова, а в Ташкенте – Г.А. Насера, К.Е. Ворошилова и Н.С. Хрущева [6].

В Москве, в столицах союзных республик и в городах-героях выстраивались почетные караулы, исполнялись государственные гимны ОАР и СССР (по одному куплету). (Гимн ОАР состоял из одного куплета гимна Египта и одного куплета гимна Сирии.)

Протокольные мероприятия в Москве включали посещения Мавзолея В.И. Ленина и И.Ф. Сталина, Московского автомобильного завода имени И.А. Лихачева, МГУ, Большого театра (балет «Лебединое озеро»), осмотр города и метрополитена.

1 мая президент ОАР и вице-президент находились на трибуне Мавзолея вместе с руководителями КПСС и советского правительства, а на следующий день после встречи с Н.С. Хрущевым Г.А. Насер побывал в Московской соборной мечети, а затем на открытии спортивного сезона на Стадионе имени В.И. Ленина. Завершился день для членов делегации балетом «Красный цветок» в Большом театре (Г.А. Насер на спектакле не был).

В честь Г.А. Насера К.Е. Ворошилов дал обед (29 апреля) в Екатерининском зале Кремля, а Н.С. Хрущев в Грановитой палате завтрак (30 апреля). На приемах присутствовали все члены Президиума и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС, министры СССР и другие официальные лица.

9 мая Насер вылетел в Ташкент, в поездке по стране (до 12 мая) его сопровождали с советской стороны девять человек, включая А.Н. Косыгина. А.А. Громыко регулярно получал сведения о пребывании делегации в советских городах, о ходе поездки.

Так, 6 мая В. Зорин телеграфирует в Москву, что в Баку гостей поразили масштабы нефтяной промышленности. Это стало заметно еще при поездке с аэродрома в город, когда по пути следования им были показаны нефтепромыслы и возникшие новые заводы и поселки в окрестностях города. Но самое большое впечатление на членов делегации произвел «огромный размах жилищного строительства» [7].

6 мая делегация во главе с Насером на крейсере «Михаил Кутузов», сопровождаемом двумя эсминцами, прибыла в Сочи. Когда Насер на военном катере направился в порт, с крейсера был дан традиционный артиллерийский салют (21 выстрел). В это время на площади у Морского вокзала собралось несколько тысяч человек. Встреча превратилась в митинг под лозунгом нерушимой дружбы между народами ОАР и СССР. Отвечая на приветствие председателя исполкома горсовета депутатов трудящихся Сочи, Насер подчеркнул «огромное значение для ОАР дружеской помощи Советского Союза, и в частности оружием» [8].

Следует отметить, что к этому времени Насер уже не раз в своих выступлениях говорил о помощи СССР, однако в Сочи он впервые публично дал оценку военной поддержки с советской стороны Сирии и Египта.

Принимая от моряков крейсера «Михаил Кутузов» подарок – макет крейсера, выполненный матросами корабля, Насер высказался за укрепление дружбы между моряками и Вооруженными силами СССР и ОАР. Таким образом, по мнению В. Зорина, следует продумать вопрос об организации обмена визитами военных кораблей или военных делегаций.

В Сочи гостей разместили на лучших курортах, впоследствии все члены делегации выразили благодарность за образцовый порядок и обслуживание [9].

Но не во всех пунктах пребывания делегации все проходило «гладко» к взаимной «радости» обеих сторон.

Так, если посещение Днепрогэса, благодаря пояснениям директора и организации осмотра, соответствовало задаче показать гостям современное гидротехническое сооружение больших масштабов и высокой автоматизации управления, то посещение завода «Запорожсталь» вызвало неоднозначное впечатление не только у гостей, но и у советских сопровождающих благодаря захлапленности территории и цехов завода.

«Перегрузка» программы в Украине мероприятиями в конечном итоге сказалась на их практическом осуществлении. Почти вся поездка прошла, по мнению членов делегации, в «цейтноте», что в свою очередь оставило неприятный осадок у ее участников. Автор сообщений, адресованных Громыко, Зорин сетует на то, что многочисленность делегации не позволяла «держать всех гостей в поле зрения и оказывать им внимание» [10]. Он предлагает в будущем для более четкого проведения намечаемых предприятий, в том числе официальных визитов, завтраков и обедов, местных сотрудников протокольных служб знакомить с практикой проведения их в Москве [11].

Путешествуя по стране, 11 мая Насер и сопровождающие его лица на военных кораблях были доставлены в Кронштадт, где их встречали с военными почестями, в том числе артиллерийским салютом с крейсера, стоявшего на рейде у Кронштадта. В городе-крепости гостям показали цехи судоремонтного завода, сухие доки с ремонтируемыми там морскими судами, школы подводников и их казармы [12].

Накануне отъезда 15 мая в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь президента ОАР Г.А. Насера. На прием были приглашены члены Президиума ЦК КПСС, министры СССР, Президиум Верховного Совета СССР, руководители центральных учреждений СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Совет министров РСФСР, Министерство обороны, ответственные работники КГБ и другие официальные лица (все приглашались с женами) [13].

Среди приглашенных хотелось бы особо выделить представителей православного и мусульманского духовенства. На приеме присутствовал патриарх Московский и всея Руси Алексий, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, протопресвитер Колчицкий – управляющий делами Московской патриархии.

Также в Кремль были приглашены председатель Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири, настоятель мечети в Москве католикос всех армян, делегация Александрийской православной церкви, патриарх Александрии и всей Африки Христофор, делегация Антиохийской православной церкви [14].

В списке приглашенных выдающиеся советские ученые, писатели, поэты, художники, артисты балета, театра, кино, цирка, оперные и эстрадные исполнители: И.П. Бардиев, А.П. Несмеянов, И.В. Островитянов, Я.В. Торчиев, А.А. Сурков, Н.С. Тихонов, К.М. Симонов, К.А. Федин, Б.Н. Полевой, Г.М. Марков, М.С. Сарьян, Н.П. Охлопков, Р.П. Симонов, В.П. Марецкая, Г.С. Уланова, И.И. Петров, Н.С. Козловский, К.И. Шульженко, Л.О. Утесов, Н.С. Надеждина и др. [15].

На приеме присутствовали главы дипломатических миссий, аккредитованные в СССР, представители Совета экономической взаимопомощи, иностранные делегации и политические деятели.

В Кремль были приглашены также доярка Колхоза имени Дзержинского Ухтомского района, машинист вращающейся печи Подольского цементного завода, бригадир Мытищинского хлебокомбината и другие представители рабочего класса и трудового крестьянства [16].

За 3,5 часа до начала приема в БКД состоялся митинг дружбы народов СССР и ОАР, на который Протокольный отдел отправляет «наряд». У центрального входа гостей встречал один человек, во Владимирском зале – один человек, посольскую делегацию в зале заседаний – один человек, размещением президента, вице-президента и посла занимались два человека [17]. Сотрудники Протокольного отдела прибыли в БКД в 15:00.

В период с 1956 по 1958 год митинг дружбы СССР и ОАР был четвертым масштабным мероприятием подобного рода в рамках зарубежного визита лидера иностранного государства. В 1956 и 1957 годах митинги проходили в разных местах Москвы:

– 19 июня 1956 года состоялся митинг дружбы между СССР и Югославией на стадионе «Динамо»;

– 11 сентября 1956 года – митинг дружбы между СССР и Индонезией на Стадионе имени В.И. Ленина;

– 30 июля 1957 года – митинг дружбы между СССР и Афганистаном в Кремле [18].

Открывались митинги гимнами двух стран, затем начинались выступления. К микрофону сначала подходил представитель трудящихся, затем – деятель науки, интеллигенции.

Завершалась официальная часть выступлениями К.Е. Ворошилова (в 1956 году – выступлением Н.С. Хрущева) и главы делегации [19].

В 1958 году по окончании митинга дружбы между СССР и ОАР (в 19.15) состоялось подписание коммюнике.

В 19:40 Г.А. Насер совместно с К.Е. Ворошиловым, Н.С. Хрущевым, членами Президиума ЦК КПСС, присутствовавшими на подписании, вошли в Георгиевский зал. После исполнения гимнов ОАР и СССР президент, К.Е. Ворошилов и Н.С. Хрущев поздоровались с дипкорпусом, затем присутствующих пригласили к столу. Во время приема был дан концерт [20]. Вылет делегации был намечен на 16 мая в 8:00 с аэродрома Внуково.

Накануне отъезда делегации ОАР из Москвы (15 мая) Ф.Ф. Молочков составил «Оперативный план по обеспечению мероприятий, связанных с отъездом из СССР Г.А. Насера и сопровождающих его лиц» [21]:

– за оповещение провожающих с советской стороны (членов Президиума, дипкорпус, инкоров, представителей СМИ) и за проверку готовности эскадрильи самолетов должен отвечать один человек;

– дежурство в отделе – один человек;

– обеспечение и вручение цветов – один человек;

– обеспечение флагами и транспарантами, портретами Г.А. Насера и К.Е. Ворошилова, микрофонами – один человек;

– приезд Г.А. Насера на аэродром в 7:40 – один человек;

– приезд неофициальной свиты в 7:00 – один человек;

– встреча и размещение провожающих – шесть человек.

Общее руководство церемонией проводов осуществлял Ф.Ф. Молочков. Сотрудники Протокольного отдела должны были прибыть на аэродром в 7:00 без опозданий [22].

Что касается подарков президенту и членам делегации, о чем подробно будет сказано в специальном разделе работы, то здесь советское руководство не стало отступать от уже ставшего к 1958 году традицией – дарить потенциальным друзьям самолеты. Г.А. Насер не стал исключением. Ему был «преподнесен» самолет Ил-14, а также охотничье ружье «с золотой насечкой» МЦ-11, 120 выделанных шкурок каракуля, три накидки из норки и т. д. [23].

16 мая правительственная делегация ОАР во главе с президентом Г.А. Насером вылетела с аэродрома Внуково на спец-самолете ТУ-104 в Каир. Проводы прошли по той же схеме, что и встреча. К.Е. Ворошилов и Н.С. Хрущев сопровождали Г.А. Насера от резиденции до аэродрома, где К.Е. Ворошилов и Г.А. Насер выступили с речами.

Таким образом, в подготовке и организации визита делегации ОАР во главе с президентом Г.А. Насером МИД СССР использовал опыт при подготовке визитов глав государств в 1956 году:

– беседы сотрудников Протокольного отдела с представителями посольства ОАР, на которых обсуждалась Программа визита;

– встреча в аэропорту по уже отработанной схеме: эскортирование в воздухе самолета гостя военными истребителями, эскорт мотоциклистов сопровождал автомашины главы делегации до резиденции в Кремле и т. д.

Доказательством продолжающегося укрепления дружеских отношений между ОАР и СССР может служить визит в 1963 году (с 26 января по 9 февраля) в Советский Союз по приглашению дочери председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева дочери президента ОАР Ходы Насер [24].

26 января главный редактор газеты «Известия» А.И. Аджубей с супругой, главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков с супругой и дочерью, заместитель министра иностранных дел СССР С.Г. Ларин и Г.Л. Брежнев встречали дочь президента ОАР в аэропорту Шереметьево. Местом пребывания почетной гостьи был выбран государственный особняк № 7 на Воробьевском шоссе, 63 [25].

27 января Хода Насер была в гостях у Н.П. Хрущевой. В Москве Х. Насер осмотрела соборы Московского Кремля, побывала в Третьяковской галерее, МГУ, Дворце пионеров, Доме моделей. В Большом театре и Дворце съездов она посмотрела балеты: «Лебединое озеро», «Каменный цветок», «Щелкунчик», «Жизель».

С 30 января по 1 февраля Хода Насер находилась в Ленинграде, где, побывав в Эрмитаже и Пушкине, отправилась во Дворец бракосочетаний, а затем в гости к молодоженам – студентам одного из ленинградских вузов.

Вероятно, дочь президента являлась поклонницей киноискусства, так как за три дня в Ленинграде она успела посмотреть советские кинофильмы «Подвиг Ленинграда», «Коллеги», «Молодо-зелено», «Карнавальная ночь» [26].

В посольстве ОАР в Москве в честь Ходы Насер были организованы два приема. 29 января – супруга посла пригласила на утренний чай в посольство Н.П. Хрущеву, Р.Н. Аджубей, В.П. Брежневу, Г.Л. Брежневу, Л.Д. Громыко с дочерью и др.

8 февраля, накануне отъезда дочери президента, посол ОАР Галеб с супругой дал в ее честь обед, на котором присутствовали Н.С. Хрущев с супругой, А.И. Аджубей с супругой, Е.Н. Хрущева, С.Г. Лапин с супругой, Л.Д. Громыко и др. [27].

9 февраля Хода Насер вылетела рейсовым самолетом в Каир. Проводы прошли по той же схеме, что и встреча.

Если визит Г.А. Насера в 1958 году продемонстрировал усиление политического авторитета Н.С. Хрущева, то визит в Советский Союз в 1963 году дочери египетского лидера – это скорее продолжение традиций с одной стороны и попытка выйти на новый уровень отношений – с другой. Этой же цели был посвящен и визит Н.С. Хрущева в Египет в 1964 году.

6 мая Н.С. Хрущев и сопровождавшие его лица отплыли из Ялты в ОАР и 9 мая прибыли в Александрию. Г.А. Насер устроил гостю торжественную встречу на всем пути от Александрии до Каира.

В столице ОАР Н.С. Хрущев выступил с речью в Национальном собрании, а затем на большом митинге молодежи. Вместе с главами многих арабских государств Н.С. Хрущев и Г.А. Насер присутствовали на пуске первой очереди Асуанской плотины. За заслуги в развитии советско-египетских отношений Н.С. Хрущев был удостоен высшей награды ОАР – ордена «Ожерелье Нила». Ответным жестом советской стороны станет присвоение Г.А. Насеру звания Героя Советского Союза.

СССР пугали непоследовательные шаги Г.А. Насера по внешней политике, например его намерение объединить Египет и Сирию в единое государство, видя себя всеарабским лидером. Несмотря на это, общие враги – США и Израиль – сделали союз Египта и СССР весьма прочным. Чтобы подчеркнуть прочность дружбы, СССР наградил Г.А. Насера орденом. Визит в СССР должен был продемонстрировать миру крепкую и нерушимую дружбу между странами.

Приложение

График вылета самолетов из Сталинграда в Москву во время визита Г.А. Насера [28]

Порядок вылета	Время вылета	Кто летит
1	15:00	Грузовой
2	15:15	Грузо-пассажирский
3	15:30	Советские журналисты
4	15:45	Советские и арабские журналисты
5	16:00	Арабские журналисты
6	16:15	Официальная свита
7	16:30	ВВС
8	16:35	Министры
9	17:00	Насер
10	17:15	Груз президента

12.05.1958

Никифоров Молочкову Ф.Ф.

Глава 4

1960-е – середина 1980-х годов

За тем, как принимаются <...> иностранные делегации, следит иностранная печать, <...> важно, чтобы в нашей организационной работе по приему <...> делегаций количество недостатков и оплошностей сводилось бы к минимуму. Это – в интересах Советского государства.

Ф.Ф. Молочков

1960-е — середина 1980-х годов

Визит премьер-министра Великобритании Макмиллана, императора Эфиопии Х. Селассие, вице-президента США Р. Никсона, президента Итальянской Республики Д. Гронки, президента Индонезии А. Сукарно, несостоявшийся визит президента США Д. Эйзенхауэра

Активно сражаясь за «новых» друзей, Советский Союз не забывал и «старых» акторов мировой политики – Великобританию и США.

В феврале 1959 года СССР посетил премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, который рассматривал свой визит как ответ на посещение Англии Н.С. Хрущевым в 1956 году, цель визита – обмен мнениями с руководством СССР по международным проблемам.

9 февраля английскому послу П. Райли представили программу пребывания Макмиллана в СССР, по которой он высказал свои замечания. Одно из пожеланий – чтобы визит как можно шире освещался прессой.

Первоначально программа визита представляла список мероприятий, перечисленных в хронологическом порядке, окончательный вариант – тематический план пребывания премьер-министра Великобритании в СССР, который состоял из следующих пунктов:

- встреча в аэропорту;
- размещение;
- визиты, переговоры, встречи;
- завтраки, обеды, приемы;
- посещения Большого театра;
- другие протокольные мероприятия;
- поездки по СССР;
- проводы.

Прежде чем дать характеристику каждому пункту программы, следует отметить, что в состав делегации входили помимо премьер-министра: Селвин Ллойд – министр иностранных дел, Сэр Норман Брук – секретарь по кабинету, заведующий отделом печати МИД, советники, эксперты (всего 13 человек), служебный персонал (34 человека), журналисты (57 человек) [1].

Накануне визита Протокольный отдел МИД СССР находился в тесном контакте с английским посольством. Обсуждались вопросы о визах, о цензуре, о деталях отправки информации в Лондон, для журналистов, о выступлениях премьер-министра по телевидению, о пресс-конференции Макмиллана. 11 февраля, во время встречи первого секретаря Протокольного отдела с третьим секретарем посольства Англии, последний высказал просьбу, чтобы таможенные власти пропустили груз в адрес делегации (подарки, пищевые машинки) без досмотра, как это было во время поездки Хрущева в Англию в 1956 году [2].

21 февраля на аэродроме Внуково правительственную делегацию из Великобритании во главе с премьер-министром Макмилланом встречали: Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, А.Н. Косыгин, А.А. Громыко и другие члены правительства, а также представители дипломатического корпуса, трудящиеся столицы (500 человек). На аэродроме, украшенном государственными флагами Великобритании и СССР, был выставлен почетный караул, исполнены гимны двух стран, школьники преподнесли гостям цветы. Хрущев и Макмиллан выступили с краткими речами. В резиденцию по Померанцевскому переулку, 6 премьер-министра сопровождал министр в автомобиле Н.С. Хрущев, министр иностранных дел А.А. Громыко.

В связи с тем, что в 1956 году автомобиль Н.С. Хрущева в Лондоне эскортировали мотоциклисты, в Москве автомобиль с Макмилланом также двигался по улицам Москвы в эскортном сопровождении.

Во время пребывания в СССР Макмиллан неоднократно встречался с Хрущевым, причем встречи проходили не только в Кремле, но и на загородной даче (21, 23, 25, 26 февраля, 2, 3 марта).

Что касается завтраков, обедов и приемов, то 21 февраля состоялся обед у Хрущева (Екатерининский зал) на 40 человек, 23 февраля – обед у посла Райли в посольстве Великобритании, присутствовали Хрущев, Микоян, Косыгин и др.

24 февраля – прием у посла Райли в посольстве Великобритании, присутствовали Хрущев, Микоян, Фурцева, Косыгин и др.

2 марта – прием в Кремле от имени советского правительства (700 человек). После того как Хрущев и Макмиллан произнесли тосты, оркестр исполнил туш и начался концерт советских артистов [3].

25 февраля англичане посетили Большой театр, где смотрели балет «Ромео и Джульетта». В центральной ложе находились Макмиллан, Ллойд, Хрущев, Микоян, Косыгин и др. Ложа была украшена флагами двух стран, перед началом балета исполнены гимны, от имени Макмиллана артистам были преподнесены цветы [4].

Так называемые «другие протокольные мероприятия» в Москве включали посещения МГУ (23 февраля) и Института ядерных исследований в Дубне (24 февраля), выступление Макмиллана по Московскому телевидению (2 марта), пресс-конференция в Доме журналистов (3 марта).

Что касается поездок по СССР, то 26 февраля английская делегация вылетела в Киев, а оттуда 28 февраля – в Ленинград.

В Киеве и Ленинграде при встрече и проходах аэродромы украшались государственными флагами Великобритании, СССР, УССР (в Киеве) и РСФСР (в Ленинграде). В аэропортах выстраивался почетный караул, исполнялись гимны Великобритании и СССР (в Киеве – УССР).

В столице Украины гости посетили Театр оперы и балета (балет «Лесная песня»), Выставку передового опыта народного хозяйства УССР, в Мариинском дворце в честь английской делегации был дан обед.

На сельскохозяйственной выставке большое впечатление на гостей произвела ее организация и оформление. Ллойд заметил, что впервые видит выставку такого высокого уровня.

Макмиллана заинтересовала врубовая машина, которая работала на крутопадающих угольных пластах. Личный секретарь Макмиллана сказал, что если бы Консервативная партия организовала подобную выставку перед выборами, то там бы и победила [5].

На обеде премьер-министр высказал восхищение восстановительными работами в Киеве и в республике, отметил в этом роль Хрущева, упомянул, что англичане участвовали в строительстве крупнейшего в Европе Днепропетровского шинного завода. «Если мир неделим, – сказал Макмиллан, – то также неделимо и взаимное процветание <...>. Мало желать мира и говорить о нем, надо упорно работать над его достижением <...>, путем преодоления трудностей и непонимания» [6].

Помощник премьера Зулуэта сказал в беседе с советским представителем: «Даллес болен, Аденауэр взбесился, а де Голль ведет себя как абсолютный король <...> Макмиллан остается единственным работающим и думающим деятелем Запада, однако он не может взять на себя ответственность за то, чтобы сказать последнее слово советской стороне» [7].

Эванс, помощник премьера по прессе, заявил в одной из бесед с советским представителем, что «Англия привыкла слушать всех, но делать так, как ей нужно, и что Макмиллан будет в СССР ровно столько, сколько предусмотрено программой» [8].

Посещение Киева произвело на британских гостей сильное впечатление. Все, начиная с балета «Лесная песня» и заканчивая Выставкой народного хозяйства, удостоилось самой высокой оценки.

О пребывании в Ленинграде в фонде Протокольного отдела содержится сведений значительно меньше, чем о поездке в Киев. Известно, что англичане посетили Адмиралтейский судостроительный завод и атомный ледокол «Ленин», Военно-морское училище имени Фрунзе, Дворец пионеров, побывали в Театре имени С.М. Кирова (балет «Каменный цветок»).

По возвращении в Москву в БКД состоялось подписание советско-английского коммюнике и соглашения об обменах области культуры [9]. С советской стороны документы подписал Хрущев, с английской – Макмиллан. По окончании пресс-конференции Хрущев сопровождал гостя в автомобиле от резиденции до аэродрома (Громыко сопровождал Ллойда). В аэропорту Хрущев и Макмиллан обменялись речами.

Работа сотрудников Протокольного отдела получила высокую оценку английской стороны. 4 марта из посольства Великобритании в Москве была направлена благодарность, в которой посол Патрик Райли отметил, что организационная программа, осуществленная Протокольным отделом в короткий срок, «наполняет нас восторгом» [10].

Положительные результаты деятельности сотрудников Протокольного отдела МИД СССР зависели в том числе от их

успешного сотрудничества с представителями зарубежных миссий, аккредитованных в Москве, которые примерно за месяц до начала визита встречались с советскими протоколистами.

Зачастую во время этих встреч обсуждались не только протокольные вопросы, но и проблемы взаимоотношений между государствами.

Так 20 мая 1959 года посол Эфиопии, получив предварительную программу визита в СССР императора Эфиопии Хайле Селассие (визит состоялся 29 июня – 13 июля), заявил, что правительство Эфиопии попросило его официально обратиться в МИД СССР с просьбой, чтобы советская делегация на XIV Международной конференции по наркотикам в Женеве поддержала предложение эфиопской делегации по спорному вопросу о том, можно ли считать растение кат наркотиком, кат – важная статья эфиопского экспорта, поэтому эфиопское правительство возражает против того, чтобы кат считался наркотиком. Окончательное решение по этому вопросу будет вынесено после заключения комиссии экспертов, которая была создана на XII Международной конференции по наркотикам.

Представители МИД заверили эфиопского дипломата, что, насколько известно, советская делегация выступит на стороне Эфиопии по этой проблеме [11].

Императора Эфиопии, прибывшего в СССР 29 июня по приглашению советского правительства, в поездке по стране сопровождали: внучка императора принцесса Аида Деста; заместитель премьер-министра и «министр пера», министр императорского двора, начальник личного штаба и другие официальные лица.

Программа пребывания Хайле Селассие I была выстроена по аналогичному плану визита Макмиллана, а именно:

- встреча в Москве;
- размещение;
- визиты и переговоры;
- посещение Мавзолея и возложение венка;
- завтраки, приемы;
- посещение театра;
- другие протокольные мероприятия;
- поездка по СССР;
- проводы.

Рассмотрим каждый из перечисленных пунктов.

Встреча в Москве

Император прибыл в аэропорт Внуково самолетом Ту-104, который при подлете к аэродрому встречал эскорт истребителей.

С советской стороны во встрече участвовали: К.Е. Ворошилов, Н.С. Хрущев, А.И. Микоян и другие официальные лица, а также главы дипломатических представительств, иностранные корреспонденты, представители трудящихся Москвы (500 человек), которые держали в руках портреты Хайле Селассие I, Ворошилова и Хрущева. Школьники преподнесли гостям цветы. Аэродром украшен государственными флагами СССР и Эфиопии, приветственными транспарантами на русском и абхазском языках: «Добро пожаловать, хорошего здоровья!», «Привет его величеству императору Эфиопии Хайле Селассие I» и другими портретами Хрущева (справа), Селассие (в центре) и Ворошилова (слева). На аэродроме был также выстроен почетный караул, исполнены гимны двух стран. Ворошилов и Селассие выступал перед микрофоном.

В автомобиле, следовавшем в резиденцию гостя в Кремль, его сопровождали Ворошилов и Хрущев. Улицы от аэропорта до резиденции украшены государственными флагами СССР и Эфиопии, транспарантами. На улицах – люди с портретами Селассие, Ворошилова и Хрущева. Во всех поездках по городу автомобиль императора сопровождал эскорт мотоциклистов [12].

Размещение – резиденция в Кремле.

Визит и переговоры

Визит министра иностранных дел Эфиопии министру иностранных дел СССР А.А. Громыко, визиты Селассие председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову и председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву, встреча с руководителями советского правительства, беседа с Н.С. Хрущевым на даче.

Посещение Мавзолея и возложение венка. Завтраки, приемы

От имени Президиума Верховного Совета СССР, завтрак в Грановитой палате. Прием от Селассие в честь Ворошилова (Большой Кремлевский дворец), на котором император вручил председателю Верховного Совета СССР высшую награду Эфиопии – орден царицы Савской с золотой цепью. После исполнения гимнов Ворошилов и Селассие обменялись речами.

На завтраке у послов стран – участниц Бандунгской конференции Ворошилов вручил императору орден Суворова 1-й степени.

12 июля от имени патриарха Московского и всея Руси был дан обед в честь Селассие в резиденции патриарха (Чистый переулок, 5) [13], патриарх наградил императора церковным орденом Великого князя Владимира I степени, Хайле Селассие вручил патриарху орден Святой Троицы и золотой Крест. Патриарх и Селассие обменялись речами.

Посещение театра

Во время визита состоялось официальное посещение Большого театра (балет «Лебединое озеро»). Ложа для почетных гостей украшена штандартом императора (справа) и государственным флагом СССР (слева), перед началом спектакля были исполнены гимны двух стран. В театр был приглашен дипломатический корпус.

Другие протокольные мероприятия

Во время посещения Гвардейской Таманской Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Калинина, аэропорт Кубинка, Селассие были оказаны соответствующие воинские почести, показаны военные учения и авиационная техника. Гости побывали также в МГУ, на ВДНХ, осмотрели московское метро [14].

Поездка по СССР

Во время поездки аэродромы и улицы украшались государственными флагами СССР и Эфиопии и соответствующей союзной республики, транспарантами, портретами Хрущева, Селассие, Ворошилова. При встрече и проходах на аэродроме и улицах города (кроме Сталинграда) императора приветствовали трудящиеся с портретами Селассие, Ворошилова, Хрущева. В Сталинграде и Ленинграде были выстроены почетные караулы, звучали гимны Эфиопии и СССР.

В Свердловске гости посетили золотonosный рудник, Уральский завод тяжелого машиностроения, Уральский геологический музей, на обеде Селассие вручил городу подарок – национальные эфиопские атрибуты воина – щит и два копья.

В Сталинграде состоялось возложение венка к памятнику погибшим героям. На Мамаевом кургане Селассие передал дар – шкатулку с священной землей Сталинграда, гости побывали также на Тракторном заводе и ГЭС. На завтраке Селассие подарил городу два больших слоновых бивня в серебряной оправе, установленные на подставке из черного эфиопского дерева косо.

Из Сочи гости отплыли в Ялту, где в Артеке Селассие повязал галстуки пионерам.

В Ленинграде члены делегации осмотрели Эрмитаж, на обеде Селассие сделал подарок городу – слоновые бивни [15].

В Москве проводы были организованы по той же схеме, что и встреча. Ворошилов и Хрущев сопровождали Селассие от резиденции до аэродрома, а в аэропорту Селассие и Ворошилов обменялись речами.

Несмотря на то что к концу 50-х годов схема подготовки визитов лидеров зарубежных государств была тщательно разработана Ф.Ф. Молочковым и его сотрудниками, каждый визит по-своему уникален, как уникальны личности, прибывшие в СССР.

Накануне визита в СССР вице-президента США Р. Никсона 23 июля 1959 года в МИД СССР поступила телефонограмма из посольства СССР в Вашингтоне, в которой сообщалось, что Никсон хотел бы посмотреть советский балет, Дворец культуры, побывать на концерте симфонического оркестра [16].

Кроме этого, американская сторона пожелала уточнить некоторые протокольные вопросы пребывания Никсона в СССР.

А именно вопрос о размещении, порядок следования автомобилей и рассадка в них. Так, американская сторона полагала, что во время поездки Никсона из московского аэродрома в резиденцию необходимо, чтобы перед автомобилем Никсона следовала открытая машина с представителями американской прессы, а за автомобилем охраны, в конце кортежа – автомобиль с представителями американской фотохроники [17].

На американском флаге должно быть 49 звезд (флаг с 50 звездами еще не является официальным). Обсуждался также вопрос о переводчиках, о порядке оплаты американских счетов за питание и обслуживание в СССР.

Что касается церемонии открытия американской выставки в Москве, то американской стороной было замечено, что при открытии советской выставки в Нью-Йорке сначала был исполнен гимн СССР и первым выступил Р. Никсон. Исходя из принципа взаимодействия американское посольство полагает, что при открытии американской выставки в Москве первым должен быть исполнен американский гимн, а Никсон выступит после советского представителя [18].

Что касается личных пожеланий господина вице-президента, то Никсон через американское посольство в Москве передал просьбу первому заместителю иностранных дел МИД СССР В.В. Кузнецову, что хотел бы посмотреть производство баллистических ракет среднего радиуса действия, аналогичных ракетам типа «Тор», при этом он ссылаясь на разрешение, полученное для Туполева на посещение предприятия «Конвоир» в Сан-Диего, авиазавода «Локхид» в Бербанке, Калифорния, авиазавода в Дугласе, включая производство ракет «Тор» в Лос-Анджелесе [19].

На последующем приеме Кузнецовым посла США в Москве Левеллина Томпсона последний заметил, что Никсон огорчен отказом советской стороны использовать американские самолеты для перемещения по СССР и просил разрешения хотя бы из Москвы в Ленинград долететь на американском борте. Кроме того, Никсон выразил пожелание, чтобы на обеде от имени посла не было жен, так как обед носил деловой характер. Для супруги Никсона следовало организовать встречу с советскими женщинами [20].

Начальник Протокольного отдела МИД СССР Молочков в свою очередь высказал предложение не украшать флагами все города, где будет находиться Никсон, а только аэродром при встрече и проводах вице-президента в Москве, так как при пребывании Ф.Р. Козлова в США аэродромы в городах, которые он посетил, флагами не украшались. Кроме того, было принято решение – не выстраивать на аэродроме в Москве почетный караул и исключить сопровождение Никсона советскими представителями в его автомобиле до резиденции [21].

В результате двусторонних обсуждений была составлена следующая программа пребывания вице-президента США Р. Никсона.

23 июля – прибытие на Внуковский аэродром.

24 июля – визит к К.Е. Ворошилову, визит к Н.С. Хрущеву, поездка на американскую выставку, завтрак от имени Хрущева в Кремле.

25 июля – визиты к А.И. Микояну, Ф.Р. Козлову, посещение ВДНХ, осмотр Москвы, обед у посла США.

26 июля – встреча с Н.С. Хрущевым, Ф.Р. Козловым и А.И. Микояном на даче, вечером – Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко (оперетта «Цыганский барон») [22].

27 июля – отлет в Ленинград, посещение Политехнического института имени М.И. Калинина или Металлического завода, ледокола «Ленин», Научно-исследовательского института полупроводников, осмотр города.

На 28 июля был запланирован вылет в Новосибирск, где американской делегации предлагалось посетить Турбогенераторный завод или «Тяжестанкогидропресс», театр, Академгородок, электростанцию «Уралмашинзавод» (29 июля), Первоуральский медный рудник, Дворец пионеров (30 июля), строительство Белоярской атомной электростанции (31 июля).

По возвращении в Москву (вылет из Новосибирска 31 июля) 1 августа – посещение Авиационного завода № 30, выступление по Московскому телевидению.

2 августа – вылет из Москвы [23].

В поездке по СССР Никсона сопровождали:

- Патриция Никсон – супруга вице-президента; доктор Мильтон Эйзенхауэр, брат президента США, член Консультативного комитета при президенте США по ведению выставки в Москве;
- Джордж В. Ален – директор информационного агентства США;
- Цой Д. Колер – заместитель помощника госсекретаря США по европейским делам;
- вице-адмирал Х.Д. Риквер – помощник директора отдела строительства реакторов для военно-морского флота США и др.

Всего 44 человека и 5 человек охраны [24].

Некоторые члены делегации, так же как ее глава, высказали пожелания по программе визита. Так, брат Эйзенхауэра Мильтон проявил интерес к высшему образованию и сельскому хозяйству в СССР и попросил организовать встречу с министром высшего и среднего специального образования и с министром сельского хозяйства (советская сторона приняла решение удовлетворить эту просьбу).

Президент «Интернейшнл бизнесс машине корпорейшн» Томас Уотсон в свою очередь попросил ознакомиться с советскими машинами, было решено организовать ему встречу в Академии наук и в павильоне радиоэлектроники на ВДНХ [25].

Ввиду особого значения организации американской выставки, в Москве была разработана специальная процедура ее открытия.

24 июля в 18:00 – сбор гостей на территории выставки (1500 советских представителей с женами, 400–500 членов дипломатического корпуса, 400–500 представителей прессы и американских туристов, всего примерно 4 тысячи человек).

18:15 – встреча советских официальных лиц (10–16 человек) с Р. Никсоном у входа выставки, оттуда они направляются к трибуне.

18:30 – речь посла США Томпсона, советского представителя, потом Никсона, звучат гимны США и СССР, поднимаются национальные флаги. У входа в павильон Никсон перерезает ленту и объявляет выставку открытой.

20:30 – гости приглашаются к столам с шампанским.

21:30 – отъезд гостей [26].

Открытие американской выставки в Москве не обошлось без инцидентов. Так, 24 июля одна из американских туристок, сопровождавших Никсона в числе других американских граждан, Жозефина Хьюз, узнав в бюро обслуживания гостиницы «Москва», что еще не прибыли автомобили, предназначенные для транспортировки туристов на выставку, «с криком схватила телефонный аппарат, швырнула его на пол, а затем бросила настольный календарь на стол сотрудника бюро обслуживания <...> Она кричала: «Я ненавижу эту варварскую страну, эту гостиницу <...>, и не дождусь, когда все это будет уничтожено» [27].

Советская сторона решила не принимать никаких мер в отношении Хьюз, так как в это время в стране находился вице-президент США. Американское посольство поблагодарило правительство СССР за это решение [28].

В фонде Протокольного отдела МИД СССР содержится подробная информация о путешествии Никсона по СССР.

Согласно заранее утвержденной программе 28–29 июля вице-президент и сопровождающие его лица находились в Новосибирске, где осмотрели завод тяжелых станков и прессов, гидроэлектростанцию, академический городок, побывали на балете «Лебединое озеро». Перед

отъездом Никсон подчеркнул, что Сибирь находится на пути к большому прогрессу. Американцев поразило, что станки, выпускаемые на заводе, экспортируются в Англию, Китай и другие страны. Жители Новосибирска, общаясь с Никсоном, спрашивали его об американских военных базах, почему США не подкрепляет делами свои заявления о желании жить в мире с СССР, о причинах отказа США прекратить испытание ядерного оружия. В ответ на это Никсон заявил, что «вы не знаете правды об американской политике», и предложил прекратить «глушить» передачи американского радио на Советский Союз [29].

Следует отметить, что Никсон передвигался по городу, улицы которого были заполнены людьми. При выходе из автомобиля он приветствовал собравшихся, которые отвечали ему не только приветствиями, но, как, например, было у театра, выкриками, осуждающими политику США [30].

Но в целом сопровождавшие вице-президента положительно отзывались о пребывании в Ленинграде и Новосибирске. Встреча в Свердловске прошла организованно, но вместо обеда от имени председателя горисполкома Никсон попросил дать ему возможность поработать над своей речью для выступления по советскому телевидению 1 августа.

30 июля в Свердловске в ресторане во время завтрака Никсон заметил, что, судя по вопросам, которые ему задают во время поездки советские граждане, их волнует вопрос об американских базах. Вице-президент заявил, что обсудит этот вопрос на переговорах в Москве, но при этом он заверяет, что американский народ, как и народ Советского Союза, хочет жить в мире и что «...мы не хотим ни кусочка советской территории» [31].

Никсон отметил, что Берлинская блокада, война в Корее и другие военные столкновения привели к созданию американских баз. Однако сейчас не время ворошить старое. Сейчас надо устанавливать взаимоотношение, а для этого важны личные контакты в миролюбивой атмосфере, это первый шаг, чтобы разрешить разногласия [32].

В Свердловске помощник Никсона Клейн устроил прием в честь журналистов, сопровождавших Никсона в поездке. Клейн и американские журналисты говорили о том, что, несмотря на некоторые организационные проблемы (цензура фото- и киноплёнок), они довольны поездкой и впечатлениями от Сибири и что их советские коллеги сами не понимают того, какое огромное пропагандистское значение имеет путешествие в Сибирь и на Урал американских журналистов, которые смогли убедиться, что в Новосибирске и Свердловске «медведи не ходят по улицам» и что здесь идет гигантская стройка [33].

Клейн, который, по словам американских журналистов, является самым близким к Никсону человеком (из числа сопровождавших его лиц), на вопрос о впечатлениях вице-президента сказал, что тот убедился «в огромном запасе благожелательности и дружественных отношений со стороны простых советских людей по отношению к американским» [34].

1 августа 1959 года на имя Н.С. Хрущева поступила телеграмма из канцелярии вице-президента США, в которой Р. Никсон выражал благодарность за гостеприимство, оказанное ему, госпоже Никсон и членам делегации. Беседы в Москве, по мнению Никсона, были дружественными и вместе с тем откровенными, в ходе их выражались различные точки зрения, каждый узнал позицию другого. «Такого рода прогресс настолько необходим что <...> и такого рода прогресс настолько необходим, потому, что, как я (Никсон. – *Авт.*) отметил <...> нам либо жить вместе, либо умереть вместе» [35].

В конце послания Никсон еще раз искренне благодарил за горячее гостеприимство, оказанное госпоже Никсон и вице-президенту США, которые получили удовольствие от завтрака, «данного Вами, и пребывания на даче, и я надеюсь, что Вы передадите от нас особый привет г-же Хрущевой, общество которой мы нашли столь любезным и дружественным» [36].

Накануне отъезда Никсона из СССР среди американских журналистов прошла информация, что Никсон предложил Эйзенхауэру приехать в СССР, что позволит американцам произвести еще большее впечатление на советских людей [37].

При подготовке несостоявшегося визита президента США Д. Эйзенхауэра (визит должен был продлиться с 10 по 19 мая 1950 года) в церемонию встречи были внесены новые элементы:

- артиллерийский салют наций в 21 выстрел (во время исполнения гимнов);
- принятие гостем рапорта начальника почетного караула с небольшой трибуны;
- выстраивание встречающихся лиц и членов дипломатического корпуса вдоль ковровой дорожки на пути от самолета до места произнесения приветствий;

– установка второй небольшой трибуны для произнесения речей напротив представителей трудящихся Москвы, присутствующих при встрече, которые размещаются вдоль фасада аэропорта.

При этом сохранялось эскортирование самолета гостя группой истребителей, вывешивание на здании аэропорта портретов, сопровождение автомобиля президента эскортом мотоциклистов, количество которых увеличилось до 25 человек.

Этот церемониал встречи, за исключением артиллерийского салюта, распространялся и на другие города СССР, где были предусмотрены воинские почести (столицы союзных республик и города-герои) [38].

ЦК КПСС принимает решение, что указанный церемониал будет применяться при приезде в СССР партийно-правительственных делегаций социалистических стран, если в их состав входят первый секретарь ЦК братской партии, председатель Президиума законодательного органа страны и председатель Совета министров, а также при приезде в СССР главы иностранного правительства, если он прибывает в качестве главы государства.

Кроме этого ЦК Касс одобрил предложение о том, что поездка президента США из Москвы на дачу будет совершена на вертолете совместно с Хрущевым, поскольку во время пребывания в Вашингтоне Хрущев совершил осмотр города с вертолета в сопровождении Эйзенхауэра [39].

Визит президента США мог стать, по своей организации, одним из лучших в истории советского протокола, но инцидент с американским разведывательным самолетом У-2, сбитым в районе Свердловска 1 мая 1960 года, не позволил воплотить в жизнь подготовленный сценарий.

Спустя примерно год после первого визита в СССР в 1959 году президент Итальянской Республики Джованни Гронки вновь посетил Советский Союз в феврале 1960 года, то есть спустя примерно год после своего первого визита СССР.

В отличие от 1959 года Программа второго визита тщательным образом разрабатывалась Протокольным отделом МИД СССР (во всяком случае, мы не располагаем подробно информацией о подготовке первого визита).

15 декабря 1959 года (примерно за два месяца до прибытия Гронки в СССР) заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину был направлен распорядок дня Гронки и режим его питания [40].

Пробуждение в 8 часов: кофе без кофеина, немного молока.

Завтрак – 9 часов утра: кофе с молоком, обжаренный на электрическом приборе (тостере) хлеб, масло, яблочный джем, сок из свежих апельсинов, иногда – ветчина.

Обед – 14 часов: немного икры, семга или лососина, макаронное или крупяное изделие (вермишель, рис), не очень жирная пища (мясо, рыба отварная, салат без приправ, отдельно оливковое масло), сок из свежих апельсинов, фрукты, белые сухие вина (12–13), легкие сухие вина (11).

После обеда иногда французское шампанское.

Отдых в кресле – 15–15:30: чай со льдом.

Ужин – 21 час: легкий протертый овощной суп, немного мяса, зелень, сок из апельсина.

На покой в 24 часа.

16 декабря 1959 года в МИД состоялся прием посла Италии в СССР Л. Пьетромарии, на котором ему вручили проект программы пребывания в СССР президента Италии, составленной с учетом пожеланий Гронки советскому послу в Италии.

Посол отметил, что в отношениях между СССР и Италией наступило улучшение и он надеется, что «беседа Гронки с руководством Советского правительства является тем поворотным моментом, который определит на будущее этот процесс постоянного улучшения отношений Италии с СССР, начавшийся в последнее время» [41].

Предложенная программа включала в себя визит к председателю Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилову, в тот же день визит к председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву; обед от имени Президиума Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце, посещение Большого театра (балет «Лебединое озеро»), беседа с руководителями правительства СССР, завтрак от имени господина президента, прием от имени господина президента, прием от имени Президиума Верховного Совета СССР в БКД, посещение ВДНХ, МГУ, Третьяковской галереи, выступление президента по Московскому телевидению, поездка в Ленинград [42].

Отдельно был разработан и тщательно прописан протокол встречи на Внуковском аэродроме 6 февраля 1960 года президента Итальянской Республики Д. Гронки [43].

Официальные лица с советской стороны собираются на взлетной полосе за 10–15 минут до прибытия самолета, дипломатический корпус, иностранные и советские корреспонденты – за 15–20 минут. Все встречающие располагаются в отведенных для них секторах.

По прибытии самолета к нему подходят председатель Президиума Верховного Совета СССР, председатель Совета министров СССР и другие руководители Совета государства, посол Италии, заведующий Протокольным отделом МИД СССР.

Первым из самолета выходят президент с супругой. Заведующий Протокольным отделом МИД СССР представляет встречающих президенту, его супруге. После официального представления гостям вручают цветы.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР приглашает президента принять рапорт начальника почетного караула. В это время из самолета выходят сопровождающие президента лица, которые здороваются с встречающими советскими официальными лицами и вместе с ними, после исполнения гимнов, направляются в свой сектор (гимны звучат после рапорта). Президент и председатель Президиума Верховного Совета СССР в сопровождении заведующего Протокольным отделом МИД

СССР совершают (после исполнения гимнов) обход строя почетного караула от знамени до другого фланга и возвращается на середину строя. Президент обращается к почетному караулу: «Здравствуйтесь, солдаты и офицеры Советской армии!», караул отвечает: «Здравия желаем!» [44].

Затем заведующий Протокольным отделом представляет президенту других советских официальных лиц и глав диппредставительства, находящихся в специальных секторах. После этого президент и председатель Президиума Верховного Совета СССР направляются к секторам, где находятся трудящиеся Москвы и встречающие руководители Советского государства. После приветствий караул проходит торжественным маршем, по окончании которого Ворошилов и Гронки подходят к микрофонам и произносят речи (сначала Ворошилов, потом Гронки). По окончании выступления (сначала речь, потом перевод) гости прощаются с встречающими, садятся в автомобиль и отбывают в резиденцию и гостиницу.

Ознакомившись с программой пребывания, итальянская сторона высказала по этому вопросу ряд пожеланий, одно из которых – организация экскурсии для сына президента М. Гронки (17 лет), интересующегося вопросами ядерной физики, в одно из научно-исследовательских учреждений, МИД СССР обратился с просьбой к начальнику Главного управления об использовании атомной энергии при Совете министров СССР В.С. Емельянову, чтобы тот дал указание об организации посещения сыном президента Института теоретической и экспериментальной физики с 6 по 1 февраля 1960 года [45].

4 февраля (за два дня до начала визита) помощник заведующего Протокольным отделом В. Ермаков обсудил с заместителем заведующего Протокольным отделом МИД Италии Феррари протокольные мероприятия по программе пребывания Гронки в СССР. В частности, Феррари выразил пожелание итальянской стороны, чтобы воскресную (7 февраля) службу в католической церкви, на которой будет присутствовать Д. Гронки, провел священник посольства США Дион, отметив, что настоятель католической церкви Бронницкий не имеет против этого возражений и нуждается лишь в разрешении Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР. Итальянский представитель просил Протокольный отдел оказать содействие в получении соответствующего разрешения [46].

Для супруги президента Карлы Гронки была составлена и одобрена итальянской стороной отдельная программа пребывания в СССР, которая включала посещение Оружейной палаты Кремля, метрополитена, Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Третьяковской галереи, ГУМа.

Важной составляющей программы был визит в Институт грудной хирургии Академии медицинских наук СССР, в 1-ю городскую клиническую больницу, где по просьбе Гронки ее проводили в отделение полиомиелита. В исполкоме Союза обществ Красного креста и Красного Полумесяца СССР Карле Гронки был вручен почетный знак СОКК и КП СССР [47].

Традиция обсуждения программы визитов официальных лиц в СССР была продолжена при подготовке визитов в СССР президента Индонезии Сукарно и министра национальной безопасности Насутиона, которая началась 11 мая 1961 года со встречи третьего секретаря

посольства Республики Индонезии М.М. Тайебы с третьим секретарем Протокольного отдела Ю. Лепановым. Во время беседы обсуждались следующие вопросы:

- о сопровождении президента;
- празднование в Москве дня рождения Сукарно. 6 июня президент хотел бы организовать «Семейное торжество» и не приглашать «высших представителей Советского правительства» [48];
- посещение членами делегации специальных объектов. Так, министр производства, будучи представителем комитета по проведению Азиатской олимпиады, хотел бы посмотреть спортивные сооружения в Лужниках, мэр Джакарты выразил желание встретиться с председателем Моссовета. При этом Сукарно не планирует посещать в СССР заводы (этим будет заниматься министр труда).

На встрече также обсуждалась программа для супруги генерала А.Х. Насутиона – посещение детских домов, просветительских учреждений, мест отдыха детей, Комитета советских женщин, достопримечательностей, спортивных мероприятий для детей [49].

29 мая Лепанов вновь встретился с Тайебой, который сообщил, что президент одобрил программу визита, особо отметив, что посещение Киева предоставит возможность выразить признательность руководителям Украинской ССР, которая совместно с СССР и БССР неизменно оказывала и оказывает поддержку Индонезии в ООН [50], в то же время посещение Ленинграда, по мнению Сукарно, важно и интересно для министра национальной безопасности Насутиона, так как город будет основным центром подготовки индонезийских военных специалистов в СССР.

Следует обратить внимание на важность и актуальность последнего замечания президента, действительно вся программа визита Насутиона в СССР, включая встречу в Москве 6 июня (на аэродроме министра встречали маршалы СССР Р.Я. Малиновский с супругой, А.А. Гречко, М.В. Захаров с супругой, В.И. Чуйков и др.) и выбор объектов для посещения подчеркивает военный характер визита. Так, в Москве министр побывал в войсковых лагерях Гвардейской Таманской дивизии, в Алабине присутствовал на батальонных учениях, в Ташкенте министр встречался с командующим войсками Туркестанского военного округа, в Ленинграде побывал в Высшем военно-морском училище имени М.В. Фрунзе [51] на стрельбах ЛВО. Перед отлетом из Москвы в Белград в НДСА состоялся прием от имени Малиновского (на 220 человек) для военных, военно-морских атташе, советских и иностранных корреспондентов. Абдул Харис Насутион и Р.Я. Малиновский обменялись речами.

Супруга министра вместо военных объектов посещала детские сады, родильные дома и школы.

Что касается протокольных особенностей визита, то следует отметить, что из аэродрома супругу министра в отдельном автомобиле до резиденции провожала супруга маршала Р.А. Малиновского [52].

Президент Сукарно прибыл в Москву 5 июня по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и советского правительства на зафрахтованном американском самолете «Боинг-707». Схема встречи к этому времени стала традиционной – эскорт реактивных истребителей, присутствие на аэродроме (украшенном флагами Индонезии и СССР и портретами Хрущева, Брежнева и Сукарно), членов правительства, глав дипломатических представительств, советских и иностранных корреспондентов, индонезийских студентов, прохождение строя почетного караула, исполнение гимнов (в это время впервые был произведен 21 оружейный залп), выступление Брежнева и Сукарно перед встречающими. Брежнев и Хрущев сопровождали президента в открытом автомобиле до резиденции (улицы Москвы от аэропорта до резиденции украшены государственными флагами).

Программа визита также была весьма традиционной для этого времени – в Москве – визит к Л.И. Брежневу, обед от имени Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР в БКД, возложение венков к Мавзолею Ленина и Сталина; в Ленинграде – посещение Дворца пионеров, мечети, Кронштадта и Пулкова, а по возвращении в Москву – посещение ГАБТа и участие в митинге советско-индонезийской дружбы в БКД.

В Киеве гости осмотрели город, один из колхозов, присутствовали на обеде от имени Президиума Верховного Совета У СССР и Совета министров У СССР. 12 июня Сукарно отбыл из Киева.

В 1960 году произошли важные изменения не только в системе международных отношений, но и в советской системе правления. В мае этого года Л.И. Брежнев становится председателем Президиума Верховного Совета СССР. Новый пост делал Брежнева второй после Хрущева политической фигурой в стране и первой в дипломатическом протоколе.

Визиты президента Ганы К. Нкрумы, председателя Верховного Совета Вооруженных сил и премьер-министра Республики Судан И. Аббуды, премьер-министра Афганистана М. Дауда, партийно-правительственной делегации РНР

К концу 1950-х годов национально-освободительное движение охватило весь Африканский континент. В марте 1957 года бывшая колония Золотой Берег стала первой независимой страной тропической Африки. В феврале 1951 года на выборах в Законодательное собрание одержала победу руководимая К. Нкрумой Народная партия, и ее лидер стал премьер-министром. Но колониальный режим оставался до 6 марта 1957 года, когда Англия предоставила стране статус доминиона и Золотой Берег стал независимым государством Гана.

С именем Кваме Нкрумы связано внедрение в африканскую политическую жизнь идеи ненасилия, которую Нкрума заимствовал у своего кумира Махатмы Ганди. С 1960 года Нкрума – президент Ганы, он уверен, что будущее Ганы – социализм, который надо строить, используя советский опыт.

Визит президента и главы правительства Республики Гана К. Нкрумы в СССР в 1961 году по своей продолжительности и насыщенности может сравниться только с визитом в СССР падишаха Афганистана Амануллы-хана.

Подготовительные мероприятия этого визита включали в себя:

- составление программы и печатание ее в типографии;
- отправку в МГК и на места необходимых протокольных материалов (описание и изображение государственного флага Ганы, тексты приветственных транспарантов на русском и английском языках, портрет Кваме Нкрумы);
- обеспечение размещения делегации и сопровождающих президента лиц;
- составление плана рассадки по автомобилям;
- проверку изготовления флагов, транспарантов и портрета;
- обеспечение резиденции государственным флагом и штандартом президента;
- прослушивание гимна Ганы с представителем посольства;
- заказ бланков приглашений на завтрак и прием с советской стороны, обложек программы и меню;
- договоренность с МГК, КГБ и УДСМ СССР относительно маршрута следования делегации с аэродрома до резиденции;
- договоренность с Министерством культуры СССР об официальном концерте в театре;
- сопровождение в поездке по стране от Протокольного отдела;
- контроль за подготовкой подарков и их вручение [в-

Особенность в подготовке визита президента Ганы заключалась в том, что его программа представляла собой не только перечень мероприятий, но конкретные задачи, которые следовало решать сотрудникам Протокольного отдела, отвечающим за каждый ее пункт. К примеру, на двух протоколистов, ответственных за церемонию встречи (10 июля 1961 года) на Внуковском аэродроме, возлагались следующие обязанности: связь с бюро перелетов, оповещение (встречающие, ТАСС, кинохроника, телевидение, радио), радиофикация аэродрома (микрофоны), украшение улиц (флаги, портреты, транспаранты), приглашение дипломатических представителей и корреспондентов, контроль за подготовкой к встрече эскорта истребителей, эскорта мотоциклистов, почетного караула [2].

Протокольным отделом был разработан проект программы пребывания президента в Москве, который включал:

11 июля – посещение Мавзолея Ленина и Сталина, визит к Л.И. Брежневу, завтрак от имени Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР, МГУ, театр [3];

12 июля – Шарикоподшипниковый завод № 1, Госцирк;

13 июля – ВДНХ, Президиум Академии наук СССР, осмотр Москвы и Московского метрополитена, завтрак с ганской стороны;

14 июля – отлет в Иркутск;

22 июля – встреча в Москве, прием с ганской стороны, выступление президента по телевидению;

23 июля – поездка в Кубинку;

24 июля – прогулка по Каналу имени Москвы, митинг дружбы в БКД, подписание совместного документа, прием в БКД;

25 июля – отлет из Москвы.

При подготовке визита Протокольный отдел тесно сотрудничал с II АФО и Отделом печати МИД СССР, которые разрабатывали к визиту следующие материалы:

– общую справку о Гане;

– справку о советско-ганских отношениях;

– справку о проблеме объединения государств Западной Африки и о роли в этом процессе Ганы;

– справку о народной партии Конвента;

– характеристики на Нкруму и сопровождающих его лиц;

– проект заключительного советско-ганского коммюнике;

– проект речей советских руководителей (речь на аэродроме, на завтраке, на приеме в честь Нкрумы в Кремле, на приеме в посольстве Ганы в Москве, речь на приеме, который будет дан послами стран – участниц Бандунгской конференции, речи на митинге в Москве, при подписании советско-ганского коммюнике и при отъезде президента) [4].

10 июля 1961 года спецсамолет Ил-18 с президентом и главой правительства Ганы, а также с сопровождающими его лицами приземлился на Внуковском аэродроме (при подлете к Москве самолет сопровождал эскорт реактивных истребителей). В состав делегации, прибывшей по приглашению председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева, входили министр иностранных дел, министр по парламентским делам, министр транспорта, министр обороны и другие члены правительства, а также генеральный секретарь конгресса профсоюзов, генеральный секретарь Объединенного совета фермеров Ганы, национальный руководитель «Юных пионеров», члены парламента, должностные лица (главный инструктор полиции, личный секретарь президента и др.), партийные работники [5].

В аэропорту делегацию Ганы встречали Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, А.И. Микоян, Е.А. Фурцева и другие члены правительства, а также заведующий Протокольным отделом Ф.Ф. Молочков, ответственные сотрудники Президиума Верховного Совета и Совета министров СССР, ряда министерств, трудящиеся Москвы (500 человек), с флагами Ганы и СССР в руках, главы дипломатических представительств, военно-морские, военно-воздушные атташе, а также советские и иностранные журналисты, студенты африканских стран. Школьники преподнесли гостям цветы.

Аэродром был украшен флагами СССР и Ганы, транспарантами на русском, племени фанти и английском языках, на фронтоне аэровокзала – портреты Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и К. Нкрумы. После исполнения гимнов Л.И. Брежнев и К. Нкрума выступили с речами. Хрущев и Брежнев сопроводили президента в автомобиле с аэродрома до резиденции в Кремле, над которой был поднят штандарт президента Ганы. Улицы Москвы, по которым следовал кортеж, сопровождаемый эскортом мотоциклистов, украшали флаги СССР и Ганы, транспаранты, вдоль улиц – москвичи с флажками Ганы и СССР [6].

Как было сказано выше, президент Ганы с личными секретарями и обслуживающим персоналом был размещен в резиденции в Кремле, остальные члены делегации – в гостинице «Советская».

В программу пребывания президента Ганы в Москве помимо утвержденных ранее мероприятий было внесено посещение Института ядерной физики имени И.В. Курчатова с осмотром действующего атомного реактора [7].

В тот же день (23 июля) Нкрума посетил аэродром в Кубинке, где ознакомился с авиационной техникой. Президента встречали Маршал СССР К.А. Вершинин, генералы и офицеры ВВС, сотрудники МИД СССР. На аэродроме, украшенном государственными флагами СССР и Ганы, был выстроен почетный караул, исполнены гимны СССР и Ганы.

Что касается посещения театра, то делегация Ганы была приглашена не как обычно принято в ходе официальных визитов в ГАБТ, а в Центральный театр Советской армии, где состоялся концерт Краснознаменного имени А.В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской армии. Центральную ложу, где находились К. Нкрума и Л.И. Брежнев, украшали государственные флаги Ганы и СССР, перед началом концерта были исполнены гимны [8].

Еще одна особенность визита – не один, а два митинга дружбы между СССР и Ганой. Один состоялся в БКД. В президиуме – Л.И. Брежнев, Ф.Р. Козлов, А.И. Микоян, руководители центральных учреждений и ведомств, Маршалы СССР (Нкрума и Брежнев выступили с речами). Второй – в актовом зале МГУ. На нем присутствовал профессорско-преподавательский состав МГУ, студенты МГУ и африканские студенты из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Нкруме было присвоено звание доктора юридических наук и вручен почетный диплом.

Во время поездки по стране (14–22 июля 1961 года) в Иркутске, Ташкенте, Киеве, Ленинграде аэродромы (вокзал при отъезде из Ленинграда) и улицы по маршруту следования Нкрумы украшались флагами СССР, Ганы и соответствующей советской республики. В местах встречи делегации (аэродромы, вокзалы) вывешивались портреты Хрущева, Брежнева и Нкрумы. В Ташкенте, Киеве, Ленинграде – при встрече и проходах выстраивался почетный караул, исполнялись гимны Ганы СССР и соответствующей советской республики. Школьники преподносили гостям цветы, которых приветствовали трудящиеся города (300–400 человек). На автомобиле президента вывешивались штандарт президента, флажок СССР и флажок соответствующей союзной республики. Автомобиль сопровождал эскорт мотоциклистов. Над резиденцией, где размещался Нкрума, вывешивался его личный штандарт [9]. Прибыв в Иркутск (14 июля), Нкрума посетил в тот же день Братск, побывал на Байкале (дом отдыха), 16 июля состоялась поездка на Иркутскую ГЭС. В Ташкенте (вылет из Иркутска 16 июля) Нкрума побывал на Ташкентском текстильном комбинате, осмотрел Ту-гуя-Бугузское водохранилище.

В Киеве (18 июля) президента встречали на аэродроме в Борисполе председатель Президиума Верховного Совета УССР Д.С. Коротниченко, председатель Совета министров УССР В.В. Шербицкий и другие официальные лица. После визитов к Коротниченко и Шербицкому президент посетил парк Вечной Славы и возложил венок на Могилу Неизвестного Солдата, осмотрел город [10].

19 июля Нкрума побывал на заводе «Точэлектроприбор», Станкостроительном заводе имени А.М. Горького, заводе «Красный экскаватор», осмотрел выставку передового опыта в народном хозяйстве УССР. В тот же день состоялся обед от имени Президиума Верховного Совета и Совета министров УССР в честь Нкрумы и посещение Театра имени И. Франко (концерт Государственного ансамбля танца УССР).

Следует отметить, что сопровождавшие с советской стороны президента Ганы сотрудники МИД подробно сообщали в Москву о впечатлениях Нкрумы во время поездки по стране.

Так, 19 июля в ЦК КПСС из МИД СССР поступила телефонограмма, в которой отмечалось, что Нкрума остался очень доволен приемом в Узбекистане, где он узнал много из того, что является полезным для Ганы, в частности в области хлопководства, ирригации и развития текстильной промышленности. На президента произвело большое впечатление широкое участие женщин в политической и общественной жизни республики [11].

Нкрума и другие ганцы отмечали доброжелательность, жизнерадостность, работоспособность, понимание чувства долга перед Родиной советских людей, которые к тому же хорошо выглядят, прилично одеваются и «культурно проводят свободное время». Нкрума заявил, что за свою жизнь он посетил немало стран с белым населением, «но нигде не чувствовал к себе и к африканцам такого дружественного, искреннего и непредвзятого отношения, как в СССР <...>. В США и Англии <...> я всегда чувствовал, правда едва уловимый <...> элемент пренебрежения и высокомерия к африканцам. Здесь в СССР я и мои спутники чувствуем себя как в родной семье <...>» [12].

Министры Ганы и члены парламента также не скупились на лестные отзывы об увиденном в Ташкенте и Иркутске, которые в своем развитии не отстают от Москвы и Ленинграда. А член парламента Уэлбек заявил, что предполагает совершить поездку по Гане с чтением лекций о СССР [13].

Посещение Узбекистана, что особенно подчеркивалось в донесении в ЦК КПСС, вызвало «горячие споры ганцев о путях развития своей страны. <...> Ряд членов делегации <...> говорили о целесообразности перенятия советского опыта в сельском хозяйстве. Другие <...> выразили сомнение в эффективности применения этого опыта «в ганских условиях» [14]. С борта самолета, по пути в Киев, Нкрума послал телеграмму в Ташкент с благодарностью за прием [15].

В телефонограмме, направленной А.А. Громыко из Ленинграда 20 июля, особо отмечалось, что в Киеве «украинские товарищи, рассказывая о хозяйственно-культурном строительстве Республики, умело приводили сравнительные данные между развитием Украины и развитием Англии и Франции. Эта убедительная аргументация произвела на ганцев большое впечатление» [16]. В донесении также приводится фрагмент выступления президента на обеде в Мариинском дворце, который был дан в его честь Президиумом Верховного Совета и Советом министров УССР, в котором Нкрума заявил, что громадные восстановительные работы в Украине символизируют «силу и единство Советского Союза под руководством Н.С. Хрущева <...>, торжество промышленного и хозяйственного развития, достигнуто благодаря советской политической системе и организации, что является исключительным примером не только для Ганы, но и для всей сегодняшней Африки». Впервые за время поездки по СССР Нкрума коснулся в своем выступлении вопроса о границах в Африке, подчеркнув, что перед Ганой стоит задача «восстановить ранее существовавшие узы в целях создания континентального политического союза». В беседе с Подгорным Нкрума, разъясняя это положение, сказал, что «советский путь создания единого союза в Африке более приемлем для Ганы, чем путь США» [17].

Помимо участия в общей программе мероприятий в Киеве группа ганцев в составе заместителя управляющего банком Ганы, заведующего отделом ЦК Народной партии и руководителя молодежного движения посетила Госплан Украины. Проявив особый интерес к работе плановых отделов Совнархозов и плановых комиссий облисполкомов, они заявили, что намерены в Гане поставить вопрос о введении социалистических принципов планирования и о создании в стране плановых органов на основе опыта СССР [18].

Кроме того, заместитель генерального прокурора (генеральный прокурор в Гане англичанин) вылетел 20 июля в Москву, чтобы встретиться с работниками советской юстиции. Он возлагает на эти встречи большую надежду, так как в Гане готовится реорганизация прокурорской службы.

Перед отъездом из Киева Нкрума сказал, что прием и гостеприимство, оказанные ему в Украине, «превзошли все его ожидания» [19].

Заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик также сообщил, что Нкрума попросил дать ему материалы на английском языке по истории Октябрьской революции. Отправившись 20 июля из Киева в Ленинград, где делегация Ганы пробыла до 22 июля, она вернулась в Москву, откуда 25 июля вылетела в Варшаву. Таким образом 25 июля завершилась первая часть визита президента Ганы в СССР.

11 августа 1961 года Я.А. Малик сообщил Ф.Ф. Молочкову, что во время беседы с послом Ганы Д. Эллиотом (состоявшейся в тот же день) посол высказал пожелания относительно мероприятий в программе пребывания К. Нкрумы в Москве 12–13 августа на пути в КНР, а именно:

- посещение одного из военных училищ;
- визит к патриарху Алексию;
- посещение Большого театра или какого-либо другого театра или кинотеатра. Если это окажется невозможным, то просмотр в резиденции некоторых из советских кинофильмов, которые демонстрировались на недавнем Международном кинофестивале в Москве [20].

12 августа, во время очередной встречи с послом Ганы, Я.А. Малик вручил Д. Эллиоту подлинник послания председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева президенту Республики Ганы Кваме Нкруме по вопросу о мирном договоре с Германией.

Во время беседы Малик уточнил с послом время прибытия в Москву Нкрумы и программу его пребывания в Москве до отлета в Пекин.

В ответ на просьбу посла организовать президенту встречу с космонавтами Гагариным и Титовым Малик ответил, что в организации встречи имеются определенные трудности в связи с тем, что они, «видимо, находятся вне Москвы» [21].

Относительно встречи с патриархом, так как стало известно, патриарх в настоящее время болен, встреча с ним, возможно, может состояться на обратном пути президента из КНР 19–20 августа. Малик также заметил, что для супруги президента будет сделано все необходимое, чтобы ее пребывание было «приятным и полезным» [22].

В тот же день Малик встретился и передал Ф.Ф. Молочкову просьбу адмирала А.Г. Головки, который просил проконсультировать его по ряду вопросов, связанных с приемом и показом Нкруме крейсера и подводной лодки в Севастополе, а именно: нужен ли во время приема салют, рапорт, оркестр, какой должен быть характер угощения (ланч, обед или закуска а-ля фуршет): все ли мероприятия, намеченные по программе, проводить одновременно (показ крейсера, выход в море на подводной лодке, осмотр Севастопольской панорамы и т. д.) или в два срока. Молочкову было поручено разобраться в этих вопросах и дать ответ Головке [23].

12 августа во Внукове делегацию Ганы встречали Л.И. Брежнев, Я.А. Малик, заведующий 2-м Африканским отделом В.А. Брыкин и другие официальные лица. В аэропорту были подняты государственные флаги Ганы и СССР, на автомобиле президента были помещены его штандарт и советский государственный флажок. Нкрума и его обслуживающий персонал были размещены в государственном особняке на Ленинских горах, остальные члены делегации – в гостинице «Советская». Над резиденцией Нкрумы вывешен его личный штандарт.

Протокольные мероприятия включали: посещение Высшего военного училища имени Верховного Совета РСФСР, Военной академии бронетанковых и механизированных войск.

Третья часть визита включала в себя отдых в СССР (19 августа – 15 сентября) и поездку на конференцию неприсоединившихся стран в Белграде (31 августа – 5 сентября).

19 августа Нкрума прибыл в Москву, а 20 августа из Лондона в Шереметьево прилетела супруга президента с детьми и сопровождающими лицами. На аэродроме их встречали министр социального обеспечения СССР Н.А. Муравьева, председатель президиума Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами Н.П. Попова и другие официальные лица.

21 августа президент с семьей вылетел в Симферополь, оттуда гости отправились в Ялту, где с 21 августа по 6 сентября находились на государственной даче «Олива», а с 6 по 15 сентября на государственной даче № 1 [24]. Будучи в Крыму, семья Нкрумы совершала экскурсии по крымскому побережью, осматривала санатории. 27 августа Нкрума был принят Хрущевым, находившимся в это время на отдыхе, вместе они совершили прогулку по Ялте, посетили санаторий «Ливадия». Хрущев дал обед в честь Нкрумы.

29 августа Хрущев нанес визит президенту в его резиденции, после беседы Нкрума и его супруга дали обед в честь советского лидера.

Будучи в Крыму, президент Ганы побывал в Севастополе, где осмотрел город, посетил крейсер «Михаил Кутузов», вышел в море на подлодке (с погружением на глубину). Нкруме были отданы воинские почести, как главе государства [25].

Во время поездки президента в Белград супруга, дети и сопровождающие лица продолжали отдыхать на черноморском побережье.

6 сентября Нкруму, возвратившегося из Белграда, на Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами, встречали Хрущев, Брежнев, Громыко, Малик и другие официальные лица, а также главы ряда дипломатических представительств, сотрудники ганского посольства. В тот же день Н.С. Хрущев принял Нкруму и премьер-министра Индии Дж. Неру, которые по поручению глав делегаций конференции неприсоединения в Белграде вручили Хрущеву послание, затем в резиденции президента состоялась неофициальная встреча Хрущева, Брежнева и Нкрумы [26].

Вылетев 7 сентября в Симферополь, президент совершил поездку в Сочи на крейсере «Михаил Кутузов», где посетил один из санаториев. Находившийся на отдыхе в Крыму А.И. Микоян дал в честь Нкрумы обед. Вместе с Микояном Нкрума с супругой посетили комбинат крымских вин «Массандра», «Артек», совершили прогулку по Ялте и несколько прогулок на катерах по морю.

15 сентября президент Ганы и сопровождавшие его лица вылетели из Симферополя в Конакри ганским спецсамолетом. На аэродроме, украшенном флагами Ганы, СССР и УССР, президента провожали заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР и председатель Президиума Верховного Совета УССР Д.С. Коротниченко, заместитель министра

иностранных дел СССР Я.А. Малик, сотрудник Протокольного отдела МИД СССР Л.С. Чернышев и другие официальные лица.

Подводя итог визита в СССР президента Ганы, следует отметить, что о ключевых вопросах внутренней и внешней политики Ганы Нкрума беседовал с Е.Л. Фурцевой 28 августа 1961 года. В частности, заслуживают внимания следующие его высказывания: «Что касается внутренней политики Ганы, то по возвращении президент намерен разработать новую программу развития страны, главная задача которой – ликвидация зависимости от иностранного капитала. Из Ганы планируется вытеснить иностранные компании, создать новые национальные организации, отвечающие за отдельные отрасли промышленности.

Новый план развития экономики будет разработан в первую очередь на основе опыта СССР и других социалистических стран, его осуществление «позволит Гане прочно встать на пути социализма» [27]. При этом президент добавил, что история Ганы будет иметь три основных этапа:

- 1957 год – независимость;
- 1960 год – республика;
- 1962 год – начало построения социализма.

На конференции в Белграде Нкрума собирался выдвинуть вопрос о точных сроках провозглашения независимости для каждой из колоний, независимо от размеров ее территории. По мнению Нкрумы, принятие этого решения приведет к быстрому политическому развитию колоний, которое будет происходить по двум направлениям:

- а) конституционная борьба;
- б) вооруженная борьба.

Рассуждая о положении в Африке, Нкрума заметил, что пример Ганы для Африки можно сравнить с примером СССР для стран народной демократии. Гана поддерживает движение за объединение Камеруна и объединение Того с Ганой. «Если немцы усилят свое проникновение в Того, – сказал он, – мы оккупируем Того» [28].

Как и в своей речи на обеде у Н.С. Хрущева, Нкрума говорил о том, что западные государства, стремясь принизить пример Ганы, пытаются создать видимость повышения жизненного уровня в таких государствах, как Берег Слоновой Кости и др., созданием предприятий легкой промышленности Гана не пойдет по этому пути и будет придерживаться курса на индустриализацию страны [29].

Что касается впечатлений о поездке в СССР, то Нкрума буквально потрясен всем виденным. Во всех социалистических странах «с огромной теплотой говорили о Советском Союзе». Мао Цзэдун лично сказал ему, что «быстрый рост слаборазвитых стран возможен лишь при поддержке Советского Союза». По мнению Нкрумы, африканские и азиатские политические деятели после его выступлений в Советском Союзе «подумают дважды», прежде чем поддержать те или иные предложения Запада. Империалисты, по словам Нкрумы, разрабатывают сейчас планы, направленные лично против него, и в этой обстановке он должен не терять бдительности [30].

В завершение беседы президент сказал, что очень доволен отдыхом в Крыму. Он рад, что поправил здоровье (у него нормализовалось давление). Нкрума благодарен за большое внимание к его детям. «Если позволят обстоятельства, – заявил Нкрума, – я обязательно приеду отдыхать в Крым в будущем году. Здесь очень хорошо отдыхать и работать в спокойной обстановке» [31].

Следует отметить, что программа была составлена таким образом, чтобы познакомить президента Ганы с различными сторонами жизни советского общества. Беседы с советскими руководителями в Москве, руководящими работниками на местах, посещение промышленных предприятий и колхозов – все произвело на Нкруму и его членов делегации «глубокое впечатление». Президент отмечал «большой трудовой подъем, целеустремленность, жизнерадостность и гостеприимство советских людей» [32].

Встречи с трудящимися на заводах были построены таким образом, чтобы продемонстрировать безмерную любовь советского народа к ганскому руководителю. Во время одного из них, на заводе «Электросила», один из ораторов не удержался и поцеловал Нкруму. «Этого поцелуя искренней дружбы я никогда не забуду!» – сказал президент. На этом митинге коллектив завода так тепло принимал гостей из Ганы, что Нкрума был растроган и «даже немного прослезился» [33].

Сбалансированность программы визита президента Ганы К. Нкрумы помогла советской стороне выполнить главную задачу – убедить большинство членов делегации в преимуществах социалистического пути развития, будь то административное устройство государства, развитие банковской сферы, сельского хозяйства, промышленности, судебной-правовой системы.

Впоследствии советский опыт в реализации разработанной президентом программы привел к серьезным социально-экономическим проблемам в стране. Одновременно с этим происходило укрепление его личной власти. В 1964 году Нкрума провозглашен пожизненным президентом Ганы. На улицах, в учреждениях, школах появились его бюсты, статуи, портреты. В 1966 году, когда Нкрума находился в Китае, в Гане произошел военный переворот. Последние годы он провел в изгнании, в Гвинее и других странах. Нкрума автор целого ряда книг по истории, философии, социологии, о его жизни написаны книги и диссертации.

В фондах Протокольного отдела содержится «Протокол встречи» председателя Верховного Совета вооруженных сил и премьер-министра Республики Судан генерал-лейтенанта Ибрагима Аббуды на аэродроме Внуково 17 июля 1961 года. В связи с тем, что подобная схема была актуальной для других визитов лидеров зарубежных стран в СССР в этот период, мы предлагаем подробные изложения этого документа.

По прибытии самолета к нему направляется председатель Президиума Верховного Совета Л.И. Брежнев и другие руководители СССР, а также посол Республики Судан и заведующий Протокольным отделом МИД СССР. Первым из самолета выходит премьер-министр, за ним, с интервалом 2–3 минуты – сопровождающие его лица, заведующий Протокольным отделом представляет встречающих лиц. Председатель Верховного Совета приглашает Аббуду принять рапорт почетного караула, они идут в направлении знамени и останавливаются, как только к ним приблизится начальник почетного караула, который отдает рапорт премьер-министру. Звучат гимны Судана и СССР, во время исполнения которых производится артиллерийский салют наций – 21-орудийный выстрел. После этого сопровождающие Аббуду лица вместе с советскими официальными лицами направляются в отведенный для них сектор. Премьер-министр и председатель Президиума Верховного Совета СССР совершают обход строя почетного караула от знамени до другого фланга.

Затем они возвращаются на середину строя, где Аббуда обращается к почетному караулу со словами: «Здравствуйтесь, солдаты и офицеры Советской армии!», почетный караул отвечает: «Здравия желаем!» После обхода премьер-министр и председатель Президиума Верховного Совета идут к сектору, где находятся официальные лица, и к сектору дипкорпуса. Заведующий Протокольным отделом представляет Аббуде других официальных лиц с советской стороны и глав дипломатических представительств, затем они направляются к сектору, где находятся трудящиеся Москвы. После этого лидеры государств направляются к специально отведенному месту, где его встречают руководители СССР. Почетный караул проходит торжественным маршем. По его окончании Л.И. Брежнев подходит к микрофону и произносит приветственную речь (следует перевод), Аббуда отвечает (следует перевод). По окончании речей гости прощаются со встречающими, садятся в автомобиль и отбывают в резиденцию и гостиницу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР сопровождает автомобиль Аббуды в автомобиле до резиденции. Сопровождающие лица отбывают с аэродрома в резиденцию и гостиницу «Советская» в автомобилях, порядковые номера которых (на переднем и задних стеклах) указаны в талонах, выдаваемых сотрудниками Протокольного отдела [34].

В состав суданской делегации (кроме И. Аббуды) входили: министр общественных работ и минеральных ресурсов, министр финансов и экономики, министр иностранных дел, министр сельского хозяйства, директор протокола дворца, адъютант президента, специальный секретарь, суперинтендент полиции, пять редакторов суданских газет, министр информации, двое слуг из Дворца республики [35].

В программу визита, который начался 17 июля с прибытия делегации во Внуково (встреча по установленной схеме), входил визит в Москве к председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу, посещение Мавзолея Ленина и Сталина, осмотр Кремля, метро, Авиационного завода, прогулка на теплоходе по Каналу имени Москвы [36].

В Ташкенте (20–21 июля) гости из Судана осмотрели город, один из хлопковых колхозов, посетили мечеть [37].

Из Ташкента И. Аббуда вылетел в Адлер, оттуда на автомобиле отправился в Сочи, где встретился (22 июля) с председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым [38].

В Ленинграде гости осмотрели Эрмитаж, Металлический завод, Военно-морское училище имени Фрунзе, Петродворец. Перед отлетом из Москвы премьер-министр посетил аэродром в Кубинке и прием от имени Президиума Верховного Совета СССР в БКД.

Программа визита была составлена по следующей схеме:

– визиты, встречи, переговоры;

– Мавзолей;

– завтраки, приемы;

– другие мероприятия, в том числе 19 июля посещение Стадиона имени В.И. Ленина (матч на первенство СССР между ЦСКА и киевским «Динамо». В правительственной ложе, украшенной флагами Судана и СССР, – Брежнев, Аббуда и другие официальные лица) и выступление Аббуды по телевидению (26 июля);

– поездка по СССР (20–24 июля). Аэродромы Ташкента, Сочи (Адлер), вокзал в Ленинграде украшены флагами Судана, СССР, УзССР (в Ташкенте), портретами Аббуды, Хрущева, Брежнева, транспарантами на русском, арабском, узбекском (в Ташкенте) языках.

Во всех городах, кроме Сочи, выстраивался почетный караул, исполнялись гимны Судана, СССР и УзССР (в Ташкенте), их на аэродромах, вокзалах и улицах городов, в которые прибывала делегация гостей, приветствовало население с флажками СССР, Судана и соответствующей республики [39].

Визит завершился в Москве подписанием в БКД совместного коммюнике Л.И. Брежневым и И. Аббудой [40].

Во время визита А.А. Громыко (вероятно, от одного из своих заместителей, подпись под документами отсутствует) получал информацию о ходе поездки. Так, из Ташкента министру иностранных дел поступило сообщение, что в Ташкенте программа визита выполнена нормально: «Состояние всех членов делегации хорошее, настроение также». [41].

Аббуда выразил большое удовлетворение встречей в Ташкенте, на аэродроме он в своей речи (без заранее подготовленного текста) очень высоко оценил прием, «оказанный суданской делегации в Москве как со стороны высоких государственных деятелей, так и со стороны москвичей, всех советских людей <...>» [42]. Но в то же время автор послания обращает внимание на неудовлетворительную работу связи в Москве. Суданские журналисты подолгу не могли получить Москву и посольство для передачи сообщений о пребывании Аббуды в порту [43].

Таким образом, какие бы нормативные документы ни издавал МИД, без согласованной работы всех служб, задействованных в организации визита, невозможно достигнуть положительного результата.

В 1961 году Советский Союз продолжал укреплять дружеские отношения с Афганистаном, оказывая ему не только экономическую помощь, но и содействие в решении внутривосточных проблем. В этом году состоялся неофициальный визит в СССР премьер-министра Афганистана Мухаммеда Дауда с целью получить в беседе с Н.С. Хрущевым «искренний и дружеский совет по пуштунской проблеме», которая очень важна для Афганистана. Также Дауд хотел бы обсудить вопросы второго 5-летнего плана, вопросы разведки и промышленной добычи нефти в Афганистане [44].

Учитывая характер визита, в аэропорту при встрече премьер-министра Афганистана были вывешены государственные флаги (гимны не исполнялись, почетный караул не выстраивался). Первоначально планировалась встреча делегации Косыгиным, в результате 4 апреля во Внукове Дауда встречали Н.С. Хрущев с супругой, А.Н. Косыгин, А.А. Громыко и другие официальные лица. Н.С. Хрущев сопровождал Дауда, а Н.П. Хрущева – жену премьер-министра до их резиденции [45].

Несмотря на то что характер визита афганского премьер-министра был заявлен как неофициальный, его встречал в аэропорту Н.С. Хрущев, в то же время визит (17–22 апреля) премьер-министра Лаоса носил вполне официальный характер, но во встрече принимал участие Косыгин (Хрущев отсутствовал), за исключением этого схема встречи в аэропорту, программа визита соответствовали принятой схеме приемов лидеров государств.

Также в 1961 году состоялись визиты в СССР председателя Трудовой партии Кореи, председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена (встречал Хрущев, встреча и программа визита – традиционные), премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга (встреча по схеме), министра просвещения и искусств Республики Конго Пьера Мунеле (встречал заведующий отделом МИД СССР В.А. Брыкин, флаги не вывешивались).

Особенностью подготовки визитов в СССР партийно-правительственной делегации РНР (30 июля – 12 августа 1961 года) являлось то, что к схеме визита прилагались довольно развернутые вопросы для обсуждения. В частности, планировалось рассмотреть следующие проблемы: оценка современного международного положения в свете бесед с Кеннеди в июне в Вене, вопрос о мирном договоре с Германией и с США о разоружении, об отношениях СССР с Югославией, Албанией и Китаем, обмен мнениями по координации действий социалистических стран и развитию отношений со слаборазвитыми странами Азии, Африки и Латинской Америки и об оказании этим странам более эффективной поддержки в укреплении их политической и экономической независимости. По мнению советской стороны, румынские товарищи недостаточно используют свои возможности в оказании научно-технической помощи и подготовке специалистов для этих стран [46].

Планировалось также обсудить вопрос о развитии идеи межбанковского сотрудничества и превращении Балкан и Адриатики в зону мира, свободную от атомного и ракетного оружия, и о подписании двустороннего соглашения об использовании атомной энергии в мирных целях, проект которого к этому времени был согласован обеими сторонами [47].

Еще одной важной темой для обсуждения, по мнению советской стороны, являлась проблема торговых связей между РНР и другими социалистическими странами, так как румыны считали, что существующая структура товарооборота не отвечает в полной мере возросшим потребностям экономики Румынии, поэтому РНР идет на расширение торговли с ведущими капиталистическими странами и из-за недостатка экспертных ресурсов и валютных средств вынуждена рассчитывать с капиталистическими странами за все возрастающие закупки своими дефицитными товарами и уклоняется нередко от продажи их социалистическим странам [48], что вызывает недовольство, в частности со стороны ВНР, ЧССР и ГДР.

Советская сторона готовилась обсудить вопрос, если такой будет поставлен делегацией РНР, о завершении в 1961 году поставок оборудования и материалов для строительства азотно-тукового завода и первых очередей заводов электролитической каустической соды и синтетического каучука. Что касается просьбы об оказании технической помощи, проектировки и поставки оборудования второй очереди завода электролитической каустической соды, а также поставки предприятиям строящихся в РНР при техническом содействии СССР материалов, в том числе проката труб из углеродистой и нержавеющей стали, кабельной продукции, химикатов и т. д., то в этой просьбе Совет министров СССР должен был отказать в связи с тем, что СССР сам испытывал недостаток в этих материалах, а некоторую продукцию, такую как химикаты, вынужден закупать в капиталистических странах, но вопрос о расширении научных связей между странами заслуживает обсуждения [49]. Советская сторона надеется, что во время визита поступит приглашение советской партийно-правительственной делегации посетить РНР в 1962 году.

Визиты королевы Бельгии Елизаветы, президента Мали Модибо, супруги президента Индонезии госпожи Хартини, президента Югославии И.Б. Тито и П. Броз

В 1962 году одним из самых ярких событий в политической и культурной жизни СССР стал приезд в Москву королевы Бельгии Елизаветы.

Особенность первого визита европейского монарха в Советский Союз заключалась в том, что королева была приглашена министром культуры СССР Е.А. Фурцевой, председателем Оргкомитета II Международного конкурса имени П.И. Чайковского Д.А. Шостаковичем, председателем жюри конкурса Д.Ф. Ойстрахом, Э.Г. Гилельсом и М.Л. Ростроповичем, в качестве почетной гостьи на II Международный конкурс имени П.И. Чайковского.

Надо сказать, что все бельгийские государи, начиная с Леопольда I, придавали большое значение искусству как необходимому условию для процветания нации. Елизавета не была исключением, она любила искусство и хорошо разбиралась в нем. С именем королевы связаны

проведение международных конкурсов скрипачей (с 1973 года) и пианистов (с 1938 года) имени Эжена Изаи в Брюсселе, с 1951 года в столице Бельгии проводится Международный конкурс имени королевы Елизаветы.

Королева прибыла в Москву 24 апреля на самолете Ту-104 на аэродром Шереметьево, где ее встречали: заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.Н. Органов, министр культуры СССР Е.А. Фурцева, заместитель министра иностранных дел СССР С.Г. Лапин, заведующий Протокольным отделом МИД СССР Ф.Ф. Молочков, председатель оргкомитета Конкурса имени П.И. Чайковского Д.Д. Шостакович, председатель жюри конкурса Д.Ф. Ойстрах, ответственные работники МИД СССР и Министерства культуры СССР [1].

Аэродром был украшен государственными флагами Бельгии и СССР. Почетный караул не выстраивался, государственные гимны не исполнялись. Н.Н. Органов и Е.А. Фурцева сопровождали королеву до резиденции. Королева и сопровождавшие ее лица были размещены в государственном особняке на Ленинских горах с 24 по 27 апреля, в резиденции в Кремле с 28 апреля по 10 мая. С первого дня приезда Елизаветы выразила пожелание встретиться с Н.С. Хрущевым и Н.П. Хрущевой.

Беседа королевы с Н.С. Хрущевым (30 апреля) произвела на нее сильное впечатление. Чрезвычайный и полномочный посол короля Бельгии «во всех странах», личный друг Елизаветы Эдуард Лё Гэ отметил, что ни один государственный деятель не уделял так много времени королеве, как это сделал Н.С. Хрущев (беседа Н.С. Хрущева с Елизаветой продолжалась 1 час 50 минут). За время пребывания в Москве королева неоднократно высказывала свое восхищение генеральным секретарем ЦК КПСС, называя его «самым активным и последовательным борцом за мир из всех существующих ныне государственных деятелей» [2].

На завтраке, который дала королева в честь Е.А. Фурцевой и Н.П. Хрущевой 26 апреля, Лё Гэ сказал, что королева приехала в Советский Союз не только слушать музыку на Конкурсе имени П.И. Чайковского, ее целью является также «подать пример многим другим государственным деятелям в установлении дружественных отношений с Советским Союзом». К словам, сказанным Лё Гэ, «Бельгии нужна такая королева» королева прибавила: «А нам нужен Хрущев» [3].

Согласно желанию королевы она дважды встречалась с профессором Московской консерватории Д.Ф. Ойстрахом, которого она считала «своим первым советским другом, проложившим мост в установлении музыкальных связей между СССР и Бельгией» [4].

В начале своего визита Елизавета высказала желание возложить венки к Мавзолею Ленина и к памятнику П.И. Чайковскому. Возложив венки, королева посетила Мавзолей, где «долго стояла у саркофага В.И. Ленина, потом низко поклонилась ему» [5]. По выходе из Мавзолея генерал А.Я. Веденин спросил королеву, желает ли она пройти к Кремлевской стене. Она, поблагодарив, сказала: «Сегодня я пришла сюда ради Ленина» [6].

1 мая королева присутствовала на параде и демонстрации на Красной площади. Королева вспоминала об этом как о незабываемом дне своей жизни. На параде она заметила: «Я очень рада видеть, как хорошо вы обеспечили безопасность своей Родины. Пусть все ваши враги видят, чем вы можете ответить, если на вас нападут» [7].

Находясь в Москве, Елизавета интересовалась вопросами жилищного строительства в Москве и в стране, проблемами социального обеспечения, просила рассказать о работе сессии Верховного Совета СССР, интересовалась составом нового правительства и Президиума Верховного Совета СССР. Кроме того, королеву интересовали вопросы помощи СССР слаборазвитым странам^[23], экономического положения в социалистических странах.

Что касается Конкурса имени П.И. Чайковского, то с первого дня его посещения Елизавета высказала желание в основном присутствовать на прослушивании советских исполнителей, добавив при этом, что не пропускает ни одного концерта советских артистов в Брюсселе. Елизавета дала высокую оценку конкурсу, назвав его самым представительным, превзошедшим все ее ожидания. Она отметила особенно хорошую игру В. Ашкенази, Э. Вирсаладзе и А. Наседкина. Некоторые исполнители заходили в ложу королевы.

Помимо посещения конкурса королева совершила поездки в Дом-музей П.И. Чайковского в Клину и в Загорск, где осмотрела Лавру и посетила Духовную академию.

Кроме того, в Москве королева побывала в средней школе № 2 с преподаванием на французском языке, Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных,

на парфюмерной фабрике «Новая заря», ВДНХ, совершила поездку по новым районам и улицам Москвы, а также прогулку на «Ракете» по Каналу имени Москвы.

Королева по ее желанию присутствовала на балетах «Жизель» в ГАБТе СССР и «Щелкунчике» в КДС. Она побывала на спектакле «Необыкновенный концерт» в Центральном театре кукол, смотрела программу в Московском цирке.

Перед отъездом королева Елизавета выразила свою благодарность за теплый прием и признательность «за хорошо и интересно составленную программу ее пребывания в Москве» [8].

Лё Гэ сказал перед отъездом, что королева и он по возвращении в Бельгию «удвоят свои усилия в борьбе за мир».

На аэродроме Елизавета заявила, что в Бельгии она расскажет бельгийскому правительству о радушном приеме, оказанном ей в Москве, и о всех своих впечатлениях. 10 мая королева Бельгии Елизавета вылетела на Родину. Порядок проводов был тот же, что и при встрече.

12 мая были получены телеграммы от королевы Елизаветы на имя Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Е.А. Фурцевой, в которых она благодарила за любезное гостеприимство советского правительства и дружбу, которые были проявлены по отношению к ней во время ее пребывания в Москве [9]. В работе Протокольного отдела перерывов практически не было, уже в начале мая состоялась встреча заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малина с послом Республики Мали в СССР Мамаду Кейтой, на которых обсуждались детали визита президента Мали Модибо Кейты, а также некоторые политические проблемы во взаимоотношениях СССР и Мали. В частности, на встрече 3 мая посол сказал, что для борьбы с антисоветской пропагандой следует показывать африканцам достижения СССР во всех областях. Так, например, недавно посетивший СССР министр общественных работ Мали Мамаду ехал в Советский Союз с большими предубеждениями и являлся почти антикоммунистом, но посещение СССР изменило его взгляды, и «сейчас он является другом СССР» [10].

В заключение беседы посол заметил, что сейчас главным для Африки является «достижение единства всех африканских государств <...> на практике этого зачастую не бывает. Сомали и Эфиопия, например, спорят уже много лет из-за пустыков и никак не соберутся решить вопрос путем переговоров» [и].

Малин со своей стороны отметил, что СССР хорошо понимает важность этого вопроса и желает единства африканским народам [12].

В результате обсуждений была принята программа, которая включила в себя посещение главой государства и представителя правительства Республики Мали Москвы, Ташкента, Сочи (отдых), Ленинграда [13].

Во время пребывания в Москве были запланированы визиты к председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу, председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву, завтрак от имени Президиума Верховного Совета и правительства СССР в БКД, посещение Мавзолея В.И. Ленина и возложение венка, МГУ имени М.В. Ломоносова, осмотр метрополитена, 1-го Государственного подшипникового завода, официальное посещение Большого театра СССР.

По окончании визита Ф.Ф. Молочков сделал в письменной форме целый ряд замечаний организаторам визита в Ташкенте. По мнению заведующего Протокольным отделом МИД СССР, недостатки в организации приема делегации Республики Мали касаются как составленной программы, так и размещения и обслуживания делегации.

Что касается программы, то большим упущением было отсутствие в ней посещения делегации Мали Академии наук УССР и осмотра ирригационных сооружений, последнее вызвало разочарование со стороны Модибо Кейты, таким образом было проигнорировано пожелание московской стороны, настаивавшей на включении этих объектов в программу [14].

Не меньшей критике подверг Молочков и организацию посещения колхоза. Гостей принимали лишь председатель колхоза и секретарь райкома, к встрече и беседе не были привлечены члены правления колхоза, передовики и отдельные колхозники, в результате колхоз напоминал «какое-то казенное учреждение, а не <...> коллективное хозяйство» [15].

«Невыгодное впечатление» произвели и работающие рядом с трактором «женщины с мотыгами». «Неужели нельзя было бы показать в полную меру механизацию работ в колхозе, показать хотя бы в небольшой мере парк автомашин колхоза и подчеркнуть тем самым заботу Советского государства об облегчении труда колхозников?» – спрашивает Молочков [16].

Что касается посещения военного училища, то благодаря принятым мерам со стороны сотрудников Протокольного отдела МИД СССР состоялось общение малийских курсантов с президентом Модибо Кейтой, в противном случае могло создаться впечатление, что советская сторона «прячет» курсантов от президента [17]. Посещению мечети, по мнению Молочкова, было отведено много «времени и внимания» [18].

Что касается размещения и обслуживания, то непонятно почему при наличии в городе первоклассной гостиницы делегация была поселена на даче, «где очень тесно и где у общих уборных выстраивались очереди» [19]. Обслуживающий персонал не отличался высокой квалификацией – стол сервировали без соли и хлеба, к бутылкам с минеральной водой не подавались ключи для открывания бутылок, на ночь столы не убирались и т. д.

Были проблемы и с обеспечением автотранспортом. Молочкова особенно возмутил тот факт, что Герой Советского Союза генерал Поплавский неизменно оставался без автомашины, а если она и предоставлялась, то всегда в хвосте кортежа.

В завершение своего обзора Ф.Ф. Молочков пишет, что он не хотел кого-то обидеть лично своими замечаниями, он только хотел напомнить, что «к приезду в СССР иностранных правительственных делегаций приковано внимание Центрального комитета КПСС и Советского правительства и лично товарища Хрущева Н.С.

За тем, как принимаются эти иностранные делегации, следит иностранная печать, <...> важно, чтобы в нашей организационной работе по приему <...> делегаций количество недостатков и оплошностей сводилось бы к минимуму. Это – в интересах Советского государства» [20].

Что касается впечатлений членов малийской делегации, то накануне отъезда они подчеркнули важность визита в СССР, пользу от знакомства с советской действительностью. Вместе с тем, по словам министра иностранных дел Мали, делегация намерена настаивать на проведении СССР проектно-исследовательских работ по строительству плотины в Туине и получении дополнительной советской помощи для сельскохозяйственного предприятия «Оффис дю Нижер» [21].

По вопросу о разоружении малийцы критиковали западные страны и особенно США за нежелание достичь соглашения с СССР. В этом вопросе Мали поддерживало позицию СССР. В целом цель визита – сближение двух государств – была достигнута и Протокольный отдел достойно справился со своей работой.

«Женские» визиты, то есть самостоятельные визиты в СССР супруг официальных лиц зарубежных государств, довольно редкое явление в истории советского протокола, поэтому каждый из них заслуживает внимания.

В июне 1962 года в Москву прибывает супруга президента Республики Индонезии госпожа Хартини в сопровождении министра воздушных коммуникаций, супруги министра и начальника штаба ВВС, супруги государственного секретаря, супруги министра воздушных коммуникаций и др. На аэродроме, украшенном государственными флагами, гостью встречали Н.П. Хрущева, В.П. Брежнева, Л.Д. Громыко. Хрущева сопровождала гостью в автомобиле до резиденции. В Москве Хартини посетила Мавзолей, Кремль, цирк, встретила с Н.П. Хрущевой на даче. В Ленинграде гости посетили Эрмитаж, Дворец пионеров, Дворец бракосочетаний, больницы города [22].

Программа пребывания в СССР (29 июля – 7 августа 1963 года) госпожи Р. Неру незначительно отличалась от программы госпожи Хартини. Кроме Ленинграда и Москвы супруга генерального секретаря МИД Индии Р.К. Неру посетила Киев и Тбилиси, в Москве от имени Л.Д. Громыко в честь Р. Неру был устроен прием-чай [23].

В декабре 1962 года в Советский Союз прибыл президент ФНР Югославии Б. Тито и Йованка Броз^[24].

Для товарища Тито большая часть визита прошла на охоте, куда уже в день приезда он, по приглашению Хрущева, отправился прямо с Киевского вокзала. Охотничий сезон был прерван посещениями Волгограда и Ленинграда. Для Й. Броз была составлена специальная программа, которая включала посещение хореографического училища Большого театра, Дворца пионеров, чаепитие у Н.П. Хрущевой [25].

Этот визит являлся свидетельством того, что в 1962 году вновь наступило улучшение советско-югославских и личных отношений Хрущева и Тито, благодаря поддержке Тито позиции

СССР в советско-китайском конфликте. Но при этом Тито не присоединился ни к СЭВ, ни к Варшавскому договору. Советский Союз стремился любыми способами втянуть ФРЮ в Советский блок, но авторитет Тито и всей Югославии зависел от независимой позиции государства.

Приложение 1

«Его превосходительству
Председателю Совета Министров СССР
г-ну Хрущеву
Москва

Возвратившись в Бельгию, я хочу еще раз сказать Вам, насколько я была счастлива, что вновь встретила с Вами, а также с госпожой Хрущевой, и насколько я была тронута многочисленными знаками горячей дружбы, которая была проявлена по отношению ко мне во время моего пребывания в Москве и о которой я буду всегда вспоминать с признательностью.

Елизавета» [26].

«Его превосходительству Председателю Президиума Верховного Совета СССР
господину Брежневу

Весьма тронута той большой сердечностью и искренней дружбой, которые я постоянно ощущала во время моего пребывания в Москве. Растроганная столь щедрым и любезным гостеприимством Советского правительства, я выражаю, господин президент, лично Вам, а также Вашим сотрудникам мою благодарность.

Елизавета» [27].

«Ее превосходительству
Министру культуры СССР госпоже Фурцевой Москва

Мое пребывание в Москве было для меня бесконечным восторгом, как в отношении встреч с людьми, так и с точки зрения искусства.

Еще раз благодарю Вас, дорогой друг, за приглашение присутствовать на столь блестящем и несравненном конкурсе.

Елизавета» [28].

Приложение 2

С 3 по 9 мая 1962 года в Москве находилась правительственная делегация Республики Индонезии во главе с заместителем первого министра и министром иностранных дел доктором Субандрио. В состав делегации входили: министр при заместителе первого министра по делам министра обороны национальной безопасности, начальник оперативного управления сухопутных войск, начальник разведуправления штаба ВМС, начальник оперативного управления «Ц» (боевой подготовки) и другие официальные лица.

Программа визита была составлена по традиционному плану:

- встреча в Москве;
- размещение в Москве;
- визиты, встречи, переговоры;
- посещение театров;
- другие мероприятия;
- завтраки и приемы;
- подписание советско-индонезийских документов;

– проводы в Москве.

На аэродроме гостей встречали А.А. Громыко, М.В. Захаров, Я.А. Малик и другие официальные лица, сотрудники посольства Индонезии, советские и иностранные корреспонденты. Аэродром украшен флагами Индонезии и СССР [29].

В автомашинах до резиденции А.А. Громыко сопровождал Субандрио, на автомобиле Субандрио были вывешены флаги Индонезии и СССР.

Субандрио и ряд сопровождающих лиц были размещены в госособняке № 7, остальные сопровождающие – в гостинице «Москва».

Члены делегации нанесли визиты: А.А. Громыко, Р.Я. Малиновскому, А.Н. Косыгину. У И.С. Хрущева был организован прием, на котором присутствовали А.Н. Косыгин, А.А. Громыко, М.В. Захаров.

Делегация посетила ГБТ (балет «Спартак») и цирк^[25].

В разделе «Другие мероприятия» обозначены: посещения футбольного матча «СССР – Берлин», осмотр Москвы, ВДНХ, поездка в Ленинград.

Завтраки и приемы были организованы от имени А.Н. Косыгина в особняке МИД СССР (улица А. Толстого, 17), от имени посла Индонезии в СССР А. Малика, от имени советского правительства в особняке МИД СССР.

8 мая состоялось подписание совместного советско-индонезийского документа (улица А. Толстого, 17).

На следующий день делегация рейсовым самолетом отбыла из Москвы в Джакарту (проводжали А.А. Громыко, М.В. Захаров, Ф.Ф. Молочков, М.С. Маслов, аэродром был украшен флагами Индонезии и СССР).

Визиты премьер-министра революционного правительства Республики Кубы Ф. Кастро Рус, министра иностранных дел Швеции Т. Нильсона, первого секретаря ЦК Венгерской социалистической партии Я. Кадара, президента Финляндии У. Кекконена, делегаций НРБ, ВНР, ГДР, МНР, УССР, ПНР, РНР, президента Индии С. Радхакришнана, президента Кубы О. Дортикоса, президента Югославии И.Б. Тито, президента Французской Республики Ш. де Голля

Главным политическим событием 1963 года стал визит в Советский Союз правительственной делегации Республики Кубы во главе с первым секретарем национального руководства Единой партии социалистической революции, премьер-министром революционного правительства Республики Кубы, главнокомандующим революционными вооруженными силами Республики Кубы майором Ф. Кастро Рус.

В состав делегации входили: заместитель министра революционных вооруженных сил, командующий революционной армией Запада, командующий революционными военно-воздушными силами, министр экономики, начальник управления госбезопасности и другие официальные лица: фотографы, корреспонденты, повара, кинооператоры, врачи, звукооператоры, стенографистки, переводчики.

28 апреля спецсамолет с членами кубинской делегации на подступах к Москве был эскортирован группой реактивных истребителей. На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Республики Кубы и СССР, транспарантами на испанском и русском языках (на фасаде аэропорта портреты Н.С. Хрущева и Ф. Кастро) [1], Ф. Кастро встречали Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и другие официальные лица. Хрущев и Брежнев сопровождали гостя с аэродрома до Красной площади, на которой для приветствия членов делегации собрались тысячи москвичей. Посетив Мавзолей В.И. Ленина, Ф. Кастро и сопровождавшие его лица вышли на Красную площадь. После того как начальник почетного караула отдал Ф. Кастро рапорт, были исполнены государственные гимны Республики Кубы и СССР, во время исполнения которых произведен артиллерийский салют – 21 орудийный залп. После этого Кастро и Хрущев (в сопровождении заведующего Протокольным отделом МИД СССР) обошли строй почетного караула, затем кубинскому лидеру были представлены руководители партии и правительства Советского Союза, министры СССР и другие официальные лица, присутствовавшие при встрече. По окончании церемонии представления почетный караул прошел по площади торжественным

маршем. Кастро и Хрущев, а также основные сопровождающие Кастро товарищи и советские руководители партии и правительства поднялись на трибуну Мавзолея, оттуда Хрущев и Кастро обратились к собравшимся с приветственными речами. Во всех поездках по Москве автомобиль Ф. Кастро сопровождал эскорт мотоциклистов [2].

В программу пребывания кубинского лидера в Москве входило официальное посещение Большого театра (балет П.И. Чайковского «Лебединое озеро»). В центральной ложе, украшенной флагами Республики Кубы и СССР, вместе с Ф. Кастро находились: Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, А.А. Громыко и другие члены правительства. Перед началом спектакля были исполнены государственные гимны Кубы и СССР. На спектакле присутствовали главы иностранных дипломатических представительств, сотрудники посольства Кубы [3].

Находясь в Москве, Ф. Кастро встречался с Н.С. Хрущевым и Л.И. Брежневым, присутствовал на Первомайском параде на Красной площади, совершил прогулку по городу, а с 3 по 5 мая отдыхал на даче в Завидове, где принял участие в трех охотах.

С 6 по 21 мая кубинский лидер совершил поездку по СССР, во время которой он посетил Волгоград, Ташкент, Иркутск, Ленинград, Киев. При встречах и проходах в городах-столицах союзных республик, а также в городах-героях – выстраивался почетный караул, исполнялись государственные гимны Республики Кубы, СССР и соответствующей союзной республики.

Во всех городах при встречах и проходах имел место обмен приветственными речами. На аэродромах (вокзалах), а также улицах по маршруту следования картежа вывешивались приветственные транспаранты на испанском языке и языке соответствующей республики, портреты Кастро и Хрущева.

Автомобиль Кастро, украшенный флажками Республики Кубы, СССР и соответствующей союзной республики, сопровождал в поездках по городу эскорт мотоциклистов. Над резиденцией, где размещался Кастро, поднимался флаг Республики Кубы [4].

По возвращении в Москву Кастро посетил одно из воинских соединений Советской армии и на следующий день присутствовал на митинге дружбы между народами СССР и Кубы на Стадионе имени В.И. Ленина в Москве. Перед началом митинга были исполнены гимны двух стран. Над стадионом пролетела колонна самолетов-знаменосцев с государственными флагами Республики Кубы и СССР. На митинге присутствовали главы иностранных дипломатических представительств, иностранные корреспонденты [5].

В тот же день в Большом Кремлевском дворце состоялся прием от имени ЦК КПСС и Совета министров СССР. Среди гостей – руководители ряда братских коммунистических и рабочих партий, главы иностранных дипломатических представительств, советская и иностранная пресса. Перед началом приема прозвучали государственные гимны, во время приема Н.С. Хрущев и Ф. Кастро обменялись речами [6].

24 мая Ф. Кастро и Н.С. Хрущев вылетели на отдых на Черноморское побережье Кавказа (в Пицунду). Официальных проводов на аэродроме не было [7]. 1 июня они отправились из Мухета в Тбилиси. Улицы по пути следования кортежа украшены государственными флагами Республики Кубы, СССР и Грузинской ССР, приветственными транспарантами. Вдоль трассы – трудящиеся с портретами Кастро, Хрущева и букетами живых цветов [8].

Осмотрев 2 июня учебно-опытные хозяйства Грузинского сельскохозяйственного института и Винный завод, в тот же день Ф. Кастро и Н.С. Хрущев вылетели в Мурманск, откуда 3 июня кубинский лидер отправился на Родину. На аэродроме делегацию провожали Н.С. Хрущев и другие официальные лица, трудящиеся города. Перед отлетом пионеры преподнесли гостям цветы [9]. В истории советского протокола визит в СССР в 1963 году Ф. Кастро занимает особое место благодаря тем нововведениям, которые были внесены в схемы встречи, проводов, а также в программу пребывания высокого гостя:

– церемония встречи была перенесена из аэропорта на Красную площадь, куда Кастро сопровождали в автомобиле Хрущев и Брежнев;

– на митинге в Лужниках после исполнения гимнов Кубы и СССР над стадионом пролетела колонна самолетов-знаменосцев с государственными флагами Республики Кубы и СССР;

– и, наконец, проводы высокого гостя прошли так же оригинально, как и встреча: первый секретарь ЦК КПСС вместе с первым секретарем национального руководства Единой партии социалистической революции Республики Кубы вылетел в Мурманск, откуда Ф. Кастро отправился на Родину.

Визит Кастро – апофеоз советской протокольной помпезности: весь мир был просто обязан убедиться, насколько Советский Союз дорожит дружбой с Республикой Кубой.

В 1963 году правило составления программы пребывания иностранных делегаций в столицах республик и городах СССР представителями местных органов власти становится традицией советского дипломатического протокола, актуальной на протяжении 60-х годов.

В апреле 1963 года заведующий Протокольным отделом в телефонограмме на имя министра иностранных дел УССР Ф. Поламарчука просит дать указание в составлении почасовой программы пребывания министра иностранных дел Швеции Торсона Нильсона с супругой и сопровождающими его лицами в Киеве, напечатать ее типографским способом, а также подготовить краткие справки о городе и посещаемых объектах. Одновременно с этим Москва просит принять меры для размещения гостей и организации их обслуживания [10].

Проект программы, план размещения и рассадку по автомобилям следовало заблаговременно сообщить в Протокольный отдел МИД СССР (ВЧ 29–06) (расходы по пребыванию Нильсона в СССР за счет центра).

В свою очередь Москва сообщала в Киев, что Нильсона будут сопровождать посол СССР в Швеции, заведующий Отделом Скандинавских стран МИД с супругой. В соответствии с утвержденной в Москве программой на аэродроме в Киеве Нильсона встречает министр иностранных дел с супругой и другие официальные лица, аэродром украшается государственными флагами Швеции, УССР и СССР. Программа должна включать: визит к министру иностранных дел; осмотры достопримечательностей Киева, посещения промышленных предприятий, театра, завтраки и обеды от имени министра иностранных дел. Москва рекомендует давать обеды или завтраки в отеле ЦК КПУ и разместить гостей в отдельном особняке. Вылет в Киев намечен на 15 мая [11].

Телефонограммы с такой же просьбой (составление программы) были отправлены Ф.Ф. Молочковым председателям Сочинского горисполкома, министру иностранных дел Армении, председателю Ленинградского горисполкома. В Армении аэродром украшали флаги Армении, Швеции и СССР. В Сочи и Ленинграде – флаги (РСФСР, Швеции и СССР) [12].

Программа в Киеве включала в себя:

14 мая – встреча на аэродроме, обед, визит к министру иностранных дел, осмотр Киева, просмотр фильма об Украине;

15 мая – посещение завода «Точ Электроприбор», выставки передового опыта в хозяйстве УССР, обед от имени министра иностранных дел, вылет в Москву.

Размещение: представители Швеции – ул. Карла Либкнехта, 14; советские граждане – ул. Карла Либкнехта, д. 8/20, кв. 18 [13].

18 мая министр иностранных дел СССР А.А. Громыко получил телеграмму от Нильсона, в которой тот благодарил за гостеприимство и отмечал, что у делегации остались самые незабываемые впечатления о СССР и его народе. Поездка содействовала укреплению дружеских отношений между странами. Нильсон выражал личную благодарность А.А. Громыко и его супруге за прием в Москве и приглашал их в Швецию [14].

В июле 1963 года Советский Союз посетила партийно-правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, председателем Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Я. Кадаром.

Согласно программе визита, делегация должна была посетить Ташкент. В связи с этим МИД сообщает министру иностранных дел УССР С.А. Азимову, что 13 июня венгерские гости посетят столицу Узбекистана. В церемонии принимают участие Ш.Р. Рашидов и другие официальные лица, трудящиеся города (300 человек), на аэродроме выстраивается почетный караул, исполняются государственные гимны ВНР, СССР, УзССР. Аэропорт, улицы по пути следования делегации до резиденции украшены флагами ВНР, СССР, УзССР^[26]. Население города приветствует гостей с флажками ВНР, СССР, УзССР по пути следования автомобиля до резиденции, над которой поднимается государственный флаг ВНР. На автомобиле Я. Кадара установлены флажки ВНР, СССР, УзССР.

В рамках визита предусматривалась встреча с руководством республики, осмотр города, посещения колхоза и Ташкентского текстильного комбината, митинг советско-венгерской дружбы. 16 июня вылет в Иркутск. МИД СССР просит дать указания о подготовке почасовой

программы пребывания делегации ВНР в Ташкенте, а также напечатать краткие справки об объектах, предусмотренных для посещения, о достижениях в экономике и культуре для вручения Камеру и членам делегации. Почасовую программу, список размещения и рассадку по автомобилям следовало сообщить в Протокольный отдел МИД СССР (ВЧ 29–06) [15].

План встречи и программа визита в Москве Я. Кадара была составлена по уже ставшей традиционной к этому времени схеме.

Особенность подготовки визита Я. Кадара заключалась в том, что Протокольный отдел разработал специальную программу для супруги Кадара – Марии Кадар. Программа предусматривала посещение Третьяковской галереи (сопровождает гостью Е.А. Фурцева, К.А. Косыгина), Дворца пионеров (Н.П. Хрущева, К.А. Косыгина), посещение польской выставки «Захена» (польских художников-реалистов) (Н.П. Хрущева), посещения магазинов (Н.П. Хрущева), просмотр французского художественного кинофильма «Воздыхатель» в КДС (Н.П. Хрущева).

14 июля М. Кадар гостила на даче супруги Н.С. Хрущева, которая вместе с супругой Л.И. Брежневой сопровождала гостью в Ленинград [16].

18 июля на Ленинградском вокзале М. Кадар и сопровождающих ее лиц встречала Л.Д. Громыко вместе с редактором журнала «Советская женщина» М.Д. Овсянниковой. В один из дней пребывания в Москве М. Кадар после прогулки с Н.П. Хрущевой, В.П. Врежевой, Е.А. Фурцевой на теплоходе по Каналу имени Москвы посетила вместе с Н.П. Хрущевой атлетические соревнования в Лужниках между командами СССР и США, что также являлось нововведением в подобных программах [17].

Потенциальных друзей СССР в Советском Союзе по-прежнему встречали эскортами истребителей в воздухе, салютом (21 залп), сопровождали до резиденции в Кремле эскортом мотоциклистов. Именно такие почести были оказаны в Москве 13 февраля 1963 года королю Лаоса Шри Саванг Ватхана [18].

При встрече 30 ноября на Ленинградском вокзале президента Финляндской Республики У. Кекконена почетный караул не выстраивался, гимны не исполнялись (визит носил неофициальный характер).

Но при этом на вокзале, украшенном государственными флагами Финляндии и СССР, гостей приветствовали Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и другие официальные лица. Хрущев и Брежнев сопровождали У. Кекконена в автомобиле до резиденции в Кремле [19].

1 и 2 декабря высокий гость отдыхал в Завидове и 3 декабря выехал на Родину. Мы не располагаем информацией о том, велись ли в эти дни переговоры между лидерами двух государств. Трудно представить, резиденция в Кремле была предоставлена человеку, который прибыл в СССР, чтобы поохотиться в Завидове. 4 декабря из Выборга президент У. Кекконен отправил телеграммы Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу с благодарностью за гостеприимство и внимание, в которых он увидел дружественное отношение к Финляндии и ее народу [20].

Если к Финляндии советские граждане, возможно, и испытывали дружественное расположение, то к Острову свободы, без сомнения, «братские чувства».

В январе 1964 года Н.С. Хрущев с прежним радушием принимал первого секретаря национального руководства Единой партии социалистической революции, премьер-министра революционного правительства Республики Кубы Фиделя Кастро, прибывшего в СССР 13 января вместе с Н.В. Подгорным и другими членами советской делегации, выезжавшими на Кубу на празднование 5-й годовщины кубинской революции. Встреча высокого гостя прошла с использованием ставших уже к этому времени традиционными протокольных норм:

- на подступах к Москве самолет Кастро встречал эскорт истребителей;
- в аэропорту кубинского гостя приветствовали Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян и другие официальные лица, трудящиеся Москвы (300 человек), главы дипломатических представительств, сотрудники кубинского посольства, советские и иностранные корреспонденты;
- на аэродроме вывешены государственные флаги двух стран, портреты Кастро и Хрущева, транспаранты на испанском и русском языках, выстроен почетный караул;
- после исполнения гимнов Кубы и СССР – артиллерийский салют (21 залп);
- школьница преподносит Кастро цветы;
- Хрущев и Кастро обмениваются речами;

– Хрущев сопровождает Кастро в автомобиле от аэропорта до резиденции в Кремле.

Лидеры государств передвигались по улицам Москвы, украшенным флагами и транспарантами, в сопровождении эскорта мотоциклистов (так как встреча проходила в январе, население не приветствовало Кастро на улицах города) [21].

Программа визита была составлена по следующему плану:

– размещение в Москве – резиденция в Кремле;

– визиты, встречи, беседы;

– 13 января – визиты Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу;

– 14–18 января – беседы к Н.С. Хрущева и Ф. Кастро на загородной даче в Подмосковье (приняли участие Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, Н.В. Подгорный, Р.Я.

Малиновский, А.А. Гречко, А.И. Алексеев);

– 20 января – встреча с Долорес Ибаррури на ее квартире, встреча с летчиками-космонавтами Ю.А. Гагариным, Г.С. Титовым, А.Г. Николаевым, П.Р. Поповичем, В.Ф. Быковским (в резиденции в Кремле) [22];

– подписание долгосрочного торгового соглашения 21 января соглашение подписали Н.С. Хрущев и Ф. Кастро;

– посещение Мавзолея В.И. Ленина. 14 января – возложение венков к Мавзолею В.И. Ленина;

– завтраки, обеды, приемы:

13 января – завтрак от имени ЦК КПСС и правительства СССР в честь Кастро;

19 января – обед на загородной даче от имени ЦК КПСС и советского правительства в честь Ф. Кастро [23];

21 января – прием от имени ЦК КПСС и правительства СССР в Большом Кремлевском дворце (500 человек с советской стороны – Н.С. Хрущев с супругой, Л.И. Брежнев с супругой и другие официальные лица, а также главы дипломатических представительств, советские и иностранные журналисты). В начале приема исполнены гимны, лидеры государств обменялись речами;

– выступление на телевидении. 21 января беседа Кастро с советскими журналистами транслировалась по московскому телевидению [24];

– другие мероприятия:

14 января Хрущев и Кастро посетили Елку в Тайницком саду. Кастро катался на санях, был на детских увеселительных аттракционах (ледяная горка и др.);

14–18 января – охота, отдых в Подмосковье;

17 января – поездка Хрущева и Кастро в Калинин. Посещение комбината искусственного волокна, камвольного комбината (там состоялся митинг);

18 января – вечерняя прогулка по Москве и посещение кафе «Ракета»;

19 января – отдых на загородной даче у Н.С. Хрущева. Посещение Хрущевым и Кастро Конного завода № 1. Катание на тройках по лесу. Дирекция завода угостила гостей чаем [25];

20 января – посещение Хрущевым и Кастро совхоза «Белая дача»;

– проводы из Москвы. 21 января – отъезд в Киев с Киевского вокзала. Вместе с Кастро отбыли Н.С. Хрущев и Н.В. Подгорный. Вокзал не украшали. Провожали Л.И. Брежнев и другие официальные лица;

– встреча в Киеве:

22 января гостей встречали руководители коммунистической партии и правительства Украины О.И. Ивашенко, И.П. Казанец и другие официальные лица, трудящиеся столицы. Народная артистка УССР, депутат Верховного Совета УССР О.Я. Кусенко преподнесла Кастро и Хрущеву хлеб-соль. При встрече на вокзале выстроен почетный караул, исполнены государственные гимны;

22 января Кастро, Хрущев проехали на автомобиле по Киеву и осмотрели город, руководители Украинской Республики пригласили кубинского лидера Кастро отдохнуть в одном из охотничьих хозяйств, в лесу у костра был устроен обед [26];

– отъезд из СССР. На 23 января был запланирован вылет Ф. Кастро из Киева в Мурманск. На Киевском аэродроме гостей провожали Н.С. Хрущев, Н.В. Подгорный, П.Е. Шелест и др. Вместе с Ф. Кастро в Мурманск вылетел Подгорный. Из Мурманска кубинская делегация^[27] отбыла в Гавану.

В 1964 году начальник Протокольного отдела МИД СССР Ф.Ф. Молочков продолжает совершенствовать нормы советского дипломатического протокола по следующим направлениям – участие представителей СМИ в протокольных мероприятиях, организация завтраков, обедов и ужинов во время официальных иностранных визитов, а также внесение дополнений в схемы встреч и проводов глав иностранных государств (или главы правительства иностранного государства).

Что касается первой проблемы, то здесь были приняты следующие правила:

– корреспонденты центральных и местных газет, АПН, Всесоюзного радио, телевидения, кино- и фоторепортеры могут присутствовать на визитах иностранных делегаций у председателя Президиума Верховного Совета республики, у председателя Совета министров республики и других официальных лиц только в начале визита, 2–3 минуты. (Такой практики придерживаются и в Москве.) В некоторых республиках руководство не возражает против присутствия корреспондентов, если во время визита демонстрируются успехи в развитии республики;

– на завтраки, обеды и ужины корреспонденты не приглашаются. Могут присутствовать один-два редактора ведущих республиканских газет;

– в некоторых республиках устраиваются специальные завтраки, обеды или ужины для иностранных корреспондентов (на коктейль корреспонденты не приглашаются) [27].

– работники республиканских учреждений и организаций приглашаются в случае необходимости, желательно, чтобы число лиц с советской стороны не превышало число иностранных гостей;

– при составлении списка на завтрак, обед, ужин или коктейль нужно руководствоваться «экономией государственных средств и включать в список только тех лиц, присутствие которых необходимо и целесообразно. Всякие другие претензии следует отклонить», – писал Молочков [28].

Что касается схемы встречи на аэродроме, то в нее были внесены следующие изменения: гимны и салют исполняются не после рапорта начальника караула, а в момент, когда главный гость и главные встречающие займут места на ковре (под навесом);

– в летнее время гимны исполняются полностью, а не по одному куплету, как было раньше;

– представители трудящихся города размещаются по фасаду здания аэропорта напротив навеса, а не по боковой линии [29].

Схема была представлена Молочковым в графическом и письменном вариантах. В летнее время встреча проходила вне здания аэропорта.

Главные встречающие лица с советской стороны – председатель Президиума Верховного Совета СССР и председатель Совета министров СССР – приветствуют гостя у трапа самолета.

Все остальные встречающие выстраиваются в одну линию напротив навеса, а представители трудящихся – вдоль фасада здания аэропорта (напротив навеса). Главный гость и встречающие подходят к навесу; когда они встают на ковер, звучат гимны, во время исполнения которых, если главный гость – глава государства, производится салют (21 залп). Затем главный гость и встречающие подходят к караулу и принимают рапорт начальника почетного караула, обходят фронт караула. Главный гость (если пожелает) здоровается с присутствующими членами Президиума ЦК, секретарями ЦК, с дипломатическим корпусом, с официальными лицами [30].

Молочков утверждает и схему церемонии возложения венка к Мавзолею В.И. Ленина главами иностранных государств и правительств. На Красной площади, перпендикулярно к правой стороне Мавзолея, выстраивается почетный караул с оркестром, напротив которого – население. Во время движения с венком со стороны здания ГУМа почетный караул «берет на караул», оркестр исполняет траурную мелодию. В момент возложения венка звучит гимн СССР (один куплет) [31].

В апреле 1964 года на празднование 70-летия Н.С. Хрущева в Москву приезжают делегации НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ЧССР, ПНР, РНР (см. приложение).

Вечером 16 апреля заведующий Протокольным отделом МИД СССР Ф.Ф. Молочков навестил всех глав делегаций в их резиденциях и сообщил о порядке «проведения дня 70-летия Н.С. Хрущева» [32].

Основные торжества были намечены на 17 апреля. В 10 часов утра Н.С. Хрущеву в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца были вручены орден Ленина и медаль

«Золотая Звезда» Героя Советского Союза. С 10:30 до 12:00 Н.С. Хрущев принимал иностранных представителей в своем кабинете.

С 12 до 13 часов в Екатерининском зале состоялось вручение Н.С. Хрущеву наград социалистических стран (ЧССР, НРБ, МНР, ГДР и РНР).

Официальная часть программы завершилась обедом от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР по случаю 70-летия Н.С. Хрущева в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца [33].

На приеме присутствовали высшие руководители СССР и КПСС, главы социалистических стран, руководители дипломатических миссий. А.И. Микоян произнес в честь юбиляра тост, почти все ораторы желали Н.С. Хрущеву многих лет работы на благо партии и государства. Юбилейные торжества закончились в тот же день. На следующий день Хрущев приступил к обычной работе.

В 1964 году Хрущев провел в поездках по стране около двух месяцев. Что касается зарубежных визитов, то в конце марта и начале апреля он находился в Венгрии, в мае в ОАР; вернувшись из Египта в Москву, Хрущев предпринял уже через три недели визит в Скандинавию, а в июле – в Польшу. Больше недели он провел в Словакии. В это же время началась подготовка визита Хрущева в ФРГ.

В конце лета и начале осени 1964 года Хрущев занимался обычной для себя работой. В Кремле он принимал зарубежных политических деятелей, бизнесменов, послов, журналистов.

11 сентября 1964 года он вместе с А.И. Микояном и другими официальными лицами участвовал в церемонии встречи президента Республики Индии доктора С. Радхакришнана, прибывшего в СССР по приглашению Президиума Верховного Совета СССР. Программа пребывания высокого гостя была составлена по уже ставшему к этому времени традиционным плану:

- список сопровождающих лиц;
- встреча в Москве;
- размещение в Москве;
- визиты и встречи;
- посещение Мавзолея;
- завтраки, обеды, приемы;
- посещение театра;
- выступление по телевидению;
- другие мероприятия;
- поездка по стране;
- проводы из Москвы;
- подарки.

В аэропорту, украшенном государственными флагами, транспарантами и портретами С. Радхакришнана, Н.С. Хрущева и А.И. Микояна, президента Индии встречали: Хрущев, Микоян и другие официальные лица. Председатель Президиума Верховного Совета СССР и президент обменялись речами, были исполнены гимны двух стран, прозвучал артиллерийский салют (21 залп). Хрущев и Микоян сопровождали Радхакришнана в автомобиле, эскортируемом мотоциклистами, в его резиденцию в Кремле [34].

В перечне «других мероприятий» хотелось бы выделить посещение президентом МГУ имени М.В. Ломоносова, где он подарил университету книги, изданные в Индии.

Поездка по стране включала визиты в Ленинград, Ереван, Симферополь и Ялту [35].

Порядок проводов прошел по той же схеме, что и встреча. Перечень подарков отсутствует [36].

Последний зарубежный визит главы иностранного государства в СССР, в котором принимал участие Н.С. Хрущев, – это визит президента и премьер-министра Республики Индонезии Сукарно (с 29 сентября по 1 октября 1964 года) [37].

В так называемом черновом варианте программы пребывания правительственной делегации ГДР во главе с председателем Совета министров В. Штофом на открытии выставки «15 лет ГДР» (1–3 октября 1964 года) фамилия Хрущева вычеркнута из всех пунктов программы [38], в окончательном варианте Н.С. Хрущев не упоминается. Во главе встречающих – Л.И. Брежнев и

А.Н. Косыгин, 2 октября В. Штоф наносит визит А.Н. Косыгину, который в тот же день обменивается тостами с Штофом на обеде в Кремле [39].

В октябре Хрущев решил отдохнуть на даче в Пицунде. 12 октября три советских космонавта – В. Комаров, К. Феоктистов и Б. Егоров впервые в истории поднялись над землей в одном корабле. Когда космический корабль совершил третий виток, Хрущев и Микоян поздравили по радиотелефону космонавтов с успехом. В это же время в Кремле началось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором Сулов и Шелепин поставили вопрос о снятии Хрущева со всех постов.

Утром 13 октября Хрущев принял на даче министра Франции Г. Палевского. В то время как Хрущев намеревался пригласить гостя к обеду, позвонил Брежнев и сказал, что «в Москве собрались члены ЦК КПСС и хотят провести пленум с обсуждением предложений Хрущева по сельскому хозяйству» [40].

В конце беседы Брежнев попросил Хрущева приехать в Москву. После очередного звонка Брежнева Хрущев принял решение вылететь в столицу.

14 октября пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н.С. Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев.

В тот же день в Москву прибыл по приглашению правительства СССР президент Республики Кубы О. Дортикос Торрадо, которого в аэропорту встречали Микоян, Подгорный и другие официальные лица. Встреча проходила с соблюдением всех норм советского протокола (эскадрилья истребителей при подлете к Москве, салют из 21 залпа, эскорт мотоциклистов, размещение в Кремле и т. д.) за исключением того, что на улицах Москвы не было трудящихся, которые приветствовали бы высокого гостя [41].

15 октября на заседании Президиума Верховного Совета под председательством Председателя Президиума Верховного

Совета СССР А.И. Микояна Н.С. Хрущев был освобожден от обязанностей председателя Совета министров СССР. Председателем Совета министров был назначен А.Н. Косыгин.

Визит президента Кубы завершился 17 октября, О. Дортикос покидал страну, в которой Н.С. Хрущеву отводилась роль пенсионера.

* * *

Во второй половине 60-х годов с точки зрения изучения эволюции советского дипломатического протокола заслуживают внимания визиты в СССР президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, генерального секретаря Союза коммунистов Югославии И.Б. Тито (1965) и президента Французской Республики Ш. де Голля (1966), впервые посетивших Советский Союз в годы Великой Отечественной войны.

Продолжая традиции (заложенные Д.Т. Флоринским в 20-х годах) по исследованию зарубежного опыта приема иностранных делегаций, Протокольный отдел накануне пятого визита в СССР И.Б. Тито изучил «справку», поступившую в МИД, о встрече югославского лидера в Берлине 8 июня 1965 года.

На аэродроме Тито и сопровождающих его лиц встречали руководители партии и правительства ГДР, главы дипломатических представительств в Берлине (за исключением глав представительств Албании, ДРВ и КНДР), общественность, представители СМИ.

Здание аэровокзала украшено государственными флагами СФРЮ и ГДР. Вслед за прошедшими над аэродромом тройками реактивных истребителей появился самолет президента, «транспортируемый» четырьмя истребителями. На кабине самолета – штандарты ГДР и СФРЮ. Во время исполнения гимнов двух стран прозвучал артиллерийский салют (21 залп). Тито и председатель Государственного совета В. Ульбрихт обошли строй почетного караула из трех родов войск и обменялись речами.

По окончании церемонии встречи лидеры государств в открытых автомобилях, в сопровождении эскорта мотоциклистов, проследовали по улицам Берлина, на которых И.Б. Тито приветствовали рабочие, служащие, школьники и «любопытствующие прохожие». (Задолго до приезда Тито газета «Нойес Дойчланд» сообщила путь следования кортежа и обратилась к населению города с просьбой выйти на улицы для встречи «высокого гостя».)

В тот же день в здании Государственного совета Ульбрихт наградил Тито «Большой звездой дружбы народов» в золоте. В ответ председатель Государственного совета получил от Тито орден Югославской Большой звезды. Супруга Тито была удостоена медали «Борец против фашизма». Затем югославский лидер возложил венки к памятнику социалистам на Фридрихсфельде и памятнику советским воинам в Трептове. Перед началом церемонии в Трептове был исполнен гимн СССР. Вечером 8 июня председатель Государственного совета В. Ульбрихт дал прием в честь президента СФРЮ, на котором присутствовало 1500 человек (Тито опоздал на 20 минут).

Таким образом, церемония встречи в Берлине мало чем отличалась от подобной церемонии в Москве [42].

Визит в СССР И.Б. Тито продлился с 18 июня по 14 июля 1965 года. В Москве югославский лидер нанес визиты председателю Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояну, председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину, первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу.

В ходе поездки по стране посетил Минск, Свердловск, Иркутск, Братск и Омск. 30 июня в столице состоялся митинг дружбы советского и югославского народов [43].

Одновременно с И.Б. Тито в Москве находились их императорские величества шахиншах Ирана М.Р. Пехлеви и шахиня Ф. Пехлеви (21 июня – 30 июня). В Москве шах нанес визиты лидерам Советского государства. 27 июня гости отправились в Ленинград, а оттуда – в Симферополь (28 июня). После непродолжительного отдыха в Ялте (29 июня) вылетели из Симферополя в Тегеран [44]. В отличие от президента СФРЮ и шахиншаха Ирана президент ОАР, председатель Арабского социалистического союза Г.А. Насер, находясь в Москве (27 августа – 1 сентября), посетил Академию бронетанковых войск и не совершил путешествие по стране [45].

Схема встреч глав государств во второй половине 60-х годов сохраняет следующие позиции: украшение аэропорта (вокзала) государственными флагами, исполнение гимнов, приветствие почетного караула, эскортирование автомобиля гостя до резиденции в Кремле. В отдельных случаях эскорт мотоциклистов присутствовал и при встрече глав правительства. Так, эскорт премьер-министра Великобритании Г. Вильсона, находившегося с визитом в СССР с 21 по 24 февраля 1966 года, состоял из двух мотоциклистов [46]. В то же время при встрече премьер-министра Индии И. Ганди, прибывшей 12 июля 1966 года в СССР с официальным визитом по приглашению правительства СССР, были соблюдены все протокольные нормы для визитов такого уровня, но эскортирование автомобиля гостя по улицам Москвы отсутствовало [47]. Вероятно, это объясняется тем, что визит королевы Великобритании в СССР был маловероятен и поэтому советские руководители оказывали премьер-министру почести, предусмотренные для главы государства. Что касается визита И. Ганди, то о характере взаимоотношений с Индией было сказано на митинге дружбы в БКД.

Сопровождение самолета гостя эскортом истребителей во второй половине 60-х годов встречается крайне редко, но полностью не исключается. Так, эскорт предусматривался во время встречи президента Франции (июнь 1966 года), императора Эфиопии (февраль 1967 года), президента Камеруна (июль 1967 года) [48].

Если глава государства посещал страну с неофициальным видом, но по приглашению президента Верховного Совета СССР, как это было в случае с королем Лаоса Шри Саванг Ваттаханом, прибывшим с супругой на отдых с 15 мая по 5 июня 1966 года, то в аэропорту, украшенном государственными флагами Лаоса и СССР и приветственными транспарантами, гостей встречал председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный и другие официальные лица, сотрудники посольства Лаоса в Москве (гимны не исполнялись, почетный караул не выстраивался). По улицам Москвы гости направлялись в резиденцию в Кремле в сопровождении эскорта мотоциклистов [49].

Особенность официального визита в СССР президента Французской Республики генерала Шарля де Голля с супругой (20 июня – 1 июля 1966 года) по приглашению президента Верховного Совета СССР и правительства СССР заключалась в том, что после 1944 года это был первый визит французского лидера в послевоенные годы. Подготовка визита включала три этапа.

Первый – приезд в Москву шефа протокола МИД Франции и сотрудников канцелярии для обсуждения вопросов, связанных с подготовкой визита. В аэропорту гостей встречали

заведующий Протокольным отделом Ф.Ф. Молочков, посол Франции в СССР, сотрудник Протокольного отдела.

Первый этап продлился с 20 по 25 марта.

Второй – оказание помощи в подготовке визита в городах, включенных в программу. В апреле в Новосибирск, Ленинград и Волгоград выехали сотрудники Протокольного отдела и 9-го управления КГБ – для практической помощи в деле подготовки визита [50].

Третий – прилет из Франции на президентском самолете «Каравелла» (с 7 по 15 мая) второй французской группы по подготовке визита в составе: шефа протокола МИД Франции с супругой; директора по организации официальных визитов, врача, сотрудников министерства информации, сотрудников охраны президента, экипажа президентского самолета «Каравелла» (9 человек). В задаче группы входила поездка по городам, намеченным для посещения де Голлем (осмотр резиденций и объектов программы), а также обсуждение в МИД СССР отдельных вопросов по программе визита [51].

20 июня самолет президента на подступах к Москве встречал эскорт истребителей [52].

Среди встречающих в аэропорту: Н.В. Подгорный, А.Н. Косыгин с супругой, летчики-космонавты Ю.А. Гагарин и А.А. Леонов, трудящиеся столицы (700 человек), журналисты, дипломатический корпус. В аэропорту, украшенном государственными флагами и транспарантами, выстроен почетный караул, исполнены гимны, прозвучал артиллерийский салют. Подгорный и де Голль обменялись приветствиями. В автомобиле (со штандартом президента) де Голля до резиденции в Кремле сопровождали Подгорный и Косыгин, супругу де Голля – супругу Косыгина. На улицах Москвы кортеж в сопровождении эскорта мотоциклистов приветствовали жители столицы.

Над резиденцией де Голля в Кремле был поднят государственный флаг Франции (этот факт подчеркнут в источнике) [53].

В целом программа визита составлена по уже ставшей к этому времени традиционной схеме: визиты, переговоры; обеды, приемы; посещение театра (ГАБТ, балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта»); возложение венка к мемориальной доске авиаполка «Нормандия – Неман». Находясь в Москве, президент посетил Моссовет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Гвардейскую Таманскую дивизию имени М.И. Калинина, побывал на тактических учениях мотострелкового батальона, выступил по советскому телевидению (30 июля, запись сделана в резиденции гостя в Кремле) [54].

Для супруги президента была подготовлена специальная программа: посещение Кремля, Института педиатрии Академии медицинских наук СССР, чай «от Брежневой и Подгорной» [55].

Во время поездок по стране де Голля сопровождал Подгорный (в Новосибирск) и Косыгин (в Ленинград, Киев, Волгоград).

Перелеты совершались на четырех спецсамолетах Ил-18 – два для де Голля и сопровождающих его лиц и два для журналистов.

Одновременно по маршруту поездки президента летел самолет де Голля «Каравелла» (кроме космодрома) без пассажиров с советскими лидировщиками на борту.

Главный итог визита – подписание 30 июня совместных документов: соглашения о сотрудничестве в области освоения и изучения космического пространства в мирных целях и соглашения о научно-техническом и экономическом сотрудничестве [56].

1 июля состоялся вылет французской делегации из Москвы.

Во время проводов на аэродроме Внуково-2 де Голль, возвращаясь от колонны трудящихся Москвы, сказал Подгорному, что ему очень «понравилась организационная сторона <...> визита, как в церемониальном отношении, так и в других. Я (де Голль. – *Авт.*) все время чувствовал четкость и порядок. Я благодарю Вас» [57].

Н.В. Подгорный ответил: «Мне тоже понравилась эта сторона визита. Во время нашей с Вами совместной поездки по стране я также чувствовал этот порядок и никаких, как у нас говорится, «накладок» не было» [58].

При прощании у трапа самолета де Голль сказал Ф.Ф. Молочкову, что он поздравляет его с «хорошей протокольной службой во время <...> визита» [59]. Шеф протокола Дюран, который еще в марте 1966 года благодарил «дорогого коллегу» [60] Молочкова за дружеский прием в Москве, пообещал прислать из Парижа Федору Федоровичу фотопортрет де Голля с его личной надписью [61].

Телеграмму со словами благодарности за «выдающееся участие», которое Молочков принял в организации и успешном проведении визита, заведующий Протокольным отделом МИД СССР получил также от сына президента Франции капитана 1-го ранга Ф. де Голля [62].

Несмотря на то что Ф.Ф. Молочков возглавлял Протокольный отдел до 1969 года, этот визит занимает особое место в его карьере и в истории советского протокола. «Законодатели мод» в области государственной церемониальной культуры в личных посланиях на имя Ф.Ф. Молочкова выражают ему свое искреннее уважение и восхищаются его профессионализмом. Подобные заверения официальных членов французской делегации – это не только традиция дипломатической вежливости. Они говорят о международном признании деятельности главы Протокольного отдела МИД СССР и его сотрудников.

В 1969 году с уходом Ф.Ф. Молочкова с должности заведующего Протокольным отделом МИД СССР заканчивается целая эпоха в истории советского протокола. Ф.Ф. Молочков совершенствовал протокольную практику Советского Союза с целью ее наибольшего сближения с общепринятыми правилами европейской вежливости. Как отмечает в своем исследовании П.Ф. Лядов, Молочков с достоинством «отстаивал необходимость уважения протокольных норм, защищая их от волонтаризма и вкусовщины» [63].

После отъезда Ф.Ф. Молочкова в 1969 году в Бельгию заведующим Протокольным отделом становится Б.Л. Колоколов, который находился на этой должности до 1973 года. Почти 13 лет руководителем протокольной службы МИД СССР был Д.С. Никифоров (1973–1986), который в 1960 году возглавлял группу по подготовке визита президента США Д. Эйзенхауэра. Как известно, визит был сорван из-за инцидента с летчиком Пауэрсом, но целый ряд разработанных группой организационных мероприятий, включая схему встречи, использовался в Советском Союзе до 1968 года. В начале 70-х годов задача Никифорова и его сотрудников заключалась в первую очередь в утверждении в протокольной практике системного подхода.

Так называемые подготовительные мероприятия визита включают в себя:

- составление проекта программы пребывания зарубежной делегации в СССР;
- подготовка сколка программы, перевод его на язык страны гостей и печатание программы типографским способом;
- проверка изготовления на фабрике флагов и транспарантов;
- обеспечение делегации переводчиками;
- размещение гостей в Москве;
- отправка в МГК КПСС материалов (образец и описание государственного флага, тексты приветственных транспарантов на русском языке и языке страны гостя);
- список размещения и рассадка по автомобилям;
- показ резиденции представителям посольства;
- передача текста рапорта начальнику почетного караула;
- договоренность об эскорте мотоциклистов;
- прослушивание гимнов (совместно с представителями посольства);
- передача нот гимна оркестру;
- составление и согласование меню, перевод его на язык страны гостя;
- печатание пригласительных билетов;
- дежурство сотрудников отдела в период пребывания гостя в Москве (в резиденции);
- составление нарядов на мероприятия (встреча, театр, проводы);
- подготовка предложений о подарках совместно с УДСМ СССР и территориальным отделом и вручение подарков накануне заключительного мероприятия программы;
- составление списка участников обеда, печатание речей лидеров государств на приеме в Кремле.

При подготовке визита в большинстве случаев сотрудники Протокольного отдела работали совместно с представителями посольства страны гостя... Но в этом правиле были исключения.

Так, в конце 1972 года в СССР для организации визита президента Франции (11–12 января 1973 года) прибыла специальная группа в составе шефа протокола, директора «официальных визитов», заместителя директора, отвечающего за вопросы безопасности, ответственного за службу печати Елисейского дворца, адъютанта президента, начальника связи,

врача президента, официального переводчика МИД Франции. В задачи группы входило: изучение маршрута полета, посадочной полосы, средств обеспечения посадки, организации

охраны, возможности установления прямой телефонной и телеграфной связи с Елисейским дворцом и прямой телефонной связи с посольством Франции в Москве, исследование вопросов безопасности и медицинского обеспечения визита [64].

Президент Франции прибыл с официальным визитом в столицу Белоруссии 11 января 1973 года. В аэропорту в Минске, украшенном флагами Франции, СССР и БССР, Помпиду встречали Л.И. Брежнев, П.М. Машеров, А.А. Громыко и другие официальные лица (гимны не исполнялись, караул не выстраивался). На церемонии встречи присутствовала группа офицеров (20–30 человек), советские и иностранные журналисты (80–90 человек). В тот же день в честь высокого гостя был дан обед, а на следующий день – завтрак. По окончании переговоров и последовавшей затем пресс-конференции президент Франции вылетел из Минска в Париж.

19 января на имя председателя Президиума Верховного Совета БССР, первого секретаря ЦККПБ Машерова поступила телефонограмма, в которой президент Франции сообщал, что он «весьма рад, что смог, несмотря на исключительно напряженный распорядок дня, проехать по городу Минску и с восхищением отметить достижения в области строительства Вашей столицы, столь часто страдавшей от войн». Здесь же президент благодарит Машерова за подаренный ему набор «прекрасных продуктов Белоруссии и СССР» [65].

В ходе подготовки визита стороны зачастую обсуждали не только протокольные, но и политические вопросы.

Так, накануне прибытия в Москву министра иностранных дел по делам Содружества Великобритании лорда Карррингтона (5–6 июля 1981 года) во время беседы посла Великобритании К. Кибла с заведующим 2-м Европейским отделом В. Суловым Кибл спросил, будет ли обсуждаться на встрече Карррингтона и А.А. Громыко «английская памятная записка по вопросам об Афганистане» [66]. В ответ на это Сулов заметил, что советская позиция по Афганистану известна послу, а на встрече будут обсуждаться проблемы, имеющие «очевидное международное значение», – прекращение гонки вооружений и предотвращение военной опасности [67].

В большинстве случаев накануне визита в Протокольный отдел из посольства поступала так называемая «справка», в которой содержалась информация о распорядке дня главы делегации, состоянии его здоровья, рекомендации по составлению меню и т. д.

Так, в памятной записке для Ф.Ф. Молотова о президенте Индии З. Хусейне (1968) сказано, что у президента «слабое сердце», поэтому желательно, чтобы он по возможности «не шел по лестнице» [68]. Что касается питания, то З. Хусейн утром не пьет чай, на завтрак ест сыр, молоко, фрукты. Не любит жирную пищу и пищу с большим количеством специй. Не следует подавать к столу: рис, ветчину, свинину, вместо сахара сахарин (будет доставлен из Индии) [69].

Про императора Эфиопии в подобной справке говорится, что, несмотря на возраст (81 год), император некапризен, легко приспосабливается к быту, но ценит комфорт. Одна из черт характера – приверженность распорядку дня, Селассие ценит время и пунктуальность. Встает в 5:30–6:00 утра, после подъема пьет стакан фруктового или овощного сока. Время до завтрака (7:30–8:00) он посвящает «церковным делам». В 9:00 приступает к работе. После обеда (в 13:00) – отдых (до 16:00), любит пешие прогулки, классическую музыку, английские фильмы, театральные спектакли, книги по истории, религии, политике. Не любит национальные блюда, предпочитает европейскую кухню.

Особое внимание при подготовке визита отводилось разработке схемы встречи, которая является своеобразной «увертюрой» визита.

С именем шаха Ирана М.Р. Пехлеви связана целая эпоха в развитии советского протокола. Если в 1956 году он был первым зарубежным лидером, самолет которого на подступах к Москве встречал эскорт истребителей, то в 1968 году шах Ирана стал последним государственным деятелем, в церемонии которого присутствовала эта протокольная норма.

Иранского лидера, прибывшего в СССР с супругой, в аэропорту, украшенном государственными флагами Ирана и СССР, встречали Подгорный с супругой и другие официальные лица. Гостей приветствовали трудящиеся Москвы (300 человек), был выстроен почетный караул (три вида вооруженных сил), исполнены гимны двух стран, прозвучал артиллерийский салют. Пехлеви и Подгорный обменялись речами. Автомобиль шаха во время его следования в резиденцию сопровождал эскорт мотоциклистов.

Подобная схема встречи (за исключением эскорта в воздухе и артиллерийского салюта) существовала в СССР до середины 80-х годов.

Следует заметить, что в данной схеме присутствует составляющая, которая характеризует отношение советского руководства к прибывшему лидеру. Речь идет о количестве присутствующих в аэропорту трудящихся, которые приветствовали высокого гостя.

В 1972 году своеобразный рекорд – тысяча человек – был поставлен при встрече в аэропорту в Москве первого секретаря ЦК компартии Кубы, премьер-министра революционного правительства Республики Кубы Фиделя Кастро Рус.

Для сравнения отметим, что в том же году председателя Совета министров Италии Д. Андреотти встречали 300 человек, шахиншаха Ирана М.Р. Пехлеви – 400 человек, генерального секретаря регионального руководителя Партии арабского социалистического возрождения, председателя Совета революционного командования, президента Республики Ирак А.Х. Бахра – 500 человек.

Своеобразный рекорд Ф. Кастро не был побит ни одним из лидеров зарубежных государств, в 1974 году к нему приблизился генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, президент САР Хафез Асад – в аэропорту гостя приветствовали 750 человек [70]. В том же году первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара приветствовали 500 человек [71]. Кастро – это вызов США, президент Ирака и президент САР – вызов союзникам Соединенных Штатов, демонстрация Советским Союзом своих геополитических интересов в условиях биполярного мира.

Но в отдельных случаях СССР был вынужден считаться с нормами международного протокола, в первую очередь это касалось церемоний встреч коронованных особ.

Так, в 1975 году (26 мая) в Ленинграде в сопровождении фрегата датских ВМС на королевской яхте прибыла королева Дании Маргрет II и принц Хенрик. Датские корабли встретили и эскортировали их до места стоянки военные корабли ВМС СССР. По международной практике для встречи глав государств советские военные корабли произвели в море салют в честь королевы Маргрет II (21 выстрел) и при заходе в порт – обмен салютами (21 выстрел). В Москве встреча прошла по стандартной схеме [72].

Что касается программ визитов, то они в большинстве своем включали следующие мероприятия: возложение венка к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены и Мавзолею В.И. Ленина; официальные визиты и приемы в Кремле; посещение ВДНХ, телебашни в Останкине, ГАБТа, Московского метрополитена, Третьяковской галереи, музеев Кремля, МГУ имени М.В. Ломоносова. При составлении программы учитывались пожелания гостей, которые в свою очередь свидетельствуют о главной цели визита.

Так, президент Народной Республики Южного Йемена К.М. Аш-Шааби посетил Высшее военное командное училище (1969), президент Объединенной Республики Танзании Д. Носрере осмотрел военную технику (1969), король Иордании Хусейн – один из военных объектов Ленинграда (1976). Академию бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского посетили генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, председатель Президиума Верховного народного совета, премьер-министр НДРЙ Али Насер Мухаммед (1980), председатель Народно-революционного совета Кампучии Хейг Самринг (1960), президент Верховного революционного совета Социалистической Демократической Республики Сомали генерал М.С. Барре, который побывал и в Таманской дивизии (1971).

Уже находясь в СССР, глава делегации мог попросить принимающую сторону внести изменения в программу визита. В 1972 году Ф. Кастро обратился с просьбой отменить официальный обед, во время визита он посетил городок космонавтов, Нововоронежскую атомную электростанцию (1972).

Для супруг глав делегаций в Протокольном отделе МИД СССР составлялись отдельные, так называемые женские программы. Так, в 1978 году программа супруги госсекретаря США С. Вэнса включала посещение Новодевичьего монастыря, Музея-усадьбы Л.Н. Толстого, ГАБТа, Третьяковской галереи, Колхоза имени Владимира Ильича [73]. Женская программа ее величества шахини Ирана Фарах Пехлеви предусматривала посещение ГАБТ, Института востоковедения, Дома моделей, визит к председателю Президиума советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, осмотр Кремля [74].

30 декабря 1972 года в Москву прибыла (визит продлился до 7 января) дочь президента США Патриция Никсон Кокс с супругом Эдвардом Коксом. В день прилета (30 декабря) супруги посетили Молодежный бал в Кремле. В программе визита – посещение церкви, Моссовета, метрополитена, ГАБТа, ВДНХ, Третьяковской галереи, цирка, Гастронома № 1. От имени Фурцевой в честь гостей был дан завтрак в ресторане «Прага». Ю.Л. Брежнев с супругой принимал П. Никсон с супругом на своей квартире (присутствовала Г.Л. Брежнева) [75].

Начиная примерно с середины 60-х годов в материалах фонда Протокольного отдела (в большинстве случаев) отсутствует информация, передающая атмосферу, своеобразное «настроение» визита. Необходимые нам сведения мы можем обнаружить в источниках личного происхождения.

Так, в воспоминаниях В.М. Суходрева содержатся интересные детали визита в СССР премьер-министра Канады Пьера Трюдо, с именем которого связан период потепления и развития дружеских отношений двух стран. В 1971 году Трюдо посетил Советский Союз. Незадолго до визита Трюдо женился. Юная избранница премьер-министра произвела «неотразимое впечатление на наших фарисеев, когда появилась на трапе самолета в мини-юбке», – вспоминал В.М. Суходрев [76].

Следующий сюрприз ожидал советских представителей на Ивановской площади в Кремле. По дороге в резиденцию, находясь в одном автомобиле с Косыгиным и Трюдо, Суходрев обратил внимание, что Трюдо внимательно смотрит на один из мотоциклов сопровождающего кортеж эскорта. Затем он спросил у сидящего рядом Косыгина:

«– А этот мотоцикл советского производства?»

Алексей Николаевич посмотрел на мотоцикл, на нем почему-то не было никаких фирменных знаков.

– Честно говоря, не знаю, но полагаю, что да, – ответил Косыгин.

Трюдо снова погрузился в изучение мотоцикла. Так и ехал до резиденции... Мотоцикл поразил его воображение» [77].

Через несколько дней, после встречи в Кремле с председателем Президиума Верховного Совета Н.В. Подгорным, Трюдо и сопровождающие его лица вышли на Ивановскую площадь

Кремля и направились к машине, рядом с которой стоял один из мотоциклов эскорта. «Завидев его, Трюдо вдруг ускорил шаг. Подошел. Посмотрел. Протрогал. Потом перекинул ногу через седло, снял опору, со знанием дела произвел манипуляции с рычагами управления и рванул вперед» [78]. Не успели присутствующие прийти в себя, как Трюдо, сделав почетный круг по площади, затормозил на том же месте, где стоял мотоцикл.

«– Хорошая машина, – заявил он» [79].

Такого Кремль не видел ни до, ни, насколько известно, после Трюдо.

Но это была не последняя «выходка» канадского премьер-министра, поразившая наших соотечественников.

Перед началом завтрака в канадском посольстве в честь А.Н. Косыгина Трюдо подвел Алексея Николаевича к окну. «Во дворе посольства стоял красивый снегоход.

– Господин премьер. Я хочу преподнести Вам этот типично канадский подарок, – сказал Трюдо, кивнув за окно» [80]. Позже Суходрев узнал, что снегоход по просьбе Косыгина передали на один из заводов, чтобы и в СССР наладить производство необходимых в северных регионах машин.

Трюдо поражал всех не только стилем поведения, но и своей внешностью – ультрамодными широкими яркими галстуками, пиджаками с огромными лацканами, ботинками на платформе и расклешенными брюками.

Можно спорить о том, насколько подобный внешний вид соответствует атмосфере официальных приемов, но очевидно, что он уместен на дискотеке, куда Трюдо вместе с супругой пожелал отправиться в Киеве.

Премьер-министр Канады не мог не посетить Украину, выходцы из которой в значительном количестве проживают в Канаде и в некоторых районах страны могут оказать серьезное влияние на результаты выборов.

Желание Трюдо посетить дискотеку или ночной клуб без официальных сопровождающих Суходрев передал начальнику охраны, который попросил 15–20 минут на подготовку. Дискотека для премьер-министра была организована на Крещатике недалеко от резиденции, супруги Трюдо

отправились туда пешком (охрана была, но она старалась быть незаметной). «На Трюдо никто не обращал внимания. Никому и в голову не могло прийти, что этот модно одетый пижон с бакенбардами, идущий в обнимку с худенькой длинноволосой девчонкой, – премьер-министр Канады» [81].

В клубе Трюдо подвели к столику, накрытому на двоих. И началась «шикарная имитация» жизни ночного клуба: «гости» танцевали, свет убавили. Трюдо с женой выпили шампанского и «пустились в пляс». По мнению Суходрева, находившегося на дискотеке, канадская пара танцевала «весьма бойко и зажигательно» [82].

Север, как и Украина, входил в план визита. СССР и Канада располагают обширными северными территориями, решение проблем которых актуально для обоих государств. В Норильске «канадцы интересовались буквально всем: как строились дома на сваях, как добывается руда, а когда они увидели профилакторий для рабочих, где с потолка свешивались самые экзотические живые растения, они просто были потрясены. Восторгались ледовым дворцом, где видели мальчиков, в полном хоккейном облачении игравших в ту игру, которая родилась в Канаде» [83].

Канадцы были потрясены работой Норильского комбината, вокруг которого и возник город. В Канаде добыча полезных ископаемых происходит вахтовым методом, и таких городов там не строили.

В Мурманске, после посещения плавучего рыбозавода, капитан пригласил всех на обед, который превзошел своим изобилием кремлевские.

Визит Трюдо запомнился не только яркими поездками по стране. Были подписаны важные соглашения, принято совместное заявление. Один из членов Политбюро предложил даже наладить в СССР производство тканей модных ярких расцветок, но его порыв вызвал весьма предсказуемую реакцию: «Нет, нам этого не надо. Пускай Трюдо сам такие галстуки носит...» [84]

У А.П. Косыгина с П. Трюдо после его визита в СССР наладились хорошие отношения, они, по наблюдениям В.М. Суходрева, с удовольствием общались друг с другом [85].

За, казалось бы, «сухим» языком протокола стоят конкретные личности с их привычками, характерами. В отдельных случаях нарушение протокольных норм не только не мешает решать поставленные задачи, но и даже способствует их воплощению.

В первой половине 70-х годов по-прежнему не существовало единого подхода к подготовке и проведению зарубежных визитов в СССР. Лидерам иностранных государств было трудно объяснить, по какому принципу составляется схема встречи. Почему одного главу делегации приветствуют 200 трудящихся столицы, а другого – 1000, как объяснить нахождение в почетном карауле в одном случае трех родов войск, а в другом – одного, когда проводятся митинги дружбы и т. д. Ответ на эти и другие вопросы, возникающие при подготовке и проведении зарубежных визитов, содержится в «Основных положениях протокольной практики в СССР», составленных в МИД и утвержденных 8 января 1976 года в ЦК КПСС.

По сравнению с действующими на тот момент положениями протокольной практики предусматривались следующие изменения:

- сократить количество членов Политбюро, принимающих участие в протокольных мероприятиях;
- в отдельных случаях в Кремле наряду с первыми секретарями ЦК партий социалистических стран размещаются и главы иностранных государств, главы правительств [86];
- исключить из программы визита официальное посещение театра;
- в честь делегации или высокого партийного гостя (государственного деятеля) дается только один официальный обед или завтрак;
- участие населения при встречах и проходах:
 - первого секретаря ЦК партии социалистической страны – в пределах 350–400 человек;
 - президента и главы правительства или возглавляемой им делегации социалистической страны – 250–300 человек;
 - главы государства и правительства несоциалистической страны или возглавляемой им делегации – в пределах 200 человек;

– население на улицах города по маршруту следования до резиденции приветствует при официальных визитах делегации социалистических стран во главе с Первым секретарем ЦК партии только по решению ЦК КПСС [87];

– СССР не предоставляет (как правило) специальные самолеты для доставки делегаций или высоких гостей в СССР и обратно;

– продолжительность пребывания гостя – не более двухтрех дней. В случае поездки по стране отъезд из СССР, как правило, без повторного заезда в Москву [88];

– протокольные мероприятия должны проводиться при участии ограниченного числа советских официальных лиц и при минимальных финансовых затратах [89].

В 70-х – в начале 80-х годов деятельность сотрудников Протокольного отдела МИД СССР по-прежнему, как и в предыдущие годы, получала высокую оценку со стороны зарубежных гостей.

Так, в 1972 году по окончании визита в СССР помощника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера на имя заведующего отделом США МИД СССР Г.М. Корниенко поступило послание из посольства США, в котором сообщалось, что, по мнению американской стороны, ни один из визитов Г. Киссинджера «не был так хорошо обеспечен». Протокольные и другие мероприятия на аэродроме, транспортные услуги, размещение в резиденции на Ленинских горах, а также меры по обеспечению безопасности были организованы самым лучшим образом. «Мы высоко ценим Вашу заботу об экипаже самолета, который побывал на балете, в цирке и на Выставке достижений народного хозяйства», – отмечалось в послании [90]. Американская сторона просила передать благодарность всем сотрудникам, осуществлявшим визит, проявившим «высшую степень гостеприимства и сотрудничества» [91].

Можно утверждать, что гостеприимство – важная составляющая национальной политики Советского Союза. Протокольный отдел своей работой разрушал стереотипы об СССР как империи зла, он, так же как Большой театр, советский спорт, русская литература, был частью положительного имиджа СССР.

Приложение 1

Последний официальный визит 1964 года (с 30 ноября по 4 декабря) – приезд партийно-государственной делегации ЧССР во главе с первым секретарем ЦК КПЧ, президентом ЧССР Антонином Новотным по приглашению ЦК КПСС,

Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР. Завершился год неофициальным визитом первого заместителя премьер-министра, министра иностранных Республики Индонезия доктора Субандрио – с 18 по 21 декабря 1964 года [92].

Приложение 2

Приезд делегации НРБ, ВНР, ГДР, МНР, УССР, ПНР, РНР на празднование 70-летия Н.С. Хрущева (1964 год) [93]

Государство	Глава делегации	Период пребывания
НРБ	Т. Живков – первый секретарь ЦК БКП, председатель Совета министров НРБ	15–18.04
ВНР	Я. Кадар – первый секретарь ЦК ВРП, председатель Венгерского рабоче-крестьянского правительства	15–19.04
ГДР	В. Ульбрихт – первый секретарь ЦК СЕПГ, председатель Государственного совета ГДР	16–18.04
МНР	Ю. Цеденбал – первый секретарь ЦК МНРП, председатель Совета министров МНР	14–28.04
ЧССР	А. Новотный – первый секретарь ЦК КПЧ, президент ЧССР	15–18.04
ПНР	В. Гомулка – первый секретарь ЦК ПОРП	Делегация осталась на празднование 70-летия Н.С. Хрущева и после завершения 15.04 официального визита вылетела на Родину 18.04
РНР	И.Г. Маурер – председатель Совета министров РНР, член Политбюро ЦК РРП	17–18.04

Все делегации, за исключением делегации ПНР, были размещены в особняках на Ленинских горах. Резиденция делегации ПНР в Кремле, так как поляки до 15 апреля находились в СССР с официальным визитом.

Приложение 3

Схема встречи главы иностранного государства или главы правительства иностранного государства на вокзалах (например, Киевском, Белорусском) [94]

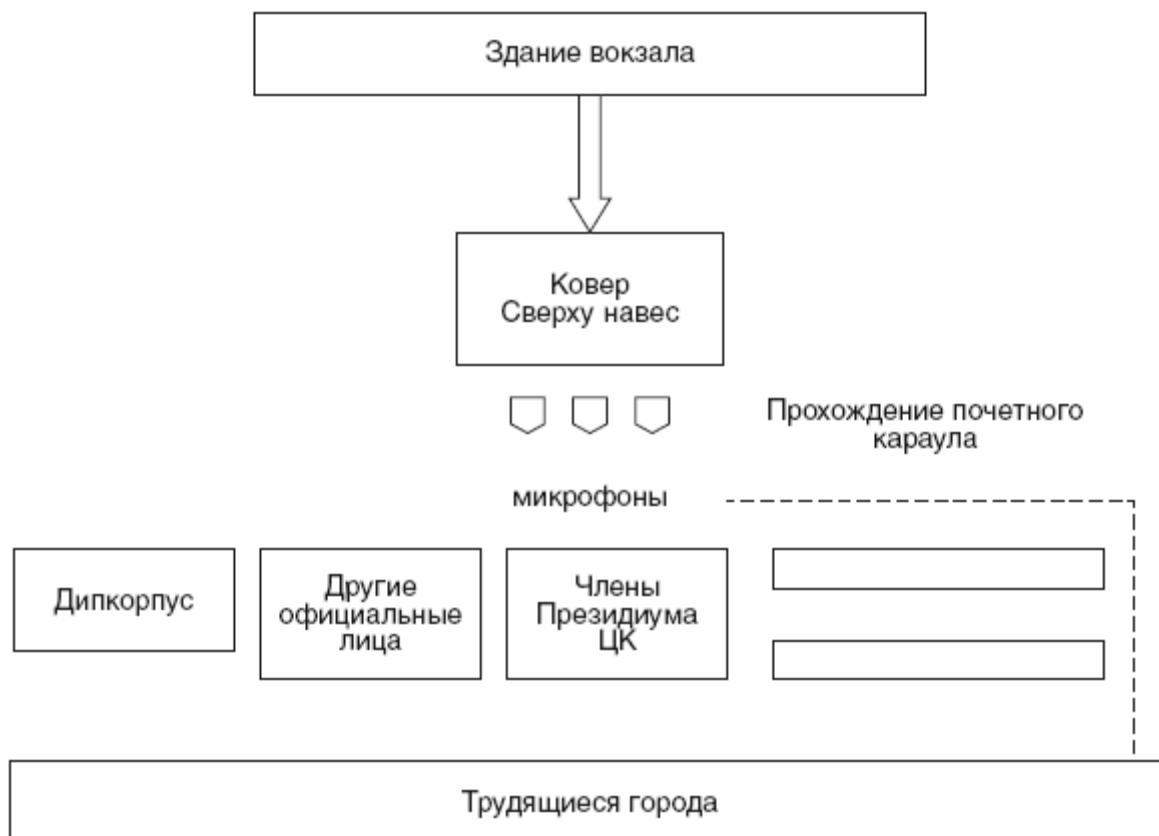

Схема разработана Ф.Ф. Молочковым в 1964 году

Приложение 4

Схема встречи главы иностранного государства или главы правительства иностранного государства на аэродроме Внуково-2 в зимнее и ненастное время [95]

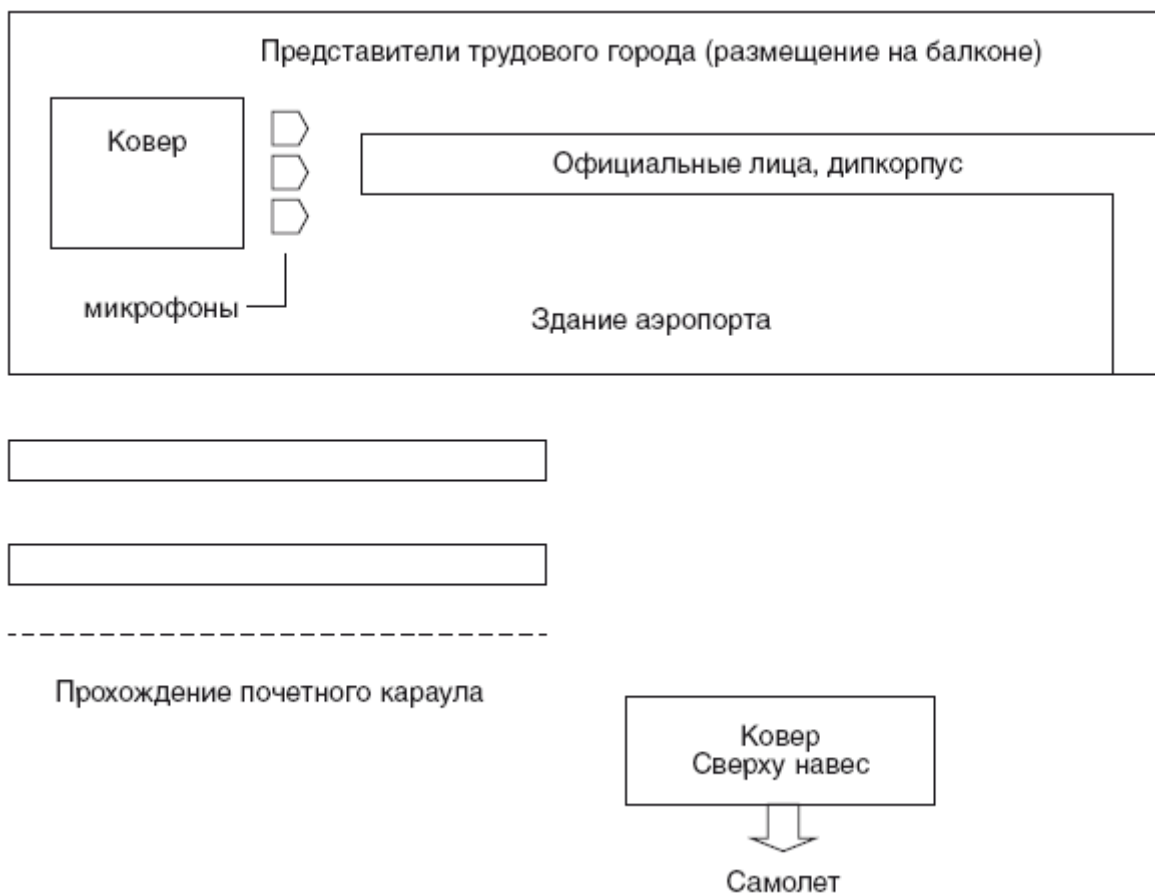

Схема разработана Ф.Ф. Молочковым

Приложение 5

Схема встречи главы иностранного государства или главы правительства иностранного государства на аэродроме Внуково-2 в летнее время [96]

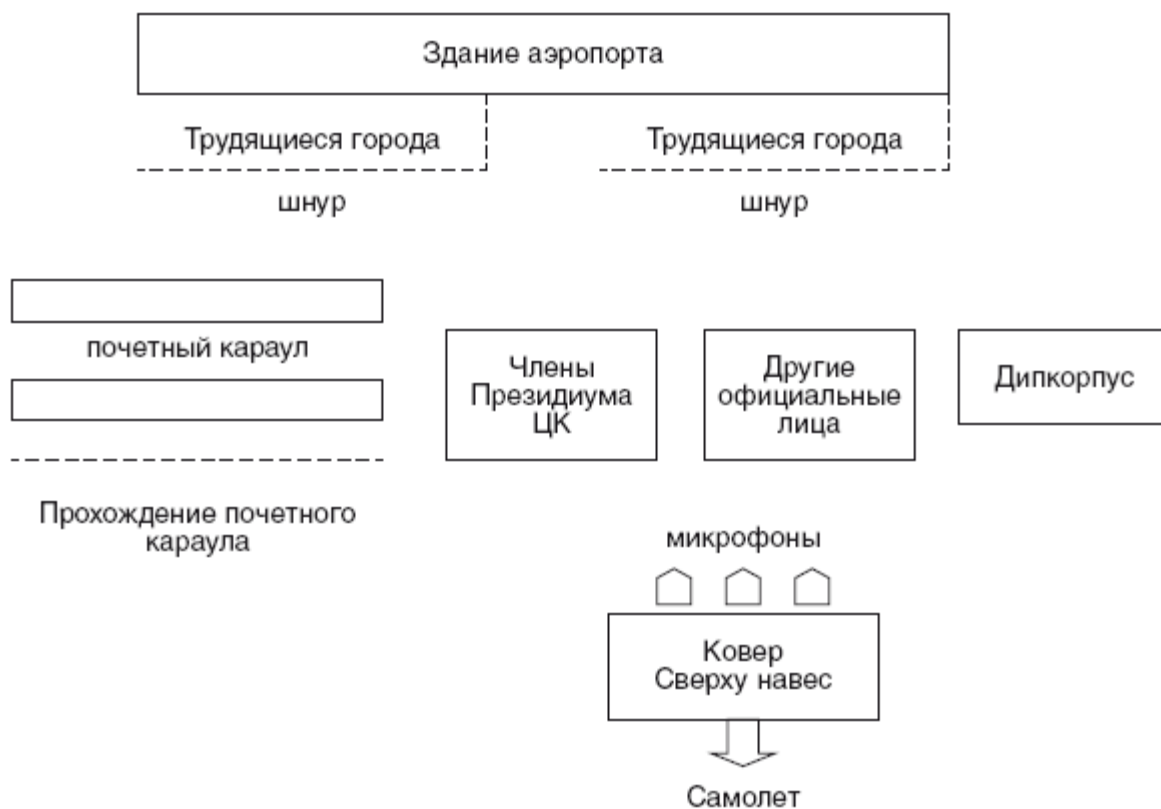

Схема разработана Ф.Ф. Молочковым в 1964 году

Приложение 6

Рассадка в центральной ложе Большого театра 21 июня 1966 года, 18:30 [97]

Сцена

А.Н. Косыгин	Г-жа де Голль	Н.В. Подгорный	Ш. де Голль	К.А. Косыгина	Г-жа Кув де Мюрвиль	1-й ряд
переводчик						
М.П. Зорина	Ф. Боде	Е.А. Фурцева	Л.Д. Громыко	М. Кув де Мюрвиль	А.А. Громыко	2-й ряд
	Д. Дюран	Э. Бюренде Розье	В.А. Зорин	Г-жа Бюрен де Розье	Ф. де Голль (сын)	3-й ряд
		Ф.Ф. Молочков	Б.Л. Колоков			4-й ряд

Генерал Шарль де Голль, президент Французской Республики (Кремль)

Госпожа де Голль (Кремль)^[28]

Г. Морис Кув де Мюрвиль, министр иностранных дел Французской Республики (посольство Франции)

Г-жа Кув де Мюрвиль (посольство Франции)

Г. Филипп Боде, чрезвычайный и полномочный посол Французской Республики в СССР (посольство Франции)

Г. Этьен Бюрен де Розье, посол, генеральный секретарь Канцелярии президента республики (Кремль)
Г-жа Бюрен де Розье (Кремль)
Г. Бернар Дюран, полномочный министр, шеф протокола (Кремль)
Капитан 1-го ранга Филипп де Голль (Кремль)

Приложение 7

Супруга президента СФРЮ Йованка Броз посетила СССР в январе 1967 года (28–31 января). На Киевском вокзале ее встречали В.П. Брежнев и Я.С. Мазурова, которые сопровождали И. Броз в Кремль. Во время визита, носившего неофициальный характер, гостя посмотрела в Доме приемов на Ленинских горах первую и вторую серии кинофильма «Война и мир», а в Кремле – «Кавказскую пленницу», послушала оперу «Евгений Онегин» в ГАБТе, посетила Горки Ленинские, Госцирк, «Мосфильм», Дом моделей [98].

Глава 5 Дипломатические подарки

Я был особенно тронут прекрасным, артистически исполненным чайным сервизом, который вчера мне передали от имени Советского Правительства. Этот роскошный подарок обрадует мою жену, так же как он обрадовал меня. О Советском Союзе и о его народе я увожу волнующие воспоминания, проявление которых с моей стороны не замедлит сказаться.

Из послания капитана 1-го ранга Ф. де Голля Ф.Ф. Молочкову 1 июля 1966 года

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОДАРКИ

Подарок – неотъемлемая часть протокольной практики каждого государства, символ внимания к высокому иностранному гостю, форма выражения благодарности за успешную совместную работу или поддержание хороших деловых контактов.

Одно из первых письменных упоминаний об использовании даров как способа укрепления союзнических отношений содержится в уникальном памятнике древневосточной дипломатии Тель-эль-Амарнской переписке и договоре египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хаттушилем, заключенном в 1278 году до Р. Х.

Большую часть материала Тель-эль-Амарнского архива составляют письма к фараону сирийских и палестинских князей, княжества которых играли роль своеобразных буферных

государств между державой хеттов, с одной стороны, и Египтом – с другой. В их посланиях содержатся просьбы к фараону о присылке военной помощи, золота и подарков.

Настойчив в требовании золота и царь Митанни Тушратта. Свое обращение Аменофису IV он заканчивает такими словами: «Итак, пусть брат мой пришлет мне золото, в таком большом количестве, которого нельзя было бы и исчислить... Ведь в стране моего брата много золота, столько же, сколько и земли. Боги да устроят так, чтобы его было еще больше в десять раз». Со своей стороны царь готов оказать фараону какие угодно услуги и прислать всякие дары. «Если брат мой чего-либо пожелает для своего дома, я отдам в десять раз больше, чем он требует. Моя земля – его земля, мой дом – его дом».

Все эти документы составлены клинописью, на вавилонском языке – дипломатическом языке того времени [1].

В Древней Греции к иностранным послам относились с почтением, приглашали их на театральные представления, обеспечивали им хороший прием, предлагали подарки. О результатах своей миссии члены посольства, по возвращении в родной город, давали отчет в Народном собрании. В случае успешной миссии им выдавались почетные награды, самой высокой из которых был лавровый венок с приглашением на следующий день обедать в особом здании близ Акрополя [2].

Если в Греции значительную роль во внешней политике играли Народные собрания, то в Риме периода республики внешней политикой руководил Сенат. Цели римских посольств могли быть самыми различными – заключение мира, объявление войны, подписание договоров и т. д. Внешним отличием послов был золотой перстень, дававший право на бесплатный проезд и получение в пути всего необходимого.

Сенату принадлежало право не только отправлять, но и принимать посольства, которые делились на две категории: 1) посольства враждебных государств и 2) посольства дружеских государств. Послы враждебных государств размещались за городской чертой, на Марсовом поле, в «загородной вилле», где ожидали приглашения Сената для получения аудиенции.

Послы дружественных государств останавливались в одном из лучших зданий города, их приглашали на празднества, театральные и цирковые представления, дарили подарки. Со своей стороны иностранные послы делали вложения в римскую казну. Так, известно, что Карфаген подарил Риму золотой венок весом 25 фунтов, а сирийский царь Антиох – золотые вазы весом 500 фунтов [3].

Римское правило «Divide et impera» («Разделяй и властвуй») нашло широкое применение в византийской политике. Император Юстиниан, так же как когда-то Великий Рим, решал проблемы империи на территории соседей их же руками. Но военные вмешательства являлись всего лишь одним из средств политики Юстиниана, Константинополь продолжил и во многом развил традиции римской дипломатии, главной задачей которой было заставить варваров служить империи.

Византия выплачивала пограничным племенам большие суммы, чтобы они защищали границы империи. Их вождям раздавали титулы, знаки отличия, мантии, жезлы, золотые или серебряные диадемы. Сам Аттила получал жалованье как «полководец империи».

При византийском дворе можно было увидеть посольства из Европы, Азии, Африки. Дипломатические поручения открывали путь к самым высоким почестям. Послов водили по городу, приглашали на праздники, им показывали военное могущество столицы Византийской империи, обращая внимание на неприступность ее укреплений. Перед послами проходили войска, которых для большего эффекта пропускали по несколько раз, меняя их одежду и вооружение. Послов приглашали не только к императору, но и императрице. Во время первого приема послы передавали верительную грамоту и подарки – драгоценные камни, оружие, редких животных. Достоинство государя требовало преподнести ответные дары. Окончательный ответ послы получали во время последней аудиенции. Как правило, пребывание послов в Константинополе бывало довольно длительным [4].

Под сильным влиянием Византии находилась арабская дипломатия. Держава арабов в период ее расцвета превышала размерами Римскую империю, ее дипломатические связи простирались от Китая до крайнего запада. После распада халифата Омейядов первое место среди арабских держав занял Багдадский халифат Аббасидов, традиции дипломатии которого были популярны на Востоке. Согласно инструкции, которая вручалась послу, он должен был передать

приветствие и подарки, вести переговоры. Раздача подарков являлась одним из важных поручений, которые давались посланнику.

Часть подарков передавалась по прибытии посла, другая – только в случае успешного завершения миссии. Среди подарков чаще всего встречались драгоценные ткани и сосуды.

Не только арабские государства, но и Венеция переняла у Византии методы и приемы ее дипломатии. Венеции не было равных в организации посольской службы. Поведение и деятельность заграничных представителей республики регулировались в целом ряде постановлений, в которых, в частности, устанавливались правила, где послам запрещалась добиваться при иностранных дворах званий и титулов, послы должны были по возвращении предавать государству полученные подарки, послов нельзя было назначать в страны, где у них были свои собственные владения, и т. д. [5].

Венецианская дипломатия – это строгая система и это искусство. Приемы итальянской, и в частности венецианской, дипломатии оказали заметное влияние на дипломатию Европы, которая с конца XV века вступила в новый период международных отношений. К этому времени окончательно складываются большие государства: Испания, Португалия, Франция, Польша, Австрия (наследственные земли дома Габсбургов), наметившиеся в пределах Священной Римской империи германской нации. Скандинавские государства, итальянские города-республики, западногерманские княжества дополняли политическую карту Европы.

Со второй половины XV века на востоке Европы на политическую арену выступает Московское государство, которое приблизилось на Западе к границам иностранных государств – Литвы, Польши, Немецкого (Тевтонского) и Ливонского орденов, а на юге стало ближе к Молдавии и территориям крымского хана и турецкого султана. До создания особого внешнеполитического ведомства, учреждения, призванного заниматься вопросами отношений с другими государствами, великие московские князья установили (к 1549 году) регулярные отношения почти с двадцатью иностранными государствами.

Успешнее всего налаживались контакты с дальними странами. Ближайшие соседи – Швеция, Польша, страны Прибалтики – вели враждебную политику по отношению к Москве, и поэтому дипломатические отношения с ними отсутствовали вплоть до конца XV – начала XVI века.

С 1469 по 1518 год Московское государство установило дипломатические отношения (начало первых внешнеполитических контактов) с папским престолом (Римской курией), Данией, Венгрией, Венецией, Польшей, Ливонией, Цесарским двором, епископством Любекским, Литвой, Испанией, Ганзой, Швецией, Пруссией, Францией.

В XVI–XVII веках постоянных дипломатических представительств не было, для разрешения политических и торговых вопросов страны обменивались посольствами.

В русском посольском обычае, как самобытном явлении средневековой культуры, отразились черты национального быта, традиций, менталитета.

Посольский этикет подчеркивал национальную гордость россиян, от которых при общении с иностранцами прежде всего требовалось помнить о нравственном и политическом верховенстве государя всея Руси над другими монархами Европы. Так, при любом упоминании имени государя произносится его полный титул, считалось унижительным первым слезть с коня и обнажить голову.

Торжественные приемы иностранных послов происходили в Грановитой палате Московского Кремля. Во время аудиенции послы от имени своего правителя и от себя лично подносили государю подарки. Первые назывались «поминки», вторые – «челобитье». При поднесении даров следовало придерживаться определенной порядка. «После того как будет изложена и выслушана цель посольства, тот советник, который ввел послов к государю встает и четким и громким голосом во всеуслышание говорит так: «Великий господин, такой-то <посол> бьет челом таким-то даром», и это же самое повторяет он во второй и третий раз. Затем таким же образом он называет имена и дары отдельных дворян и слуг», – вспоминал посол императора Священной Римской империи в России барон Сигизмунд Герберштейн, дважды посетивший Москву: в 1517 и 1526 годах [6].

Обычай подношения даров объяснялся не только требованиями этикета, но и преследовал политические цели. Чем богаче дары, тем больше шансов на успешное разрешение своей миссии.

Старейшим свидетелем русских связей с Западной Европой является уцелевший до наших дней серебряный кубок, принадлежавший Иоанну III. Кубок сделан в виде петуха с

откидывающейся головкой. Специалисты считают, что кубок был изготовлен в Германии в конце XV века [7].

Посольские дары были весьма разнообразны: оружие, драгоценная конская упряжь, ткани, изделия из хрусталя и яшмы, кареты, военные доспехи, серебряные изделия и нередко – диковинные заморские звери и птицы. Супруге Иоанна III Софье Палеолог преподнесли однажды попугая в клетке.

Агент английской Московской компании (в России с 1573 года) Джером Горсей в один из своих визитов в Россию привез в дар московскому царю от английской королевы двенадцать огромных бульдогов, украшенных бантами, двух львов и «прекрасного белого быка» с позолоченными рогами, которого заставили встать на колени перед царем и царицей [8].

Подобные дары немало удивляли москвитов, но по-настоящему ценными подарками считалось оружие и боевые доспехи. Так, царю Алексею Михайловичу имеретинским царем Александром в 1659 году был подарен так называемый «панцирь» (легкий оборонительный доспех), сплетенный из медных посеребренных колец. В отличие от русских доспехов, которые имели сравнительно небольшой вес, не стесняли движений, доспехи западноевропейских рыцарей XV–XVII веков были значительно тяжелее. Конь рыцаря также был одет в тяжелый доспех, прикрывавший его грудь, бока, спину и круп. Подобный доспех на рыцаря и коня был подарен в 1584 году царю Федору Иоанновичу польским королем Стефаном Баторием (общий его вес около 100 килограммов).

Царским выездам в XVI–XVII веках уделялось большое внимание. Богатство выезда символизировало богатство московского двора и могущество всего государства. Многие предметы парадной конской упряжи выполнены иранскими и турецкими мастерами XVI–XVII веков и поступали в Россию в основном как подарки от дипломатов и купцов этих стран.

Среди даров восточных правителей преобладало конское убранство, отличавшееся необыкновенной роскошью.

После того как в конце XVI века начались постоянные дипломатические отношения России с Персией, в 1590 году иранский посол привез от шаха Аббаса I в подарок царю Федору Иоанновичу седло, луки которого окованы золотом и усыпаны драгоценными камнями. В 1618 году Михаилу Федоровичу были подарена узда, затканная золотом, а в 1635 году – седло, оправленное золотом [9].

На протяжении столетий лошадь – один из самых ценных даров. Так, в списке подарков герцога Голштинского царю Михаилу Федоровичу первые три позиции занимают вороной жеребец, серый в яблоках мерин и гнедая лошадь, затем упоминаются: химическая аптечка, большое зеркало, часы и т. д. [10].

Русские правители отдаривались мехами, драгоценностями, ловчими птицами. Особенно ценились русские меха. Царь Федор Иоаннович отправил в дар королеве Елизавете помимо четырех кусков персидской золотой парчи и двух кусков серебряной, большой белой мантии из штофа, большого турецкого ковра «четыре богатых связи из черных соболей, шесть больших белых с пятнами рысьих шкур, две белые шубы из горностая, королева даже вспотела, устав перебирать золотые ткани и особенно соболей и меха...» – вспоминал Джером Горсей [И].

Царь Федор Иоаннович в 1595 году послал императору Рудольфу II «1003 сорока соболей, 519 сороков куниц, 120 черно-бурых лисиц, 337 000 лисиц, 3000 бобров, 1000 волчьих шкур, 74 лосиные шкуры» [12].

В средневековой посольской практике не раз возникали и скандальные ситуации, связанные с посольскими дарами. В 1600 году турецкий султан отправил в Москву к Борису Годунову посла с ценными дарами, но царь отослал ему все обратно с таким ответом: «Поскольку ты являешься исконным врагом христианства и брата нашего императора римского и пр., мы не можем и не хотим быть твоим другом, а будем пока живы, твоим врагом и что только можно будем делать тебе наперекор». Годунов послал в Турцию шубу выдубленной добела свиной кожи в большом, зашитом кожаном мешке, который был покрыт кусками блестящей парчи и наполнен свиным навозом [13].

В XVI веке турецкий султан – сильнейший и опаснейший из «бесерменских царей». И потому русское правительство не могло не относиться к нему с величайшей настороженностью, ибо Османская империя представляла угрозу всему христианскому миру.

В то же время английская Реформация, положившая конец враждебной политике Англии по отношению к Турции, стала искать в ее лице союзника против отдельных католических государств.

Новому российскому послу в Англии Г.И. Микулину, отправившемуся в Лондон в 1600 году, было поручено выяснить, не помогает ли королева Елизавета султану «людьми или казною». 14 октября состоялась аудиенция у королевы, на которой по настоянию Микулина не присутствовали послы других государств. При входе посланника в тронный зал Елизавета I встала и выслушала его приветствие. Затем она поклонилась и, спросив о здоровье государя и государыни, взяла из рук посла «кредитованную» грамоту и сидя выслушала его «наказные речи». В ответной речи она выразила радость по поводу воцарения на русском престоле Бориса Годунова, похвалила привезенные русскими «поминки» (сорок четыре соболя) и, пригласив посла сесть, стала расспрашивать о путешествии. Во время пребывания Микулина в Лондоне ему оказывались особые знаки почтения. В праздник крещения за обедом Г.И. Микулин сидел слева от королевы за отдельным столом, притом что все остальные присутствующие в палате угощались стоя. Елизавета пожаловала посла собственноручно застреленным оленем, пригласила на праздник ордена Подвязки, ему было предложено охотиться в королевских заповедных островах, куда никому не разрешалось выезжать. Нарушение протокольных норм в отношении иностранного посла свидетельствовало об особом расположении королевы Елизаветы I к царю Борису Годунову.

Добрые отношения между Россией и Великобританией длились недолго. В 1603 году скончалась Елизавета, а в 1605 году не стало Бориса Годунова. Первым постоянным дипломатическим представителем России при Сент-Джеймском дворе стал А.А. Матвеев, перед которым стояли поистине великие задачи, но вечером 21 июня 1708 года на него было совершено нападение. Люди спасли его, но за долги он был посажен в тюрьму. Тогда Матвеев выразил протест, а спустя некоторое время возник парламентский акт 1709 года «Об охране привилегий послов и других официальных представителей иностранных монархов и государств» [14].

В отличие от своих предшественников иностранные послы, прибывавшие в Россию в XVIII веке, весьма сдержанно описывают официальные аудиенции у российских императоров, особенно это касается преподнесения подарков.

Так, герцог Лирийский, ставший первым послом Испании в Петербурге (1727–1730), отмечает в своих «Записках», что 12 января 1728 года (с. с.) он «поднес царю (императору Петру II. – *Авт.*) очень хорошее ружье работы Диего Искибеля, которое ему очень понравилось <...>». В ответ на этот дар император пригласил посла отобедать с ним, подобной милости не удостоивался ни один иностранный министр того времени [15].

Через некоторое время герцог Лирийский был награжден орденом Святого Андрея Первозванного, что являлось еще одним доказательством особого расположения русского двора к испанскому дипломату.

Отсутствие богатых даров, подносимых на первом приеме у русского императора, было только у представителей европейских монархов, но и правителей Востока. Описывая вручение «кредитивных грамот» персидским послом, герцог отмечает, что в церемонии не было ничего «замечательного», за исключением того, что приехавшие с послом персияне вошли в зал, где проходила церемония, оставя в передней свои туфли, что являлось знаком особого почтения и покорности [16].

Не упоминает об обмене подарками во время вручения кредитивных грамот и французский посол, проживший в России около четырех лет (1785–1789), граф Л.-Ф. Сегюр. Произнеся речь и вручив грамоты, он ответил на вопросы Екатерины II о своем пребывании в Берлине и Варшаве [17].

Перед отъездом в Россию Сегюра уверяли, что в Петербурге в дипломатическом церемониале «господствует совершенная свобода», но в действительности, по мнению Сегюра, ее не существовало. Так, каждое воскресенье императрица, выходя из церкви и вступая в свои покои, встречала представителей иностранных дворов, стоявших в дверях вдоль зала. «Я нашел здесь те же скучные затруднения при соблюдении этикета, которые мне наделали столько хлопот в Майнце», – вспоминал Сегюр [18].

После заключения мира в Кючук-Кайнарджи и в Яссах турецкий султан Абдул Гамид, а затем султан Селим III отправили в Россию богатые дары: два конских убора – седла, сбруи и

стремена, покрытые эмалью и драгоценными камнями; попоны, расшитые золотом, ляпис-лазурью^[29], и красными кораллами; серебряные подковы с серебряными гвоздями и серебряное ведро. Было прислано также налобное украшение лошади – золотое ажурное перо – решма с 999 бриллиантами и бразильским топазом густо-оранжевого цвета в центре. Только одна эта решма по курсу XIX века оценивалась в 26 тысяч рублей золотом [19].

В XVIII–XIX веках обычай обмениваться посольскими дарами уже не существовал. Но дары продолжали поступать в Россию в связи с различными важными политическими событиями. В 1811 году в память заключения Тильзитского мира Наполеон подарил Александру I три сервиза: кофейный, чайный и десертный, так называемый олимпийский. В 1896 году из Японии был прислан орел из слоновой кости (он сделан в натуральную величину), сидящий на массивном пне японского дерева, также была подарена ширма с изображением морского приюта. В том же году из Кореи был прислан деревянный черный шкаф, инкрустированный перламутром [20].

Коллекция даров в Оружейной палате Московского Кремля – самая большая в мире. Она свидетельствует о силе и могуществе Российской империи.

Одно из первых упоминаний о подарке от имени советского правительства зарубежному гостю, прибывшему с официальным визитом в СССР, было обнаружено в Протокольном фонде Архива внешней политики России и датируется 1925 годом. 15 июля этого года в Москву, посетив перед этим Лондон и Берлин, прибыл генерал Сю – председатель китайской делегации по изучению политического и экономического положения Европы, Америки и Японии (визит продлился до 24 июля).

Пребывание в СССР китайского гостя было использовано советским правительством для демонстрации могущества советской армии. В переписке наркома иностранных дел Г.В. Чичерина с наркомом по военным и морским делам М.В. Фрунзе содержится фраза, которая могла бы стать девизом для каждого, кто участвовал в подготовке визитов в СССР в 20-х годах: «Побольше пышности и сердечности и поменьше шума и огласки» [21].

В связи с этим нарком Чичерин просит товарища Фрунзе учесть мнение НКВД в отношении подарка генералу Сю, а именно дать распоряжение найти и преподнести генералу саблю.

В 1926 году в НКВД существовал своеобразный подарочный фонд, сформированный из запасов, переданных наркомату Гохраном. Но чтобы преподнести гостю предмет, выбранный в этом фонде, начальник протокольного подразделения НКВД Д.Т. Флоринский должен был обратиться к управляющему делами НКВД И.С. Моргунову, прося его распоряжения о выдаче средств на закупку.

Вопрос о принятии подарков советскими официальными лицами являлся одной из наиболее острых проблем в протокольной практике 20-х годов.

6 декабря 1927 года глава японской экономической миссии господин Кухара преподнес временно исполняющему должность помощника заведующего Протокольным отделом Костюковскому «небольшой сувенир по его пребыванию в Москве» – 3 метра японского шелка для его супруги.

Приняв подарок, Костюковский в объяснительной записке писал, что сначала он отказывался, так как в СССР «не принято получать подарки», но Кухара заявил, что в Японии это традиция и он будет оскорблен отказом [22].

При вручении и принятии подарков советским представителям за рубежом следовало учитывать культурные традиции тех государств, где они были аккредитованы.

Так, 24 января 1929 года полномочный представитель в Японии Трояновский сообщает заместителю народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахану, что сотрудники миссии получают подарки (как съедобные, так и несъедобные) в связи с коронацией японского императора. По мнению Трояновского, этот вопрос требует урегулирования: «Я считаю, что систему подарков как распространенное широко явление необходимо изжить, я считаю целесообразным издание декрета Совнаркома, запрещающего принятие подарков со служащими и их женами от иностранцев» [23]. Если по политическим соображениям принятие подарков необходимо, то этот вопрос должен разрешаться Совнаркомом, с указанием характера использования подарка. В собственность, по мнению Трояновского, подарок оставить нельзя, если только это не продиктовано политической целесообразностью. К примеру, лицо получило подарок в знак особого уважения; оставаясь на дипломатической службе, дипломату следует продемонстрировать этот дар перед иностранцами, как свидетельство внимания к СССР.

Но при этом получение различных «мелочей» – безделушек, цветов, фото, кукол и т. и. должно регулироваться полпредом. Неприемлемы и подарки в виде чеков, используя которые служащий мог совершить покупку в магазине: «У нас не все в этом гладко, не все чеки вернули» [24]. Трояновский просит проработать этот вопрос «у себя» и внести в него ясность.

В ответном письме Трояновскому (от 5 апреля 1929 года) Карахан сообщает, что в отношении принятия подарков сотрудниками полпредства и торгпредства следует руководствоваться циркуляром Чичерина, отправленным полпреду 24 января 1929 года, в котором сказано, что полпредам разрешено в отдельных случаях, в зависимости от обстановки получать подарки. Издание специального правительственного декрета «нам не представляется нужным». Что касается чеков в качестве подарков, то их принятие «не представляется удобным» [25].

Следует отметить, что в циркуляре, отправленном из Москвы в Токио 24 января 1929 года, Флоринский сообщает Трояновскому, что «орденов мы не принимаем», но от коронационной медали не следовало отказываться – это сувенир, как это правильно поняли представители США и Швейцарии, тем более что «Вас по долгу уговаривали придворные и дипломаты» [26]. В заключение Флоринский напоминает, что у нас существует общее правило: «Мы руку у дам не целуем» [27].

Чем больше государств входило в орбиту международных контактов отношений СССР, тем актуальнее становилась проблема обмена памятными дарами, как в зарубежных представительствах СССР, так и в самой Москве.

Так, в своем дневнике (за 9—15 января 1928 года) заведующий Протокольным отделом Флоринский пишет, что 14 января японский виконт Гото был принят Сталиным, встреча «благополучно» закончилась вручением виконтом подарка от японских бойскаутов советским пионерам – альбома с работами японских бойскаутов и фотографиями их жизни (альбом был передан Флоринским в ЦК ВЛКСМ Чаплину).

Ввиду просьбы виконта об ответном подарке ЦК ВЛКСМ доставил в НКВД альбом с фотографиями из жизни советских пионеров, в котором должное внимание уделялось «производственным моментам их деятельности» [28]. Первую страницу альбома украшала смонтированная фотография пионера и пионерки с надписью «Детям Японии от московских пионеров» [29]. Советские руководители также не остались без внимания японских гостей.

Калинин получил от Гото его портрет (в ответ он передал ему свое фото с надписью); Чичерину и Карахану Гото преподнес по ящику камфары, Чичерину также были подарены портрет Гото и трубочка из слоновой кости старинной работы, инкрустированная золотом (в таких трубочках знатные японцы носили лекарства) [30].

В качестве ответных подарков от Чичерина Гото получил портрет наркома иностранных дел СССР в раме красного дерева с серебряной отделкой, Чичерин лично вручил виконту серебряную табакерку начала XIX века, от Карахана была закуплена серебряная шкатулка с видом Кремля [31].

Уже к 1928 году становится актуальным вопрос о систематизации официальных даров со стороны СССР. Необходимость как можно быстрее разрешить эту проблему была вызвана подготовкой к первому визиту в СССР главы зарубежного государства падишаха Афганистана, 23 января 1928 года Карахан пишет Брюханову, что в качестве подарка начальникам иностранных миссий в Москве и «знатным» иностранцам НКВД предлагает золотой портсигар с гербом СССР, но ювелирная контора не располагает золотом для их изготовления. НКВД просит Брюханова дать распоряжение об отпуске конторе 5 килограммов золота для изготовления из него 15–16 портсигаров. Карахан просит отдать приказ как можно быстрее, так как подарки нужны для наиболее высокопоставленных членов свиты афганского падишаха, а контора обычно изготавливает по два-три портсигара в месяц [32].

В ответ на письмо Карахана валютным управлением НКФ СССР было сделано распоряжение Союззолоту о «выдаче 5 кг аффинированного золота» ювелирной конторе Мосторга для выполнения заказа [33].

Что касается подарков самому падишаху, то на заседании рабочей подкомиссии по организации визита (от 31 марта 1928 года) было рекомендовано Ворошилову преподнести падишаху оружие с дарственной надписью, а правительству Афганистана – четыре грузовика АМО, четыре комплекта пожарных автомобилей, два грузовика АМО и два трактора, альбом

«Юбилейный сборник», братину, кустарные вещи, комплект школьных пособий, фарфоровый сервиз.

Вероятно, к списку своеобразных подарков дружественному государству можно отнести и решение переименовать Трубниковский и Спасо-Песковский переулок в улицу Независимого Афганистана (протокол № 5 от 7 апреля 1928 года).

4 апреля 1928 года секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе было доложено, что Ленинградский фарфоровый завод изготовил для падишаха Амануллы-хана фарфоровый сервиз с афганским гербом на 24 персоны [34]. Кроме сервиза комиссия ЦИК СССР по приему падишаха постановила подарить ему также от имени правительства четыре трактора нашего производства [35].

Визит падишаха в СССР остро поставил вопрос о взаимоотношениях власти и хранителей культурного достояния Советского государства – музейных работников. В этой связи следует обозначить две стороны проблемы – выдача музеями во временное пользование (согласно первоначальной договоренности) предметов интерьера для оформления гостиных в особняках, предназначенных для приема иностранных гостей, а также изъятие из музейных фондов экспонатов для подарков лидерам зарубежных государств, прибывающим в СССР с визитами, и членам их делегаций.

В качестве иллюстрации первой составляющей проблемы приведем пример изъятия из музеев предметов убранства интерьеров при подготовке визита падишаха Афганистана в 1928 году. Так, в апреле 1928 года (согласно актам № 212 и 250) НКИД получил во временное пользование следующие экспонаты Государственного исторического музея (сроком до 15 июня 1928 года): канделябры (золоченая бронза) (2)^[30]; канделябры с малахитом (2); вазы для фруктов на малахитовых пьедесталах (4); вазы (золоченая бронза) (2); вазы (темная бронза) на сером мраморном пьедестале (2); канделябры в стиле Людовика XVI на бронзовых треножниках (2); часы настольные (1); канделябры (6); двусвечник с экраном эпохи Николая I (1); вазы (конфетницы) для фруктов (2) [36]; гостиная мебель в стиле ампир (empire), золочение по левкасу (24 кресла, 12 стульев, 4 стола и 2 дивана) и т. д. [37].

Но не только ГИМ должен был «поделиться» своими экспонатами. НКИД «забронировал» также предметы в следующих музеях: Исторический музей – три гарнитура мебели (из красного дерева, из карельской березы и «золотой» гарнитур), восемь ковров и две вазы; Третьяковская галерея – два неполных гарнитура из красного дерева; Оружейная палата – двенадцать кресел из гостиной апартаментов наследника и восемь гобеленов, из которых три представляли особую ценность; Музей изящных искусств – два ковра, один из которых персидский, несколько гобеленов; Музей народоведения – один книжный шкаф французской работы красного дерева (имел большую музейную ценность), одно зеркало красного дерева, одиннадцать портьер шелковых, четыре тюлевые, тридцать штор, большое количество ковровых дорожек, несколько гобеленов; Музей фарфора – шесть ваз (Севр). Что касается картин, то Главмузей заверил НКИД, что они могут быть предоставлены «в любом количестве» [38].

Также НКИД обратился в Наркомпрос с просьбой о срочной передаче ему имущества из особняка на улице Кропоткинской, 20, за исключением одной арматуры электрической, изображающей виноградную лозу, и одного пуфа из комнаты Ирмы Дункан. Взамен изъятый «роскошной мебели НКИД компенсирует школу обыкновенной мебелью или небольшой суммой денег. Ирме Дункан будет возмещена стоимость произведенной ею перебивки мебели в ее комнате» [39].

Следует заметить, что в 1928 году некоторые музеи еще пытались сопротивляться властям и отказывались выдавать, а точнее, отдавать музейные экспонаты: так, Карахану в апреле 1928 года сообщили, что Музей изящных искусств «сопротивляется» в выдаче НКИД левкасных тумб, а Главнаука отказывает в выдаче части отобранных вещей. Несмотря на музейные протесты, Карахан просит дать срочное распоряжение о разрешении вывезти из музея-усадьбы «Архангельское» выбранного представителем НКИД для оборудования особняка, который готовят к приезду падишаха, золоченый гарнитур мебели в стиле Людовика XVI [40].

Многие предметы изымались непосредственно из выставочных залов, «оставляя в экспозиции весьма заметные пробелы». Поэтому неудивительно, что в июне 1928 года (когда истек срок договоренности с НКИД) начальник Главнауки просит распоряжения Карахана о возврате «всех

художественных предметов, выданных музеями и в первую очередь изъятых из экспозиций» [41].

5 ноября 1928 года директор ГИМ сообщает в НКИД, что, несмотря на неоднократные обращения в Наркоминдел, большинство памятников в ГИМ не возвращены, а так как все предметы имеют значение для экспозиционной работы, Исторический музей просит о «срочном возврате всех памятников <...>» [42].

Получив это обращение, в том же месяце Карахан и Флоринский сообщают в ЦИК СССР, что к приезду афганского падишаха был отремонтирован и обставлен дом по Спасо-Песковскому, 10. Мебель, бронза и фарфор для приемных комнат поступили из музеев, но при этом, отмечают авторы послания, лишь некоторая их часть является экспозиционной. Так как указанный особняк наилучшим образом отвечает представительским целям и других подобных домов в Москве нет, а расширение международных контактов Советского государства заставляет обратить на это внимание, НКИД просит ЦИК СССР вынести постановление, закрепляющее за НКИД отобранные для приемных комнат особняка мебели, бронзы и фарфора, при этом предметы, имеющие важное музейное значение, будут заменены музеями. НКИД берет предметы на специальный учет и принимает обязательства содержать их в целостности и сохранности [43].

Следует отметить, что если предметы интерьера, изъятые и не возвращенные в музейные хранилища и в залы основной экспозиции, оставались в СССР (хотя при этом они становились недоступными для обозрения посетителей), то произведения живописи, предназначенные для официальных даров от имени советских руководителей и государственных структур, навсегда покидали Советский Союз и становились национальным достоянием других стран.

Выбором произведений для подарков иностранным гостям (в большинстве случаев) занимались сотрудники НКИД, в частности служащие Протокольного отдела. Так, 2 октября 1928 года временно исполняющий должность заведующего Протокольным отделом НКИД Соколин записал в своем дневнике, что весь день (2 октября) разъезжал по музеям и галереям для поиска подарка микадо. «Я за «Красавицу» Кустодиева, некоторые музейщики плачут. Поскольку нужно дать что-нибудь ярче, чем «Коней» Лансере, Кустодиев наиболее подходящий художник, яркость красок, отсутствие экстравагантности, чисто российский сюжет и истинное российство самого художника. По-моему, следует решительно отказаться от снова выплывшей мысли подарить меха. Это делалось московскими Иоаннами для кесаря и «сестры Елисаветы». Надо же показать, что у нас есть вещи лучшие и более хитрые, чем содранные со зверя шкуры» [44].

После того как «Красавица», показанная Соколиным японским представителям в Москве, вызвала у них восторг, он принимает решение «окончательно остановиться на этой вещи и отправить ее т. Трояновскому. Грамота аккредитирующая его в качестве специального посла на коронацию уже подписана» [45].

Находясь в Японии, полпред Трояновский просит заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана выслать в качестве подарков японским высокопоставленным лицам вещи «русского характера», но при этом он пишет, что были бы приемлемы портсигары, чашки, серебряные вещи разного рода, статуэтки, небольшие картины и т. д. [46].

Сам Карахан также принимал активное участие в отборе живописных полотен в качестве официальных даров лидерам зарубежных государств. Так, 16 ноября 1929 года он сообщает наркому просвещения РСФСР Бубкову, что в связи с поездкой в Ангору он считает, что лучший подарок Мустафе Кемалю – картина русского мастера. «Мне доложили, – пишет Карахан, – что в резерве Третьяковской галереи должны иметься эффектные полотна, но что обозрение этих картин затруднено происходящим в галерее ремонтом» [47]. Ввиду срочности вопроса Карахан просит отдать распоряжение о поиске картины из резерва (директор галереи Ф.К. Лехт в курсе дела). Если в резерве ничего приемлемого нет, «НКИД поставит перед НКПросом вопрос о передаче ему одного из Левитановских пейзажей (большое полотно) или «Стражей» Верещагина. С ком. приветом (Карахан)» [48]. Советские официальные лица «с ком. приветом» раздаривали произведения искусства и в последующие годы.

Продолжая традиции в выборе даров японским официальным лицам, в 1941 году, во время пребывания в Москве министра иностранных дел Японии Мацуоки (с 7 по 10 апреля), Протокольный отдел НКИД СССР получил согласие дирекции Третьяковской галереи о передаче

наркому иностранных дел для подарка пейзажа С.Ю. Жуковского «Лес ранней весной» (1908), так как в галерее есть полотна Жуковского такого характера [49].

В качестве еще одного подарка для Мацуока был выбран ковш из белого мургабского нефрита. Валун нефрита, из которого сделан ковш, – редкий крупный блок размером примерно 60х40х20 сантиметра (вес примерно 150 килограммов), время изготовления 1870—1880-е годы. Специалисты Петергофской гранитной фабрики считают, что на выделку ковша нужно было потратить три года, по качеству работы и по размеру ковш уникален. Несмотря на это заключение специальной комиссии, ковш был подарен министру иностранных дел Японии от Молотова. Что касается пейзажа Жуковского, то он был преподнесен Мацуоке от Сталина [50].

Но на этом процесс дарения произведений живописи японскому министру не прекратился. Заведующий Протокольным отделом НКВД В. Барков сообщил Вышинскому, что Мацуока на память о своем пребывании в особняке на улице Островского хотел бы иметь картину В.И. Зарубина (1866–1928) – «Пейзаж с тремя старушками» (1920), – которая висела в его спальне. Далее Барков пишет, что Зарубин выставлялся на выставках «Передвижников», два его пейзажа находятся в Третьяковской галерее, но при этом Зарубин не принадлежит к числу крупных художников, картина не имеет музейной ценности и разрешена к вывозу комиссией по контролю над вывозом предметов старины и искусства. В. Барков просит А.Я. Вышинского разрешения переслать через японское посольство картину Мацуоке [51].

Мацуока в знак благодарности пожелал подарить Баркову японскую курительницу, а портсигары передать начальнику охраны в Москве, начальнику поезда министра, заведующему особняком, где он жил в Москве [52].

С началом Великой Отечественной войны советское руководство стремится к созданию положительного имиджа среди союзных держав. Не случайно поэтому, что в 1943 году личный представитель Рузвельта в Москве и члены его семьи были щедро одарены. От имени Сталина Дэвис получил пистолет-пулемет ППШ, трофейный немецкий ручной пулемет и экземпляры художественного фильма «Она защищает Родину», от имени Молотова – картину А.М. Соловьева «Атака разведчика» и золотой портсигар. Жене и дочери американского посланника супруга Молотова П.С. Жемчужина передала палехские шкатулки, наряды из лисицы и горностая [53].

В отличие от Советского Союза, где для изъятия из музея произведения искусства требовалось решение одного или нескольких человек, во Франции, чтобы де Голль смог передать Сталину во время своего визита в СССР в 1944 году гравюру работы художника Демаре, на которой изображен прием Петра Великого Людовиком XV в Париже 11 мая 1717 года (гравюра находилась в Версальском дворце), потребовалось издание специального декрета французского правительства.

Гравюра была преподнесена Сталину на специальном приеме 13 декабря, где вождю также были подарены настольные часы оригинальной работы «с невидимым механизмом» и коньяк 1859 года, взятый из государственной коллекции французских вин (шесть бутылок). Молотова одарили столовой посудой специальной работы из серебра [54].

Членам правительственной делегации Франции во главе с де Голлем Протокольный отдел подобрал в качестве даров автомат ППШ, картины (авторы произведений не указаны), ковши, кубки, палехскую шкатулку, портсигары [55].

В том же году Москву посетила английская правительственная делегация во главе с премьер-министром У. Черчиллем. 14 октября 1944 года Вышинскому передали просьбу атташе английского посольства о том, чтобы члены делегации – государственный секретарь по иностранным делам Иден и фельдмаршал А. Брук, если это возможно, получили в качестве подарков несколько банок икры и несколько литров водки.

Фомин предлагает, на усмотрение Вышинского, послать Идену и Бруку по 6 килограммов икры, 10 литров водки и по 20 пачек папирос, а Черчиллю – 10 килограммов икры, 15 литров водки, 40 пачек папирос [56].

В апреле 1945 года У. Черчилль в знак благодарности за теплый прием, оказанный его супруге в СССР, передал В.М. Молотову книги о герцоге Мальборо, написанные им еще до начала войны. Самой Клементине Черчилль от имени советского правительства был подарен бриллиант весом 5,58 карата [57].

Между тем традиция дарения продуктовых наборов иностранным гостям была продолжена и в 1945 году. Так, глава румынской делегации, прибывшей в Москву 3 сентября, председатель Совета министров Петре Гроза (прибыл с дочерью) получил 2 килограмма зернистой икры, 10 бутылок водки, 20 бутылок шампанского, 40 пачек папирос, 2 килограмма шоколадного набора, 1 килограмм какао, 1 килограмм чая, дочь – шоколадный набор [58]. (Продуктовые наборы получили и другие члены румынской делегации.)

В отличие от У. Черчилля и П. Грозы маршал Тито был одарен в 1945 году не только икрой, шампанским, водкой и папиросами^[31], но и автоматом ППШ, а также эмалевым с позолотой портсигаром [59].

В 1946 году советское руководство преподнесло маршалу Тито весьма символический подарок – скульптурную группу Орлова «Поединок Александра Невского с тевтонским рыцарем» [60].

Другим членам югославской правительственной делегации во главе с Тито, посетившей СССР 27 мая по 10 июня, предназначались следующие дары: министру внутренних дел – сабля с золотой чеканкой; председателю Совета министров Сербии – шкатулка палехской работы; министру внешней торговли и министру путей сообщений – уральские шкатулки. Ответные дары маршала Тито членам семей советских руководителей поражают воображение.

6 июня 1946 года Молочков доложил В.М. Молотову, что Протокольным отделом от Тито получены следующие подарки: дочери И.В. Сталина – платиновые часы с бриллиантами; П.С. Молотовой, супруге В.М. Молотова, – золотые часы с бриллиантами; С.В. Молотовой, дочери В.М. Молотова, – золотой браслет; супругам А.И. Микояна, А.А. Жданова, Л.П. Берии, Н.А. Булганина, В.Г. Деканозова – золотые часы; супругам А.Я. Вышинского и маршала Толбухина – платиновые кольца с камнями [61].

Спустя примерно три недели после доклада Молотову о подарках маршала Тито Молочков сообщает министру иностранных дел СССР, что принцесса Ирана Ашраф Пехлеви (прибывшая в СССР 29 июня) привезла подарки на сумму 821 тысяча рублей. В том числе личные дары для И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.М. Шверника и др. В порядке ответа на эти подарки Иранскому Красному Льву и Солнцу преподнесено оборудование больницы на 20 коек стоимостью 100 тысяч рублей, кроме того, членам иранской делегации были сделаны личные подарки: для принцессы – соболиная шуба (160 тысяч рублей) от Сталина; бриллиантовый перстень (75–90 тысяч рублей) от Молотова; пелерина из чернобурых лисиц (30 тысяч рублей) от супруги Молотова П.С. Женчужиной. Для председателя Иранского Красного Льва и Солнца – серебряный ковш и чернильный прибор. Для генерала Шафай – сабля от Генштаба ВС СССР. Для церемониймейстера двора – хрустальная ваза; двум фрейлинам и камеристке – по две черно-бурые лисицы (каждой). Остальным лицам – палехские изделия [62].

Во время путешествия принцессы по стране в Ленинграде, Киеве, Харькове ей также были сделаны подарки. Так, в Ленинграде Ашраф преподнесли художественную вазу с ее портретом и художественный чайный сервиз (Фарфоровый завод имени Ломоносова), другим членам делегации – сервизы, ликеры «в художественной посуде», конфеты «в художественной» упаковке; «художественные» коробки с папиросами, «сюрпризные» коробки с парфюмерией и сигареты «Москва» [63]. 23 июля перед отлетом гостей в Сталинград (откуда они вылетели в Тегеран) принцессе были переданы Молочковым от Н.М. Шверника и М.Ф. Шверник меха куницы [64].

Следует отметить, что, несмотря на желание советских руководителей отказаться от норм дореволюционного дипломатического протокола, в реальной жизни они следовали традициям не только Российской империи, но и традициям Московского царства.

Как и в прежние столетия, мехам «в качестве дипломатических даров» отводилось особое место. Бум меховых подарков начнется в 1937 году, когда во время проводов из Москвы министра иностранных дел Латвии Мунтерса ему были преподнесены шкурки чернобурых лисиц [65].

В том же году супруге министра иностранных дел Турции подарена беличья шубка, а членам делегации – ящик красного вина, ящик водки, письменный набор из уральских камней, комплект льняного столового белья кустарной выработки, изделия Палеха [66].

Затем на несколько лет меха исключены из списка дипломатических подарков.

Возвращение к ним происходит в ноябре 1946 года, когда в Казахстане гостям из МНР во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном были подарены мех чернобурой лисицы, а также плюшевый халат с шелковым кушаком, кондитерские и табачные изделия, литература, посвященная 25-летию Казахской ССР, шелковый халат, керамическая ваза, чернильный прибор [67].

В 1948 году, в преддверии создания СЭВ, Москву посетили правительственные делегации Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии.

В январе супруге польского премьер-министра Циранке подарили 60 выделанных шкурок норки и «30 в сырьё» [68].

В феврале 1948 года членам Венгерской правительственной делегации от советского правительства были преподнесены: шкурки норки для трех дамских шуб и одна пелерина из чернобурых лисиц. В свою очередь от венгерской миссии Сталину подарили два пакета с папиросами и вином (всего в

Протокольный отдел венгры привезли 78 пакетов с подарками).

Кроме того, вождь был избран почетным гражданином Будапешта [69].

В этом же месяце премьер-министр Румынии П. Гроза получил в дар от советского правительства пелерину из черно-бурых лисиц. Через Протокольный отдел румыны передали Сталину: картины, изделия прикладного искусства, Молотову, Жданову, Маленкову и Вышинскому были переданы серебряные подносы и национальные ткани [70].

В послевоенные годы также продолжалась традиция дарения произведений живописи. Только теперь они находились в одной «подарочной корзине» вместе с меховыми изделиями и ювелирными украшениями.

В марте 1948 года от имени советского правительства председателю Совета министров Болгарской Народной Республики Димитрову была преподнесена картина Б.Н. Яковлева «Кремль и Красная площадь зимой» (из фонда Государственной Третьяковской галереи) [71].

В свою очередь генералиссимус Сталин получил в дар ковер, серебряный флакон с розовым маслом, книгу, курительный табак, вино (всего 5 пакетов) [72]. В.М. Молотов, А.И. Микоян, маршал Н.А. Булганин также получили ковер, серебряный флакон с розовым маслом, папиросы, вино (всего 4 пакета). У А.Я. Вышинского те же подарки (но, как у Сталина, у него 5 пакетов). А.А. Жданов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Л.П. Берия были отмечены скатертью, розовым маслом в деревянном флаконе, шкатулками, папиросами (2–3 пакета). Госпоже Молотовой и госпоже Коллонтай подарены блузы и розовое масло, такие же подарки предназначались Светлане Сталиной [73].

В 1948 году в связи с визитом в СССР чехословацкой правительственной делегации во главе с премьер-министром Запотоцким из Третьяковской галереи была взята картина Юона «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» и подарена от имени советского правительства Запотоцкому (Протокольный отдел попросил директора галереи предъявить счет для оплаты) [74].

Предполагалось также подарить Запотоцкому картину П. Яковлева «Красная площадь», жене – шкурки черного каракуля на мантию, другим представителям делегации – золотые портсигары, женам – серьги с бриллиантами, пелерину из платиновых лисиц, брошь с бриллиантами [75].

Подарки чешских товарищей советским друзьям их женам и дочерям не только внушительны, но и даже трогательны. Сталину от Запотоцкого преподнесены две книги премьер-министра с личным посвящением, хрустальная ваза с ручной гравировкой; Молотову от министра иностранных дел Чехии – картина Блажичка «Чешский летний пейзаж», альбом грампластинок – записи из оперы «Проданная невеста»; супруге Молотова – гарнитур из чешских гранатов; дочери Молотова – браслет из чешских гранатов; Швернику – книги Запотоцкого с личным посвящением; Косыгину – образцы чехословацких бумажных денег и монет; министру тяжелого машиностроения – мотоцикл, образцовый тип мотоциклета «Ява» (последний выпуск) и т. д. [76].

Для сотрудников спецособняка в Заречье и шоферов автобазы за обслуживание чехословацкой правительственной делегации были выделены следующие подарки: кожаный портфель, пять бумажников и портмоне, два платка, дамская сумка и комплект кожаных изделий [77].

В конце 1949 – начале 1950 года начинается новый этап в истории советской протокольной практики, связанный с выбором подарков членам иностранных делегаций, прибывающих с визитами в СССР. 16 декабря 1949 года Москву посетила китайская правительственная делегация во главе с председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном.

Мао Цзэдуну и премьеру Государственного Административного совета и министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю были подарены автомобили ЗИС-110, их женам – каракулевые шкурки на пальто (черные), другим членам делегации – письменные приборы [78].

Всего же в 1950 году для членов китайской делегации было приобретено подарков на сумму 33 5783,79 рубля (в эту сумму не входят средства на приобретение специальных автомобилей).

Среди подарков: 2 серебряных портсигара, 9 золотых портсигаров; 12 золотых браслетов для часов; 9 золотых часов «Победа», 3 золотых часов «Звезда», 6 часов металлических «Победа»; 6 серебряных браслетов для часов; 60 шкурок черного каракуля; письменный прибор из порфира; отрез на костюмы и пальто; литература; абажур [79]^[32].

На фоне невиданной щедрости советских руководителей в отношении членов китайской делегации более чем скромно выглядят подарки, преподнесенные в мае 1950 года Генеральному секретарю ООН Трюгве Ли – 1 килограмм зернистой икры, две бутылки водки, одна бутылка советского шампанского [81].

В 1952 году (19 сентября) посольство Китайской Народной Республики обратилось в МИД СССР с просьбой не отказать «в любезном содействии» о передаче подарков от правительственной делегации КНР.

И.В. Сталину предназначались следующие дары: ширма с инкрустациями; две китайские вазы; шелковое панно; вышитая на шелке картина «Орел»; портрет «И.В. Сталин в Кремле» (вышивка); портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (тканая работа золотыми нитками), «Рог изобилия» (резьба по слоновой кости), блюдо из зеленого нефрита на подставке, столовый и чайный сервиз из китайского фарфора (94 персоны), четыре китайские вазы, четыре ковра, вышитая скатерть, изображение В.И. Ленина на слоновой кости, изображение И.В. Сталина на слоновой кости, «Дружба между СССР и Китаем» – И.В. Сталин и Мао Цзэдун (слоновая кость), два куса китайского шелка (по 30 метров каждый), а также стихотворение Мао Цзэдуна, напечатанное на зерне риса [82].

Фарфоровыми вазами, портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (тканая работа золотыми нитками), китайским шелком, коврами, столовыми и чайными сервизами были одарены: Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Микоян, Булганин, Каганович, Хрущев, Шверник, Вышинский, Кузнецов [83].

Для жителей города-героя Сталинграда предназначались: экран (резьба на камне); китайская ваза; портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (тканая работа золотыми нитками) [84].

Список подарков от правительства КНР был передан в МИД СССР 19 сентября 1952 года, а уже через три дня (22 сентября) МИД СССР в свою очередь представил список подарков государственным деятелям и членам правительственной делегации КНР, правительственной делегации МНР и государственным деятелям КНДР: Мао Цзэдуну – автомобиль ЗИМ, министрам китайского правительства – автомобили «Победа»; в числе подарков – спортивно-охотничье ружье «МЦ-11» тульского завода с принадлежностями; радиоприемники «Рига-10»; киноаппарат «КЗОЗ-М». Для советников, экспертов, сотрудников делегации (по усмотрению Чжоу Энь-лая) – отрезки на пальто и костюмы, фотоаппараты «Киев» и «Зоркий-3», радиоприемники «Балтика», часы «Победа» с браслетом.

Цеденбалу – автомобиль ЗИМ, его супруге – каракулевые шкурки, заместителю министра иностранных дел МНР – автомобиль «Победа», послу МНР в СССР – автомобиль ЗИМ, Ким Ир Сену – автомобиль ЗИС-110, Пак Хеи Ену – ЗИМ [85]. (Стоимость автомобилей: ЗИМ – 50 тысяч рублей; ЗИС-110 – 95 тысяч рублей; «Победа» – 17 500 рублей)

Через год, в 1953-м, находясь в СССР с официальным визитом, правительственная делегация КНДР во главе с председателем Кабинета министров КНДР Ким Ир Сенем вновь получает от советского правительства весьма щедрые дары.

Ким Ир Сен – очередной автомобиль ЗИС-110, а также охотничье ружье с принадлежностями, заместитель председателя ЦК Трудовой партии Кореи – автомобиль ЗИМ и горжетку из чернобурой лисы, заместитель председателя кабинета министров – автомобиль

ЗИМ, супруги министра иностранных дел и председателя Госплана – горжетки из чернобурой лисы. Среди подарков членам делегации – шесть автомобилей «Победа», пять радиоприемников «Рига-10», шесть фотоаппаратов «Киев», шесть радиоприемников «Мир», два радиоприемника «Рига-10» и два фотоаппарата «Зоркий» [86].

Подарки были переданы членам делегации, в присутствии Ким Ир Сена, на даче в Заречье, при этом советская сторона пообещала автомобили в ближайшее время доставить в Пхеньян [87].

В отличие от руководителей азиатских и восточных государств, щедро одариваемых автомобилями и предметами бытовой техники, лидеры европейских государств, не входящих в СЭВ, получали «традиционные» подарки. Так, в 1955 году членам норвежской правительственной делегации во главе с премьер-министром были преподнесены картина советского художника, ковер, жене – пелерина из соболей, министру торговли – ковер, супруге – брошь с бриллиантом и т. д. [88].

В том же году СССР посетила правительственная делегация Индии во главе с премьер-министром Неру (прибыл 7 июня). Дж. Неру была подарена картина Лактионова «Девочка за вышиванием», а И. Ганди – «Сирень» Кончаловского [89]. В списке подарков: ваза филигранная серебряная с уральскими самоцветами, радиола «Мир», пластинки к радиоле, цветные кинофильмы «Ромео и Джульетта», «Во льдах океана», «Крылатая защита», «Чук и Гек», «Аленький цветочек», «Крашенный лис». Для внуков Неру – два фотоаппарата «Киев», с набором линз, механические игрушки, И. Ганди помимо упомянутой картины Кончаловского были подарены ларец малахитовый «Индира Ганди на Пахре» (картина Абрамова, интарсия на дереве), пелерина из соболей, скатерть кружевная ручной работы елецких мастерских, два куманца [90].

Кроме того, индийские гости получили трактор ДТ-54, плуг П5—35-Ц, КП-4М, комбайн С-6, запчасти [91].

Среди подарков членам делегации мы встречаем письменный прибор, работы кубачинской артели, фотоаппараты «Киев-3», ларец «Вид Кремля» федоскинской артели, личному слуге Неру были подарены золотые ручные часы «Победа» с золотым браслетом.

Первому заместителю Неру по МИД была преподнесена картина Грабаря «Иней, последние лучи» [92].

Если подарки Дж. Неру и Индире Ганди переносят нас в конец 20-х – начало 30-х годов XX века, то подарки И.Б. Тито наглядно демонстрируют, насколько изменился подход к выбору дипломатических даров в период с 1945 по 1956 года, когда «борьба за друзей» в СССР приобретает невиданный до этого размах.

Если в 1945 году маршалу Тито были подарены автомат и портсигар и в 1946 году – скульптурная группа, то в 1956 году президенту Федеративной Республики Югославии Иосипу Броз Тито, находившемуся в СССР во главе правительственной делегации с 1 по 23 июня, были подарены: самолет Ил-14; портсигар золотой с бриллиантами, ларец с портретом Тито федоскинской работы. Супруге президента – Йованке Тито – ожерелье из жемчуга, пелерина из соболей, шкатулка с портретом И. Тито.

Среди подарков членам делегации: коллекции фарфора, вазы, броши, ларцы из уральских самоцветов, кофейные сервизы из серебра и эмали на две персоны, фотоаппараты «Киев-За», «Зоркий-3с», золотые часы с золотым браслетом, золотые портсигары, комплекты грампластинок [93].

Отдельной статьей выделены подарки югославскому правительству, университету и народному комитету Белграда:

- югославскому правительству – оборудование типовой МТС (зернового типа);
- Белградскому государственному университету – библиотека изданий русских классиков и советских писателей;
- народному комитету Белграда передано в дар оборудование для кинотеатра на 500 мест [94].

На фоне описания невиданных по своему богатству имперских даров хотелось бы выделить событие, которое по своей значимости превосходит все вышесказанное.

Имя Маршала Советского Союза Г.К. Жукова практически не встречается в фондах Протокольного отдела, тем важнее становится упоминание в данной работе события, произошедшего во время визита президента Югославии в СССР, а именно согласие советского

правительства (от 19 июня 1956 года) на награждение югославским орденом Свободы Маршала Советского Союза Г.К. Жукова; орденами Партизанской звезды I степени были награждены маршалы И.С. Конев, Р.А. Малиновский, В. Д. Соколовский, С.К. Тимошенко, К.С. Москаленко, адмирал С. Г. Горшков, генерал-полковник П.О. Павловский, генерал-лейтенант И.К. Кравцев, генерал-лейтенант Н.И. Мн(к)отуновскич, генерал-майор А.З. Акименко [95].

Спустя примерно две недели после завершения визита И.Б. Тито Протокольный отдел «рапортует» о том, что, согласно поручению председателя Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, «шаху и шахине Ирана и сопровождавшим его лицам», находившимся с визитом в СССР, были вручены следующие подарки:

шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви – картина А.М. Герасимова «Сирень», ковш серебряный с русскими самоцветами (филигрань, позолота, чернение), ружье охотничье с художественной отделкой и золочением (производство Тульского оружейного завода), два ларца с наборами вин – 20 бутылок [96].

шахине Сорейе – накидка из соболей, кулон платиновый с бриллиантами, серьги золотые с бриллиантами и изумрудами, малахитовая шкатулка, набор парфюмерии в кожаном футляре, шоколадный набор [97].

Проживавшим в Кремле сопровождавшим шаха:

– главному военному адъютанту шаха – ружье охотничье с художественной отделкой и серебрением, собрание сочинений Л.Н. Толстого (14 томов), ларец с набором вин [98];

– дивизионному генералу – чайный сервиз из серебра и эмали с позолотой на две персоны, шкатулка работы палехских мастеров «Василиса Прекрасная», набор вин, шоколадный набор;

– бригадному генералу, начальнику шахской гвардии – малокалиберный спортивный пистолет Марголина, шкатулка работы палехских мастеров «На Куликовом поле», набор вин, шоколадный набор.

Каждая из фрейлин супруги шаха получила по ювелирному украшению (золотую брошь с бриллиантами, платиновый кулон с розами, золотой кулон с бриллиантами, а также шкатулки работы палехских мастеров «Дикие лебеди», «Снегурочка», шкатулку работы федоскинских мастеров (с перламутром) «Птичка в цветах», шоколадные наборы) [99].

Слугам шахини предназначались дамские ручные часы «Заря», шоколадные наборы, слугам шаха – мужские часы «Маяк», коробка с винными изделиями и коробки с шоколадным набором [100].

Отдельной статьей выделены подарки сопровождавшим шаха Ирана лицам. Так, министру торговли были подарены пелерина из куницы, кофейный сервиз из серебра и эмали на две персоны, собрание сочинений А.М. Горького (30 томов), шкатулка работы палехских мастеров «Руслан и Людмила», ларец с набором вин, ларец с набором шоколадных конфет. Сенатору – картина А.В. Борисова «На вечерней зорьке», собрание сочинений А.С. Пушкина (10 томов), шкатулки палехских мастеров «У лукоморья дуб зеленый», ларец с набором вин, ларец с набором шоколадных конфет [101].

И. о. министра двора, главному церемониймейстеру двора – кофейный сервиз из серебра и эмали на две персоны, шкатулка федоскинских мастеров «Боярский пир», набор вин, шоколадный набор.

Среди подарков другим членам делегации – фотоаппараты «Киев-Зс» или «Зоркий-Зс», собрание сочинений А.П. Чехова (20 томов), собрание сочинений Н.В. Гоголя (5 томов), шкатулки палехских и федоскинских мастеров, охотничье ружье с художественной чернью, наборы вин, шоколадные наборы [102].

Не следует полагать, что в июле 1956 года завершился процесс передачи даров шаху и шахине Ирана от Президиума Верховного Совета СССР. Так, 5 сентября 1956 года заведующим Протокольным отделом МИД СССР Ф.Ф. Молочковым были получены от финансово-хозяйственного отдела Президиума Верховного совета СССР через ответственного исполнителя отдела для передачи супруге шаха подарки от Президиума Верховного Совета СССР – шестьдесят шкурок соболя натурального стоимостью 23 8314 рублей [103].

6 сентября Молочков получил от финансово-хозяйственного отдела Президиума Верховного Совета СССР для передачи шахине Ирана браслет из платины и белого золота с бриллиантами весом 73,25 грамма [104].

Советский Союз был заинтересован в укреплении своих позиций в различных регионах мира, в том числе в Юго-Восточной Азии. 28 августа 1956 года в Москву прибыл президент Индонезии Сукарно, получивший в дар, так же как и президент Югославии, самолет Ил-14 (с салоном), к которому прилагались: пейзаж «К весне» художника А.В. Борисова; шкатулка с портретом Сукарно работы федоскинских мастеров, 11 художественных узкоплёночных кинофильмов (16 миллиметров), набор долгоиграющих пластинок (25 штук), четыре вышитые сорочки из шелкового полотна.

Подарочный набор министра иностранных дел был тот же, что для президента, только вместо самолета – автомобиль ЗИМ.

Среди подарков другим членам делегации Индонезии – кофейные сервизы из серебра, фотоаппараты «Киев-За», наборы долгоиграющих грампластинок, шелковые вышитые сорочки [105], охотничье ружье тульской работы с кожаным футляром и патронами, золотые часы с золотым браслетом, наручные часы «Маяк» [106].

Различные протокольные аспекты, к числу которых принадлежит и обмен подарками во время зарубежных визитов правительственных делегаций в СССР, свидетельствовали о том, насколько была заинтересована Москва в этом партнере. В отличие от И.Б. Тито, который с каждым визитом в СССР получал все более весомые, с точки зрения советского руководства, дары, председателю Кабинета министров КНДР Ким Ир Сену в 1952 и 1953 годах дарили автомобили ЗИС-110, в 1956 году главе корейской делегации, прибывшей в июле в Москву, подарили пианино «Красный Октябрь» (из лимонного дерева), ларец уральских камней, а заместителю председателя ЦК ТПК – ларец из яшмы и орenburgскую шаль (в 1953 году он получил автомобиль ЗИМ) [107].

Среди подарков членам делегации: сервиз из серебра и эмали на две персоны, фотоаппарат «Киев-За», золотые часы «Победа» с браслетом, коробка для сигарет из яшмы, чайный фарфоровый сервиз на шесть персон, ларец федоскинской работы.

В составе делегации, кроме партийных и правительственных деятелей, входили Герои Труда – представители рабочего класса и крестьянства, каждому из которых подарили патефон с набором пластинок и золотые часы «Победа» с браслетом [108].

Процесс дарения лидерам государств, прибывающих в СССР во главе правительственных делегаций, летательных аппаратов продолжился и в 1958 году, когда президенту ОАР Гамаль Абдель Насеру был подарен самолет Ил-14 (салонный вариант), к которому прилагались фарфоровая ваза с портретом президента, шкатулка работы федоскинских мастеров с портретом президента, ружье охотничье «МЦ-11» с золотой насечкой, художественные кинофильмы: «Призвание» и «Два друга», альбом с видами Москвы, набор мехов (120 выделанных шкур каракуля и 3 накидки из норки) [109].

Супруга, дети и даже отец президента также не были обижены вниманием советского правительства, супруге преподнесли пелерину из соболей и набор парфюмерии, детям – библиотеку из 100 иллюстрированных детских книг, короткометражные мультипликационные кинофильмы: «Волк и семеро козлят», «Непослушный котенок», «Палка-выручалка», «Храбрый олененок» и макет спутника. Отцу президента были переданы золотые карманные часы с цепочкой, техинский ковер.

Вице-президентам ОАР и членам правительства ОАР предназначались своеобразные «подарочные наборы», в которые входили: автомобиль «Волга», ружье охотничье «Спорт», альбом с видами Москвы, фотоаппарат «Киев-За» (в отдельных случаях вместо него дарили набор пластинок классической музыки) [110]. Среди подарков членам делегации фотоаппараты «Киев-За», «Зоркий-4», кофейные сервизы, ружья «ИЖ-54» «Спорт», ручные позолоченные часы.

Следует отметить, что уже в это время в Европе не существовало традиции обмена на государственном уровне предметами роскоши, не говоря уже о средствах передвижения, будь то велосипед, автомобиль или самолет. Выбор подарков (о которых мы говорили выше) – это вызов, демонстрация своеобразного презрения Советского Союза к существовавшим в то время протокольным нормам и правилам. При этом в СССР были в курсе всех особенностей дипломатического протокола в Европе в середине XX века.

Так, начиная с сентября 1959 года в МИД СССР внимательно изучали протокольные мероприятия, связанные с посещением президента США Д. Эйзенхауэра различных государств Европы.

В частности, посольство СССР в ФРГ отправило в МИД СССР справку о протоколно-технической стороне посещения Эйзенхауэром ФРГ 26–27 августа 1959 года. В этом документе подчеркивается, что, хотя визит президента США в Бонн был «неофициальным и информационным визитом», протоколнотехническая подготовка его проведения по своей тщательности и объему была беспримерной для ФРГ. Утром 27 августа после посещения Эйзенхауэром «американского городка» в Бад-Го-десберге, где живут служащие посольства США, и встречи с президентом ФРГ Хейсом, по окончании пресс-конференции состоялся завтрак, данный Аденауэром в честь президента. Во время завтрака Эйзенхауэр и Аденауэр сделали друг другу подарки. Аденауэр попросил передать супруге президента США кофейный сервиз мейсенского фарфорового завода (XVIII век). Ответный дар – от имени своей жены Эйзенхауэр вручил коллекцию старинного американского стекла [111].

Не следует думать, что все лидеры государств, прибывающие в СССР в конце 50-х годов, получали в подарок самолеты, автомобили, меховые манто и т. д.

Дифференциация была очень четкой. В первую очередь, по-царски одаривались представители стран, получивших независимость в послевоенные годы, за них «сражались» как члены НАТО, так и члены Варшавского договора.

Для тех, кто уже сделал свой выбор, предназначались весьма «достойные» подарки. Так, во время визита в СССР правительственной делегации ГДР во главе с первым секретарем ЦК СЕПГ, первым заместителем председателя Совета министров Вальтером Ульбрихтом главе делегации подарили охотничье ружье, шкатулку федоскинской работы, погребец с набором вин (10 бутылок), фотоальбом о пребывании делегации. Супруге Ульбрихта – кофейный серебряный сервиз с золотой эмалью на две персоны, парфюмерный набор, альбом «Большой театр».

Следует отметить, что почти все члены делегации получили одинаковые подарки: охотничьи ружья, шкатулки, фотоальбомы, наборы долгоиграющих пластинок и т. д. [112].

Список подарков премьер-министру Новой Зеландии Уолтеру Нэшу и сопровождающим его лицам, посетившим СССР в 1960 году, практически полностью совпадает со списком подарков В. Ульбрихту и членам делегации ГДР (за исключением того, что в подарочной корзине Нэша вместо охотничьего ружья – 12 банок зернистой икры (по 56 граммов) [ИЗ].

В 1961 году главам правительственных делегаций, прибывающих в СССР, и сопровождающим их лицам вручались одинаковые подарки независимо от их географического положения и политического строя.

Так, премьер-министру ДРВ Фам Ван Донгу, государственному секретарю по иностранным делам ФНРФ К. Поповичу, заместителю премьер-министра и министра иностранных дел Афганистана Ш. Наиму были подарены: охотничьи ружья, электропроигрыватели, художественные шкатулки, фотоаппараты «Зенит», «Киев», атласы обратной стороны Луны, сувениры «Спутник» и т. д.

В СССР не существовало законодательных актов, ограничивающих принятие подарков официальными лицами от зарубежных гостей, находившихся в Советском Союзе с визитом. Как и в прежние годы, государственные и партийные деятели продолжали получать ценные дары.

В 1957 году Советский Союз посетил король Афганистана Мухаммед Захир-шах, от имени которого Ворошилову были подарены: два мраморных стола; два художественных альбома, ковер, статуя Будды, статуя предшественника Будды (просьба короля передать статую в Эрмитаж); ящик сухофруктов [114].

Для обслуживающего персонала – 13 дамских наручных часов.

В 1958 году от имени президента Финляндии Урхо К. Кекконена во время его визита в СССР первому заместителю председателя Совета министров СССР Ф.Р. Козлову преподнесли скульптурную группу художницы Л. Миквич – «Лесоруб» (керамика); члену Президиума Верховного Совета СССР А.И. Кириченко – большую открытую вазу (керамика); министру иностранных дел СССР А.А. Громыко – большую шкатулку (серебро с топазом); генералу армии И.А. Серову и начальнику Генерального штаба Советской армии и Военно-морского флота Маршалу СССР В.Д. Соколовскому – большие открытые вазы керамики [115].

Среди подарков советским официальным лицам – финский национальный настенный ковер, вазы из художественного стекла, 12 стопочек в бочонке из эбенового дерева. Всего было передано 63 пакета с подарками. Стражам гостиницы передали 2 штуки мужских наручных часов.

Щедры были одарены советские руководители и в 1959 году премьер-министром Великобритании Макмилланом. Н.С. Хрущев получил книжный шкаф-бюро в стиле Георга I из ореха, с резным золоченым украшением на фронтоне и золоченым гипсовым обрамлением на зеркальных дверцах (время изготовления 1715–1720) [116]. Ворошилову подарили фарфоровый обеденный сервиз «Уландер» на 24 персоны, его жене – серебряный позолоченный туалетный набор и сумочку из кожи черной ящерицы. Микояну – четыре серебряных позолоченных подсвечника и две серебряные позолоченные чашки, его жене – чайный сервиз «Тонкин» на 12 персон; Косыгину – шесть серебряных кубков, жене – чайный сервиз «Уайтхолл» на 12 персон; Громыко – два серебряных канделябра, жене – столовый сервиз из хрусталя на 24 персоны, дочери – отрез шелка [117].

Среди подарков другим членам правительства – чайный сервиз, серебряные канделябры, чемоданы для путешествия, подсвечники, полотняные простыни, несессер и т. д. [118].

На фоне этих даров подарки заместителю ректора МГУ и поэту С.Я. Маршаку выглядят более чем скромно. Первому подарили долгоиграющие пластинки, второму – книги в переплете.

Среди подарков сотрудникам Протокольного отдела и Отдела печати: книги, сумка для пикников, кожаный портсигар, отрез материи на мужской костюм, походный плед, женам – сумочка из красной кожи, из телячьей кожи, дамский несессер для рукоделия, отрез шелка [119].

Для младших сотрудников Протокольного отдела были выделены: два комплекта (по два предмета) шерстяных свитеров и пять книг о Великобритании.

Эскорту мотоциклистов подарили два ящика виски, коменданту дачи – книги о Великобритании, сотрудникам на даче (мужчинам) – один ящик виски, администратору на даче Хрущева в Семеновском – фото Макмиллана [120].

Работа сотрудников Протокольного отдела получила высокую оценку английской стороны.

4 марта из посольства Великобритании в Москве была направлена благодарность сотрудникам Протокольного отдела МИД СССР, в которой посол Британии Райли Патрик отметил, что организационная программа, осуществленная Протокольным отделом в короткий срок, «наполняет нас восторгом» [121].

Макмиллану и сопровождавшим его лицам на память от советской стороны были преподнесены следующие подарки: премьер-министру Макмиллану – охотничье ружье с инкрустациями, набор долгоиграющих грампластинок русской классической и советской музыки в кожаном футляре (35 пластинок), альбом с видами Москвы; Ллойду вместо ружья подарили кофейный сервиз с эмалью на две персоны, также набор пластинок и альбом о Москве.

Другим членам делегации предназначались палехские шкатулки, наборы пластинок, альбомы с видами Москвы, статуэтка «Спутник», парфюмерный набор «Кремль» (духи и одеколон), служебному персоналу – парфюмерные наборы и шкатулка «Спутник» [122].

Отступлением от советского протокола было вручение подарков послу Великобритании в Москве П. Райли и его супруге, так как англичане в свое время передали подарки послу СССР в Великобритании Я.Л. Малину.

Список подарков немецких товарищей Н.С. Хрущеву в 1959 году начинается первым томом из «Собрания речей и сочинений» Вильгельма Пика с личным посвящением, а завершается футляром (со свидетельством на немецком языке) о передаче права собственности на комплект квартирной обстановки с телевизором. От магистрата Большого Берлина были привезены в Москву для подарка Хрущеву, в связи с его пребыванием в 1959 году в ГДР, фарфоровый сервиз и действующая модель электрической железной дороги [123].

11 июля 1961 года в Протокольный отдел МИД СССР поступили весьма оригинальные дары из посольства Республики Гана (кому лично предназначались подарки в документе не указано) – клетка с попугаем и четыре ящика с фруктами и овощами [124].

В том же месяце от имени председателя Верховного Совета Вооруженных сил и премьер-министра Республики Судан для Л.И. Брежнева были переданы – 2 ковра, 2 вазы из слоновой кости, 2 парки из крокодиловой кожи, 2 свертка белой ткани, 1 письменный прибор из

слоновой кости в футляре из дерева, группа слонов на дугообразной подставке. Для жены Брежнева – 2 дамские сумки из крокодиловой и кобровой кожи, 2 веера из слоновой кости и пера страуса, шкатулка из слоновой кости и золотое ожерелье с изображением гербов СССР и Судана, украшенное рубиновым камнем, 1 небольшая коробочка в целлофане, завязанная лентой.

А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов получили (каждый) – 1 папку из крокодила, 1 сверток белой ткани, 1 макет крокодила из слоновой кости, папиросник из слоновой кости на ножках, 1 вазу из слоновой кости, 1 мундштук из слоновой кости в футляре из крокодила.

В 1962 году, уже по сложившейся до этого традиции, Б. Тито продолжает щедро одаривать членов советского правительства и их ближайших родственников. Первыми в списке памятных подарков от имени Б. Тито обозначены Л.И. Брежнев с супругой, им предназначались: скульптура Крайнича «Читающая девушка», фильм о посещении Брежневым ФНР Югославии, хрустальный гарнитур, изготовленный в Сомборе, кружево работы мастеров города Лепоглава. А.Н. Косыгин с супругой получили практически такой же подарок, как семья Брежневых, только вместо скульптуры и фильма двустольное ружье и серебряный курительный набор, С.Н. Хрущев (Н.С. Хрущев в списке не упомянут) получил охотничий карабин с оптическим прицелом [125].

Заведующему Протокольным отделом МИД СССР Ф.Ф. Молочкову были предназначены золотая табакерка и серебряная настольная шкатулка для сигарет.

Некоторые подарки весьма символичны и соответствуют своеобразному психологическому портрету их владельцев.

Так, М.А. Суслов получил хрустальный бокал с художественной гравюрой «Рыболов», а Ю.В. Андропов, сопровождавший Тито в поездке по стране, – скульптуру художника Августанчича «Борец со знаменем».

В списке подарков для А.И. Микояна, М.П. Георгадзе, А.А. Громыко, А.И. Аджубея, Е.А. Фурцевой, В.И. Чуйкова (и членов их семей) – музыкальная шкатулка, золотая табакерка, хрустальный набор, идрийское кружево, серебряное блюдо, золотой браслет, хрустальная ваза, охотничий карабин [126].

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в СССР ценными подарками (с точки зрения советских руководителей это прежде всего средства передвижения в воздухе и на земле) одаривались лидеры тех государств, в сотрудничестве с которыми именно в этот момент были заинтересованы советские руководители.

В августе 1962 года король Афганистана Мухаммед Захир-шах, посетив Ташкент, отправился оттуда на отдых в Крым. В Симферополе короля встретили Хрущев и Брежнев. Захир-шах посетил Хрущева в месте его отдыха, познакомился с членами его семьи. В Малой Сосновке Никита Сергеевич дал в честь короля завтрак, на котором присутствовали Л.И. Брежнев, С.Н. Хрущев, А.И. Аджубей и др.

После завтрака Хрущев пригласил Захир Шаха на охоту в заповедник «Дубрава» (король остался доволен охотой). Проблемы советско-афганских отношений обсуждались также в «Дубраве».

Что касается подарков, то Хрущеву сообщили, что гость привез такое количество даров, что они занимают половину автобуса, – ковры, изделия из мрамора и т. д. Наши же подарки носили скорее сувенирный характер. Узнав об этом, Хрущев сказал, что будет думать над этим вопросом. Во время завтрака он пообещал регулярно посылать королю боржом [127].

В том же году в списке памятных подарков для заместителя первого министра и министра иностранных дел Индонезии доктора Субандрио и сопровождающих его лиц мы находим: фотоаппарат «Киев-Вега», набор водочных изделий, парфюмерный набор, художественный альбом в кожаном переплете. Всем военным членам делегации были подарены пистолеты «Макаров» с патронами [128].

В июле 1963 года в Москву для подписания договора о запрещении испытаний ядерного оружия прибыли госсекретарь США Д. Раек, министр иностранных дел Великобритании Лорд Хьюм и генеральный секретарь ООН У. Тан.

Согласно указанию А.А. Громыко Протокольный отдел подготовил для Раска следующие подарки: альбом репродукций палехской живописи, набор коньячно-водочных изделий (10 бутылок), икра зернистая (12 банок), фотоальбом о пребывании Раска в СССР, часы «Вымпел» в золотом корпусе. Супруге Раска были подарены: художественная шкатулка с перламутром с

видом Кремля, парфюмерный набор особого заказа, гарнитур из янтаря. Детям Раска – Ричарду (17 лет) и Маргарет (14 лет) были переданы часы (каждому) [129].

Для Хьюма и сопровождающих его лиц были приобретены следующие подарки: коньяк особый (3 бутылки); коньяк юбилейный (3 бутылки); коньяк «Ереван» (2 бутылки); водка «Московская» с медалью (1 бутылка); икра зернистая 1/112 (3 банки); икра зернистая 1/56 (9 банок); икра кетовая 1/140 (9 банок); крабы в/с 1/240 (9 банок); 4 шоколадных набора [130].

В 1963 году Протокольный отдел участвовал в составлении «подарочных наборов» для министров иностранных дел Финляндии и Республики Кипр В. Мерикоски и Кипрану, а также для супруги генерального секретаря МИД Индии Р.К. Неру госпожи Р. Неру.

Мерикоски и сопровождающим лицам были подарены: оленья упряжка из слоновой кости (95 рублей); набор винно-водочных изделий (30 рублей). Супруге – парфюмерный набор «Особый» (43 рубля), оренбургский пуховый платок (50 рублей). Дочери Мерикоски – янтарный набор (37 рублей) [131].

Министр иностранных дел Республики Кипр получил фотоаппарат «Киев-4», альбом СССР, погребец с вином (10 бутылок), баночку икры. Супруге Кипрану преподнесли дамский гарнитур из янтаря, парфюмерный набор «Особый», альбом «Москва». Сопровождающим лицам (3 человека) – палехская шкатулка, винно-водочный набор (5 бутылок), альбом «Москва», часы «Вымпел», мужской гарнитур из янтаря [132].

Госпожа Р. Неру на память о визите в СССР получила художественные альбомы «Третьяковская галерея», «Русский музей», «Эрмитаж»; кустарные изделия из дерева и камня, грампластинки [133].

В СССР не существовало практики награждения орденами и медалями СССР гостей, которые приезжали с официальными визитами, иностранных послов, консулов и работников дипломатических представительств.

Но в отдельных случаях были исключения: орденом Ленина был награжден Сукарно, орденами Суворова I степени – Сианук, орденом Боевого Красного Знамени – Хайле Селассие.

Во время визитов в СССР, по случаю дня рождения, орден Ленина получили: Паасикиви, Кекконен, Кашей, Дамянов [134].

Таким образом, в последнем случае орден Ленина можно рассматривать как подарок страны иностранному гостю. Государственная награда – подарок на именины.

В 1964 году, находясь в Каире, Н.С. Хрущев был удостоен высшей награды ОАР – ордена «Ожерелье Нила»^[33], по существующим традициям межгосударственных отношений советское правительство должно было наградить президента ОАР Г.А. Насера. Находясь с визитом в Египте, Хрущев отправил зашифрованную телеграмму в Москву с просьбой о присвоении Насеру звания Героя Советского Союза. О такой же награде он просил и для вице-президента ОАР маршала Ашера. Несмотря на недовольство некоторых членов ЦК, был принят соответствующий указ, и награды отправили в Каир. Как отмечают в своем исследовании Ж. Медведев и Р. Медведев: «Это было ошибкой Хрущева, и Насер, и Амер в годы Второй мировой войны <...> не только выступали против Англии, но считали возможным сотрудничать с гитлеровскими властями. <...> К тому же в ОАР коммунистическая партия находилась в глубоком подполье, а многие коммунисты подвергались жестоким пыткам и истязаниям» [135].

Таким образом, в последний год правления Н.С. Хрущев наградил высшей военной наградой СССР человека, сотрудничавшего с Гитлером.

Последним подарком, полученным Н.С. Хрущевым на посту первого секретаря ЦК КПСС, был дар посольства ГДР от 7 октября 1964 года (за неделю до пленума ЦК КПСС, освободившего его от должности) – чемодан с образцами ассортимента пластиковых изделий [136].

С начала 60-х годов подарочный фонд при МИД СССР^[34] обеспечивал дарами прежде всего сотрудников дипломатических представительств, аккредитованных в Москве. В большинстве случаев подарки вручались иностранному дипломату и его супруге в связи с их отъездом из СССР.

Подарки направлялись в Протокольный отдел, а затем от имени А.А. Громыко и его супруги передавались отбывавшему из СССР послу и его супруге.

В 1963 году отъезжающему из СССР послу Ливана были подарены палехская шкатулка и набор грампластинок, послу ПНР и его супруге – часы «Вымпел» и парфюмерный набор, послу Финляндии – набор вин, послу Бирмы – набор пластинок русской музыки и т. д. [137].

В последующие годы ассортимент подарочного фонда по-прежнему был представлен наборами грампластинок, парфюмерными наборами, украшениями из янтаря, федоскинскими и палехскими шкатулками, электрическими самоварами, художественными альбомами, фотоаппаратами «Зоркий-10» и «Зенит» (70-е годы), часами «Луч», изделиями из хохломы.

В 1967 году в связи с предложением подарить отъезжающему из СССР послу Болгарии и его супруге набор коньячных вин, янтарный набор, поднос жостовской работы с художественной росписью «Русская тройка» Ф.Ф. Молочков в своей резолюции напоминает коллегам, что предложение о таких «больших подарках» противоречит указаниям по «вопросу о сокращении преподнесения дорогостоящих подарков, надо ограничиться сувенирами».

Но в результате для посла Болгарии было сделано исключение и подарки переданы через атташе посольства Болгарии [138].

В начале 80-х годов в передаче подарков принимает участие супруга министра иностранных дел СССР – Л.Д. Громыко. Так, 8 июля 1983 года Л.Д. Громыко приняла в особняке МИД супругу посла Дании, выразившую желание нанести ей протокольный визит в связи с окончательным отъездом из страны. Во время беседы гостье было преподнесено легкое угощение и вручены сувениры от имени министра и Л.Д. Громыко – чайный сервиз на шесть персон (Дулево), поднос (Жостово) [139].

4 марта того же года в Доме приемов от имени Л.Д. Громыко состоялся прием по случаю Международного женского дня. На нем присутствовали супруги членов Политбюро ЦК КПСС, кандидатов в члены Политбюро, представители общественных организаций, Герои Социалистического Труда и т. д. На прием были приглашены представители 93 стран. Л.Д. Громыко выступила с приветственной речью (ее переводили на английский и французский языки). Супруга посла Кении (как старшая из супругов глав дипломатических представительств) поблагодарила Громыко за теплый прием. Завершилась встреча концертом [140].

В связи с праздником от имени Л.Д. Громыко женам дипломатов, аккредитованных в Москве, были направлены альбомы «Хохлома» [141].

На фоне щедрых даров лидерам Советского государства истинно «королевскими» знаками внимания можно назвать подарки, которые по просьбе королевы Бельгии Елизаветы были переданы шоферам автобазы Совета министров СССР – по две пары часов каждому. Кроме этого коменданту БКД Протокольный отдел направил одни мужские часы, полученные через посольство Бельгии в Москве от королевы Елизаветы в качестве подарка швейцару (фамилия не указана), который, как сказано в письме бельгийцев, открывал дверь королеве во время ее визита в СССР [142].

Таким образом, если в 60-х – 80-х годах был создан единый подход к вручению подарков дипломатическим представителям, аккредитованным в СССР, то стоимостных ограничений на подарки, получаемые официальными лицами, по-прежнему не было.

Известна знаменитая коллекция дорогостоящих автомобилей, полученных в подарок Л.И. Брежневым.

Еще при Хрущеве, когда Брежнев стал председателем Президиума Верховного Совета, в его личном гараже было несколько машин иностранных марок. После октября 1964 года, когда Брежнев возглавил партию, их число быстро увеличилось.

Л.И. Брежнев издавна любил автомобили. Поэтому при подготовке зарубежных визитов или визитов лидеров иностранных государств в СССР советская сторона давала понять своим партнерам, что «лучшим подарком Брежневу была бы хорошая машина известной фирмы» [143].

Визит в 1973 году (13–21 мая) в ФРГ преследовал цель еще больше скрепить отношения двух стран в политической и экономической сферах, стороны остались довольны переговорами, Бундестаг ратифицировал договор об основах отношений с ГДР и высказался за вступление обоих германских государств в ООН. Канцлер Брандт, зная слабость своего гостя к автомобилям, подарил ему спортивный «мерседес» последней модели. «Он (Л.И. Брежнев. – *Авт.*) сел в кабину, чтобы посмотреть на ее оборудование, но неожиданно захлопнул дверь и, оставив в растерянности своих телохранителей и агентов немецкой спецслужбы, помчался на предельной

скорости по шоссе по направлению к Рейну. Лишь в 150 километрах от Бонна он остановил машину, так как произошла небольшая поломка» [144].

Подросли машины сопровождения. Брежнев похвалил «мерседес», но сказал, что ему бы подошел автомобиль другого цвета. Просьба генерального секретаря была выполнена.

Так постепенно у лидера Советского государства образовалась неплохая коллекция: «мерседес» из Германии, «ситроен» из Франции, «роллс-ройс» из Англии.

Что касается «роллс-ройса», то он был подарен королевой Великобритании Елизаветой II и с ним связана забавная история, о которой Брежнев часто рассказывал. Во время одной из поездок из Москвы в Завидово (охотничий заповедник Политбюро) где-то на половине дороги он увидел двух женщин с авоськами (охрана находилась далеко впереди и сзади). Они проголосовали. Генсек посадил их в машину и довез до места назначения. Женщины, не узнав Брежнева, дали ему 3 рубля. Леонид Ильич улыбнулся, положил деньги в карман и поехал дальше [145].

Поездки с Брежневым в автомобиле надолго оставались в памяти его попутчиков. Так, Генри Киссинджер вспоминал, что во время одной из первых поездок в Москву Брежнев подвел его к черному «кадиллаку» (подарок Никсона), сел за руль «<...> и мы помчались на большой скорости по узким извилистым сельским дорогам, так что можно было только молиться, чтобы на ближайшем перекрестке появился какой-нибудь полицейский и положил конец этой рискованной игре «<...>» [146].

Вероятно, Киссинджер рассказал президенту США о неожиданном поступке Брежнева, но Ричард Никсон не проявил должной бдительности во время визита Леонида Ильича в США в июне 1973 года.

Следует заметить, что правительству США не выделялись бюджетные средства на такие дорогие подарки, которыми являются автомобили известных фирм. Но дорогой подарок, настаивали наши соотечественники, – знак уважения. «Прижатые к стене» американцы обратились за помощью к бизнесменам. После очередного раунда переговоров лидеры вышли на улицу, где на асфальтированной площадке стоял темно-голубой «линкольн-континенталь» индивидуальной сборки. В нем была черная велюровая обивка. На приборной доске выгравирована надпись: «На добрую память. Самые лучшие пожелания».

«Брежнев – коллекционер роскошных автомобилей – не пытался скрыть своего восхищения. Он настаивал на том, чтобы немедленно опробовать подарок. Он сел за руль и с энтузиазмом подтолкнул меня (Р. Никсона. – *Авт.*) на пассажирское сиденье. Глава моей личной охраны побледнел, когда увидел, что я сажусь в машину, и мы помчались по одной из узких дорог, идущих по периметру вокруг Кемп-Дэвида.

Брежнев привык беспрепятственно продвигаться по центральной полосе в Москве, и я мог только воображать, что случится, если джип секретной службы или морских пехотинцев внезапно появится из-за угла на этой дороге с односторонним движением. В одном месте был очень крутой спуск с ярким знаком и надписью: «Медленно, опасный поворот». Даже когда я ехал здесь на спортивном автомобиле, я нажимал на тормоза «<...> Я подался вперед и сказал: «Медленный спуск, медленный спуск», но он не обратил на это внимание. Мы достигли низины, пронзительно завизжали покрышки, когда он резко нажал на тормоза и повернул. После нашей поездки Брежнев сказал мне: «Это очень хороший автомобиль. Он хорошо идет по дороге». «Вы великолепный водитель, – ответил я. – Я никогда не смог бы повернуть здесь на такой скорости, с которой вы ехали». «Дипломатия не всегда легкое искусство», – вспоминал о визите Брежнева президент США Р. Никсон [147].

Лихачество генсека не всегда заканчивалось благополучно. Летом 1980 года он на большой скорости, будучи за рулем своего любимого «роллс-ройса» – «Серебряная тень», – врезался на большой скорости в самосвал. После смерти Брежнева в 1982 году находившиеся в его гараже около 30 иномарок (за исключением этого «роллс-ройса», попавшего в Рижский музей) были переданы в собственность государства.

Пример Брежнева оказался весьма заразительным, «барские выезды» стали популярны не только в Москве, но и в других регионах страны.

Нормы дипломатического протокола, связанные с обменом дарами, были заложены еще в Древнем мире, а развиты в Средние века. Такие предметы, как оружие, меха, ювелирные украшения, будут актуальны в качестве дипломатических подарков вплоть до последней четверти XX века.

В 20-х годах в СССР высказывались мнения, в частности полпредом Трояновским, чтобы исключить систему обмена дарами из протокольной практики.

В 1928 году Карахан предлагает разработать единый подарок начальникам иностранных миссий в Москве. Остановились на золотом портсигаре с гербом СССР. Падишаху Афганистана в лучших традициях имперской России XIX века преподнесли сервиз Ломоносовского завода с гербом Афганистана, символом нового времени стали подаренные афганцам четыре трактора. В это же время, в конце 20-х годов, остро встает проблема взаимоотношения власти с музеями. Экспонаты изымались для убранства особняков, предназначенных для приема высоких гостей и для подарков членам иностранных делегаций. Если в первом случае экспонаты не возвращались в музейные фонды, но в большинстве своем оставались в СССР, то во втором случае, когда в качестве подарков использовали живописные полотна русских мастеров, они становились собственностью другой страны. Более всего в этой ситуации поражает, с какой легкостью, а иногда и с цинизмом советские чиновники «разбазаривали» предметы национального достояния, полагая, что это лучше, чем «содранные со зверя шкуры».

Советские правители заявляли о горячем желании отречься от наследия прошлого, но в реальности они «увязли», что касается дипломатических даров, даже не в имперском прошлом, а во времена Московского царства, одаривая в первые послевоенные годы иностранных гостей соболиными шубами, пелеринами из чернобурых лисиц и бриллиантовыми перстнями. При этом сами в первые годы после окончания страшной войны не запрещали своим ближайшим родственникам принимать платиновые и золотые часы с бриллиантами, золотые часы и браслеты (речь идет о подарках маршала И.Б. Тито в 1946 году).

В конце 40-х – начале 50-х годов начнется новый период в истории российской протокольной практики, связанный с дипломатическими дарами. Своим потенциальным и возможным союзникам СССР с помощью в том числе подарков демонстрировал успехи в области промышленности, экономики, культуры, достигнутые в послевоенный период.

При этом идеологические друзья не стремились поражать своих партнеров подобными достижениями. Так, Мао Цзэдун в ответ на подаренный ЗИС-110 преподнес Сталину (помимо других изделий китайского прикладного искусства) свое стихотворение, напечатанное на рисовом зерне.

1956 год – пик имперской щедрости Советского Союза. Если в 1945 году маршал Тито получил в подарок автомат, в 1946 году – скульптурную группу, то в 1956 президент Тито был одарен самолетом Ил-14.

В этот же период нарастают темпы борьбы за друзей между членами НАТО и Варшавским договором. Мы были заинтересованы в усилении наших позиций не только в Европе, но и, в частности, в странах Юго-Восточной Азии, поэтому вслед за президентом Тито Ил-14 получает президент Индонезии Сукарно. Президент ОАР Насер будет одарен не только самолетом, но и орденом Героя Советского Союза.

Подобные дипломатические дары – это пренебрежение Советским Союзом существующими нормами дипломатического протокола. Средства передвижения, ювелирные украшения, меховые изделия уже не использовались в Европе на официальном уровне в качестве дипломатических подарков.

В то же время в СССР не существовало законодательных актов, ограничивающих принятие подарков официальными лицами.

От короля Афганистана К.Е. Ворошилов получает мраморные столы, от премьер-министра Великобритании Н.С. Хрущев принимает уникальный шкаф-бюро в стиле Георга I и комплект квартирной обстановки от немецких товарищей. Известна коллекция дорогих автомобилей Брежнева – «мерседес» из Германии, «ситроен» из Франции, «роллс-ройс» из Англии, «кадиллак» и «линкольн» из США и т. д.

Что касается подарочного фонда МИД, то он с начала 60-х годов обеспечивал дарами прежде всего сотрудников дипломатических миссий, отъезжающих навсегда из СССР. От имени Громыко и его супруги им передавались шкатулки, часы, парфюмерные наборы, пластинки с русской музыкой, украшения из янтаря, электрические самовары и т. д. (в каждом случае два-три предмета).

Стоимостные ограничения на подарки, получаемые официальными лицами, появились в российской протокольной практике во второй половине 80-х годов при М.С. Горбачеве.

В соответствии с российским протоколом подарки, после вручения президенту РФ, передаются на хранение в президентскую библиотеку, расположенную в Кремлевской резиденции президента. В свою очередь, подарки, предназначенные иностранным гостям, как правило передаются через службу протокола при визитах на высоком уровне.

В 2012 году в Брюсселе был принят документ «Коммуникации с еврокомиссией», в одной из глав которого, «Рекомендации по подаркам и гостеприимству», странам Евросоюза не рекомендуется при дипломатическом общении обмениваться подарками.

Подарок – неперенный атрибут международной вежливости. Выбор подарка и его характер – важный элемент протокольной работы.

Демократизация протокольных норм в вопросе обмена официальными подарками в ходе межгосударственного общения проявилась в последние десятилетия XX века и окончательно утвердилась в начале XXI века.

Подарок – дань уважения отъезжающему послу за его вклад в развитие международных отношений или одна из форм проявления внимания дипломата к своим коллегам.

Пренебрежение нормами протокола может нанести удар по имиджу государства, его авторитету на мировой арене. Протокол – это инструмент, с помощью которого мы выстраиваем дипломатические отношения.

Подарки советским государственным и партийным деятелям и членам их семей от имени официальных лиц во время их визитов в СССР (По материалам АВП РФ)

Подарки виконта Гото

1928

- М.И. Калинин – портрет виконта Гото.
- Г.В. Чичерину – портрет виконта Гото, ящик камфары, трубочка из слоновой кости, инкрустированная золотом (для лекарств).

Подарки де Голля

1944

- И.В. Сталину – гравюра Демаре «Прием Петра Великого Людовиком XV в Париже 11 мая 1717 года», настольные часы оригинальной работы «с невидимым механизмом», коньяк 1959 года (6 бутылок).
- В.М. Молотову – столовая посуда специальной работы из серебра.

Подарок У. Черчилля

1945

- В.М. Молотову – написанные У. Черчилем книги о герцоге Мальборо.

Подарки И.Б. Тито

1946

- Дочери И.В. Сталина – платиновые часы с бриллиантами.
- Супруге В.М. Молотова – золотые часы с бриллиантами.
- Дочери В.М. Молотова – золотой браслет.
- Супругам А.И. Микояна, А.А. Жданова, Л.П. Берии, Н.А. Булганина, В.Г. Деканозова – золотые часы.
- Супругам А.Я. Вышинского и маршала Толбухина – платиновые кольца с камнями.

Подарки румынской правительственной делегации

1948

- И.В. Сталину – ковер, картина, серебряный кувшин, национальная ткань.
- В.М. Молотову, А.А. Жданову, Г.М. Маленкову, А.Я. Вышинскому – серебряные подносы, национальные ткани.

Подарки болгарской правительственной делегации

1948

- И.В. Сталину – ковер, серебряный флакон с розовым маслом, книга, курительный табак, вино (всего 5 пакетов).
- В.М. Молотову, А.И. Микояну, маршалу Н.А. Булганину – ковер, серебряный флакон с розовым маслом, папиросы, вино (всего 4 пакета).
- У А.Я. Вышинского такие же подарки, но у него всего 5 пакетов.
- А.А. Жданову, Л.М. Кагановичу, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии – скатерть, розовое масло в деревянном флаконе, шкатулки, папиросы (2–3 пакета).
- А.М. Коллонтай, супруге В.М. Молотова, дочери И.В. Сталина – блузы и розовое масло.

Подарки чешской правительственной делегации

1948

- И.В. Сталину – две книги премьер-министра Запотоцкого с личным посвящением, хрустальная ваза с ручной гравировкой.
- В.М. Молотову – картина Блажичка «Чешский летний пейзаж», альбом грампластинок.
- Супруге В.М. Молотова – гарнитур из чешских гранатов.
- Дочери В.М. Молотова – браслет из чешских гранатов.
- Н.М. Швернику – книги Запотоцкого с личным посвящением.
- А.Н. Косыгину – образцы чехословацких бумажных денег и монет.

Подарки правительственной делегации КНР

1952

- И.В. Сталину – ширма с инкрустациями, 2 китайские вазы, шелковое панно, вышитая на шелке картина «Орел», портрет «И.В. Сталин в Кремле» (вышивка), портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (тканая работа золотыми нитками), «Рог изобилия» (резьба по слоновой кости), блюдо из зеленого нефрита на подставке, столовый и чайный сервиз из китайского фарфора (94 персоны), 4 китайские вазы, 4 ковры, вышитая скатерть, изображение В.И. Ленина на слоновой кости, изображение И.В. Сталина на слоновой кости, «Дружба между СССР и Китаем» – И.В. Сталин и Мао Цзэдун (слоновая кость), 2 куска китайского шелка, стихотворение Мао Цзэдуна, напечатанное на зерне риса.
- В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, К.Е. Ворошилову, А.И. Микояну, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, Н.С. Хрущеву, П.М. Швернику, А.Я. Вышинскому, Н.Г. Кузнецову – фарфоровые вазы, портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (тканая работа золотыми нитками), китайский шелк, ковры, столовые и чайные сервизы.

Подарки короля Афганистана Мухаммед Захир-шаха

1957

- К.Е. Ворошилову – 2 мраморных стола, 2 художественных альбома, ковер, статуя Будды, статуя предшественника Будды (просьба короля передать статую в Эрмитаж), ящик сухофруктов.

Подарки президента Финляндии Урхо К. Кекконена

1958

- Ф.Р. Козлову – скульптурная группа.
- А.И. Кириченко – открытая ваза (керамика).
- А.А. Громыко – большая шкатулка (серебро с топазом).

Подарки премьер-министра Великобритании Макмиллана

1959

- Н.С. Хрущеву – книжный шкаф-бюро в стиле Георга I из ореха (1715–1720).
- К.Е. Ворошилову – фарфоровый обеденный сервиз «Уландер».
- Жене Ворошилова – серебряный позолоченный туалетный набор и сумочка из кожи черной ящерицы.
- А.И. Микояну – 4 серебряных позолоченных подсвечника и 2 серебряные позолоченные чашки.
- Жене Микояна – чайный сервиз «Тон Кин».
- А.Н. Косыгину – 6 серебряных кубиков.
- Жене Косыгина – чайный сервиз «Чайтхолл».
- А.А. Громыко – 2 серебряных канделябра.
- Жене Громыко – столовый сервиз из хрусталя.
- Дочери Громыко – отрез шелка.

Подарки правительственной делегации ГДР

1959

- Н.С. Хрущеву – первый том из «Собрания речей и сочинений» В. Пика с личным посвящением, свидетельство о передаче права собственности на комплект квартирной обстановки с телевизором.

Подарки председателя Верховного Совета Вооруженных сил и премьер-министра Республики Судан

1961

- Л.И. Брежневу – 2 ковра, 2 вазы из слоновой кости, 2 парки из крокодиловой и кобровой кожи, 2 свертка белой ткани, 1 письменный прибор из слоновой кости, группа слонов на дугообразной подставке.
- Жене Брежнева – 2 дамские сумки из крокодиловой и кобровой кожи, 2 веера из слоновой кости и пера страуса, шкатулка из слоновой кости, золотое ожерелье с изображением гербов СССР и Судана, украшенное рубиновым камнем.
- А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов получили (каждый) – 1 папку из крокодила, 1 сверток белой ткани, 1 макет крокодила из слоновой кости, 1 мундштук из слоновой кости в футляре из крокодила.

Подарки И.Б. Тито

1962

- Л.И. Брежневу с супругой – скульптура Крайнина «Читающая девушка», хрустальный гарнитур, кружево.

- А.Н. Косыгину с супругой – такой же набор, как Брежневу, но вместо скульптуры – двуствольное ружье и серебряный курительный набор.
- Н.С. Хрущеву – охотничий карабин с оптическим прицелом.
- Подарки короля Лаоса Ш.С. Ваттана^[35]

1963

- Н.С. Хрущеву, Л.И. Брежневу – серебряные кубки.
- Н.П. Хрущевой, В.П. Брежневой – серебряные вазы.
- А.Н. Косыгину, А.И. Микояну – серебряные вазы.

Сводная таблица подарков главам и членам зарубежных делегаций во время их визитов в СССР (По материалам АВП РФ)

Живопись, скульптура

		Год дарения	Страна
1	Б.М. Кустодиев «Красавица» (микадо)	1928	Япония
2	Пейзаж И.И. Левитана или В.В. Верещагин «Стражи» (Кемалю)	1929	Турция
3	С.Ю. Жуковский «Лес ранней весной» И.В. Зарубин «Пейзаж с тремя старушками» (Мацуоке)	1941	Япония
4	А.М. Соловьев «Атака разведчика» (Дэвису)	1943	США
5	Картины (?) (авторы и названия произведений не указаны) (де Голлю)	1944	Франция
6	Скульптурная группа Орлова «Поединок Александра Невского с тевтонскими рыцарями» (И.Б. Тито)	1946	Югославия
7	Б.Н. Яковлев «Кремль и Красная площадь зимой» (председателю Совета министров Димитрову)	1948	Болгария
8	К.Ф. Юон «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» П. Яковлев «Красная площадь» (премьер-министру Запотоцкому)	1948	Чехословакия
9	Лактионов «Девочка за вышиванием» (Неру) П.П. Кончаловский «Сирень» (И. Ганди) И.Э. Грабарь «Иней, последние лучи»	1955	Индия
10	Картина советского художника	1955	Норвегия

11	А.М. Герасимов «Сирень» А.В. Борисов «На вечерней зорьке» (шах М.Р. Пехлеви)	1956	Иран
12	А.В. Борисов «К весне» (Сукарно)	1956	Индонезия
13	Картина советского художника (королю Ш.С. Ватхану)	1963	Лаос
14	Скульптура «Тройка» каслинского литья (помощнику президента США по национальной безопасности Г. Киссинджеру)	1972	США
15	Картина (автор не указан) (министру иностранных дел)	1975	Кувейт
16	Александров «Озеро на Валдае» (министру иностранных дел)	1983	Финляндия

Еда, напитки, табачные изделия

		Год дарения	Страна
1	Красное вино, водка (ящик) (каждому члену делегации)	1937	Турция
2	Икра зернистая (10 кг) Водка (15 л) Папиросы (40 пачек) (У. Черчиллю)	1944	Великобритания
3	Икра зернистая (2 кг) Водка (10 бутылок) Шампанское (20 бутылок) Шоколадный набор (2 кг) Какао (1 кг) Чай (1 кг) Шоколадный набор (П. Гроза)	1944	Румыния
4	Икра зернистая (6 кг) Водка (10 л) Папиросы (20 пачек) (Гос. секретарю по иностранным делам Идену)	1944	Великобритания

5	Икра зернистая (6 кг) Водка (10 л) Папиросы (20 пачек) (фельдмаршалу Бруку)	1944	Великобритания
6	Коробки с бутылками водки, вина, шампанского, упаковки масла, апельсины, мандарины (количество не указано) (президенту Рузвельту)	1945	США
7	Икра зернистая (2 банки) Шампанское (10 бутылок) Водка (5 бутылок) (И.Б. Тито) Папиросы (20 пачек) (каждому члену делегации)	1945	Югославия
8	Ликеры Конфеты Папиросы Сигареты «Москва» (каждому члену делегации)	1946	Иран
9	Кондитерские и табачные изделия (Чойбалсан)	1946	МРН
10	Икра зернистая (13 кг) Водка (2 бутылки) Советское шампанское (1 бутылка)	1950	Генеральному секретарю ООН Т. Ли
11	Ларцы с наборами вин (водка ленинградская, столичная, коньяки, виноградные вина) Шоколадные наборы (шаху и членам делегации)	1956	Иран
12	Икра зернистая (12 банок по 50 г)	1960	Новая Зеландия
13	Боржом (количество не указано) (М. Захир-шах)	1962	Афганистан
14	Набор коньячно-водочных изделий (10 бутылок) Икра зернистая (12 банок) (госсекретарю Раску)	1963	США
15	Коньяк особый (3 бутылки) Коньяк юбилейный (3 бутылки) Коньяк «Ереван» (2 бутылки)	1963	Финляндия

	Водка московская с медалью (1 бутылка) Икра зернистая 1/112 (3 банки) Икра зернистая 1/56 (6 банок) Икра кетовая 1/140 (9 банок) Крабы в/с 1/240 (9 банок) Шоколадные наборы (4) (Хьюм) Набор винно-водочных изделий (министру иностранных дел)		
16	Погребец с вином (10 бутылок) Икра зернистая (1 баночка) (министру иностранных дел) Винно-водочные наборы (5 бутылок) (члены делегации)	1963	Кипр
17	Икра зернистая (24 банки) (Н. Сиануку) Шоколадный набор (супруге Н. Сианука)	1970	Камбоджа
18	Ларец коньячно-водочных изделий (6 бутылок и 6 банок икры) (министру иностранных дел П. Младенову)	1972	НРБ
19	Ларец с коньячно-водочным набором (коньяк 3 бутылки, водка 3 бутылки, икра 6 банок) (Г. Киссинджеру)	1972	США
20	Водка (3 бутылки) Икра зернистая (2 банки) (заместителю министра иностранных дел)	1974	АРБ
21	Водка (6 бутылок) Икра (6 банок) (министру иностранных дел)	1983	Финляндия

Меха, меховые изделия

		Год дарения	Страна
1	Беличья шубка (супруге министра иностранных дел)	1937	Турция

2	Шкурки чернобурых лисиц (министру иностранных дел)	1937	Латвия
3	Наряды из лисицы и горносталя (супруге и дочери представителя президента США Дэвиса подарила супруга Молотова)	1943	США
4	Каракулевые шкурки на пальто (Мао Цзэдуну) 60 шкурок черного каракуля (членам делегации)	1949— 1950	КНР
5	Каракулевые шкурки (супруге Цеденбала)	1952	МНР
6	Горжетка из чернобурой лисы (заместителю председателя ЦК Трудовой партии Кореи)	1953	КНДР
7	Пелерина из соболей (супруге премьер-министра)	1955	Норвегия
8	Пелерина из соболей (И. Ганди)	1955	Индия
9	Пелерина из соболей (супруге Тито)	1956	Югославия
10	Накидка из соболей (супруге шаха) Пелерина из куницы (министру торговли) 60 шкурок соболя (супруге Насера)	1946	Иран
11	Набор мехов (120 выделанных шкурок каракуля и 3 накидки из норки), пелерина из соболей (супруге Насера)	1958	ОАР
12	Соболиная шуба (лично от И.В. Сталина принцессе Ашрадо Пехлеви) Пелерина из чернобурых лисиц (А. Пехлеви лично от супруги Молотова) Чернобурые лисицы (6) (фрейлинам и камеристке принцессы)	1946	Иран

	Межа куницы (от супругов Шверник принцессе)		
13	Мех чернобурой лисицы (маршалу Чойбалсану)	1946	МНР
14	60 выделанных шкурки норки и «30 в сырьё» (супруге премьер-министра)	1948	Польша
15	Шкурки норки для 3 дамских шуб и 1 пелерина из чернобурых лисиц	1948	Венгрия
16	Пелерина из чернобурых лисиц (премьер-министру П. Грозе)	1948	Румыния
17	Шкурки черного каракуля на мантию (супруге премьер-министра Запольского) Пелерина из платиновых лисиц (супруге одного из членов делегации)	1948	Румыния

Транспортные средства, сельскохозяйственная техника

		Год дарения	Страна
1	Тракторы (6) Грузовики АМО (4) (шаху и правительству)	1928	Афганистан
2	Автомобили ЗИС-110 (2) (Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю)	1949– 1950	КНР
3	Автомобиль «Победа» (министрам китайского правительства) Автомобиль ЗИМ (Мао Цзэдуну)	1952	КНР
4	Автомобиль ЗИС-110 (Ким Ир Сену) Автомобиль ЗИМ (Пак Хен Эну)	1952	КНДР
5	Автомобиль ЗИМ (Цеденбалу) Автомобиль «Победа» (заместителю министра иностранных дел)	1952	МНР

	Автомобиль ЗИМ (послу МНР в СССР)		
6	Автомобиль ЗИС-110 (Ким Ир Сену) Автомобиль ЗИМ (2) (заместителю председателя ЦК Трудовой партии Кореи и заместителю председателя кабинета министров) Автомобиль «Победа» (6) (членам делегации)	1953	КНДР
7	Самолет Ил-14 (И.Б. Тито)	1956	Федеративная Республика Югославия
8	Самолет Ил-14 (с салоном) (Сукарно) Автомобиль ЗИМ (министру иностранных дел)	1956	Индонезия
9	Самолет Ил-14 (салонный вариант) (Г.А. Насер) Автомобиль «Волга» (вице-президентам и членам правительства)	1958	ОАР
10	Автомобиль «Чайка» (королю Ш.С. Ваттхану) Автомобиль «Москвич» (сыну короля)	1963	Лаос

Ювелирные украшения, изделия из благородных металлов

		Год дарения	Страна
1	Серебряная табакерка начала XIX в., серебряная шкатулка с видом Кремля (виконту Гото от Чичерина и Карахана)	1928	Япония
2	Золотой портсигар с гербом СССР (для членов свиты афганского падишаха)	1928	Афганистан

3	Золотой портсигар (личному представителю президента США Дэвису)	1943	США
4	Бриллиант весом 5,58 карата (супруге У. Черчилля К. Черчилль)	1945	Великобритания
5	Эмалевый с позолотой портсигар (И.Б. Тито)	1945	Югославия
6	Бриллиантовый перстень (принцессе А. Пехлеви) Серебряный ковш (председателю Иранского Красного Льва и Солнца)	1946	Иран
7	Золотые портсигары (членам делегации) Серьги с бриллиантами, брошь с бриллиантами (женам членов делегации)	1948	Чехословакия
8	Серебряные портсигары (2) Золотые портсигары (9) Золотые браслеты для часов (12) Золотые часы «Победа» (9) Золотые часы «Звезда» (3) Серебряные браслеты для часов (6) (членам делегации)	1949— 1950	КНР
9	Брошь с бриллиантами (супруге министра торговли)	1955	Норвегия
10	Ваза филигранная, серебряная с уральскими самоцветами Золотые ручные часы «Победа» с золотым браслетом (личному слуге Неру)	1955	Индия
11	Портсигар золотой с бриллиантами (И.Б. Тито) Ожерелье из жемчуга (супруге И.Б. Тито) Кофейные сервизы из серебра и эмали Золотые часы с золотым браслетом Золотые портсигары (членам делегации)	1956	Югославия

12	Ковш серебряный с русскими самоцветами (шаху М.Р. Пехлеви) Кулон платиновый с бриллиантами, серьги золотые с бриллиантами и изумрудами (супруге шаха) Чайный сервиз из серебра и эмали с позолотой (дивизионному генералу) Золотая брошь с бриллиантами, платиновый кулон с розами, золотой кулон с бриллиантами (фрейлинам супруги шаха)	1956	Иран
13	Кофейные сервизы из серебра Золотые часы с золотым браслетом (членам делегации)	1956	КНДР
14	Сервиз из серебра и эмали Золотые часы «Победа» с браслетом (членам делегации)	1956	КНДР
15	Золотые карманные часы с цепочкой (отцу Г.А. Насера)	1958	ОАР
16	Часы «Вымпел» в золотом корпусе (Раску)	1963	США

Оружие

		Год дарения	Страна
1	Сабля (генералу С.)	1925	Китай
2	Пистолет-пулемет ППШ Трофейный немецкий ручной пулемет (Дэвису от Сталина)	1943	США
3	Автомат ППШ (де Голлю)	1944	Франция
4	Автомат ППШ (И.Б. Тито)	1945	Югославия

5	Ружье охотничье с художественной отделкой и золочением (производство Тульского оружейного завода) (шаху М.Р. Пехлеви) Ружье охотничье с художественной отделкой и серебрением (главному военному адъютанту шаха) Малокалиберный спортивный пистолет Марголина (бригадному генералу начальнику шахской гвардии)	1956	Иран
6	Охотничье ружье тульской работы с кожаным футляром и патронами (члену делегации)	1956	Индонезия
7	Ружье охотничье МЦ-11 с золотой насечкой (Г.А. Насеру) Ружье охотничье «Спорт» (членам делегации)	1958	ОАР
8	Охотничье ружье (премьер-министру Ф.В. Донгу)	1961	ДВР
9	Охотничье ружье (заместителю премьер-министра и министра иностранных дел Ш. Наиму)	1961	Афганистан
10	Охотничье ружье с инкрустациями (премьер-министру Великобритании Макмиллану)	1959	Великобритания
11	Пистолет «макаров» с патронами (всем членам делегации)	1962	Индонезия

Изделия прикладного искусства

		Год дарения	Страна
1	Фарфоровый сервиз с афганским гербом на 24 персоны (Ленинградский фарфоровый завод) (падишаху Аманулле-хану)	1928	Афганистан

2	Письменный набор из уральских камней Изделия Палеха (членам делегации)	1937	Турция
3	Ковш из белого мургабского нефрита (1870–1880) (министру иностранных дел Японии Мацуоке)	1943	США
4	Палехские шкатулки (жене и дочери личного представителя президента США Дэвиса)	1943	США
5	Ковш Кубки Палехская шкатулка (членам делегации)	1944	Франция
76	Шкатулка палехской работы Уральские шкатулки (членам делегации)	1946	Югославия
7	Хрустальная ваза (церемониймейстер двора) Художественная ваза с портретом А. Пехлеви, художественный чайный сервиз (принцессе А. Пехлеви)	1946	Иран
8	Керамическая ваза	1946	МНР
9	Письменный прибор из порфира (членам делегации)	1950	КНР
10	Ларец малахитовый «Индира Ганди на Пахре» Скатерть кружевная ручной работы елецких мастеров Куманцы (2) (И. Ганди) Ларец «Вид Кремля» федоскинской работы (членам делегации)	1955	Индия
11	Ларец с портретом Тито федоскинской работы (И.Б. Тито)	1956	Югославия

	Шкатулка с портретом Тито (супруге И.Б. Тито) Коллекции фарфора Ларцы из уральских самоцветов Кофейные сервизы из серебра		
12	Шкатулки работы палехских и федоскинских мастеров (членам делегации)	1956	Югославия
13	Шкатулка с портретом Сукарно федоскинских мастеров	1956	Индонезия
14	Ларец из уральских камней (Ким Ир Сену) Ларец из яшмы (заместителю председателя ЦК ТПК) Ларец федоскинской работы	1956	КНДР
15	Фарфоровая ваза с портретом Г.А. Насера Шкатулка работы федоскинских мастеров с портретом Г.А. Насера Кофейные сервизы (членам делегации)	1958	ОАР
16	Художественные шкатулки	1961	ДРВ
17	Художественные шкатулки Сувениры «Спутник»	1961	Афганистан
18	Палехские шкатулки Статуэтка «Спутник»	1959	Афганистан
19	Оленья упряжка из слоновой кости	1963	Финляндия
20	Палехская шкатулка	1963	Кипр
21	Кустарные изделия из дерева и камня (Р. Неру)	1963	Индия
22	Ларец из яшмы (королю Ш.С. Ваттхану)	1963	Лаос
23	Чайный сервиз из серебра с эмалью на 2 персоны (Сиануку) Скатерть ручной работы (жене Сианука) Оренбургский платок (тете главы государства)	1970	Камбоджа

	Ложки из серебра с эмалью (личному советнику с супругой)		
24	Мелковый платок с русским орнаментом (сопровождающим лицам (женщинам))	1973	Совещание министров иностранных дел государств – участников Варшавского договора в Москве
25	Чайный сервиз «Лебедь» из фарфора Платок павловский (министру иностранных дел И. Фахми)	1974	АРЕ
26	Сервиз кофейный серебряный с эмалью на 2 персоны (министру иностранных дел Ж. Сованьяргу) Платок оренбургский в шкатулке «Федоскино» (супруге)	1974	Франция
27	Чайный сервиз на 6 персон (заместителю министра иностранных дел)	1979	СРР
28	Чайный сервиз «Дулево» на 12 персон Павловский платок (супруге министра иностранных дел)	1982	Сирийская Арабская Республика
29	Платок оренбургский (супруге министра иностранных дел)	1983	Финляндия

Литература

		Год дарения	Страна
1	Дипломатический словарь История дипломатии в 3 томах Речи и доклады глав советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН (министру иностранных дел Чжоу Эньлаю)	1950	КНР

2	Собрание сочинений Л.Н. Толстого (14 томов) (главному военному адъютанту шаха) Собрание сочинений А.М. Горького (30 томов) (министру торговли) Собрание сочинений А.П. Чехова (20 томов) Собрание сочинений Н.В. Гоголя (5 томов) (членам делегации)	1956	Иран
3	Библиотека из 100 иллюстрированных детских книг (детям Г.А. Насера)	1958	ОАР
4	Альбом о Москве (премьер-министру Макмиллану)	1959	Великобритания
5	Художественные альбомы «Третьяковская галерея», «Русский музей», «Эрмитаж» (Р. Неру)	1963	Индия
6	Художественные альбомы «Третьяковская галерея», «Русский музей», «Эрмитаж» (королю Ш.С. Ваттхану)	1963	Лаос
7	Альбом «Москва» (Н. Сиануку)	1970	Камбоджа
8	Альбом «Москва» (министру иностранных дел Ж. Сованьяргу)	1974	Франция
9	Альбом «Москва» (министру иностранных дел)	1980	Афганистан
10	Альбом «Кремль» в 2 томах (министру иностранных дел)	1982	Сирия

Фотоаппараты, радиоприемники, наборы грампластинок

		Год дарения	Страна
1	Радиоприемники «Рига-10», «Мир» Фотоаппараты «Киев», «Зоркий» (членам делегации)	1953	КНДР

2	Фотоаппараты «Киев-3а», «Зоркий-3С», Комплекты грампластинок (членам делегации)	1956	Югославия
3	Фотоаппараты «Киев» (внукам Д. Неру и членам делегации)	1955	Индия
4	Комплекты грампластинок (премьер-министру Макмиллану)	1956	Великобритания
5	Фотоаппараты «Киев-3а», «Зоркий-3с» Комплекты грампластинок (членам делегации)	1956	Индонезия
6	Фотоаппараты «Киев-3а», «Зоркий-3с» Комплекты грампластинок (членам делегации)	1956	Иран
7	Фотоаппараты «Киев-3а», «Зоркий-4» (членам делегации)	1958	ОАР
8	Фотоаппараты «Киев», «Зенит» (премьер-министру Ф.В. Донгу)	1961	ДРВ
9	Фотоаппараты «Киев», «Зенит» (министру иностранных дел Ш. Наиму)	1961	Афганистан
10	Фотоаппараты «Киев-Вега» (членам делегации)	1962	Индонезия
11	Набор грампластинок с записью классической музыки и народных песен (15 шт.) (Н. Сиануку) Фотоаппарат «Киев» (сыну главы государства)	1970	Камбоджа
12	Транзистор «Рига-103» (министру иностранных дел НРБ П. Младенову)	1972	НРБ
13	Фотоаппарат «Зенит-В» (министру планирования, министру торговли) Кинокамера «Аврора» (начальнику Генштаба вооруженных сил)	1974	АРЕ

14	Фотоаппарат «Зенит-Е» (министру иностранных дел)	1979	СРР
15	Фотоаппарат «Зенит-ЕМ» (министру иностранных дел)	1980	Афганистан
16	Фотоаппарат «Зенит-ЕМ» (министру иностранных дел)	1982	Сирийская Арабская республика

Другие подарки

		Год дарения	Страна
1	Альбом с фотографиями из жизни советских пионеров (виконту Гото)	1928	Япония
2	Комплект школьных пособий (падишаху Аманулле-хану)	1928	Афганистан
3	Коробки с парфюмерией (членам делегации)	1946	Иран
4	Плюшевый халат (маршалу Чойбалсану)	1946	МНР
5	Пианино «Красный Октябрь» из лимонного дерева (Ким Ир Сену)	1956	КНДР
6	Сувенирный набор в портфеле (2 штофа, 2 рюмки, зажигалка, трубка) Серебряная медаль «50 лет СССР» (министрам)	1973	Совещание министров иностранных дел государств — участников Варшавского договора в Москве

Глава 6

Меню официальных приемов

Поскольку была ясная погода, благоприятный ветер и мне срочно надо было попасть в Москву, было решено срезать угол у Куйбышева и лететь прямо к столице. Боюсь, что таким образом мы оставили в стороне великолепный банкет и прием в духе истинно русского гостеприимства.

У. Черчилль. Вторая мировая война. (Визит в СССР в 1942 году)

Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов <...> из крошечных рюмок, делая <...> маленький глоток. Меня изрядно угощали.

У. Черчилль. Вторая мировая война. (Визит в СССР в 1942 году)

МЕНЮ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРИЕМОВ

Как известно, Людовик XIV не страдал отсутствием аппетита и за сутки мог забыть, что он заказал поварам. Для напоминания перед королем клали табличку «La cart de menu plai-sire» – «Список утонченного удовольствия». Таким образом, во Франции слово menu означает нечто тонкое, изящное, нежное. В России многие иностранные термины утрачивали свой первоначальный смысл. В нашем понимании меню – это перечень блюд, подаваемых к столу.

В данном разделе исследования представлены меню официальных приемов по случаю визитов в СССР иностранных правительственных делегаций, государственных и общественных деятелей, выявленных автором среди документов фонда Протокольного отдела Архива внешней политики Российской Федерации в период с 1944 по 1985 г.

Меню

завтрака в честь премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена 10 октября 1944 года, ул. Спиридоновка, 17 [1]

Икра зернистая,
Икра паюсная
Пирожки пай,
Кулебяка слоеная с рыбой
Балык белорыбий, семга
Осетрина заливная
Ветчина холодная с ланспигом

Ростбиф холодный «Англес»
Поросенок холодный с хреном Салат оливье
Помидоры свежие, огурцы кавказские, огурцы свежие, редис
Сыры разные, масло

Горячая закуска

Грибы белые в сметане Стерлядь разварная «Шенталье»
Индейка, куропатки, рябчики, цыплята с соленьем
Цветная капуста, спаржа, соус «Муслинг»

Парфе клубничное
Кофе
Фрукты
Ликеры
Миндаль жареный

Меню

завтрака в честь премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена 10 октября 1944 года, ул. Спиридоновка, 17 [2]

В стол

Помидоры, огурцы свежие, кавказские, редиска
Балык и лососина Сыры разные

В разное

Икра зернистая, паюсная Масло-расстегайчики

Обед

Уха из стерляди,
Консومه из дичи
Кулебячка,
Пирожки разные
Белорыбица разварная, соус шуанвиль
Де-воляй, филе-миньон
Цыплята, индейка, дичь
Цветная капуста
Бобы зеленые по-английски
Парфе клубничное, мороженое сливочное
Кофе, ликеры, фрукты, вина
Птифур, миндаль жареный

Схема рассадки на обеде 18 октября 1944 года Б.Ф. Подцероб

Меню

завтрака в честь де Голля 3 декабря 1944 года, ул. Спиридоновка, 17 [3]

Холодная закуска

Икра зернистая,
Икра паюсная
Кулебяка слоеная
расстегайчики
Балык, семга
Шамая копченая, селедка
Поросенок холодный с хреном

Завтрак

Стерлядь паровая в шалаге
Индейка, куропатки, цыплята с салатом
Цветная капуста, бобы, зеленый горошек
Персики «Мельба», парфе клубничное
Кофе, ликеры, фрукты

Миндаль жареный

Меню

обеда у Сталина в честь де Голля 9 декабря 1944 года [4]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Расстегайчики,
Буше
Балык, семга
Сельдь с гарниром
Шамаля копченая
Осетрина заливная
Поросенок холодный с хреном
Помидоры свежие
Огурцы кавказские
Сыры разные
Масло

Обед

Суп-крем из пулярды, пирожки разные
Белорыбица отварная, соус жуанвиль
Плов из молочного барашка, индейки, куропатки, цыплята жареные с соленьем и грозелью
Цветная капуста огратен
Пломбир ореховый
Мороженое клубничное
Кофе
Фрукты
Ликеры
Птифур
Миндаль жареный

Меню

завтрака у Н.М. Шверника в честь президента Чехословацкой республики Бенеша 20 марта 1945 года, ул. Толстого, 17 [5]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Расстегайчики,
Масло
Лососина, балык белорыбий
Осетрина заливная
Поросенок холодный с хреном

Огурцы и помидоры консервированные в стол

Завтрак горячий

Филе из белорыбицы в белом вине
Индейка, цыплята, куропатки с вареньем
Цветная капуста – соус муслин
Парфе ванильное
Птифур, кофе, фрукты

Меню

обеда у Сталина в честь президента Чехословакии Бенеша 28 марта 1945 года [6]

Холодные закуски

Икра зернистая и паюсная
Кулебячка слоеная с рыбой буше
Балык, семга
Осетрина заливная
Тарталетки ассорти
Поросенок холодный с хреном
Салат-паризьен из дичи
Огурцы кавказские
Огурцы свежие
Помидоры консервированные
Сыры разные
Масло

Обед

Суп-крем из кур,
Консоме борщок
Пирожки разные
Лососина разварная, соус жуанвиль
Плов из перепелов
Куропатки, рябчики, индейки
Цыплята с грозелью и соленьем, бобы зеленые, соус голландский
Пломбир с цукатом
Мороженое фруктовое
Кофе, птифур
Миндаль жареный

Меню

завтрака В.М. Молотова в честь И.Б. Тито 7 апреля 1945 года [7]

Холодные закуски

1. Икра зернистая,
2. Икра паюсная
- Кулебяка слоеная
3. Балык, семга
4. Осетрина итальянская
5. Поросенок холодный с хреном
6. Огурцы свежие
7. Огурцы кавказские
8. Помидоры консервированные
9. Сыры, масло

Горячие закуски

1. Лососина, соус малага
2. Ростбиф с гарниром и утка жареная с яблоками
3. Горошек «Англес»
4. Пломбир миндальный

Мороженое ванильное
Кофе
Фрукты
Птифуры
Миндаль жареный

Рассадка на завтраке у т. В.М. Молотова 7 апреля 1945 года в 14:30, ул. А. Толстого, 17
[8]

Абрамов		Фомин
Ристанович		Николаевич
Киселев		Гундоров
Крутиков		Попов
Антонов		Фалалеев
Приморац		Андреев
Садчиков		Деканозов
Симич		Шубашич
<u>Молотов</u>		<u>Микоян</u>
Тито		Джилас
Вышинский		Кузнецов
Петрович		Воронов
Голиков		Лаврищев
Молочков		Шепич
Кутузов		Подцероб
Сахаров		Григорович

Заявка на продукты [9]

Для организации банкета в югославском посольстве 9 апреля 1946 года (на 200 человек) было выделено: 10 кг зернистой икры, 25 кг сливочного масла, 28 кг свежего судака, 20 кг свежей белуги, 25 банок крабов, 40 кг индейки, 5 кг любительской колбасы, 15 кг вареной ветчины, 10 кг швейцарского сыра, 6 кг поросят, 20 л сливок, 15 кг балыка, 15 кг семги, 2 кг кофе, 100 кг картофеля, 400 штук апельсинов, 60 кг яблок, 8 кг конфет (трюфелей), 70 бутылок (0,5 л) водки «Московской», 15 бутылок коньяка (0,5 л), 40 бутылок (0,75 л) «Цинандали» белого, 20 бутылок (0,75 л) муската розового, 30 бутылок (0,75 л) портвейна 60 бутылок (0,8 л) сухого шампанского, нарзан, боржом 200 бутылок (0,5 л) и т. д. (всего 67 наименований).

Документ подписан директором ресторана «Метрополь» Д.Г. Гогиберидзе.

Меню

завтрака Шверника в честь президента Рады народов Б. Берута и премьер-министра и министра иностранных дел Временного правительства Польской Республики Э. Осубки 20 апреля 1945 года в 14:30, ул. А. Толстого, 17 [10]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Расстегайчики
Балык, семга
Салат оливье
Поросенок холодный с хреном
Огурцы свежие
Огурцы кавказские
Помидоры консервированные

Завтрак

Белорыбица отварная, соус жуанвиль
Индейка, цыплята, куропатки с вареньем
Цветная капуста огратен
Парфе ягодное, мороженое сливочное
Кофе, фрукты
Птифур, ликеры

Меню

обеда у Сталина в честь президента Рады народов Б. Берута 21 апреля 1945 года [11]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Кулебяка слоеная с рыбой буше
Балык, семга
Поросенок холодный с хреном
Салат-паризьен из дичи
Огурцы кавказские, свежие, помидоры консервированные

Сыры разные Масло

Обед

Суп-крем из кур

Консоме борщок

Пирожки разные

Нельма разварная, соус «Голланд»

Плов из перепелов

Куропатки, рябчики, индейки

Цыплята с грозелью и соленьем

Цветная капуста, горошек, бобы зеленые

Пломбир с цукатом, мороженое фруктовое

Кофе, пtiфур

Миндаль жареный

Список продуктов

**для завтрака в честь К. Черчилль от имени посла Великобритании А.К. Керра 2 апреля
1945 года [12]**

Название продуктов	Количество
Сливочное масло	6 кило
Топленое масло	2 кило
Молоко	8 литров
Сметана	4 литра
Сливки	2 литра
Сыр	2,5 кило
Яйца	100 шт.
Черной зернистой икры	2 банки
Красной икры	1 кило
Семги	0,5 кило
Балык	0,5 кило
Колбасных изделий	1 кило
Поросят	2 шт.
Индеек	3 шт.
Кур молодых	4 шт.
Рыбы	10 кило
Мяса	10 кило
Муки	10 кило
Сахар	6 кило
Шоколад	3 кило
Кофе	2 кило
Растительного масла	2 литра
Фруктов разных	10 кило
Лимонов	20 штук
В и н а	
Водки	3 литра
Шампанского	10 бутылок
Белого вина	12 бутылок
Красного вина	8 бутылок

Меню

завтрака у Шверника в честь К. Черчилль 9 мая 1945 года [13]

Икра зернистая и паюсная

Расстегайчики

Лососина с лимоном

Салат «Весна»

Поросенок холодный с хреном

Огурцы свежие, сыры, масло

Стерлядь в шампанском

Цыплята жареные, индейка

Горошек «Англез» в тарталетках

Пломбир ореховый
Кофе, фрукты, ликеры, птифур

Меню
обеда в честь маршала МНР Чойбалсана 7 июля 1945 года [14]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Расстегайчики
Балык
Семга
Шамая копченая, сельдь с гарниром
Осетрина заливная
Поросенок холодный с хреном
Салат оливье из кур
Огурцы свежие, малосольные, кавказские и помидоры
Сыры разные
Масло

Обед

Суп-крем из рябчиков,
Консоме де-воля
Пирожки разные
Лососина разварная, соус «Муслин»
Плов из молочного барашка
Телятина, цыплята, куропатки с салатом, соус голландский
Парфе ванильное
Мороженое клубничное
Кофе, фрукты, птифур
Миндаль жареный

Меню
обеда у Сталина в честь представителя Совета министров Румынии П. Грозы 7 сентября 1945 года в 20:00 [15]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная
Расстегайчики с вязигои
Масло
Семга-лососина
Поросенок холодный с хреном
Салат оливье
Салат из помидоров

Огурцы свежие, малосольные, кавказские, помидоры, редис
Сыры разные

Обед

Суп-крем, борщок
Стерлядь в шампанском
Жаркое: индейка, цыплята, рябчики, куропатки с соленьем
Цветная капуста – спаржа, соус «Муслин»
Парфе ванильное
Мороженое из свежих ягод
Кофе, пtiфур, фрукты, ликеры, вина
Миндаль жареный

Меню

приема у Сталина и Молотова в честь председателя Совета министров, министра народной обороны маршала И.Б. Тито, 1946 год [16]

Холодные закуски

Икра зернистая
Икра паюсная
Кулебяка с рыбой, семга, балык, осетрина холодная с гарниром
Поросенок холодный с хреном
Салат из свежих помидоров, редис, огурцы

Горячее

Стерлядь в шампанском
Консоме из дичи
Стерлядь паровая
Жаркое (индейки, цыплята, куропатки)

Десерт

Парфе клубничное, пtiфур
Мороженое сливочное, клубничное
Кофе
Торт, конфеты, печенье
Фрукты

Меню

обеда у Сталина в честь польской правительственной делегации во главе с президентом Крайовой рады народов Берутом 25 мая 1946 года [17]

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная,
Икра кетовая
Расстегайчики
Семга, севрюжка копченая
Балык белорыбий
Поросенок холодный с хреном
Салат оливье
Сыры разные
Масло сливочное
Грибы маринованные
Редиска
Помидоры свежие
Огурцы: свежие, малосольные, кавказские

Горячее

Суп-крем из кур
Консоме борщок
Пирожки разные
Стерлядь в шампанском
Барашек жареный
Жаркое: индейка, цыплята, рябчики
Цветная капуста, соус сухарный, горошек в масле

Парфе из свежих ягод
Кофе, птифур, фрукты, миндаль жареный

Меню

**обеда у Сталина в честь югославской правительственной делегации во главе с И.Б. Тито
8 июня 1946 года [18]**

Холодные закуски

Икра зернистая,
Икра паюсная,
Икра кетовая
Расстегайчики
Балык белорыбий
Семга
Шамаля копченая
Осетрина холодная с гарниром
Поросенок холодный с хреном
Салат из помидоров
Редиска
Масло сливочное
Огурцы свежие, малосольные, кавказские
Грибы маринованные

Горячее

Суп-крем из спаржи
Консоме из дичи
Стерлядь паровая
Жаркое: индейка, цыплята, куропатки
Салат, цветная капуста, соус сухарный

Мороженое сливочное, клубничное
Кофе
Птифур
Фрукты
Миндаль жареный

Меню

обеда у Сталина в честь чехословацкой правительственной делегации во главе с премьер-министром Запотоцким 14 декабря 1946 года [19]

Икра зернистая
Икра паюсная
Расстегайчики слоеные, масло
Икра кетовая
Балык белорыбий
Семга
Шамая копченая
Севрюга копченая
Стерлядь заливная
Поросенок холодный с хреном
Салат оливье из рябчиков
Огурцы свежие и кавказские
Помидоры свежие
Грибы маринованные
Сыры: швейцарский, голландский

Горячая закуска

Борщок из дичи
Суп-крем из фазанов
Стерлядь паровая
Жаркое: барашек молочный жареный, фазаны, куропатки с вареньем
Цветная капуста, соус голландский

Салат из мандаринов
Кофе, чай
Фрукты

Птифур
Миндаль жареный сладкий, соленый

Меню
обеда у Вышинского в честь Чжоу Эньлая 6 февраля 1950 года [20]

Икра зернистая и паюсная, расстегайчики
Семга, балык, лососина
Поросенок с хреном
Салат из крабов
Жюльен из дичи
Консоме и борщок с пирожками
Нельма отварная в белом вине
Чахохбили из кур с рисом
Капуста жареная с красным перцем
Парфе сливочное, миндаль жареный
Кофе, торт, печенье, конфеты, фрукты

Список приглашенных
на обед у т. А.Я. Вышинского в честь Чжоу Эньлая в понедельник, 6 февраля 1950 года,
в 20:00 [21]

С СОВЕТСКОЙ СТОРОНЫ	С КИТАЙСКОЙ СТОРОНЫ
Вышинский	Чжоу Эньлай
Меньшиков	Ли Фучунь — зампре­дседателя С. В. правительства
Громыко	Ван Цая-сян — посол
Зорин	Чен Бода — профессор, член ЦК
Рощин	У Сючуань — начальник отдела МИД
Еремин	Оу Янцын — секретарь парт­ор­ганизации в г. Дальнем
Мигунов	Лай Яли — начальник секретариата МИД
Подцероб	Азизов С. — зампре­дседателя провинц. Синьцзянского правительства
Молочков	Чжан Хуадун — замначальника департамента торговли
Курдюков	Люй Дун — замначальника департамента промышленности
Федоренко	Цзен Юнцюань
Васьков	Сюй Цзефань
Бушуев	Гэ Баоцюань
Кубышкин	Бянь Чжан-у — военный атташе
Лобанов	Дын Личюн — уполномо­чен­ный китайского МИД в Синьцзяне

Меню

обеда у Сталина в честь Мао Цзэдуна в Кремле 1 февраля 1950 года [22]

Икра зернистая, паюсная, кетовая
Балык белорыбий, семга, лососина
Севрюжка и шамая копченые
Стерлядь
Печень налима, крабы
Салат из дичи, фромаж из кур
Поросенок холодный
Помидоры и огурцы свежие
Сыры
Бульон с пельменями, харчо
Филе из лосо­сины в белом вине
Плов из перепелов, люля-кебаб с рисом
Жаркое — барашек молочный, утка,
цыплята, куропатки
Капуста цветная, горошек зеленый
Парфе из свежих ягод
Кофе, чай, фрукты, миндаль

Рассадка гостей

на обеде у т. И.В. Сталина в честь Мао Цзэдуна в Кремле 16 февраля 1950 года [23]

Е Цзелун	Молочков
Жигарев, ген.	Юмашев, ген.
Бян Чжан-у, ген.	Зорин
Васьков	Азизов
Ли Фучунь	Маленков
Каганович	Берия
Ворошилов	Ши Чже
Дин	Мао Цзэдун
<u>А.Я. Вышинский</u>	<u>И.В. Сталин</u>
Чжоу Эньлай	Шверник
Федоренко	Молотов
Булганин	Микоян
Василевский, марш.	Хрущев
Роцин	Ван Цзясян
Ло Ялу	Меньшиков
Штеменко, ген.	Чен Бода
У Сюцюань	Архипов
Мигунов	Оу Янцин

Примерное меню

для членов китайской делегации в 1950 году [24]

Рацион дня. 1-й день

		Вес готовой продукции, г	Цены в руб. и коп.
Завтрак	Масло сливочное	25	1.25
	Икра зернистая	50	7.85
	Сыр швейцарский	75	4.70
	Мясное ассорти	75	6.90
	Яичница натуральная из 3 яиц		4.85
	Какао с кексом		6.20
	Хлеб белый 72%	200	1.12
			32.87
Обед	Масло сливочное	25	1.25
	Икра зернистая	50	7.85
	Солянка сборная мясная жидкая		9.75
	Осетрина жаренная в жирах с гарниром		9.55
	Куры паровые с рисом		11.90
	Компот консервированный фрукт.		2.60
	Кофе черный		1.00
	Торт песочный кремовый	100	5.25
	Хлеб белый и черный	200	0.76
			49.91
Ужин	Масло сливочное	25	1.85
	Семга малосольная	75	7.05
	Шницель из кур		15.05
	Компот из яблок		1.75
	Кофе черный		1.00
	Хлеб белый 72%	200	1.12
			27.22

Стоимость дневного рациона – 170 руб.

**Меню
обеда у Сталина в честь У. Кекконена 14 июня 1950 года [25]**

Холодные закуски

Икра зернистая,
 Икра паюсная
 Расстегайчики с рыбой
 Масло
 Балык белорыбий, лососина
 Шамая копченая
 Поросенок холодный с хреном
 Ростбиф холодный с гарниром
 Ветчина холодная
 Салат «Весна»

Салат из дичи

Грибы маринованные, помидоры свежие, огурцы свежие, малосольные, кавказские

Редис

Сыры разные

Обед

Щи из свежей капусты,

Суп-крем из спаржи

Ватрушки и пирожки

Стерлядь в шампанском вине

Жаркое: барашек молочный

Фазаны, перепела, цыплята, салат

Мороженое из свежих ягод

Фрукты, кофе, кекс-печенье, миндаль жареный

Меню

**завтрака в честь исполнительного секретаря Европейской экономической комиссии
Мюрдаля 11 мая 1950 года, ул. А. Толстого [26]**

Завтрак

Коктейль

Холодные закуски

Икра зернистая, паюсная, расстегайчики

Масло

Лососина, балык

Салат «Весна»

Горячие блюда

Белорыбица в белом вине

Ростбиф, рябчики, цыплята

Парфе ореховое, птифур

Кофе, конфеты, фрукты

Вина, воды, папиросы

Меню

**обеда от имени представителя Совета министров СССР Г.М. Маленкова в честь
правительственной делегации УНДР во главе с председателем Кабинета министров КНДР
Ким Ир Сенем 19 сентября 1953 года [27]**

Икра зернистая, паюсная
Масло
Расстегайки
Сыры разные
Лососина, балык с лимоном
Сиг, шамаля копченая, осетрина заливная
Салат из дичи и крабов
Поросенок с хреном
Ветчина холодная, галантин из кур
Грибы маринованные с луком
Огурцы, помидоры свежие, маринованные, редис
Грибы в сметане, раковые шейки
Суп-крем из кур
Консоме, борщок с пирожками
Стерлядь в шампанском вине
Барашек жареный с рисом; телятина отварная
Жаркое из птицы и дичи
Цветная капуста, соус сухарный, спаржа
Парфе ореховое, мороженое фруктовое
Кофе, торт, пирожные, конфеты
Миндаль, фрукты

Меню

обеда в честь канцлера Австрии Рааба 14 апреля 1955 года [28]

Икра зернистая
Икра паюсная
Расстегаи слоеные
Масло сливочное
Сыр ярославский, швейцарский, сулугуни
Осетрина заливная
Лососина, балык
Шамаля, сиг копченые
Салат из крабов
Поросенок холодный
Ветчина
Рябчики фаршированные
Салат из дичи
Грибы маринованные
Огурцы свежие и консервированные
Помидоры свежие и консервированные
Редис
Крабы (кокот)
I
Уха из стерляди
Суп-крем из кур
Расстегайки, пирожки
II
Лососина разварная, соус яичный
Шашлык из барашка
Индейка жареная с салатом
Горошек зеленый, капуста цветная

Парфе ореховое, мороженое малиновое
Кофе, кекс, печенье, пирожное
Миндаль, фрукты, вина

Меню

обеда от имени К.Е. Ворошилова в честь президента Г.А. Насера в Кремле 29 апреля 1958 года [29]

Икра зернистая и баклажанная
Расстегайчики слоеные с рыбой
Ростбиф холодный
Салат «Весна»
Огурцы, помидоры, редис
Борщ московский
Суп-крем из овощей
Судак, соус паровой
Шашлык из барашка
Котлеты из цыплят с гарниром
Помидоры фаршированные с овощами
Морское ассорти
Кофе, пирожное, фрукты

Меню

завтрака в честь президента ОАР Египет Г.А. Насера 30 апреля 1958 года [30]

Икра зернистая и кетовая
Кулебяка слоеная с вязигой
Галантин из индейки
Салат столичный
Огурцы, помидоры, редис
Крабы в соусе
Филе из рыбы паровое
Люля-кебаб с лавашом
Медальоны из дичи
Валованы с овощами
Парфе клубничное с птифуром
Кофе, пирожное ассорти
Фрукты

Меню

обеда от имени К.Е. Ворошилова в честь президента Финляндии Урхо Кекконена 22 мая 1958 года [31]

Икра зернистая и кетовая
Салат рыбный
Ростбиф с гарниром
Огурцы, помидоры, редис
Суп раковый
Консоме борщок

Филе наваги с лимоном
Бифштекс рубленый с помидорами
Баклажаны фаршированные
Мороженое сливочное с ананасом
Кофе, чай, фрукты

Меню

завтрака от имени правительства СССР в БКД в честь правительственной делегации Иранской Республики во главе с министром национального руководства Фейсалом ас-Самаром 9 ноября 1950 года [32]

Икра зернистая
Расстегайки
Судак заливной
Салат из дичи
Помидоры, огурцы свежие
Форель по-восточному
Плов из барашка
Помидоры, фаршированные овощами
Груша в мадере
Кофе, пирожное ассорти, фрукты

Меню

завтрака в Кремле в честь президента Финляндии У.К. Кекконена 25 ноября 1961 года [33]

Икра зернистая, расстегаи
Судак заливной
Рябчики, фаршированные овощами
Помидоры, огурцы свежие
Суп-крем из кур
Лосось в шампанском
Бифштекс рубленый с гарниром
Персики «Мельба»
Кофе, пирожное ассорти
Фрукты

Меню

обеда президента Кубы Освальдо Дортикоса в Кремле 11 сентября 1961 года [34]

Икра зернистая
Кулебяка слоеная с вязигой
Судак, фаршированный крабами
Ассорти мясное
Уха из стерляди
Суп-пюре из кур
Белорыбица паровая
Филе куриное с овощами
Груша в мадере
Кофе, чай, пирожное ассорти
Фрукты

Меню

на сніданок від імені УК КП України і Ради Міністрів УРСР на честь Партиїно-Урядової делегації КНДР 2 липня 1961 року в будинку по вул. Кірова № 221 [35]

Закуси

Масло вершкове
Ікра кетова, сьомга з лимоном
Кури фаршировані
Карбонат
Ковбаса домашня
Яйце рублене
Помідори свіжі
Огірки свіжі, огірки малосольні
Салат із свіжих овочів

Гарячі страви

Осетрина парова, курчата смажені з картоплею і цвітною капустою
Кава з лимоном, чай з лимоном, фрукти та ягоди

Напої

Горілка з перцем, горілка «Столична», вино українське натуральне
Коньяк до кофе
Сок виноградний
Вода мінеральна
Вода солодка

Меню

завтрака в честь партійно-правительственной делегації КНДР во главе с Ким Ир Сеном 30 июня 1961 года [36]

Ікра зернистая
Кулебяка с вязигой
Галантин из цыплят
Салат овощной
Суп-пюре из крабов
Севрюга на вертеле
Плов из перепелов
Спаржа, капуста цветная
Персики «Мельба»
Чай, кофе, фрукты
Пирожное ассорти

Меню

завтрака в честь премьер-министра Финляндии Ахти Карьялайнена 21 февраля 1963 года [37]

Икра зернистая, кулебяка с рыбой
Форель фаршированная
Поросенок заливной
Салат из зелени
Суп-пюре из шампиньонов
Котлеты из телятины отбивные
Мороженое с персиком
Кофе, фрукты

Меню

завтрака от имени А.А. Громыко в честь председателя XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН и постоянного представителя Пакистана в ООН Зафруллы-хана 10 июня 1963 года на 12 человек, ул. А. Толстого, 17, особняк МИД СССР [38]

Икра зернистая – 6 порций
Масло сливочное – 12 порций
Семга с лимоном – 6 порций
Филе индейки – 6 порций
Огурцы, помидоры, редис – 12 порций
Жюльен из дичи – 12 порций
Судак в тесте – 6 порций
Филе из кур фаршированных – 12 порций
Салат из апельсинов – 12 порций
Кофе по-восточному – 35 порций
Фрукты: яблоки – 1 кг; апельсины – 1 кг
Водка столичная – 2 бутылки + 1 резерв
Коньяк отборный – 1 бутылка + 1 резерв
«Цинандали» – 2 бутылки + 1 резерв
«Мукузани» – 2 бутылки + 1 резерв
Шампанское – 2 бутылки + 1 резерв
«Твиши» (для коктейля) – 1 бутылка
Томатный сок – 1 бутылка
Минеральная вода – 8 бутылок
Фруктовая вода – 2 бутылки
Сигареты, папироски – 2 пачки
Конфеты разные – 12 шт.

Меню

завтрака от имени Громыко в честь госсекретаря США Раска (подписание договора о запрещении испытаний ядерного оружия), 6 августа 1963 года, Дом приемов [39]

Икра зернистая
Лососина с лимоном
Галантин из цыплят
Крабы под соусом
Суп-пюре из дичи
Судак в белом вине
Индейка с фруктами
Пломбир с вареньем
Кофе, фрукты

Меню

завтрака от имени А.А. Громыко в честь министра иностранных дел Федерации Нигерия Д. Вачуку 30 августа 1963 года [40]

Икра зернистая, кетовая
Расстегайчики, масло сливочное
Ассорти рыбное
Галантин из цыплят
Огурцы, помидоры, грибы в соусе
Бульон с пельменями
Судак в тесте
Мороженое, кофе, фрукты
Водка столичная, «Цинандали»
«Мукузани», шампань, коньяк отборный
Вода минеральная
Сигареты, соки (томатный и виноградный)

Меню

завтрака в честь завтрака от имени А.А. Громыко в честь постоянного представителя Пакистана в ООН Зафруллы-хана 10 июня 1963 года [41]

Икра зернистая
Масло сливочное
Семга с лимоном
Филе индейки
Огурцы, помидоры, редис
Жюльен из дичи
Судак в тесте
Филе из кур фаршированное
Салат из апельсинов
Кофе по-восточному
Фрукты: яблоки, апельсины
Водка столичная
Коньяк отборный
«Цинандали»
«Мукузани»
Шампанское
«Твиши» (для коктейля)
Томатный сок
Минеральная вода
Фруктовая вода
Сигареты, папироски
Конфеты разные
Цветы

Меню

завтрака от имени А.А. Громыко в честь госсекретаря США Д. Раска 6 августа 1963 года [42]

Икра зернистая
Лососина с лимоном
Галантин из цыплят
Крабы под соусом
Суп-пюре из дичи
Судак в белом вине
Индейка с фруктами
Пломбир с вареньем
Кофе, фрукты

Меню

завтрака в Кремле в честь представителя Совета министров, министра иностранных дел Непала Тулси Гари 23 октября 1963 года [43]

Икра зернистая, расстегайчики
Форель заливная
Индейка с фруктами
Овощи свежие
Суп-пюре из шампиньонов
Судак по-восточному
Люля-кебаб с лавашом
Спаржа, соус сухарный
Мороженое ассорти
Кофе, чай
Фрукты

Меню

завтрака от имени заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малика в честь правительственной делегации Кении 7 января 1966 года [44]

Икра зернистая
Ассорти рыбное
Филе индейки с фруктами
Шампиньоны в сметане
Осетрина по-московски
Седло барашка с овощами
Ананас в сиропе
Кофе, чай

Меню

завтрака от имени заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова в честь заместителя министра иностранных дел ОАР А. Феккиссуа 14 июля 1966 года [45]

Икра зернистая
Семга с лимоном
Помидоры, огурцы
Шампиньоны в сметане
Осетрина на вертеле
Седло барашка с овощами
Пломбир с фруктами
Кофе, чай
Пирожное ассорти

Фрукты

Меню

завтрака от имени А.Н. Косыгина в Большом Кремлевском дворце в честь генерального секретаря ООН У. Тана 26 июля 1966 года [46]

Икра зернистая, расстегаи
Севрюга отварная с хреном
Тетерев жареный с фруктами
Салат
Суп-пюре из кур
Филе рыбное фаршированное
Ассорти из птицы с овощами
Мороженое фруктовое
Кофе
Миндаль
Фрукты

Меню

завтрака в честь их превосходительств профессора Аминторе Фанфани, министра иностранных дел Итальянской Республики, и госпожи Фанфани 13 мая 1967 года [47]

Икра кетовая
Икра зернистая
Ассорти из рыбы
Дичь фаршированная
Борщок с пирожком
Осетрина по-московски
Котлеты из филе кур, фаршированные шампиньонами
Сливки взбитые с клубникой
Кофе
Чай
Фрукты

Меню

завтрака от имени А.А. Громыко в честь министра обороны Индии Сварана Сингха, Визит с 14 по 17 сентября 1967 года [48]

Икра зернистая
Крабы заливные
Индейка с фруктами
Бульон с овощами
Севрюга паровая
Чахохбили из кур
Пломбир сливочный
Чай, кофе
Фрукты

Меню

завтрака в честь партийно-правительственной делегации ГДР во главе с В. Ульбрихтом от имени Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР 12 декабря 1967 года [49]

Икра зернистая
Калач с рыбой
Стерлядь в желе
Куропатки жареные с вареньем
Салат
Суп-пюре из цветной капусты
Филе судака фаршированное
Шницель из индейки с овощами
Перепелки со сливками
Кофе, фрукты, миндаль

Меню

обеда от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, правительства СССР в честь президента СФРЮ, председателя Союза коммунистов Югославии И. Броз Тито с супругой. 29 апреля 1968 года, Дом приемов, Воробьевское шоссе [50]

Икра зернистая, расстегаи
Крабы натуральные с рыбным ассорти
Фазан жареный с фруктами
Салат «Весна»
Бульон-борщок с хачапури
Суп-пюре из спаржи
Форель паровая с шампиньонами
Шницель из индейки с овощами
Мороженое фруктовое
Чай, кофе
Миндаль
Фрукты

Меню

завтрака от имени А.А. Громыко в особняке МИД в честь министра иностранных дел ПНР С. Выдриховского 25 мая 1970 года [51]

Икра зернистая
Семга с лимоном
Галантин из цыплят
Бульон с цветной капустой
Осетрина с шампиньонами
Филе индейки с фруктами
Крем клубничный
Кофе, чай
Фрукты

Меню

обеда в Грановитой палате в честь короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха (неофициальный визит) 13 декабря 1971 года [52]

Икра зернистая
Блины русские с маслом и сметаной
Ассорти рыбное

Рябчик фаршированный с фруктами
Овощи свежие, салат
Суп-пюре из кур
Бульон с пирожком
Севрюга на вертеле
Котлеты бараньи в слойке
Пломбир с фейхоа
Кофе, чай
Миндаль
Фрукты

Меню

завтрака в честь господина Раймона Барра, премьер-министра Французской Республики, и госпожи Барр 29 сентября 1977 года [53]

Икра зернистая, расстегаи
Ассорти рыбное
Фазан, фаршированный паштетом
Овощи
Рассольник по-московски
Суп-крем из грибов
Шашлык из севрюги
Филе индейки с яблоками и черносливом
Крем «Мозаика»
Кофе, чай
Фрукты

Меню

обеда в честь их величеств короля Швеции Карла XVI Густава и королевы Сильвии 7 июня 1978 года [54]

Икра зернистая, блинчики с вязигой
Медальоны из лосося, фаршированные крабами
Телятина, шпигованная овощами
Овощи
Уха с расстегаями
Суп-пюре из дичи
Осетрина запеченная
Индейка с яблоками и черносливом
Парфе клубничное
Кофе, чай
Фрукты

Меню

обеда в честь генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета, премьер-министра Демократической Республики Афганистан Бабрака Кармаля. 16 октября 1980 года, Кремль [55]

Икра зернистая, расстегаи
Лососина с лимоном
Цыплята, фаршированные шампиньонами

Овощи
Бульон с овощами
Суп-пюре из дичи
Осетрина по-русски
Филе, соус «Мадера»
Пломбир сливочный с орехами
Фрукты
Кофе, чай

Меню

обеда в честь госпожи Индиры Ганди, премьер-министра Республики Индии. 20 сентября 1982 года, Кремль [56]

Икра баклажанная
Пирожки с грибами
Перец, фаршированный овощами
Овощи
Суп-пюре из спаржи
Кабачки фаршированные
Рулет с черносливом
Пломбир сливочный с персиками
Фрукты
Кофе, чай

Меню

обеда в честь председателя МПЛА труда, президента Народной Республики Анголы товарища Жозе Эдуарду Душ Сантуша 16 мая 1983 года, Кремль [57]

Икра зернистая, расстегаи
Филе индейки с фруктами
Овощи
Чихиртма
Семга паровая с креветками
Филе вырезки по-восточному
Мороженое клюквенное
Фрукты
Кофе, чай

Меню

обеда от имени президента Верховного Совета СССР в честь президента Франции Ф. Миттерана 21 июня 1984 года, Грановитая палата [58]

Ассорти рыбное
Поросенок отварной
Овощи
Бульон с грибными ушками
Котлета по-сахалински
Бифштекс на углях
Парфе клубничное
Фрукты
Кофе, чай

Меню

обеда в честь премьер-министра Греческой Республики А. Папандреу 11 февраля 1985 года, Кремль [59]

Икра зернистая, кулебяка с визигой
Медальоны из индейки, фаршированные
черносливом
Овощи
Суп-пюре из спаржи
Севрюга по-московски
Шницель по-столичному
Пломбир ананасный
Фрукты
Кофе, чай

В период Великой Отечественной войны Москву неоднократно посещали официальные представители государств, входивших в антифашистский альянс. В рамках этих визитов от имени членов советского правительства и лично И.В. Сталина устраивались завтраки и обеды^[36].

В большинство меню военного времени входили: икра зернистая и паюсная; огурцы кавказские, консервированные; кулебячка или расстегайчики; балык (семга или лососина); поросенок холодный с хреном; борщок; консоме; индейки, куропатки (с салатом); цыплята жареные; кофе; фрукты; сыры (ассорти); миндаль (жареный); мороженое (из свежих ягод, клубничное, сливочное, пломбир с орехами); парфе (ванильное, клубничное, шоколадное).

Блюда национальной кухни тех стран, откуда прибыли гости, в меню практически отсутствуют. Исключение составляют меню завтрака на Спиридоновке, 17 (10 октября 1944 года) и обеда И.В. Сталина (18 октября 1944 года) в честь премьер-министра Великобритании У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена, в первом представлен «ростбиф холодный Англес», во втором – «бобы зеленые по-английски».

В то же время на обедах у Сталина в честь де Голля (9 декабря 1944 года), президента Чехословакии Бенеша (28 марта 1945 года) и президента Рады народной Б. Бейрута (21 апреля 1945 года) подавали в том числе плов (из молочного барашка на обеде в честь де Голля и из перепелов – в честь Бенеша и Б. Бейрута), который трудно отнести к традиционным блюдам французской, чешской или польской кухни.

Сложно причислить к блюдам английской кухни и стерлядь в шампанском на завтраке Шверника в честь К. Черчилля 9 мая 1945 года.

Меню обеда в честь маршала МНР Чойбалсана (7 июля 1945 года) практически не отличается от меню, предлагаемых официальным гостям из Европы.

Меню послевоенного времени составлены в целом из тех же блюд, что меню первой половины 40-х годов. Наименования русских блюд (пирожки, расстегайчики, борщок) соседствуют в них с французскими (консоме, парфе, бриош, профитроли, валованчики).

В 1950 году на обеде у А.Я. Вышинского (6 февраля) в честь Чжоу Эньлая и на обеде у Сталина (16 февраля) в честь Мао Цзэдуна подавались блюда кавказской кухни – чахохбили из кур с рисом и харчо.

Таким образом, при составлении кремлевских меню авторы ориентировались не на вкус гостей, а хозяев, и в первую очередь на вкусы вождя.

Во время Ялтинской конференции на одном из обедов в присутствии Черчилля и Рузвельта, чтобы усилить впечатление от набора великолепных блюд и изысканной сервировки, Сталин отметил, что, несмотря на опустошение почти всей Белоруссии, Советский Союз развивается успешно: «Нам не хватает, – с юмором сказал он, – только олова, резины и ананасов» [60].

Таким образом, главная цель официальных сталинских приемов – ошеломить партнера представленным меню с акцентом на русские деликатесы.

В первые годы после смерти вождя количество блюд, подаваемых к столу на официальных приемах, практически не изменилось в сравнении с началом 40-х годов – обед – 24–27, а завтрак – 14–17 наименований. Период «сдержанности» в проведении советских застолий в честь иностранных правительственных делегаций начинается в 1958 году (обед – 11–13, завтрак – 10–11 блюд) одновременно с утверждением «Памятки министерствам и ведомствам по некоторым вопросам организации работы с приезжающими в Советский Союз иностранными делегациями» (в которой нет рекомендаций по организации приемов, но которая избавляет от излишней помпезности церемонию встречи и делает более «лаконичной» саму программу пребывания) и продолжается до середины 80-х годов. Меню обеда в честь президента Франции Ф. Миттерана (1984) – 9 наименований, а обеда в честь премьер-министра Греческой Республики А. Папандреу (1985) – 10 (включая напитки).

Список блюд на приемах стал короче, но не стал «скромнее», по-прежнему, как и в начале 40-х годов, к столу подавали икру зернистую, расстегаи, рябчиков жареных, борщок, суп-пюре, стерлядь в шампанском, семгу паровую с креветками, севрюгу по-московски, осетрину по-русски и т. д.

Но то, что было вызывающим в военное время, выглядело достойно в конце 50-х – второй половине 80-х годов, когда Советский Союз мог удивить партнеров не только деликатесами русской кухни, но и реальными достижениями в восстановлении и развитии экономики Советского государства.

Заключение

К началу Первой мировой войны Российская империя – это государство, с мнением которого нельзя было не считаться, придворные церемониалы подчеркивали силу и могущество правящей династии, являлись политической программой власти.

Дореволюционный протокол имел в своей основе серьезную правовую базу, состоящую из юридических документов, разработанных в России, и положений, принятых на Венском конгрессе в 1815 году.

В первые годы советской власти представители рабоче-крестьянского правительства пытались игнорировать нормы дипломатического протокола и этикета, мотивируя это тем, что в их основе лежит чуждая для молодой Советской республики буржуазная мораль. Но уже в начале 20-х годов становится очевидно, что невозможно выстраивать партнерские отношения с зарубежными странами без соблюдения общепринятых европейских норм, традиций и условностей в международном общении. Такая позиция сформировалась не только под влиянием объективных причин, но и с учетом субъективного фактора. В данном случае имеется в виду то обстоятельство, что и народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин, и начальник Протокольного отдела НКВД Д.Т. Флоринский (принятый на работу во внешнеполитическое ведомство Российской империи еще в 1913 году) в силу своего происхождения, воспитания и образования являлись носителями общепринятых европейских традиций в международном общении.

В период руководства НКВД Г.В. Чичериным Протокольный отдел под началом Д.Т. Флоринского – это коллектив творческих личностей, которые, не боясь экспериментировать, разрабатывали нормы протокольной практики, актуальные на протяжении десятилетий. Так, составленная в 1923 году Д.Т. Флоринским «Краткая инструкция о соблюдении правил принятого в буржуазном обществе этикета» была взята за основу при создании в 1935 году нового пособия по протоколу «Дипломатическая техника» (переиздано в 1938 году).

Хотелось бы отметить, что с начала 20-х по начало 30-х годов документы фонда Протокольного отдела написаны не сухим канцелярским, а литературным русским языком.

С первых лет своего существования Протокольный отдел НКВД (до 12 ноября 1923 года – протокольное подразделение (протокольная часть) принимал активное участие в подготовке зарубежных визитов в РСФСР, а с 1923 года – в СССР).

В 20–30-х годах сотрудники Протокольного отдела находились буквально на «передовой» дипломатических отношений, формируя основы советской протокольной практики.

Но если в 1921 году деятельность протоколистов НКВД ограничивалась представлением и сопровождением гостей, а также составлением на них характеристик (визит арабской делегации), то уже в 1925 году разработана тематическая программа визита в СССР кантонского министра.

Отчеты Д.Т. Флоринского и комментарии к ним Г.В. Чичерина наполнены интересными деталями, передающими атмосферу, дух времени, в них много юмора, самоиронии. Изящные по форме, они весьма глубоки по содержанию. Чичерин и Флоринский тщательно анализируют каждую возникающую во время визитов ситуацию не с целью покарать виновных, а чтобы в дальнейшем подобные ошибки протокольной службы не дискредитировали представителей власти, для многих из которых европейский дипломатический протокол – внешнее проявление буржуазной морали.

Попытка «примирить» европейский этикет и восточные традиции, а также приспособить их к новым практическим реалиям советского бытия состоялась в 1928 году, при подготовке и проведении первого в истории СССР визита главы иностранного государства – падишаха Афганистана Амануллы-хана.

При составлении программы визита сотрудники Протокольного отдела должны были помнить о том, что «пышность чужда самому духу нашей страны» и к тому же в СССР не думают, что «внешний блеск и пышность приема являются выражением дружеских отношений».

Г.В. Чичерин, контролируя весь ход подготовки визита, демонстрирует при этом великолепное знание дипломатического протокола; его замечания точны, обоснованны (с точки зрения политической целесообразности) и тактичны. В частности, он обращает внимание на то, что в программе отведено недостаточно времени для деловых переговоров, не указаны виды приемов, что нельзя писать в приглашении «костюм – фрак» и т. и. При встрече падишаха эскадрилья самолетов сопровождала его поезд от Можайска до Москвы, на перроне был выстроен почетный караул, население приветствовало гостя на улицах столицы, падишах посетил Мавзолей и т. д. Эти и другие составляющие программы визита Амануллы-хана станут на долгие годы нормами советской протокольной практики.

Военная часть программы была разработана особенно тщательно, с учетом пожеланий самого гостя. В то же время впервые создается так называемая женская программа для супруги падишаха. Путешествие Амануллы-хана вместе с женой было положительно воспринято в Европе, но на Востоке вызвало негативную реакцию. Д.Т. Флоринский, находясь в Тегеране, смог лично убедиться в том, как нарушение общепринятых норм поведения влияет на имидж государственного деятеля, на его политический авторитет и будущую карьеру.

В 20-х – начале 30-х годов одна из главных проблем в работе Протокольного отдела заключалась в том, что участники дипломатических церемоний с советской стороны в большинстве своем ни практически, ни психологически не были готовы к общению со своими зарубежными коллегами. «Спасали» ситуацию бывшие сотрудники МИД имперской России, и прежде всего Д.Т. Флоринский, который, не будучи членом партии, возглавлял Протокольный отдел НКВД СССР вплоть до своего ареста в 1934 году. С уходом Г.В. Чичерина и Д.Т. Флоринского заканчивается «романтический» период в истории советского протокола – время дерзких поисков и решений, надежды избежать влияния идеологического фактора на протокольные нормы.

В 1935 году заведующим Протокольным отделом НКВД был назначен В.И. Барков, который продолжил начатый Д.Т. Флоринским процесс «упрощения» дипломатического этикета. Так, при нем фрак был отменен как форма одежды для вечерних приемов в Москве. В 30-х годах по-прежнему не существовало единой схемы встреч и проводов глав официальных зарубежных делегаций, организации приемов, переговоров и т. д. На эту проблему, от имени всего дипломатического корпуса, обратил внимание сотрудник НКВД польский поверенный в делах во время их беседы 1 февраля 1935 года. На этой встрече советская сторона предъявила претензии зарубежным дипломатам, аккредитованным в Москве, которые не встают во время исполнения «Интернационала». В ответ на это польский дипломат заметил, что в СССР не разработан протокольный церемониал, а для большинства дипломатов «Интернационал» – революционная песня, а не гимн.

В 30—40-х годах протокольная практика визитов строилась на основе прецедента. Содержание программы определялось решением специальной комиссии.

В период с 1934 по 1937 год большинство иностранных делегаций, прибывавших в Москву с официальным визитом, возглавляли министры иностранных дел. Программа пребывания гостей в Москве включала: встречи с Калининым, Молотовым, Литвиновым; посещение музеев

Московского Кремля, метрополитена, ГАБТа; экскурсию по Москве, а с 1937 года – поездку на канал Москва – Волга.

В 1937 году в НКВД поступил на службу Ф.Ф. Молочков, который в 1941 году, после ареста В.Н. Баркова (осужденный на 20 лет, Владимир Николаевич отсидел 17 лет и был реабилитирован в 1958 году), возглавил Протокольный отдел. Ф.Ф. Молочков по праву считается «классиком» советского протокола.

Первый этап его деятельности (с 1941 по 1950 год) пришелся на один из самых драматичных периодов Отечественной истории – военные и первые послевоенные годы. Будучи крупным специалистом в своей области, Федор Федорович оказался в то время, на наш взгляд, заложником определенных идеологических установок и субъективных факторов, поэтому его самостоятельность в выборе конкретных протокольных норм при составлении программ визитов была незначительной. Определяющим являлось слово вождя, его позиция по данной проблеме. Так, организация в Кремле в военное время щедрых застолий являлась, по мнению Сталина, свидетельством могущества государства.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, а 4 декабря 1941 года на обеде в Кремле в честь польских союзников подавали стерлядь в шампанском, нельму отварную, индейку, рябчиков, цыплят, спаржу и т. д. В нормах церемониала заключается не только идеология, но и социальная психология общества, без адекватного истолкования которой трудно понять и оценить поведение государственных деятелей в отдельных ситуациях.

Помимо устройства кремлевских банкетов протокольное наполнение программ зарубежных визитов осуществлялось за счет организации переговорного процесса и вручения подарков. Что касается второй составляющей, то единого подхода к решению этой проблемы не существовало.

Ассортимент кремлевских даров весьма разнообразен. Если в 1944 году У. Черчилль получил в качестве официального подарка икру, водку, папиросы, то его супруга в 1945 году – бриллиант (5,58 карата). «Продуктовый набор» премьер-министра – это скорее свидетельство особых дружеских отношений, так как в 1944 году Черчилль еще «свой парень», а «своим» можно подарить и водку. В свою очередь К. Черчилль «заслужила» бриллиант за организацию в годы войны помощи СССР. В этой связи невольно возникает вопрос – за какие заслуги жены и дочери советских руководителей получали от иностранных гостей весьма ценные подарки (платиновые часы с бриллиантами дочери Сталина от И.Б. Тито и т. д.)?

Визит К. Черчилль – первый самостоятельный визит супруги государственного лидера в СССР. «Женский визит» заставил сотрудников Протокольного отдела отступить от «мужского кодекса» советского протокола, в котором присутствие женщин на официальных приемах не приветствовалось. Ситуация начала меняться в марте 1945 года во время визита в Москву президента Чехословакии Бенеша с супругой: члены делегации приглашались на обед к Сталину (28 марта) вместе с женами.

Если в программе визита в СССР Мао Цзэдуна (конец 1949 – начало 1950 года) основное место отводилось переговорам и приемам, то в 1952 году китайским гостям была предоставлена возможность изучить плановую работу, технологию и организацию производства на промышленных предприятиях в Москве, Свердловске, Сталинграде и других городах (многие заводы являлись стратегическими объектами). «Невиданная щедрость» Кремля являлась выражением не просто дружбы, а «братской любви» советского народа к китайским товарищам.

Свидетельством особых «родственных» отношений между лидерами социалистических государств станет традиция посещения ими СССР летом и в начале осени вместе с близкими родственниками. В таких случаях Протокольный отдел разрабатывал одновременно две программы: деловую и неофициальную (отдых, лечение, поездки по стране).

В 1955 году начался второй этап деятельности Ф.Ф. Молочкова во главе Протокольного отдела. Будучи талантливым организатором и тонким дипломатом, Молочков вместе с сотрудниками своего отдела стремился создавать сбалансированные программы, отвечающие целям и характеру визита, но, как и в предыдущие годы, работа Протокольного отдела напрямую зависела от решений партии и правительства.

Чем активнее советский Союз боролся с США и западноевропейскими государствами «за друзей», тем помпезнее становились официальные мероприятия, организованные в честь возможных союзников.

Сразу несколько новых протокольных элементов появилось в июне 1956 года в программе пребывания в СССР шаха Ирана: встреча на подступах к Москве самолета гостя эскадрилей истребителей; сопровождение автомобиля шаха эскортом мотоциклистов до его резиденции в Кремле.

Некоторые «пируэты» советского протокола вызывают немало вопросов. В первую очередь это относится к выбору места размещения главы Ирана. В Кремле, впервые в истории Советского государства, поселился не лидер одной из стран социалистического лагеря, а коронованная особа, имевшая неограниченную власть в своей стране после разгона меджлиса.

В августе этих же почестей был удостоен президент Индонезии Сукарно, в честь которого в 1961 году впервые прозвучал салют (21 залп). Следует отметить, что артиллерийский салют был запланирован еще во время церемонии встречи падишаха Афганистана в 1928 году, но тогда он был отвергнут по инициативе И.С. Уншлихта как буржуазный пережиток.

«Простота», к которой стремились Чичерин, Флоринский и Барков, осталась в прошлом. На смену «кремлевским романтикам» пришли «кремлевские циники». Хрущев, так же как и Сталин, стремился, используя в том числе язык протокола, ошеломить союзников экономической и военной мощью первого в мире социалистического государства. Гастрономические изыски кремлевских приемов в сочетании с невиданными подарками (в 1956 году И.Б. Тито, первому из лидеров зарубежных стран, был преподнесен самолет) должны были убедить гостей в устойчивом развитии и потенциальных возможностях СССР.

По мере развития международных связей СССР нормы протокола Советского государства развивались в сторону повышенного внимания к церемониальной части, при этом правила приема иностранных гостей определялись решениями высших партийных органов, которые давали рекомендации МИД СССР. Нормативного документа, обобщающего правила дипломатического протокола, по-прежнему не было.

Первая систематизация норм, правил и церемониала приема иностранных делегаций была проведена во второй половине 50-х годов. В августе 1957 года по инициативе Министерства иностранных дел был утвержден специальный нормативный документ, в котором предлагалось установить единый строгий порядок: не позднее чем за десять дней до приезда составлять программу пребывания, назначать работников, отвечающих за конкретные участки работы (организацию встречи и проводов гостей, размещение, транспорт, проведение протокольных мероприятий, культурно-бытовое обслуживание).

В апреле 1958 года Протокольный отдел разослал министерствам и ведомствам памятку по некоторым вопросам организации работы с приезжающими в СССР иностранными делегациями – первый писанный нормативный акт, регламентировавший все аспекты организации визитов высоких иностранных гостей.

Не позднее чем за десять дней до приезда делегации министерство или ведомство, пригласившее делегацию, составляет предварительную программу ее пребывания в СССР. Программа утверждается руководителем министерства или ведомства, а в необходимых случаях вносится на рассмотрение Совета министров СССР.

Программа состоит из следующих элементов: порядок встречи делегации на границе и в Москве, протокольные мероприятия, порядок обслуживания (размещение), питание, транспорт, деловая часть программы, поездки по СССР, проводы делегации.

При составлении порядка встречи решается вопрос о целесообразности посылки на границу одного-двух человек от министерства или ведомства для организации встречи делегации. В обязанности сотрудников, встречающих делегацию на границе, входит содействие гостям в прохождении пограничных и таможенных формальностей, обеспечение следования от границы до Москвы (места в поезде, питание, обслуживание) и т. д. В зависимости от состава делегации и цели ее приезда во встрече могут принимать участие представители местных властей и общественности.

Во время встречи в Москве количество и состав встречающих определяется в каждом конкретном случае. Как правило, встречу возглавляет руководитель министерства или сотрудник, служебное положение которого соответствует служебному положению главы делегации, который, так же как и возглавляющий встречу, готовит приветственную речь. Гостям преподносятся цветы. Заранее составляется порядок рассадки членов делегации по автомашинам и сопровождения в автомашинах членов делегации с советской стороны.

Схему встречи составляет и руководит ею, от выхода делегации из самолета (поезда) и до посадки в автомашины, специально выделенные для этого лицо.

Протокольные мероприятия включают в себя протокольный визит руководителя делегации или всей делегации к руководителю пригласившего министерства, а также другие визиты в соответствии с пожеланиями делегации. В первые дни пребывания гостей в СССР (предпочтительнее на второй день) от имени руководителя пригласившего министерства делегации дается завтрак (13:30 – начало), а накануне отъезда – прием типа фуршет или обед (начало не ранее 19:30). В отдельных случаях предусматривается вручение делегации недорогих подарков (сувениров), которые подбираются заранее.

Деловая часть программы предусматривает встречи делегации с советскими представителями, церемонию подписания документов, пресс-конференцию от имени делегации. В случае необходимости планируются встречи с руководителями партии и правительства.

План ознакомления делегации со страной включает показ отдельных промышленных, сельскохозяйственных, научных и культурных объектов в Москве, которые наиболее подготовлены для этой цели. Города и местности, запрещенные для посещения иностранцев, могут быть включены в программы визитов делегаций стран народной демократии только с разрешения Генштаба и КГБ СССР.

В плане поездки по стране – посещение городов и местностей СССР, визиты представителям местных властей, осмотр промышленных, сельскохозяйственных, научных и культурных объектов, проведение протокольных мероприятий, материальное обеспечение поездки (транспорт, размещение, питание, обслуживание).

Порядок проводов делегации обычно оставался таким же, каким был при встрече, при этом в документе подчеркивалось, что воинские почести – почетный караул, исполнение гимнов, вывешивание флагов – оказывались главам государств, правительств и военных делегаций. Если делегации возглавлялись лицами, являющимися членами правительства, то при их приезде вывешивались флаги. В других случаях вопрос о вывешивании флагов при встрече делегаций согласовывался с Протокольным отделом МИД СССР.

Несмотря на принятый документ, схема встречи и проводов зарубежных делегаций, наполнение программы визита по-прежнему зависело от того, к какому лагерю, капиталистическому или социалистическому, принадлежит страна, насколько заинтересован СССР в построении партнерских отношений с этим государством.

Официальной классификации визитов не существовало, но условно их можно разделить на три категории:

- визиты делегаций государств социалистического лагеря;
- визиты делегаций капиталистических стран;
- визиты делегаций стран Азии, Африки и Латинской Америки, стран Дальнего и Ближнего Востока.

Как уже отмечалось выше, к концу 50-х годов схемы встреч и проводов зарубежных делегаций были сформированы и незначительно отличались друг от друга в зависимости от официального статуса лидера делегации.

Что касается программ пребывания, то для каждой из предложенных категорий были свои особенности.

Одно из существенных отличий визитов делегаций социалистических стран – организация митингов дружбы, на которых лидеры государств обменивались речами. Что касается поездок по стране, то они согласовывались с прибывающей стороной и составлялись исходя из взаимных пожеланий и возможностей.

Наибольшей популярностью у зарубежных гостей, независимо от политического строя и географического положения, пользовались такие города, как Ленинград и Киев. Ленинград был важен не только с политической точки зрения, но и как город, являющийся одним из главных центров культуры, науки и образования в СССР. Киев (и вся Украина в целом) демонстрировал безграничные возможности социалистической системы. Все гости, без исключения, выражали свое восхищение темпами роста украинской промышленности в Запорожье, Днепропетровске и других городах.

Что касается пребывания в Москве, то здесь также трудно найти существенные отличия в программах визитов делегаций различных государств. Обязательными являлись встречи с руководителями Советского государства и членами правительства.

При этом президенты и коронованные особы в первую очередь наносили визит председателю Верховного Совета СССР, а в случае, если делегацию возглавлял партийный лидер или глава правительства, то состоялась встреча с председателем Совета министров СССР.

Пребывание в Москве предусматривало: завтраки и приемы в БКД от имени Президиума Верховного Совета СССР, обед от имени ЦК КПСС в БКД (в большинстве случаев во время приезда партийного лидера зарубежного государства), официальное посещение Большого театра (правительственная ложа декорирована флагами, перед началом спектакля звучат гимны), осмотр Кремля (Оружейная палата), метрополитена, посещение МГУ, ВДНХ, Третьяковской галереи.

8 января 1976 года ЦК КПСС постановил одобрить предложение МИД «Об основных положениях протокольной практики в СССР», согласно которым все визиты делегаций, партийных и государственных деятелей по характеру приема подразделялись на официальный визит, деловой визит, неофициальный визит, визит проездом.

– Официальный визит – визит партийно-правительственной делегации во главе с первым секретарем ЦК партии социалистической страны; первого секретаря ЦК партии социалистической страны; государственной или правительственной делегации, возглавляемой главой государства или правительства; главы государства и главы правительства. При официальном визите митинг дружбы проводится только по решению ЦК КПСС, которым определяется уровень и характер митинга.

– Деловой визит – прибытие партийного, государственного деятеля или делегации на переговоры, консультации, для участия в международных совещаниях и конференциях, совещаниях СЭВ, ЦКК Варшавского договора, для открытия национальной выставки, подписания договора, соглашения и др. (по договоренности сторон).

– Неофициальный визит – приезд государственных и партийных деятелей в СССР на отдых, лечение.

– Визит проездом (транзитом) через территорию СССР.

Цель предложений, изложенных в документе: освободить членов Политбюро от участия в некоторых протокольных мероприятиях; по возможности упростить церемониал; обеспечить более экономное проведение протокольных мероприятий.

В ходе исследования нам не удалось обнаружить документов с негативной оценкой деятельности сотрудников Протокольного отдела со стороны членов официальных зарубежных делегаций, в большинстве случаев гости оставались довольны работой советских протоколистов.

Общественно-политический строй накладывал отпечаток на протокольные нормы, тогда как протокол консервативен и должен существовать вне политики. В противном случае международная вежливость становится международным хамством, которое не способствует укреплению международных отношений.

История протокола – история дипломатии. Во второй половине 70-х годов советский дипломатический протокол – это сформированная система «норм, традиций и условностей», соблюдаемых в международном общении.

Анализируя историю формирования советского протокола, нельзя недооценивать человеческий фактор. Наследие Г.В. Чичерина, Д.Т. Флоринского, Ф.Ф. Молочкова – основа для последующих практических разработок в области протокола, которые и в настоящее время являются инструментом созидания в мировой политике.

Примечания

Введение

1. *Основные* положения государственной протокольной практики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 2004 г. № 1183. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.stategovernor.admhmao.ru/upload/iblock/870/osnovnye_polozheniya_gosudarstvennoy_protokolkoy_praktiki_rossiyskoy_federatsii.doc (дата обращения 12.08.2016).

2. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. М., 2008. С. 363.

Дореволюционная история зарубежных визитов

1. *История* Отечества в лицах: Биографическая энциклопедия. М., 1993. С. 14.
2. *История* дипломатии. М., 2009. С. 139.
3. *Попов В.И.* Жизнь в Букингемском дворце. М., 1993. С. 93.
4. Там же. С. 94.
5. *Дневник* императора Николая II. 1890–1906. М., 1991. С. 224.
6. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 245.
7. Цит. по: *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2001. С. 44.
8. *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 196.
9. Там же. С. 243.
10. Там же. С. 244.
11. *Великий князь Гавриил Константинович.* М., 2001. С. 211.
12. Там же.
13. Там же. С. 177.

Глава 1

1920-е годы

ВИЗИТ АРАБСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, ПРИЕЗД В МОСКВУ Ф. НАНСЕНА, ЗАВТРАК В ИТАЛЬЯНСКОЙ ТОРГОВОЙ МИССИИ Д.Т. ФЛОРИНСКОГО, ВИЗИТ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 1. П. 101. Д. 2. Л. 2.
2. Там же. Л. 3–4.
3. Там же. Л. 21.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. Л. 28.
7. Там же. Оп. 2. П. 101. Д. 1. Л. 1.
8. Там же. Л. 2.
9. Там же. Л. 2 об.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
24. Там же. Л. 18.
25. Там же.
26. Там же. Л. 19.
27. Там же.
28. Там же. Л. 20.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же. Л. 22.
32. Там же. Л. 3.
15. Там же. Л. 8.
16. Там же. Л. 9.
17. Там же. Л. 10.
18. Там же. Л. 11.
19. Там же. Л. 13.
20. Там же. Л. 14.
21. Там же. Л. 16.
22. Там же. Л. 16–17.
23. Там же. Л. 17.

ВИЗИТЫ КИТАЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. ДОСЬЕ НА ДИПЛОМАТОВ ИЗ ПЕРСИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ, ЭСТОНИИ И ЯПОНИИ. ВИЗИТ Л.Д. ТРОЦКОГО И ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НА ОТКРЫТИЕ ШАТУРСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 5. П. 102.

Д. 5. Л. 1.

2. Там же.

3. Там же. Л. 3.

4. Там же.

5. Там же. Л. 7.

6. Там же. Л. 8.

7. Там же. Л. 29.

8. Там же. Л. 35–36.

9. Там же. Д. 7. Л. 1.

10. Там же. Л. 21.

11. Там же.

12. Там же. Л. 21 об.

13. Там же. Л. 22.

14. Там же. Л. 9.

15. Там же. Л. 9—10.

16. Там же. Л. 10.

17. Там же.

18. Там же. Л. 10–11.

19. Там же. Л. 11.

20. Там же.

21. Там же. Л. 12.

22. Там же. Л. 14.

23. Там же.

24. Там же. Л. 15–16.

25. Там же. Л. 16–17.

26. Там же. Л. 18.

27. Там же. Л. 19.

ПРИЕМЫ «МОРЯКОВ МОРЯКАМИ». ВИЗИТЫ В ЛЕНИНГРАД ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЕННОГО КОРАБЛЯ «МИРАБЕЛЛО» (1924 И 1925). ВИЗИТ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ В АВГУСТЕ 1924 ГОДА В ИТАЛИЮ. ВИЗИТ ИТАЛЬЯНСКОЙ МИНОНОСНОЙ ФЛОТИЛИИ В ЛЕНИНГРАД В 1925 ГОДУ, ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ СОВЕТСКОЙ ЭСКАДРЫ В ИТАЛИЮ (1925)

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 4. П. 101. Д. 3. Л. 5.

2. Там же. Л. 5.

3. Там же. Л. 6.

4. Там же.

5. Там же. Л. 7.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же. Л. 8.

9. Там же. Оп. 5. П. 102. Д. 2. Л. 1.

10. Там же. Л. 1.

11. Там же. Л. 1–2.

12. Там же. Л. 2.

13. Там же. Л. 2–3.

14. Там же. Л. 3–4.

15. Там же. Л. 5.

21. Там же. Л. 34.

16. Там же. Л. 5 об.

17. Там же. Л. 10.
18. Там же. Л. 11.
19. Там же. Л. 23.
20. Там же.
22. Там же. Л. 30.
23. Там же. Л. 31.
24. Там же. Оп. 9. П. 107. Д. 5. Л. 63.
25. Там же.

ВИЗИТ ПАДИШАХА АФГАНИСТАНА АМАНУЛЛЫ-ХАНА – ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В СССР ГЛАВЫ ЗАРУБЕЖНОГО ГОСУДАРСТВА

1. Аманулла-хан (1892–1960) – афганский король в 1919–1929 годах. В 1919 году возглавил освободительную войну против Великобритании, добился признания полной независимости Афганистана, в 1921-м заключил с РСФСР дружественный договор, в 1926-м – договор с Советским Союзом о нейтралитете и взаимном ненападении, провел крупные реформы, которые способствовали развитию национальной экономики и культуры, укреплению национальной независимости; свергнут в результате реакционного мятежа.

2. *Советско-афганские* отношения. 1919–1969 гг. Документы и материалы. М., 1971. С. 43–45.

3. *Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. М., 2001. Т. 1. С. 347.
4. Там же. С. 341.
5. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 10. Л. 2.
6. Там же.
7. Там же. Л. 3.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. Л. 4.
- И. Там же. Л. 8.
12. Там же. Л. 9.
13. Там же.
14. Там же. Л. 11.
15. Там же. Л. 34.
16. Там же.
17. Там же. Л. 26.
18. Там же. Л. 24.
19. Там же. Д. 6. Л. 1–2.
20. Там же. Л. 3.
21. Там же.
22. Там же. Л. 4.
23. Там же.
24. Там же. Л. 5.
25. Там же. Л. 6.
26. Там же.
27. Там же. Л. 11.
28. Там же. Л. 15.
29. Там же. Л. 13.
30. Там же. Л. 19.
31. Там же. Л. 37.
32. Там же.
33. Там же. Л. 48.
34. Там же. Л. 53.
35. Там же. Л. 60.
36. Там же. Л. 68.
37. Там же. Л. 138.
38. Там же. Л. 118.

39. Там же. Л. 122.
40. Там же. Д. 10. Л. 223, 223 об.
41. Там же.
42. Там же. Л. 220.
43. Там же. Л. 225.
44. Там же. Д. 6. Л. 43.
45. Там же.
46. Там же. Л. 44.
47. Там же. Л. 88.
48. Там же.
49. Там же. Л. 106.
50. Там же. Л. 106–107.
51. Там же. Л. 33.
52. Там же. Л. 50.
53. Там же. Л. 51.
54. Там же. Л. 52.
55. Там же. Л. 81.
56. Там же. Л. 81 об.
57. Там же. Л. 157.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же. Л. 158.
61. Там же.
62. Там же.
63. Там же. Л. 158–159.
64. Там же. Л. 72.
65. Там же.
66. *Коллонтай А.М.* Указ. соч. С. 342.
67. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9. Л. 3–5.
68. Там же. Л. 6.
69. Там же. Л. 7.
70. Там же.
71. Там же. Л. 9.
72. Там же. Л. 10.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же. Л. 12.
76. Там же.
77. Там же. Л. 13.
78. Там же. Л. 14.
79. Там же.
80. *Советско-афганские* отношения 1919–1969 гг. С. 57.
81. Там же. С. 58.
82. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9. Л. 15.
83. Там же. Л. 17.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же. Л. 18.
87. Там же.
88. Там же. Л. 19.
89. Там же.
90. Там же.
91. Там же.
92. Там же. Л. 20.
93. Там же.

94. *Коллонтай А.М.* Указ. соч. С. 343–344.
95. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9. Л. 20.
96. Там же. Л. 21.
97. Там же.
98. Там же. Л. 23.
99. Там же. Л. 2.
100. *Коллонтай А.М.* Указ. соч. С. 348.
101. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9. Л. 25.
102. Там же.
103. Там же. Л. 90.
104. Там же. Л. 28.
105. Там же. Л. 90.
106. Там же.
107. Там же. Л. 91.
108. Там же. Л. 30.
109. Там же. Л. 91.
110. Там же. Л. 31.
111. Там же. Л. 32.
112. Там же. Л. 33.
113. Там же. Л. 34.
114. Там же. Л. 92.
115. Там же.
116. Там же. Д. 8. Л. 1.
117. Там же. Д. 9. Л. 43.
118. Там же. Л. 44.
119. Там же. Л. 45.
120. Там же. Л. 48.
121. Там же. Л. 49.
122. Там же. Л. 49–50.
123. Там же. Л. 50.
124. Там же. Л. 51.
125. Там же. Л. 55.
126. Там же.
127. Там же. Л. 60.
128. Там же. Л. 62.
129. Там же. Л. 65.
130. Там же.
131. Там же. Л. 68.
132. Там же. Л. 69.
133. Там же.
134. Там же. Л. 71.
135. Там же. Л. 72.
136. Там же. Л. 75.
137. Там же.
138. Там же.
139. Там же.
140. Там же.
141. Там же. Л. 76.
142. Там же. Л. 79.
143. Там же. Л. 80.
144. Там же. Л. 84.
145. Там же. Л. 86.
146. *Коллонтай А.М.* Указ. соч. С. 346.
147. Там же.
148. Там же.

149. Там же.
150. Там же.
151. Там же. С. 347.
152. *Советско-афганские* отношения 1919–1969 гг. С. 59.

ВИЗИТЫ В СССР ЛИТОВСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, МОНГОЛЬСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, ВОЕННОГО МИНИСТРА ПЕРСИИ ФРУГИ, МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПЕРСИИ АНСАРИ, ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛЕГАЦИЙ США, ЯПОНИИ, ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ, ВОЛЬНОГО ГОРОДА ДАНЦИГА

1. АВП РФ. Ф. 057. Он. 6. П. 103. Д. 5. Л. 43.
2. Там же. Л. 45.
3. Там же.
4. Там же. Л. 45–46.
5. Там же. Л. 47.
6. Там же. Д. 6. Л. 7.
7. Там же. Л. 8–9.
8. Там же. Л. 10.
9. Там же. Оп. 7. П. 105. Д. 6. Л. 1.
10. Там же. Л. 6.
11. Там же.
12. Там же. Л. 10–11.
13. Там же. Л. И.
14. Там же.
15. Там же. Л. 12.
16. Там же. Оп. 8. П. 106. Д. 5. Л. 1.
17. Там же.
18. Там же. Л. 2.
19. Там же. Л. 2–3.
20. Там же. Л. 5.
21. Там же. Л. 20.
22. Там же. Оп. 11. П. 14. Д. 3. Л. 24.
23. Там же. Л. 5.
24. Там же. Оп. 9. П. 107. Д. 5. Л. 5.
25. Там же. Л. 30.
26. Там же.
27. Там же. Л. 15.
28. Там же. Л. 16.
29. Там же. Л. 17.
30. Там же.
31. Там же. Оп. 6. П. 103. Д. 5. Л. 55.

Глава 2

1930–1940-е годы

ВИЗИТ В СССР ТУРЕЦКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТЕВФИК РЮШДИ-БЕЯ. ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ В АНКАРУ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЛИТВИНОВА. ВИЗИТ В СССР ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТУРЦИИ ИСМЕТ-ПАШИ, СКАНДАЛ НА ПРИЕМЕ У ПОСЛА ПЕРСИИ, БЕСЕДА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НКВД С ПОЛЬСКИМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ О ПОВЕДЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТОВ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ДИПЛОМАТАМИ ГЕРМАНИИ, ВИЗИТ И. ФОН РИББЕНТРОПА

1. *История* внешней политики СССР: В 2 т. М., 1976. Т. 1. 1917–1945. С. 232.
2. Там же. С. 234.
3. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 10. П. 109. Д. 5. Л. 21.
4. Там же. Оп. 13. П. 16. Д. 3. Л. 16.

5. Там же. Л. 23.
6. Там же. Оп. 11. П. 109. Д. 4. Л. 24.
7. Там же. Л. 25.
8. Там же. Оп. 12. П. 110. Д. 4. Л. 23.
9. Там же. Л. 13.
10. Там же. Л. 37.
11. Там же. Л. 38.
12. Там же. Л. 40–40 об.
13. Там же. Л. 24.
14. Там же.
15. Там же. Л. 30.
16. Там же. Л. 36 об.
17. Там же. Оп. 11. П. 109. Д. 4. Л. 36 об.
18. Там же. Оп. 15. П. 112. Д. 2. Л. 1.
19. Там же. Л. 2.
20. Там же. Л. 4.
21. Там же. Оп. 16. П. 112. Д. 2. Л. 41.
22. Там же. Л. 103.
23. Там же.
24. Там же. Л. 106.
25. Там же. Л. 10.
26. Там же. Л. 1.
27. Там же.
28. Там же. Оп. 19. П. 113. Д. 4. Л. 1–3.
29. Там же. Л. 7.
30. Там же. Л. 8.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. Л. 9.
34. Там же. Л. 10.
35. Там же.
36. Там же. Л. И.
37. Там же. Л. 14.
38. Там же. Л. 15.
39. *Риббентрон И.* Между Лондоном и Москвой. М., 1996. С. 140.
40. Там же. С. 141.
41. Там же. С. 141–142.
42. Там же. С. 143.
43. Там же.
44. Там же. С. 158.
45. Там же. С. 160.
46. Там же. С. 150–161.
47. Там же. С. 161.
48. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 19. П. ИЗ. Д. 4. Л. 23.
49. *Риббентрон И.* Указ. соч. С. 172.
50. АВП РФ. Ф. 057. Оп. И. П. 109. Д. 4. Л. 36.

ВИЗИТЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ (1942 И 1944), БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННОЭКОНОМИЧЕСКИХ МИССИЙ. КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СССР, США И АНГЛИИ В МОСКВЕ (29 СЕНТЯБРЯ – 10 ОКТЯБРЯ 1941), ВИЗИТ ЛИЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА США Ф. РУЗВЕЛЬТА УИЛКИ, ДЕЛЕГАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ ВО ГЛАВЕ С ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ БРЕДЛИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ Ф. РУЗВЕЛЬТА ДЭВИСА (1943), БРИГАДНОГО ГЕНЕРАЛА СПОЛДИНГА (1944)

1. *Сигачев Ю.В.* Новое об англосоветском сотрудничестве в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 28.
2. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 21. П. 115. Д. 4. Л. 36.
3. *Сигачев Ю.В.* Указ. соч. С. 28.
4. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 21. П. 115. Д. 4. Л. 39.
5. Там же. Л. 40.
6. Там же. Л. 43.
7. Там же. Л. 47.
8. Там же. Л. 78.
9. Там же. Л. 61–62.
10. Там же. Л. 63.
11. *Сигачев Ю.В.* Указ. соч. С. 31.
12. Там же. Ф. 057. Оп. 21. П. 115. Д. 4. Л. 89.
13. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 135. Л. 55.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. Л. 55–56.
17. Там же. Л. 60–61.
18. Там же. Л. 52.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. Д. 134. Л. 4.
22. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М, 1955. Т. IV. С. 472.
23. Там же. С. 473.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же. С. 481.
30. Там же. С. 488.
31. Там же. С. 489.
32. Там же.
33. Там же. С. 491.
34. Там же. С. 492.
35. Там же.
36. Там же. С. 493.
37. Там же.
38. Там же. С. 494.
39. Там же.
40. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 134. Л. 17.
41. Там же. Д. 135. Л. 53.
42. Там же. Л. 54.
43. *Черчилль У.* Указ. соч. С. 495.
44. Там же. С. 496.
45. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 22. П. 116. Д. 5. Л. 20.
46. Там же. Л. 30.
47. Там же.
48. Там же. Л. 31.
49. Там же. Л. 32.
50. Там же.
51. Там же. Л. 33.
52. Там же.
53. Там же. Л. 34.
54. Там же. Л. 35.

55. Там же. Л. 36.
56. Там же.
57. Там же.
58. Там же. Л. 37.
59. Там же. Л. 38.
60. Там же. Л. 40.
61. Там же.
62. Там же. Л. 41.
63. Там же. Л. 42.
64. Там же.
65. Там же. Л. 44.
66. Там же.
67. Там же. Л. 45.
68. Там же.
69. Там же.
70. Там же. Л. 47.
71. Там же. Л. 44.
72. Там же. Л. 50.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же.
76. Там же. Л. 52.
77. Там же. Л. 51.
78. Там же. Оп. 23. П. 118. Д. 6. Л. 23.
79. Там же. Л. 29.
80. Там же. Оп. 24. П. 121. Д. 9. Л. 38.
81. Там же. Л. 39.
82. Там же.
83. Там же. Л. 41.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же. Л. 42.
87. Там же.
88. Там же. П. 120. Д. 7. Л. 1.
89. Там же. Л. 3.
90. Там же. Л. 2.
91. Там же. Л. 5.
92. Там же. Л. 14–17.
93. Там же. Л. 26.
94. *Черчилль У.* Указ. соч. Т. VI. С. 228.
95. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 120. Д. 7. Л. 50.
96. *Черчилль У.* Указ. соч. Т. VI. С. 235.
97. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 121. Д. 7. Л. 4.
98. Там же. Л. 5.
99. Там же.
100. Там же. Л. 6.
101. Там же. П. 120. Д. 7. Л. 4.
102. Там же. Л. 24.

ВИЗИТЫ МИНИСТРА ТАИ (СИАМА) МОНТРЕ, МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЯПОНИИ Е. МАЦУОКИ, ВОЕННОГО МИНИСТРА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНГРА, ПРЕЗИДЕНТА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ Э. БЕНЕША, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Ш. ДЕ ГОЛЛЯ,
МАРШАЛА И.Б. ТИТО. ВИЗИТ К. ЧЕРЧИЛЛЬ – СУПРУГИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 21. П. 115. Д. 4. Л. 5.

2. Там же. Оп. 22. П. 116. Д. 5. Л. 4.
3. Там же. Л. 19.
4. Там же. Оп. 23. П. 118. Д. 6. Л. 40.
5. Там же. Л. 42.
6. Там же. Л. 43.
7. Там же. Л. 41.
8. Там же.
9. Там же. Л. 76.
10. Там же.
- И. Там же. Л. 78.
12. Там же. Л. 36.
13. Там же. Оп. 24. П. 120. Д. 8. Л. 28.
14. Там же. Л. 29.
15. Там же. Л. 37.
16. Там же. Л. 6.
17. Там же. Л. 21.
18. Там же. Л. 25.
19. Там же. Л. 48.
20. Там же. Л. 53–54.
21. Там же. Л. 69.
22. Там же. Л. 74.
23. Там же. Л. 85.
24. Там же. Оп. 25. П. 123. Д. 8. Л. 19–20.
25. Там же. Л. 53.
26. Там же. Л. 50.
27. Там же. Л. 51.
28. Там же. Л. 76.
29. Там же. Л. 61.
30. Там же. Л. 74.
31. Там же. Л. 90.
32. Там же. Л. 75.
33. Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 22 Д. 246. Л. 12.
34. Там же. Л. 12–13.
35. Там же. Ф. 057. Оп. 25. П. 123 Д. 6. Л. 82–83.
36. Там же. Л. 83.
37. Там же. Л. 84.
38. Там же. Л. 68.
39. Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 22 Д. 246. Л. 72.
40. Там же. Л. 71.
41. Там же. Л. 73.
42. Там же. Ф. 057. Оп. 25. П. 123 Д. 6. Л. 84.
43. Там же. Л. 85.
44. Там же. Л. 81.
45. Там же. Д. 8. Л. 119.
46. Там же. Л. 121.
47. Там же. Л. 120.
48. Там же. Л. 170.
49. Там же. Л. 156–159.
50. Там же. Л. 177.
51. Там же. Л. 144.
52. Там же. Л. 145.
53. Там же. Оп. 26. П. 127. Д. 8 Л. 2.
54. Там же. Л. 1.
55. Там же. Л. 44.
56. Там же. Л. 22.

57. Там же. Л. 8—10.
58. Там же. Л. 12—18.
59. Там же. Л. 49.
60. Там же. Оп. 25. П. 123. Д. 6. Л. 127.
61. Там же. Оп. 26. П. 127. Д. 6. Л. 44.
62. Там же. Л. 45.
63. Там же. Оп. 25. П. 123. Д. 6. Л. 63.
64. Там же. Л. 70.
65. Там же. Л. 98.
66. Там же. Д. 7. Л. 1.
67. Там же. Л. 2.
68. Там же. Л. 4.
69. Там же. Оп. 26. П. 127. Д. 6. Л. 6
70. Там же. Л. 53—54.
71. Там же. Л. 127.
72. Там же. Л. 77.
73. Там же. Л. 64.
74. Там же. Л. 65—66.
75. Там же. Л. 67.
76. Там же. Л. 72.

ВИЗИТ ЧЛЕНОВ ИСПОЛКОМА АНГЛИЙСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ. ВИЗИТ ФЕЛЬДМАРШАЛА Б. МОНТГОМЕРИ. ВИЗИТ В ТАШКЕНТ ДЕЛЕГАЦИИ ЛИВАНСКОГО И СИРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ С СССР. ВИЗИТЫ ЛИДЕРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ – ПОЛЬШИ, РУМЫНИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ. ВИЗИТЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ФИНЛЯНДИИ У. КЕККОНЕНА, ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АЛБАНИИ Э. ХОДЖИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ П. ГРОЗЫ С СЕМЬЕЙ

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 26. П. 127. Д. 6. Л. 51.
2. Там же. Л. 18.
3. Там же.
4. Там же. Л. 18—19.
5. Там же. Л. 19.
6. Там же.
7. Там же. Л. 21.
8. Там же. Л. 22.
9. Там же. Л. 24.
10. Там же.
11. Там же. Л. 27.
12. Там же. Л. 32.
13. Там же. Л. 33.
14. Там же.
15. Там же. Л. 34.
16. Там же. Л. 35.
17. Там же.
18. Там же. Л. 36.
19. Там же.
20. Там же. Л. 37.
21. Там же. Л. 39.
22. Там же. Л. 41.
23. Там же. Л. 36—37.
24. Там же. Оп. 27. П. 130. Д. И. Л. 22.
25. Там же.
26. Там же. Д. 13. Л. 6.
27. Там же. Л. 9.

28. Там же.
29. Там же. Л. 12.
30. Там же. Л. 17.
31. Там же.
32. Там же. Л. 18.
33. Там же. Д. И. Л. 1.
34. Там же. Д. 12. Л. 48.
35. Там же. Л. 50.
36. Там же. Д. И. Л. 38–39.
37. Там же. Оп. 31. П. 155. Д. 14 Л. 67.
38. Там же. Д. 20. Л. 1.
39. Там же. Д. 18. Л. 49.
40. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 34 П. 95. Д. 7. Л. 8.
41. Там же.
42. Там же. Л. 2–3.
43. Там же. Л. 28.
44. Там же. Оп. 35. П. 174. Д. 13 Л. 2.
45. Там же. Л. 15.
46. Там же. Л. 16.
47. Там же. П. 175. Д. 13. Л. 45.
48. Там же. Л. 67. 53. Там же. Л. 37.
49. Там же. Л. 71. 54. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 95
50. Там же. Л. 54. Д. 8. Л. 6.
51. Там же. П. 174. Д. 13. Л. 79. 55. Там же. Оп. 35. П. 102. Д. 6
52. Там же. Л. 32. Л. 23.

Глава 3 1950-е годы

ВИЗИТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР МАО ЦЗЭДУНА И ПРЕМЬЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО СОВЕТА И МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КНР ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ (1950–1952, 1957)

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 346. П. 101. Д. 1. Л. 42.
2. Там же. Л. 1.
3. Там же. Л. 172.
4. Меню на обеде у Вышинского 6 февраля 1950 года выглядело следующим образом: икра зернистая и паюсная, расстегайчики, семга, балык, лососина, поросенок с хреном, салат из крабов, жульен из дичи, консоме и борщок с пирожками, нельма, отваренная в белом вине, чахохбили из кур с рисом, капуста жареная с красным перцем, парфе сливочное, миндаль жареный, кофе, торт, печенье, конфеты, фрукты (Там же. Ф. 57. Оп. 346. П. 101. Д. 1. Л. 167).
5. Там же. Л. 149–150.
6. Там же. Л. 145.
7. Там же. Л. 118.
8. Там же. Л. 123.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Л. 111–113.
- И. Там же. Л. 3–4.
12. Там же. Л. 5.
13. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 229.
14. Там же. С. 229–230.
15. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 346. П. 101. Д. 1. Л. 55.
16. Там же. Л. 2–3.
17. Там же. Л. 55.
18. Там же. Л. 58.
19. Там же. Оп. 39. П. 183. Д. 111. Л. 2.

20. Там же. Оп. 37. П. 134. Д. 38. Л. 252.
21. Там же. Л. 253.
22. Там же. Л. 253–254.
23. Там же. Оп. 39. П. 183. Д. 111. Л. 3–4.
24. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 36. П. 185. Д. 28. Л. 76.
25. Там же. Л. 101.
26. Там же. Л. 61–63.
27. Там же. Л. 89–90.
28. Там же. Л. 94–95.
29. Там же. Л. 124.
30. Там же. Оп. 37. П. 191. Д. 26. Л. 5–6.
31. Там же.
32. Там же. Л. 1–2.
33. Там же.
34. Там же. Л. 3.
35. Там же. Л. 3–4.
36. Там же. Л. 7–8.
37. Там же. Л. 9–10.
38. Там же. Л. 12.
39. Там же. Л. 16–17.
40. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 37 в. П. 134. Д. 38. Л. 286.
41. Там же. Л. 283.
42. Там же. Л. 279.
43. Там же. Оп. 43. П. 227. Д. 40. Л. 3–4.
44. Там же. Л. 7.
45. Там же. Л. 11.
46. *История* внешней политики СССР: В 2 т. М., 1977. Т. 2. 1945–1976. С. 557.

ВИЗИТЫ В СССР ИНДИРЫ ГАНДИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ КНДР КИМ ИР СЕНА, ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ИЗ СССР В БОЛГАРИЮ, ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕЛЕГАЦИЙ ФИНЛЯНДИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ГЕРМАНИИ ВО ГЛАВЕ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ КАНЦЛЕРОМ АДЕНАУЭРОМ, МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КАНАДЫ ПИРСОНА

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 38. П. 145. Д. И. Л. 10.
2. Там же. Л. 11.
3. Там же. Л. 12.
4. Там же. Л. 21.
5. Там же.
6. Там же. Оп. 38а. П. 148. Д. 31. Л. 1.
7. Там же. Л. 18.
8. Там же. Л. 10.
9. Там же. Л. 11.
10. Там же. Л. 8.
11. Там же. Л. 14.
12. Там же. Л. 39.
13. Там же. П. 145. Д. 10. Л. 17.
14. Там же. Оп. 39. П. 183. Д. 112. Л. 9.
15. Там же. Л. 30.
16. Там же. Л. 10.
17. Там же. Л. 30–31.
18. Там же. Л. 34.
19. Там же. Л. 43.
20. Там же. Д. 113. Л. 27.
21. Там же. Оп. 38. П. 196. Д. 10. Л. 112.
22. Там же. Л. 113.

23. Там же. Л. 115.
24. Там же.
25. Там же. Л. 116.
26. Там же.
27. Там же. Л. 117.
28. Там же. Л. 118.
29. Там же. Л. 114.
30. Там же. Л. 120.
31. Там же.
32. Там же. Л. 121.
33. Там же. Оп. 41. П. 198. Д. 35. Л. 82–83.
34. Там же. Л. 92.
35. Там же. Л. 25.
36. Там же. Оп. 38. П. 196. Д. 10. Л. 27–29.
37. Там же. Оп. 41. П. 198. Д. 35. Л. 131.

ВИЗИТЫ В СССР ПРЕЗИДЕНТА ЮГОСЛАВИИ И.Б. ТИТО, ШАХА ИРАНА
МОХАММЕДА РЕЗА ПЕХЛЕВИ, ПРЕЗИДЕНТА ИНДОНЕЗИИ СУКАРНО, ПРЕЗИДЕНТА
СИРИИ ШУКРИ КУАТЛИ, ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫХ ДЕЛЕГАЦИЙ КНДР, БЕЛЬГИИ,
ЦЕЙЛОНА, АФГАНИСТАНА, ПНР

1. *Дымарский В.П.* Времена Хрущева. В людях, фактах и цифрах. М., 2014. С. 305–306.
2. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 42. П. 213. Д. 32. Л. 105.
3. Там же.
4. Там же. Л. 116.
5. Там же.
6. Там же. Л. 16–37.
7. Там же. Л. 175–176.
8. Там же. Л. 178.
9. Там же. Л. 94.
10. Там же. Д. 33. Л. 14.
11. Там же. Л. 15.
12. Там же.
13. Там же. Л. 63.
14. Там же. Л. 66–67.
15. Там же. Л. 134.
16. Там же. Д. 35. Л. 1–2.
17. Там же. Л. 3.
18. Там же.
19. Там же. Л. 3–4.
20. Там же. Л. 35.
21. Там же. Л. 118.
22. Там же. Л. 63–64.
23. Там же. Л. 18–19.
24. Там же. Д. 34. Л. 149.
25. Там же. Л. 145.
26. Там же. Л. 153.
27. Там же. Д. 33. Л. 149.
28. Там же. Д. 34. Л. 2, 30, 43, 80, 117.

ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА ОАР Г.А. НАСЕРА И ВИЗИТ ДОЧЕРИ ПРЕЗИДЕНТА ОАР Х.
НАСЕР

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 44. П. 243. Д. 46. Л. 176.
2. Там же. Л. 44.
3. Там же. Д. 45. Л. 18.

4. Там же. Д. 46. Л. 92.
5. Там же. Д. 45. Л. 18.
6. Там же. Д. 46. Л. 176.
7. Там же. Л. 24.
8. Там же. Л. 26.
9. Там же.
10. Там же. Л. 61.
11. Там же. Л. 62.
12. Там же. Л. 81–82.
13. Там же. Л. 95—106.
14. Там же. Л. 107.
15. Там же. Л. 114–117.
16. Там же. Л. 128.
17. Там же. Л. 148.
18. Там же. Л. 147.
19. Там же.
20. Там же. Л. 166.
21. Там же. Л. 167.
22. Там же. Л. 168.
23. Там же. Л. 170.
24. Там же. Оп. 58. П. 425. Д. 32. Л. И.
25. Там же. Л. 12.
26. Там же.
27. Там же. Л. 13.
28. Там же. Оп. 44. П. 243. Д. 46. Л. 80.

Глава 4

1960-е – середина 1980-х годов

ВИЗИТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ МАКМИЛЛАНА, ИМПЕРАТОРА ЭФИОПИИ Х. СЕЛАССИЕ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА США Р. НИКСОНА, ПРЕЗИДЕНТА ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Д. ГРОНКИ, ПРЕЗИДЕНТА ИНДОНЕЗИИ А. СУКАРНО, НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 279. Д. 52. Л. 75.
2. Там же. Л. 100.
3. Там же. Л. 78.
4. Там же.
5. Там же. Л. 161.
6. Там же. Л. 162.
7. Там же. Л. 164.
8. Там же.
9. Там же. Л. 82.
10. Там же. Оп. 43. П. 233. Д. 9. Л. 174.
11. Там же. Оп. 46. П. 279. Д. 54.
Л. 99.
12. Там же. Л. 57.
13. Там же. Л. 59.
14. Там же. Л. 60.
15. Там же. Л. 64.
16. Там же. Д. 55. Л. 89.
17. Там же. Л. 82.
18. Там же. Л. 84.
19. Там же. Л. 40.
20. Там же. Л. 42–43.
21. Там же. Л. 48.
22. Там же. Л. 27.

23. Там же. Л. 29.
24. Там же. Л. 30–33.
25. Там же. Л. 78.
26. Там же. Л. 49.
27. Там же. Л. 117.
28. Там же.
29. Там же. Л. 120.
30. Там же.
31. Там же. Л. 122.
32. Там же. Л. 123.
33. Там же. Л. 127.
34. Там же.
35. Там же. Л. 130.
36. Там же. Л. 131.
37. Там же. Л. 128.
38. Там же. Оп. 44. П. 227. Д. 5.
Л. 157–158.
39. Там же. Л. 158.
40. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 51.
П. 322. Д. 56. Л. 7–8.
41. Там же. Л. 10.
42. Там же. Л. 126.
43. Там же. Л. 124.
44. Там же. Л. 125.
45. Там же. Л. 90.
46. Там же. Л. 120.
47. Там же. Л. 187.
48. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54.
П. 372. Д. 100. Л. 7.
49. Там же. Л. 8.
50. Там же. Л. 12.
51. Там же. Л. 16–18.
52. Там же. Л. 15.

**ВИЗИТЫ ПРЕЗИДЕНТА ГАНЫ К. НКРУМЫ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА РЕСПУБЛИКИ СУДАН И. АББУДЫ,
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АФГАНИСТАНА М. ДАУДА, ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
ДЕЛЕГАЦИИ РНР**

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 371.
Д. 98. Л. 1–2.
2. Там же. Л. 3.
3. Там же. Л. 3–4.
4. Там же. Л. 8–9.
5. Там же. Л. 40–42.
6. Там же. Л. 42.
7. Там же. Л. 48.
8. Там же. Л. 44.
9. Там же. Л. 49.
10. Там же. Л. 51.
11. Там же. Л. 83.
12. Там же. Л. 84.
13. Там же.
14. Там же. Л. 85.
15. Там же.
16. Там же. Л. 80.

17. Там же. Л. 81.
18. Там же. Л. 82.
19. Там же.
20. Там же. Л. 106.
21. Там же. Л. 104.
22. Там же.
23. Там же. Л. 105.
24. Там же. Л. 57.
25. Там же.
26. Там же. Л. 58.
27. Там же. Л. 97.
28. Там же. Л. 98.
29. Там же. Л. 99.
30. Там же. Л. 98.
31. Там же. Л. 99.
32. Там же. Л. 79.
33. Там же. Л. 78.
34. Там же. П. 372. Д. 99. Л. 123–123.
35. Там же. Л. 20.
36. Там же. Л. 32 об., 33 об.
37. Там же. Л. 35 об.
38. Там же. Л. 36 об.
39. Там же. Л. 61.
40. Там же. Л. 65.
41. Там же. Л. 51.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же. Оп. 45. П. 230. Д. 4. Л. 1.
45. Там же. Л. 74.
46. Там же. Д. 5. Л. 45.
47. Там же. Л. 47.
48. Там же.
49. Там же. Л. 48.

ВИЗИТЫ КОРОЛЕВЫ БЕЛЬГИИ ЕЛИЗАВЕТЫ, ПРЕЗИДЕНТА МАЛИ МОДИБО, СУПРУГИ
ПРЕЗИДЕНТА ИНДОНЕЗИИ ГОСПОЖИ ХАРТИНИ, ПРЕЗИДЕНТА ЮГОСЛАВИИ И.Б. ТИТО
И П. БРОЗ

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 403. Д. 59. Л. 44.
2. Там же. Л. 45.
3. Там же. Л. 46.
4. Там же.
5. Там же. Л. 47.
6. Там же. Л. 48.
7. Там же.
8. Там же. Л. 49.
9. Там же. Л. 50.
10. Там же. Л. 89.
- И. Там же. Л. 90.
12. Там же. Л. 91.
13. Там же. Л. 150–162.
14. Там же. Л. 137.
15. Там же. Л. 138.
16. Там же.
17. Там же. Л. 139.
18. Там же.

19. Там же.
20. Там же. Л. 140.
21. Там же. Л. 132.
22. Там же. П. 404. Д. 60. Л. 12–13.
23. Там же. Оп. 58. П. 424. Д. 29. Л. 12.
24. Там же. Оп. 57. П. 404. Д. 61. Л. 6, Л. 7, Л. 42.
25. Там же. Л. 150–153.
26. Там же. П. 403. Д. 59. Л. 51.
27. Там же. Л. 52.
28. Там же. Л. 53.
29. Там же. Л. 61.

ВИЗИТЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КУБЫ Ф. КАСТРО РУС, МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ШВЕЦИИ Т. НИЛЬСОНА, ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК ВЕНГЕРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ Я. КАДАРА, ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДИИ У. КЕККОНЕНА, ДЕЛЕГАЦИЙ НРБ, ВНР, ГДР, МНР, УССР, ПНР, РНР, ПРЕЗИДЕНТА ИНДИИ С. РАДХАКРИШНАНА, ПРЕЗИДЕНТА КУБЫ О. ДОРТИКОСА, ПРЕЗИДЕНТА ЮГОСЛАВИИ И.Б. ТИТО, ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Ш. ДЕ ГОЛЛЯ

1. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 423. Д. 27. Л. 75.
2. Там же. Л. 76.
3. Там же. Л. 77.
4. Там же. Л. 79.
5. Там же. Л. 77.
6. Там же. Л. 78.
7. Там же. П. 425. Д. 32. Л. 62.
8. Там же. Л. 63.
9. Там же. Л. 64.
10. Там же. П. 424. Д. 28. Л. 1–2.
11. Там же.
12. Там же. Л. 5, 7, 9.
13. Там же. Л. 33.
14. Там же. Л. 38.
15. Там же. Л. 101.
16. Там же. Л. 162.
17. Там же. Л. 163.
18. Там же. П. 423. Д. 26. Л. 26.
19. Там же. П. 424. Д. 30. Л. 75.
20. Там же. Л. 83.
21. Там же. Оп. 59. П. 446. Д. 39. Л. 10–11.
22. Там же. Л. 12.
23. Там же. Л. 13–14.
24. Там же. Л. 15.
25. Там же.
26. Там же. Л. 17.
27. Там же. П. 444. Д. 34. Л. 12.
28. Там же. Л. 3.
29. Там же. Л. 10.
30. Там же. Л. 9.
31. Там же. Л. 13.
32. Там же. П. 446. Д. 39. Л. 97.
33. Там же. Л. 97–98.
34. Там же. Л. 220.
35. Там же. Л. 226–227.
36. Там же. Л. 228.

37. Там же. Л. 245–253.
38. Там же. П. 445. Д. 37. Л. 142–143.
39. Там же. П. 446. Д. 39. Л. 255–260.
40. *Медведев Ж., Медведев Р.* Никита Хрущев. М., 2012. С. 285.
41. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 59. П. 446. Д. 39. Л. 260–266.
42. Там же. Оп. 60. П. 466. Д. 27. Л. 67–68.
43. Там же. Л. 42–56.
44. Там же. Л. 129–139.
45. Там же. Д. 29. Т. V. Л. 1–7.
46. Там же. Оп. 63. П. 500. Д. 43. Т. XII. Л. 31–37.
47. Там же. Л. 121.
48. Там же. Л. 91; Там же. Оп. 64. П. 517. Д. 21. Т. XVII. Л. 97; Там же. П. 516. Д. 18. Т. VI. Л. 104.
49. Там же. Оп. 63. П. 500. Д. 43. Т. XII. Л. 58–70.
50. Там же. Л. 89.
51. Там же. Л. 90.
52. Там же. Л. 91.
53. Там же. Л. 92.
54. Там же. Л. 97.
55. Там же. Л. 98.
56. Там же.
57. Там же. П. 499. Д. 39. Л. 300.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же. Л. 305.
61. Там же. Л. 300.
62. Там же. Л. 301.
63. *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 176.
64. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 79. П. 635. Д. 13. Л. 1–2.
65. Там же.
66. Там же. Оп. 95. П. 753. Д. 10. Л. 48.
67. Там же.
68. Там же. Оп. 65. П. 533. Д. 16. Л. 59.
69. Там же.
70. Там же. Оп. 82. П. 654. Д. 9. Л. 145.
71. Там же. Д. 7. Л. 150.
72. Там же. Оп. 84. П. 667. Д. 12. Л. 9–10.
73. Там же. Оп. 93. П. 725. Д. 15. Л. 60–61.
74. Там же. Оп. 73. П. 585. Д. 15. Л. 10.
75. Там же. Оп. 79. П. 634. Д. 12. Л. 87.
76. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева... Мемуары. М., 1999. С. 220.
77. Там же.
78. Там же. С. 221.
79. Там же.
80. Там же.
81. Там же. С. 224.
82. Там же.
83. Там же. С. 228.
84. Там же. С. 231.
85. Там же.
86. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 60. П. 260. Д. 1. Л. 40.
87. Там же. Л. 41.
88. Там же. Л. 43.
89. Там же. Л. 44.

90. Там же. Ф. 57. Оп. 78. П. 623. Д. 14. Л. 53.
91. Там же.
92. Там же. Оп. 59. П. 446. Д. 39. Л. 324.
93. Там же. Л. 93–97.
94. Там же. П. 444. Д. 34. Л. 6.
95. Там же. Л. 5.
96. Там же. Л. 4.
97. Там же. Оп. 63. П. 499. Д. 39. Л. 178.
98. Там же. Оп. 64. П. 517. Д. 21. Т. VII. Л. 157.

Глава 5

Дипломатические подарки

1. *История дипломатии* [Сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2009. С. 14.
(Далее: *История дипломатии...*)
2. Там же. С. 39.
3. Там же. С. 69.
4. Там же. С. 115.
5. Там же. С. 189.
6. *Рябцев Ю.С.* Хрестоматия по истории русской культуры, XI–XVIII вв. М., 1998. С. 522–523.
(Далее: *Хрестоматия...*)
7. *Ненарокова И.С.* Государственные музеи Московского Кремля. М., 1992. С. 29.
8. *Хрестоматия...* С. 521.
9. *Донова К.В., Писарская Л.В.* Оружейная палата. М., 1957. С. 94.
10. *Хрестоматия...* С. 523.
11. Там же. С. 527.
12. Там же. С. 528.
13. Там же.
14. См.: *Захарова О.Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М., 2013. С. 54–60.
15. *Герцог Лирийский.* Записки о пребывании при Императорском Российском Дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 200–201.
16. Там же. С. 238.
17. *Записки графа Сегюра* // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 325–326.
18. Там же. С. 341.
19. *Донова К.В., Писарская Л.В.* Указ. соч. С. 95.
20. Там же. С. 112.
21. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 5. П. 102. Д. 5. Л. 3.
22. Там же. Оп. 7. П. 105. Д. 6. Л. 12.
23. Там же. Оп. 9. П. 108. Д. 7. Л. 2.
24. Там же. Л. 3.
25. Там же. Л. 5.
26. Там же. Л. 4.
27. Там же.
28. Там же. Оп. 8. П. 105. Д. 1. Л. 5.
29. Там же. Л. 6.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же. П. 107. Д. 11. Л. 1.
33. Там же. Л. 4.
34. Там же. П. 106. Д. 6. Т. 1. Л. 91.
35. Там же. Л. 133.
36. Там же. Д. 10. Л. 222, 223.
37. Там же. Л. 223 об.
38. Там же. Д. 6. Т. 1. Л. 68.
39. Там же. Л. 69.

40. Там же. Л. 133.
41. Там же. Д. 10. Л. 212.
42. Там же. Л. 221.
43. Там же. Л. 225.
44. Там же. П. 105. Д. 1. Л. 128.
45. Там же. Л. 129.
46. Там же. Оп. 9. П. 108. Д. 7. Л. 1.
47. Там же. Л. 6.
48. Там же.
49. Там же. Оп. 21. П. 115. Д. 4. Л. 19.
50. Там же.
51. Там же. Л. 23.
52. Там же. Л. 24.
53. *Голубев А.В., Невежин В.А.*

Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 209.

54. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 120. Д. 8. Л. 85.
55. Там же. Л. 87.
56. Там же. Д. 7. Л. 33.
57. Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 22. Д. 246. Л. 62.
58. Там же. Ф. 057. Оп. 25. П. 123. Д. 7. Л. 139.
59. Там же. Д. 8. Л. 175.
60. Там же. Оп. 26. П. 127. Д. 8. Л. 3.
61. Там же. Л. 32.
62. Там же. Д. 7. Л. 18.
63. Там же. Л. 35.
64. Там же. Л. 26.
65. Там же. Оп. 17. П. 112. Д. 2. Л. 16.
66. Там же. Оп. 20. П. 27. Д. И. Л. 3.
67. Там же. Оп. 26. П. 127. Д. 6. Л. 75.
68. Там же. Оп. 31. П. 155. Д. 14. Л. 8.
69. Там же. Л. 36.
70. Там же. Д. 15. Л. 46.
71. Там же. Д. 19. Л. 37.
72. Там же. Л. 42.
73. Там же.
74. Там же. Д. 20. Л. 48.
75. Там же. Л. 52.
76. Там же. Л. 55.
77. Там же. Оп. 57. П. 155. Д. 16. Л. 5.
78. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 346. П. 101. Д. 1. Л. 10–11.
79. Там же. Л. 6.
80. Там же. Л. 21.
81. Там же. Оп. 34. П. 169. Д. 21. Л. 51.
82. Там же. Оп. 37 в. П. 134. Д. 38. Л. 110.
83. Там же. Л. 111–117.
84. Там же. Л. 117.
85. Там же. Оп. 36. П. 185. Д. 28. Л. 81–82.
86. Там же. Оп. 38а. П. 148. Д. 31. Л. 73–74.
87. Там же. Л. 80.
88. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 41. П. 198. Д. 37. Л. 122.
89. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 41. П. 198. Д. 36. Л. 168.
90. Там же.
91. Там же.

92. Там же Л. 169.
93. Там же. Оп. 42. П. 213. Д. 32. Л. 94–97.
94. Там же. Оп. 40. П. 209. Д. И. Л. 56.
95. Там же. Л. 98.
96. Там же. Оп. 42. П. 213. Д. 33. Л. 128.
97. Там же.
98. Там же. Л. 129.
99. Там же.
100. Там же. Л. 130.
101. Там же. Л. 131.
102. Там же. Л. 132.
103. Там же. Л. 137.
104. Там же. Л. 139.
105. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 42. П. 213. Д. 35. Л. 72.
106. Там же. Л. 73–76.
107. Там же. Д. 33. Л. 143.
108. Там же.
109. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 44. П. 243. Д. 46. Т. 2. Л. 170.
110. Там же. Л. 170–171.
111. Там же. Оп. 51. П. 323. Д. 59. Л. 8–9.
112. Там же. Оп. 46. П. 279. Д. 53. Л. 133–134.
113. Там же. Оп. 51. П. 323. Д. 58. Л. 126–127.
114. Там же. Оп. 43. П. 227. Д. 40. Л. 132.
115. Там же. Оп. 54. П. 374. Д. 110. Л. 189–190.
116. Там же. Оп. 46. П. 279. Д. 52. Л. 147.
117. Там же. Л. 141.
118. Там же. Л. 134.
119. Там же. Л. 86–87.
120. Там же. Л. 87.
121. Там же. Л. 179.
122. Там же. Оп. 43. П. 223. Д. 9. Л. 43.
123. Там же. Ф. 57. Оп. 46. П. 229. Д. 53. Л. 93.
124. Там же. Оп. 54. П. 371. Д. 38. Л. 89.
125. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 57. П. 404. Д. 61. Л. 144.
126. Там же. Л. 144–145.
127. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 404. Д. 60. Л. 147.
128. Там же. П. 403. Д. 59. Л. 80.
129. Там же. Оп. 58. П. 2424. Д. 29. Л. 81.
130. Там же. Л. 91.
131. Там же. Л. 119.
132. Там же. Л. 5.
133. Там же. Л. 21.
134. Там же. Оп. 57. П. 410. Д. 92. Л. 3.
135. *Медведев Ш., Медведев Р.* Никита Хрущев. М., 2012. С. 282.
136. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 59. П. 445. Д. 37. Л. 150.
137. Там же. Оп. 57. П. 410. Д. 92. Л. 12–15, 18, 19.
138. Там же. Оп. 60. П. 471. Д. 46. Л. 10.
139. Там же. Оп. 100. П. 789. Д. 10. Л. 79.
140. Там же. Л. 84.
141. Там же. Л. 86.
142. Там же. П. 410. Д. 92. Л. 9-10.
143. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. М., 2008. С. 324.
144. *Медведев Р.* Политические портреты. Л. Брежнев, Ю. Андропов. М., 2014. С. 165.
145. *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В., Журавлев В.В.* Человек в политике и политика в человеке. М., 2013. С. 126.

146. *Медведев Р.* Указ. соч. С. 165.

147. Там же. С. 166.

Глава 6

Меню официальных приемов

1. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 120. Д. 7. Л. 11.
2. Там же. Л. 47.
3. Там же. Оп. 25. П. 120. Д. 8. Л. 49.
4. Там же. Л. 79.
5. Там же. П. 123. Д. 8. Л. 45.
6. Там же. Л. 89.
7. Там же. Л. 138.
8. Там же. Л. 139.
9. Там же. Л. 140–140 об.
10. Там же. Д. 7. Л. 32.
11. Там же. Л. 40.
12. Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 22. Д. 246. Л. 31.
13. Там же. Ф. 057. Оп. 25. П. 123. Д. 6. Л. 77.
14. Там же. Л. 10.
15. Там же. Л. 118.
16. Там же. Оп. 26. П. 123. Д. 8. Л. 39, 43.
17. Там же. П. 127. Д. 6. Л. 99.
18. Там же. Д. 8. Л. 43.
19. Там же. Оп. 31. П. 155. Д. 20. Л. 32.
20. Там же. Оп. 346. П. 101. Д. 1. Л. 167.
21. Там же. Л. 163.
22. Там же. Л. 81–82.
23. Там же. Л. 82.
24. Там же. Л. 25.
25. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 95. Д. 7. Л. 22.
26. Там же. Д. 5. Д. 13.
27. Там же. Оп. 38а. П. 148. Д. 31. Л. 53.
28. Там же. Оп. 41. П. 198. Д. 34. Л. 51.
29. Там же. Оп. 44. П. 243. Д. 46. Л. 112.
30. Там же. Л. 109.
31. Там же. Оп. 54. П. 374. Д. 110. Л. 90.
32. Там же. Оп. 46. П. 279. Д. 53. Л. 151.
33. Там же. Оп. 54. П. 374. Д. 111. Л. 16.
34. Там же. П. 373. Д. 105. Л. 24.
35. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 372. Д. 101. Л. 107.
36. Там же. Л. 37.
37. Там же. Оп. 58. П. 423. Д. 26. Л. 119.
38. Там же. П. 424. Д. 28. Л. 84.
39. Там же. Д. 29. Л. 74.
40. Там же. Л. 128.
41. Там же. Д. 30. Л. 20.
42. Там же. Д. 29. Л. 75.
43. Там же. Д. 30. Л. 20.
44. Там же. Оп. 63. П. 498. Д. 35. Л. 10.
45. Там же. П. 497. Д. 32. Л. 30.
46. Там же. П. 498. Д. 36. Л. 65.
47. Там же. Оп. 64. П. 516. Д. 18. Т. IV. Л. 66,69.
48. Там же. П. 515. Д. 17. Т. III. Л. 64.
49. Там же. Л. 50.
50. Там же. Оп. 65. П. 534. Д. 18. Л. 191.

51. Там же. Оп. 73. П. 585. Д. 16. Л. 5.
52. Там же. Оп. 74. П. 598. Д. 10. Л. 220.
53. Там же. Оп. 90. П. 702. Д. 17. Л. 33 об.
54. Там же. Оп. 91. П. 713. Д. 15. Л. 63 об.
55. Там же. Оп. 94. П. 738. Д. 10. Л. 49 об.
56. Там же. Оп. 97. П. 765. Д. 12. Л. 182 об.
57. Там же. Оп. 100. П. 789. Д. 12. Л. 19 об.
58. Там же. Оп. 104. П. 808. Д. 14. Л. 140.
59. Там же. Оп. 108. П. 821. Д. 15. Л. 25.
60. *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира, Симферополь, 2005. С. 201.

Использованные источники и литература

Неопубликованные источники

Архив внешней политики РФ

1. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 134.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 135.
3. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 22. Д. 246.
4. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 1. П. 101. Д. 2.
5. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 2. П. 101. Д. 1.
6. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 4. П. 101. Д. 3.
7. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 5. П. 102. Д. 2.
8. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 5. П. 102. Д. 5.
9. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 5. П. 102. Д. 7.
10. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 6. П. 103. Д. 5.
11. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 6. П. 103. Д. 6.
12. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 7. П. 105. Д. 6.
13. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 105. Д. 1.
14. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 5.
15. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 6.
16. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 8.
17. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9.
18. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 10.
19. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 107. Д. 11.
20. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 9. П. 107. Д. 5.
21. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 9. П. 108. Д. 7.
22. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 10. П. 109. Д. 5.
23. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 11. П. 14. Д. 3.
24. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 11. П. 109. Д. 4.
25. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 12. П. 110. Д. 4.
26. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 13. П. 16. Д. 3.
27. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 15. П. 112. Д. 2.
28. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 16. П. 112. Д. 2.
29. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 17. П. 112. Д. 2.
30. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 19. П. 113. Д. 4.
31. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 20. П. 27. Д. 11.
32. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 21. П. 115. Д. 4.
33. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 22. П. 116. Д. 5.
34. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 23. П. 118. Д. 6.
35. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 120. Д. 7.
36. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 120. Д. 8.
37. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 121. Д. 7.
38. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 24. П. 121. Д. 9.
39. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 25. П. 120. Д. 8.

40. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 25. П. 123. Д. 6.
41. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 25. П. 123. Д. 7.
42. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 25. П. 123. Д. 8.
43. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 26. П. 123. Д. 8.
44. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 26. П. 127. Д. 6.
45. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 26. П. 127. Д. 7.
46. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 26. П. 127. Д. 8.
47. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 27. П. 130. Д. 11.
48. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 27. П. 130. Д. 12.
49. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 27. П. 130. Д. 13.
50. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 31. П. 155. Д. 14.
51. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 31. П. 155. Д. 15.
52. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 31. П. 155. Д. 18.
53. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 31. П. 155. Д. 19.
54. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 31. П. 155. Д. 20.
55. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 346. П. 101. Д. 1.
56. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 36. П. 185. Д. 28.
57. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 37. П. 191. Д. 26.
58. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 41. П. 198. Д. 37.
59. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 42. П. 213. Д. 33.
60. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 42. П. 213. Д. 35.
61. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 57. П. 155. Д. 16.
62. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 57. П. 404. Д. 61.
63. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 60. П. 260. Д. 1.
64. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 25. П. 123. Д. 8.
65. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 95. Д. 5.
66. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 95. Д. 7.
67. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 95. Д. 8.
68. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 34. П. 169. Д. 21.
69. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 346. П. 101. Д. 1.
70. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 35. П. 102. Д. 6.
71. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 35. П. 174. Д. 13.
72. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 35. П. 175. Д. 13.
73. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 36. П. 185. Д. 28.
74. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 37. П. 134. Д. 38.
75. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 37 в. П. 134. Д. 38.
76. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 38. П. 145. Д. 11.
77. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 38. П. 196. Д. 10.
78. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 38а. П. 145. Д. 10.
79. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 38а. П. 148. Д. 31.
80. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 39. П. 183. Д. 111.
81. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 39. П. 183. Д. 112.
82. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 39. П. 183. Д. 113.
83. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 40. П. 209. Д. 11.
84. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 41. П. 198. Д. 34.
85. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 41. П. 198. Д. 35.
86. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 41. П. 198. Д. 36.
87. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 42. П. 213. Д. 32.
88. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 42. П. 213. Д. 33.
89. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 42. П. 213. Д. 34.
90. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 42. П. 213. Д. 35.
91. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 43. П. 223. Д. 9.
92. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 43. П. 227. Д. 40.
93. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 43. П. 233. Д. 9.
94. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 44. П. 227. Д. 5.

95. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 44. П. 243. Д. 45.
96. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 44. П. 243. Д. 46.
97. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 45. П. 230. Д. 4.
98. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 45. П. 230. Д. 5.
99. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 229. Д. 53.
100. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 279. Д. 52.
101. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 279. Д. 53.
102. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 279. Д. 54.
103. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 46. П. 279. Д. 55.
104. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 51. П. 322. Д. 56.
105. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 51. П. 323. Д. 58.
106. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 371. Д. 38.
107. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 51. П. 323. Д. 59.
108. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 371. Д. 98.
109. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 372. Д. 99.
110. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 372. Д. 100.
111. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 372. Д. 101.
112. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 373. Д. 105.
113. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 374. Д. 110.
114. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 54. П. 374. Д. 111.
115. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 403. Д. 59.
116. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 404. Д. 60.
117. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 404. Д. 61.
118. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 57. П. 410. Д. 92.
119. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 423. Д. 26.
120. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 423. Д. 27.
121. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 424. Д. 28.
122. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 424. Д. 29.
123. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 424. Д. 30.
124. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 425. Д. 32.
125. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 58. П. 2424. Д. 29.
126. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 59. П. 444. Д. 34.
127. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 59. П. 445. Д. 37.
128. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 59. П. 446. Д. 39.
129. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 60. П. 466. Д. 27.
130. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 60. П. 466. Д. 29.
131. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 60. П. 471. Д. 46.
132. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 63. П. 497. Д. 32.
133. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 63. П. 498. Д. 35.
134. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 63. П. 498. Д. 36.
135. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 63. П. 499. Д. 39.
136. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 63. П. 500. Д. 43.
137. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 64. П. 515. Д. 17.
138. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 64. П. 516. Д. 18.
139. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 64. П. 517. Д. 21.
140. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 65. П. 533. Д. 16.
141. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 65. П. 534. Д. 18.
142. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 73. П. 585. Д. 15.
143. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 73. П. 585. Д. 16.
144. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 74. П. 598. Д. 10.
145. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 78. П. 623. Д. 14.
146. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 79. П. 634. Д. 12.
147. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 79. П. 635. Д. 13.
148. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 82. П. 654. Д. 7.
149. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 82. П. 654. Д. 9.

150. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 84. П. 667. Д. 12.
151. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 90. П. 702. Д. 17.
152. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 91. П. 713. Д. 15.
153. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 93. П. 725. Д. 15.
154. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 94. П. 738. Д. 10.
155. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 95. П. 753. Д. 10.
156. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 97. П. 765. Д. 12.
157. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 100. П. 789. Д. 10.
158. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 100. П. 789. Д. 12.
159. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 104. П. 808. Д. 14.
160. АВП РФ. Ф. 57. Оп. 108. П. 821. Д. 15.

Опубликованные источники и литература

161. *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В., Журавлев В.В.* Человек в политике и политика в человеке. М., 2013.
162. *Великий Князь Гавриил Константинович.* М., 2001.
163. *Воскресенский АД.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
164. *Герцог Лирийский.* Записки о пребывании при Императорском Российском Дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
165. *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016.
166. *Дневник Императора Николая II. 1890–1906.* М., 1991.
167. *Донова К.В., Писарская Л.В.* Оружейная палата. М., 1957.
168. *Дымарский В.П.* Времена Хрущева. В людях, фактах и цифрах. М., 2014.
169. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996.
170. *Записки графа Сегюра // Россия XVIII в. глазами иностранцев.* Л., 1989.
171. *Захарова О.Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений. М., 2013.
172. *История внешней политики СССР: В 2 т. Т. 1 / 1917–1945.* М., 1976.
173. *История внешней политики СССР: В 2 т. Т. 2 / 1945–1976.* М., 1977.
174. *История дипломатии. [Сб.] / Сост. А. Лактионов.* М., 2009.
175. *История Отечества в лицах: Биографическая энциклопедия.* М., 1993.
176. *Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1. М., 2001.
177. *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2001.
178. *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004.
179. *Медведев Ж., Медведев Р.* Никита Хрущев. М., 2012.
180. *Медведев Р.* Политические портреты. Л. Брежнев, Ю. Андропов. М., 2014.
181. *Ненарокова И.С.* Государственные музеи Московского Кремля. М., 1992.
182. Основные положения государственной протокольной практики Российской Федерации. Указ президента Российской Федерации от 16 сентября 2004 г. № 1183. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stategovernor.admhmao.ru/upload/iblock/870/osnovnye_polozeniya_gosudarstvennoy_protokolkoy_praktiki_rossiyskoy_federatsii.doc (дата обращения 12.08.2016).
183. *Попов В.И.* Жизнь в Букингемском дворце. М., 1993.
184. *Риббентрон И.* Между Лондоном и Москвой. М., 1996.
185. *Рябцев Ю.С.* Хрестоматия по истории русской культуры, XI–XVIII вв. М., 1998.
186. *Сигачев Ю.В.* Новое об англо-советском сотрудничестве в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 28.
187. *Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг. Документы и материалы.* М., 1971.
188. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева... Мемуары. М., 1999.
189. *Суходрев В.М.* Язык мой – друг мой. М., 2008.
190. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. М., 1955.

191. *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь, 2005.

Примечания

1

Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 64–89; *Борщев А.Ф.* Дипломатический протокол в России. М., 2005. С. 150–163.

2

10 августа 1920 года в Севре, близ Парижа, состоялось подписание мирного договора между странами Антанты и Турции. Турция лишилась Сирии, Ливана, Палестины, Месопотамии, всех владений на Аравийском полуострове. Турция признала протекторат Англии над Египтом и Франции над Марокко и Тунисом.

3

На заседании рабочей подкомиссии по организации встречи афганского падишаха от 24 февраля 1928 года было принято решение поручить протокольному отделу НКВД совместно представить к следующему заседанию программу пребывания Амануллы-хана на 10 дней в Москве. По предварительной информации, падишах прибывает в Москву 3–5 мая и будет находиться в столице 7–10 дней, в Ленинграде – 4 дня, из Ленинграда он последует транзитом через Москву в Крым [51]. Протокольному отделу также поручалось составить программу пребывания падишаха в Ленинграде и Крыму.

4

В состав делегации входили: заведующий Политическим департаментом МИД, юрисконсульт, «редактор литовского официоза».

5

12 марта 1936 года был подписан протокол между СССР и МНР о взаимной помощи.

6

¹ Видимо, речь идет о переводчике с советской стороны на переговорах

7

августа.

8

3 июня 1941 года последовало заявление президента США Ф. Рузвельта о готовности американского правительства предоставить помощь СССР.

9

16 августа состоялось подписание советско-английского соглашения о торговле, кредите и клиринге.

10

25 августа состоялось вручение нот советского и английского правительства правительству Ирана о вводе советских и английских войск в Иран в связи с антисоветской деятельностью в этой стране германских агентов и создавшейся угрозой безопасности СССР.

11

12 июня опубликованы советско-английское и советско-американское коммюнике о договоренности открыть второй фронт в Европе в 1942 году.

12

Сведений о посещении СССР американскими или британскими военными миссиями с 27 сентября по 18 ноября 1942 года обнаружить не удалось.

13

Бредли сопровождали в поездке 6 офицеров и 3 сержанта.

14

Впоследствии НКВД сообщил Вышинскому, что в связи с тем, что остановка в Чите американцев маловероятна, специальные инструкции о порядке встречи пребывания в Чите официальных лиц давать нет необходимости. В каждом отдельном случае указания даются по телефону [76].

15

Почти все встречающие Черчилля 9 октября 1944 года были приглашены на завтрак в его честь 10 октября 1944 года в 14 часов 30 минут на Спиридоновку, 17.

16

В источнике перед фамилией председателя Временного правительства Французской Республики зачеркнуто слово «генерал».

17

Список лиц, сопровождавших де Голля в Москву: Ж. Бидо – министр иностранных дел, генерал Кельц – заместитель начальника Штаба национальной обороны, Де Жан – заведующий политическим департаментом, Марпантье – заведующий русским отделом, Шарбоньер – секретарь Бидо, Гастон Палевский – шеф гражданского кабинета де Голля, полковник Ранкурт – шеф военного кабинета де Голля, Шув – заведующий политическим отделом службы прессы, а также два адъютанта де Голля и переводчики [16].

18

В отличие от членов правительства большая часть фамилий представителей творческой элиты дается без инициалов.

19

В числе прибывших находился и Жарко Броз – сын Тито.

20

На балете «Дон Кихот» 9 сентября 1945 года в центральной ложе присутствовал А.Н. Косыгин с супругой, А.Я. Вышинский с супругой и дочерью и другие члены правительства, П. Гроза с дочерью.

21

Шах Ирана смотрел в ГАБТе «Бахчисарайский фонтан», в ложе – члены правительства. Перед началом спектакля были исполнены гимны двух стран, ложа украшена флагами.

22

Делегация насчитывала 49 человек (в том числе министра иностранных дел, первого заместителя председателя индонезийского парламента и т. д.).

23

В 1928 и 1959 годах королева посетила Конго, где два города носили ее имя (Элизабетвилль и Элизабета).

24

В 1962 году СССР также посетили: саудовский принц, мэр города Рияда Феид-Фейсань аль-Фархад, постоянный представитель Саудовской Аравии при ООН Ахмед Шукейра, вице-канцлер Австрийской Республики Питтерман [24].

25

Во время посещения ГАБТ, цирка, ВДНХ Субандрио не присутствовал, поездку в Ленинград не совершал.

26

Аэропорт украшен также портретами Н.С. Хрущева и Я. Кадара.

27

Ф. Кастро сопровождали: командующий артиллерией майор П. Мирет; командующий бронетанковыми войсками майор А. Сан Гамария; секретарь, личный врач В. Ортис; начальник охраны капитан Б. Перес Салагар; стенограф О.Т. Меса, офицер охраны С. Кастро, хозяйственник П. Янес, фотокорреспондент А.Д. Гутьеррес (Корда).

278

28

В скобках – место размещения в Москве.

29

Ляпис-лазурь – полудрагоценный камень синего цвета.

30

Цифрами указано количество предметов.

31

Каждый член югославской делегации получил по 2 банки зернистой икры, 10 бутылок шампанского, 5 бутылок водки и 20 пачек папирос.

32

25 января 1950 года А.Я. Вышинскому передали просьбу Чжоу Энляя подобрать для него следующую литературу: дипломатический словарь, «Историю дипломатии» в трех томах; речи и доклады глав советских делегаций на Генеральной Ассамблее ООН [80].

33

В 1969 году по материалам досье Протокольного отдела была составлена справка о награждении орденами и медалями советских государственных деятелей.

А.И. Микоян – орден Сухэ-Батора (1946), медаль «XXV лет МНР» (1946).

К.Е. Ворошилов — орден Сухэ-Батора (1946), медаль «XXV лет МНР» (1946), орден Белой розы Финляндии (1955), Камбоджийский орден (1956), Большой крест ордена Венгерской Республики и орден Свободы I степени.

Л.И. Брежнев – орден Большой Югославской звезды (1962), орден Сухэ-Батора (1966), орден Белого льва (ЧССР, дата не указана), высший орден «Звезда Республики» (Индонезия, дата не указана) (АВП РФ. Ф. 57. Оп. 68. П. 565. Д. 12. Л. 48).

34

В первые послевоенные годы были созданы специальные подарочные фонды при Управлении делами ЦК КПСС и правительства, а также в Министерстве иностранных дел.

35

В фондах АВП РФ и ГАРФ начиная с 1964 года не удалось обнаружить источников с информацией о подарках советским партийным и государственным деятелям.

36

Два раза (2 февраля 1943 и 7 июля 1945 года) обеды давались в честь делегации МНР, которая вступила в войну против Японии 10 августа 1945 года.